
Т. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА XVIII
ДБ 200
Г-61
ШКАФ
ФЕДОРЪ ГОЛОВКИНЪ
ДВОРЪ И ЦАРСТВОВАНІЕ
ПАВЛА I
ПОРТРЕТЫ, ВОСПОМИНАНІЯ
И
АНЕКДОТЫ
КН-ИЗД. „СФИНКСЪ“

«Двор и царствование
Павла I»

Графъ Федоръ Головкинъ.

„Историческая Библіотека Сфинкса".

Томъ XVIII.

1912.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СФИНКСЪ

Предисловіе.

Для любителей живописной природы окрестности Лозанны скрываютъ много пріятныхъ сюрпризовъ: то очаровательныя мѣста, гдѣ озеро своею голубою поверхностью весело отражаетъ свѣтъ; то селенія, ютящіяся въ тѣни стройныхъ колоколенъ или вѣковыхъ каштановъ; то, наконецъ, замки, гнѣздящіеся на горахъ, какъ свидѣтели давно минувшихъ вѣковъ. Въ числѣ послѣднихъ самое почетное мѣсто занимаетъ замокъ Вюффланъ. Его исторія находится въ связи съ благороднымъ и храбрымъ родомъ Сенарклановъ, пріобрѣвшихъ извѣстность, благодаря легендѣ и роману.

Привлекаемый свѣжестью и спокойствіемъ этого благодатнаго уголка Ваатланда, я много разъ поднимался по пыльнымъ дорогамъ, извивающимся среди виноградниковъ. Подъемъ—довольно трудный, особенно, когда сѣрыя стѣны изгородей отражаютъ томительную жару; но достигнувъ цѣли, вы все это забываете и всецѣло предаетесь восхищенію несравненнымъ видомъ. Тамъ раскрывается обширная

картина, величественная и стройная, и каждую минуту вы открываете все новыя красоты.

Отъ ослѣпляющаго блеска озера ваши взоры съ наслажденіемъ переходятъ къ окаймляющимъ его снѣговымъ вершинамъ Альпъ; на горизонтѣ темными очертаніями лѣсовъ вырисовывается на свѣтломъ небѣ Юра, а налѣво, на разстояніи, смягчающемъ грѣхи современнаго строительства противъ здраваго смысла архитектуры, выдѣляется городъ Лозанна, возвышающійся на послѣднихъ склонахъ Жора.

На первомъ планѣ, изъ темной зелени виноградниковъ выглядываетъ маленькій городокъ Моржъ, кокетливо отражаясь въ голубой водѣ озера.

Отъ этой первой возвышенности можно въ четверть часа дойти до деревни Монна, господствующей надъ глубокимъ оврагомъ, покрывающимся весною жонкилями.

Отсюда замокъ Вюффланъ производитъ сильное впечатлѣніе: его зубчатыя, съ вышками, стѣны, его огромная башня, словомъ — все въ этомъ почтенномъ памятникѣ старины, какъ-будто на зло разрушающему дѣйствію времени, разсказываетъ намъ о воинственной эпохѣ рыцарства. Углубляясь съ удовольствіемъ въ созерцаніе этой картины, нельзя, однако, не замѣтить другого, возвышающагося вблизи хорошенькой деревни Монна, замка болѣе скромнаго и, можетъ быть, менѣе извѣстнаго, чѣмъ его величественный сосѣдъ.

Замки, выстроенные въ эпоху владычества Берна, носятъ на себѣ отпечатокъ какой-то сельской простоты. Ихъ отвѣсныя, покрытыя красными черепицами крыши, ихъ стройныя башенки и окна съ зелеными ставнями — все въ нихъ очаровываетъ и привлекаетъ васъ своею уютною привѣтливостью.

Огромные вязы и каштаны скрываютъ замокъ отъ нескромныхъ взглядовъ и придаютъ ему видъ пристанища тихаго счастья, куда не доходятъ шумъ и движенiе городовъ.

Такое впечатлѣнiе производитъ замокъ Монна.

Однажды, когда любезный владѣлецъ этого замка принялъ меня у себя, я за бесѣдой съ нимъ замѣтилъ, что въ числѣ портретовъ его предковъ, покрывающихъ стѣны, находилось нѣсколько представителей знаменитаго русскаго рода графовъ Головкиныхъ: канцлеръ Петра Великаго, а также умный и веселый графъ Федоръ, россiйскiй посланникъ въ Неаполѣ, и почтенная герцогиня Ноайль, вдова графа Александра Головкина.

Съ величайшею предупредительностью г. де-Ф—мъ объяснилъ мнѣ эту загадку. Онъ разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ великiй канцлеръ Петра I приходится однимъ изъ его предковъ и какъ цѣнныя семейныя воспоминанiя, вмѣстѣ съ частью архива графовъ Головкиныхъ, нашли себѣ постоянное и безопасное мѣсто въ замкѣ Монна. Они тамъ хранятся уже почти сто пятьдесятъ лѣтъ, оставаясь неизвѣстными большой публикѣ и даже любителямъ.

Одинъ только женевскій писатель, Люсьенъ Перей, съ разрѣшенія владѣльца этихъ интересныхъ документовъ, напечаталъ нѣкоторыя выдержки изъ нихъ.

Я позволю себѣ здѣсь высказать мою глубокую благодарность г. Ф., теперешнему владѣльцу замка Монна, за то, что онъ благосклонно раскрылъ свой архивъ также и для меня.

Его любезность сначала дала мнѣ возможность выяснить нѣкоторыя темныя стороны исторіи его предковъ въ Россіи и представить затѣмъ читателямъ *„Мемуары“* графа Федора Головкина съ краткимъ очеркомъ исторіи его рода.

Чтобы довести до конца взятую на себя задачу, я былъ такъ счастливъ пріобрѣсти благонадежнаго и вѣрнаго совѣтчика въ лицѣ г. профессора Леонса Пэнго [1]) изъ Безансона. Благодаря его неисчерпаемой любезности, я могъ прибавить еще другіе важные матеріалы къ собраннымъ мною въ Монна.

Не менѣе важное значеніе для меня имѣло сотрудничество г. Фондэ де-Монтюссэна [2]), который подѣлился со мною своими изслѣдованіями въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ и которому я обязанъ депешами, бросающими своими странностями свѣтъ на необычайные пріемы дипломата Головкина.

Наконецъ, я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ поблагодарить г. профессора Ф. А. Фореля въ Мор-

[1]) Leonce Pingaud.
[2]) Fondet de Montussaint.

жѣ. Документы, которые онъ такъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе, не менѣе сообщенныхъ мн̆ съ такою же предупредительностью, г. Эмилемъ дю-Плесси въ Лозаннѣ,—способствовали выполненію моей задачи.

Еще одно слово по поводу портретовъ. Оригиналы портретовъ графа Федора и графа Юрія Головкиныхъ находятся въ Монна. Силуэтъ Екатерины II, вырѣзанный Станиславомъ-Августомъ, королемъ польскимъ, взятъ изъ альбома автора „Мемуаровъ", такъ же какъ и портретъ г-жи Нарышкиной, нѣкогда столь извѣстной милостями, расточаемыми для нея ея царственнымъ поклонникомъ.

Эта книжка отчасти содержитъ весьма любопытныя воспоминанія, изъ коихъ характерный образъ князя Потемкина занимаетъ первое мѣсто. Его весьма удачный портретъ набросанъ графиней Головиной, урожденной Голицыной, авторомъ интересныхъ „Мемуаровъ" [1]), которая обладала замѣчательнымъ талантомъ рисовать портреты. Она, въ 1790 г., провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Яссахъ, главной квартирѣ князя Потемкина, и видѣла его тамъ, среди блестящей свиты, расточавшаго свои ласки „прелестной Фанаріоткѣ", г-жѣ де-Виттъ. „Князь обыкновенно наряжается въ кафтанъ, обшитый соболемъ", — такъ она его описываетъ въ своихъ „Мемуарахъ" и въ такомъ же видѣ изобразила его на портретѣ.

---

[1]) „Истор. Библ. Сфинкса" т. I. Мемуары графини Головиной Ц. 2 р.

ГЛАВА I.

Великій канцлеръ.

Бояре.—Первые шаги будущаго канцлера.—Его родство съ Петромъ Великимъ.—Опредѣленіе на службу при опочивальнѣ Ея Величества царицы.—Дальнѣйшая карьера.—Характеръ Головкина.—Первый россійскій „графъ". — Русская аристократія. — Интимныя черты. — Оргіи Петра I.—Роль, которую игралъ въ нихъ великій канцлеръ.

Первый Головкинъ, образъ котораго выступаетъ въ новѣйшей исторіи Россіи, былъ современникомъ Петра I; это Гаврила Ивановичъ, канцлеръ царскаго реформатора. Его предки не безызвѣстны русской генеалогіи [1]); но интересъ, который могли бы внушить бояре московскаго періода испытующему уму современнаго ученаго, нельзя назвать историческимъ, ибо ихъ индивидуальность слабо очерчена, благодаря отсутствію въ ихъ жизни принциповъ, нѣкогда столь дорогихъ рыцарству запада, а именно — сознанія чести [2]) и свободы. Ихъ главнѣйшая добродѣтель заключалась въ послушаніи и въ изреченіяхъ: „Безъ вины виноватъ", „Богу и царю все

---

[1]) Имя Головкиныхъ впервые появляется на Земскомъ Соборѣ 1598 г. при избраніи Годунова на московскій престолъ. На этомъ Соборѣ, среди духовенства, присутствовалъ также Евстахій Головкинъ, инокъ св. Сергіевской Лавры. Его племянникъ, Родіонъ Дмитріевичъ, имѣлъ двухъ сыновей: Симеона, родоначальника графской линіи, угасшей въ 1846 г., и Луку, родоначальника линіи не титулованной и существующей по сей часъ. См. *Петръ Долгоруковъ, Мемуары*, т. I стр. 16.

[2]) Мы отнюдь не думаемъ усомниться въ честности русскихъ, а говоримъ лишь о сознаніи чести (point d'honneur).

возможно“ и „Бить, но доволенъ“ [1]).

Есть основаніе думать, что предки Гаврилы Головкина ни въ чемъ не отличались отъ другихъ московскихъ бояръ. Подобно ихъ собратьямъ, они наряжались въ большія собольи шапки и восточные кафтаны, полы которыхъ живописно распахивались отъ леденящихъ сѣверныхъ вѣтровъ; и подобно же имъ, они подобострастно простирались передъ царемъ и били челомъ объ полъ, а когда представлялся случай или надобность въ подачѣ высшему начальству челобитной, они учиняли на ней уничижительную подпись [2]). Наконецъ, они, какъ и всѣ остальные, называли себя безъ вины виноватыми, находили, что Богу и царю все возможно, позволяли себя бить и были довольны!

Случайное обстоятельство способствовало, однако, возвышенію Головкина среди окружавшей престолъ толпы. Нѣкій Иванъ Раевскій отдалъ свою дочь за Симеона Родіоновича Головкина; ея сестра Прасковья, благодаря браку своей дочери съ Кирилой Нарышкинымъ, стала бабкой Петра I [3]).

---

[1]) Слова Александра Александровича Головкина, камергера Фридриха Великаго, приведенныя *Леонсомъ Пэнго* (Léonce Pingaud) въ его сочиненіи *„Les Fransais en Russie et les Russes en France“* стр. 111.

[2]) Этотъ патріархальный обычай отмѣненъ указомъ Петра I.

[3]) **Таблица I.**

Иванъ Раевскій.

Акулина Раевская. —Симеонъ Родіоновичъ Головкинъ.	Прасковья Раевская. —Левъ Леонтьевъ.
|	|
Иванъ Головкинъ (бояринъ съ 1692 г.). —Марья Васильевна Лихарева.	Анна Леонтьева. —Кирила Нарышкинъ.
|	|
Гаврила Головкинъ (канцлеръ) 1660—1734 г. —Домна Андреевна Дивова.	Наталія Нарышкина. —Царь Алексѣй Михайловичъ 1645—1676 г.
Иванъ, Александръ, Михаилъ Головкины.	Петръ I.

Головкины.

Такимъ образомъ, у реформатора Россіи и у Гаврилы Ивановича Головкина былъ одинъ и тотъ же прадѣдъ.

Въ нынѣшнія времена такое родство быстро забывается, но тогда воспоминанія о немъ заботливо сохранялись въ праздной атмосферѣ терема [1]), гдѣ тяжелый, переполненный благовонными, духами воздухъ и таинственный полусвѣтъ особливо способствовали болтовнѣ старыхъ кумушекъ, этихъ хранительницъ преданій старины. Благодаря этимъ традиціямъ Гаврила Головкинъ началъ свою карьеру въ должности „спальника“ или камергера, состоящаго при опочивальнѣ Ея царскаго Величества, положеніе, считавшееся въ доброе старое время царя Федора Алексѣевича весьма завиднымъ, ибо тотъ, кто его занималъ, жилъ въ постоянномъ общеніи съ главою государства. Повидимому, служба Гаврилы Ивановича пользовалась одобреніемъ, такъ какъ его, немного спустя, повысили на должность „постельника“ [2]), т. е. такого камергера, къ обязанности котораго относилась главнымъ образомъ забота о содержаніи въ чистотѣ и опрятности царскаго ложа.

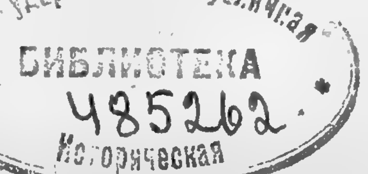
Все это совершенно измѣнилось съ воцареніемъ Петра I. Азіатскій этикетъ долженъ былъ уступить европейскимъ нравамъ. Впрочемъ, молодой и энергичный государь мало заботился о чистотѣ своего ложа. Парадной постели онъ предпочиталъ медвѣжью шкуру, а во время похода, когда ему приходилось отдыхать, онъ заставлялъ одного изъ своихъ денщиковъ лечь на землю и клалъ свою голову на его животъ, вмѣсто подушки. Для такого выбора надо было обладать молодостью и хорошимъ пищевареніемъ, ибо при малѣйшемъ движеніи денщика царь вскакивалъ и билъ его немилосердно [3]).

Такимъ образомъ, неумѣнью своему наводить порядокъ

[1]) Помѣщеніе, предоставленное обитательницамъ женской половины царскаго двора.

[2]) *Бонтышъ Каменскій. «Геройскіе подвиги знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра Великаго.* Первое примѣчаніе къ статьѣ о Головкинѣ I, стр. 173.

[3]) *Шерефъ*, т. II, стр. 81—ссылка у *Валишевскаго, Петръ Великій.*

въ царской опочивальнѣ, Головкинъ былъ обязанъ повышеніемъ на важное мѣсто государственнаго канцлера. Будучи самъ очень трудолюбивъ, Петръ цѣнилъ хорошихъ работниковъ, а Гаврила Головкинъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу ихъ. Устанавливая дипломатическія сношенія съ Западной Европой, Петру пришлось создавать все изъ ничего. Я не стану приводить многочисленныхъ договоровъ, заключенныхъ канцлеромъ. Это значило бы утомлять читателя перечнемъ пергаментовъ, не представляющихъ болѣе интереса — съ тѣхъ поръ, какъ границы Россійской Имперіи достигли съ одной стороны Вислы, а съ другой Тихаго Океана.

Одинъ заслуженный историкъ, обогатившій нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскую литературу капитальнымъ сочиненіемъ о Петрѣ I, ставитъ Головкина въ одинъ рядъ съ „второстепенными сотрудниками“ Петра. Я сомнѣваюсь, можетъ ли подобная классификація быть оправдана историческими фактами! Имѣетъ ли Петръ I, вообще, „первостепенныхъ“ сотрудниковъ? — Въ этомъ я тоже сомнѣваюсь.

Конечно, никто изъ приближенныхъ Петра I не имѣлъ мужества настаивать на необходимости нравственной реформы, потому что никто самъ не чувствовалъ этой необходимости[1]. Къ несчастью, и Головкинъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Но въ моихъ глазахъ его возвышаетъ надъ остальными приближенными царя то, что онъ не злоупотреблялъ своимъ

---

[1]) Единственный человѣкъ, который, можетъ быть, осмѣлился говорить Петру о нравственной реформѣ его народа, былъ *Джильбертъ Бэрнетъ,* епископъ Сольберійскій. Этотъ замѣчательный человѣкъ разсказываетъ въ своихъ *„Мемуарахъ“*, что ему въ 1699 г., во время посѣщенія Англіи Петромъ I, было поручено давать царю о религіи и конституціи англичанъ всѣ тѣ разъясненія, которыя онъ захочетъ имѣть. „Онъ пожелалъ,— говоритъ Бэрнетъ,— ознакомиться съ нашей религіей, *но повидимому не былъ расположенъ улучшить положеніе дѣлъ у себя, въ Московіи...* У него много вкуса къ механикѣ и онъ, кажется, природой болѣе предназначенъ быть корабельнымъ плотникомъ, нежели великимъ государемъ“.

положенiемъ, какъ Меншиковъ, Ушковъ, Толстой, Ромодановскiй и столько другихъ. И я надѣюсь, что въ тотъ день, когда Петръ I и его сподвижники предстанутъ передъ Страшнымъ Судомъ, отъ котораго никто не можетъ укрыться и на которомъ придирки и отговорки не будутъ приняты въ расчетъ[1],— Гаврила Головкинъ окажется въ числѣ тѣхъ, чьи поднятыя къ Всевышнему руки не будутъ обагрены кровью невинныхъ жертвъ!

Одно обстоятельство въ жизни Гаврилы Головкина заслуживаетъ особаго вниманiя. Онъ былъ *первый россiйскiй графъ*[2]) Это достоинство было ему пожаловано Петромъ I въ 1709 г., спустя два года послѣ того, какъ онъ былъ произведенъ въ графы Священной Римской Имперiи.

Два столѣтiя прошли съ тѣхъ поръ, какъ была сдѣлана попытка привить русскимъ нравамъ это западное учрежденiе[3]), но ея успѣхъ ограничился лишь установленiемъ внѣшнихъ формъ. Нормальное развитiе сильной родовой аристократiи сдѣлалось невозможнымъ вслѣдствiе того, что эта аристократiя

---

[1]) Слова князя Августина Голицына во введенiи къ его книгѣ „La Russie au dix-huitième Siecle“, Парижъ 1863 г.

[2]) Т.-е. первый россiйскiй графъ, который, въ то же время носилъ титулъ графа Священной Римской Имперiи.

[3]) Здѣсь авторъ, повидимому, подразумѣваетъ учрежденiе въ Россiи титуловъ барона, графа и „свѣтлѣйшаго“ князя. Но онъ при этомъ забываетъ, съ одной стороны, что русская родовая аристократiя, т.-е. какъ титулованное дворянство, происходящее отъ древнихъ удѣльныхъ князей, такъ и „столбовое“ дворянство, которое главнымъ образомъ состоитъ изъ потомковъ бояръ, гораздо старше этого „западнаго учрежденiя“ и не имѣетъ ничего общаго съ попытками русскихъ государей создать новое служилое, титулованное и нетитулованное дворянство въ противовѣсъ старому родовому. Съ другой стороны, и на Западѣ, а именно во Францiи при Наполеонѣ I и III, и въ Англiи еще во времена Генриха VIII, значительная часть аристократiи создалась изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, нижнихъ чиновъ, приказчиковъ и подмастерьевъ, такъ что и тамъ далеко не всѣ князья и графы отличаются родовитостью происхожденiя.

Прим. перев.

постоянно выростала отъ прибавленія къ ней новыхъ членовъ, вышедшихъ изъ подонковъ общества.

Петръ I возвелъ въ императрицы простую крестьянку легкаго поведенія, а „князь“ Меншиковъ, бывшій подмастерье булочника, сталъ первымъ сановникомъ имперіи. То же самое повторяется при наслѣдникахъ Петра: Биронъ, внукъ конюха, кончилъ свою жизнь герцогомъ Курляндскимъ; графы Разумовскіе, въ своей молодости, пасли въ деревнѣ скотъ. Графъ Кутайсовъ, своею ловкостью въ бритьѣ, пріобрѣлъ расположеніе Павла I, того же самаго, который однажды произнесъ азіатскую аксіому: „Я въ своемъ государствѣ не признаю другихъ вельможъ, кромѣ тѣхъ, которымъ я дѣлаю честь своею милостью, и лишь на то время, пока я имъ дѣлаю эту честь“. Наконецъ, въ царствованіе Николая I Перовскій[1]) и Орловъ[2]) играли выдающуюся роль. Хотя ихъ происхожденіе было далеко не изъ знатныхъ, но они были возведены въ графское и княжеское достоинство и стали приближенными самодержца.

Тѣмъ не менѣе, было бы большою ошибкою приписать неуспѣхъ аристократіи въ Россіи исключительно неудачнымъ мѣрамъ русскихъ государей и надо полагать, что ихъ попыткамъ привить русскимъ нравамъ понятія феодализма препятствовалъ демократическій, въ сущности, духъ славянъ.

Недостатокъ серьезныхъ матеріаловъ для нравственной характеристики Гаврилы Головкина придаетъ нѣкоторое значеніе замѣткѣ, находящейся въ дневникѣ гольштинскаго посланника Берхольца[3]), которая сама по себѣ не представляетъ особеннаго интереса: „Великій канцлеръ, — разсказываетъ намъ, въ день 5-го іюля 1721 г., этотъ внимательный наблюдатель рус-

---

[1]) Побочный сынъ Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. См. „*Руская Родословная Книга*“ князя *Лобанова-Ростовскаго*, т. II, стр. 85.

[2]) Алексѣй Федоровичъ Орловъ, грозный шефъ жандармовъ (1788—1861 г.) былъ побочнымъ сыномъ Федора Григорьевича Орлова, брата Григорія и Алексѣя Орловыхъ.

[3]) *Büschings Magazin*, т. XIX, стр. 65.

скихъ нравовъ,—лично встрѣтилъ Его Высочество (герцога Голштинскаго) на лѣстницѣ, передъ входомъ, и ввелъ его въ комнату, наиболѣе цѣнное украшеніе которой состояло въ огромномъ свѣтлорусомъ парикѣ. Этотъ предметъ висѣлъ, въ видѣ украшенія, на одной изъ стѣнъ, такъ какъ, будучи чрезвычайно скупымъ, онъ (т.-е. Головкинъ) никогда не надѣваетъ его; кажется, что этотъ парикъ ему привезъ его сынъ изъ-за границы, вопреки его желанію, или что онъ былъ ему поднесенъ кѣмъ-нибудь другимъ, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, онъ не былъ достаточно богатъ, чтобы купить себѣ подобную вещь, а тѣмъ менѣе—портить ее ежедневнымъ ношеніемъ. Головкинъ—высокій, очень худой, человѣкъ, одѣвающійся какъ можно хуже, почти какъ лицо низшаго сословія; онъ чаще всего носитъ старый костюмъ сѣраго цвѣта. Можно бы еще много разсказать про его скаредность и, если онъ не превосходитъ „Скупца" во французской комедіи, то, во всякомъ случаѣ, можетъ съ нимъ сравниться. У него старуха жена, которая еще скупѣе его!"

Нѣкоторыя разбросанныя свѣдѣнія о жизни великаго канцлера содержатся также въ неизданныхъ документахъ его правнука, графа Федора Головкина. „Въ повторявшихся часто оргіяхъ Петра I, его великій канцлеръ игралъ большую роль,—разсказываетъ намъ графъ Федоръ.—Объ этой части исторіи трудно говорить, не нарушая приличія, но она слишкомъ интересна, чтобы совсѣмъ обойти ее молчаніемъ. Регламентъ этихъ оргій[1]) требовалъ, чтобы вокругъ стола проносили живое изображеніе бога садовъ и никто изъ вельможъ не оказался болѣе подходящимъ для этого, какъ мой прадѣдъ. Въ тотъ моментъ, когда процессія трогалась съ мѣста, двѣ дамы, изъ коихъ одна всегда была г-жа Чернышева[2]), мать двухъ фельд-

---

[1]) Графъ Федоръ здѣсь, очевидно, говоритъ о „Всепьянѣйшемъ Соборѣ" или Совѣтѣ величайшихъ пьяницъ, членами коего состояли всѣ приближенные Петра I. См. Семевскій „Слово и Дѣло", стр. 282.

[2]) Графиня Евдокія Ивановна Чернышева, урожденная Ржевская, возлюбленная Петра. Ихъ связь продолжалась и послѣ ея выхода за-

маршаловъ, брали обѣими руками большое золотое блюдо, на которое великій канцлеръ клалъ необходимые аттрибуты божества, послѣ чего начиналось шествіе, съ пѣніемъ подходящихъ къ случаю гимновъ и возліяніемъ меда. . . . .
. . . .

Эти нравы были очень грубы, но они не были русскаго происхожденія и вызывали поэтому большое негодованіе въ народѣ. Реформаторъ, находя національное пьянство слишкомъ грубымъ, замѣнилъ его другимъ, древнегерманскаго происхожеднія, съ которымъ онъ ознакомился, во всей его омерзительности, при посѣщеніи за границей верфей и кабаковъ и которое онъ еще пересолилъ. Введеніе въ Россіи подобныхъ сатурналій онъ считалъ началомъ цивилизаціи!“...

Подобно старому памятнику монархіи, созданной заново Петромъ I, графъ Головкинъ сохранилъ, въ царствованія Екатерины I и Анны Іоанновны, до самой своей смерти если не власть, то по крайней мѣрѣ внѣшнее положеніе перваго министра, пользуясь благопріятными обстоятельствами для того, чтобы пріобрѣсти огромное состояніе [1]. Онъ умеръ въ 1734 г., не испытавъ горя быть свидѣтелемъ несчастья своихъ дѣтей.

мужъ за Чернышева. Петръ I умеръ отъ осложненія пузырнаго песка съ болѣзнью, причинившею смерть Франциска I, короля Франціи. Нѣкоторые утверждаютъ, что виновницей этой болѣзни была г-жа Чернышева.

[1]) Родившиеь сыномъ бѣднаго дворянина, владѣвшаго въ Алексинскомъ уѣздѣ всего пятью семействами крѣпостныхъ, Головкинъ достигъ графскаго достоинства двухъ имперій, Германской и Россійской, и сдѣлался владѣльцемъ *двадцати пяти тысячъ* крестьянъ. См. *Петръ Долгоруковъ, Мемуары* т. I стр. 16.

ГЛАВА II.

Дѣти великаго канцлера.

Графъ Иванъ.—Онъ ведетъ скромную жизнь въ тѣни царскаго двора.—Петръ I велитъ повѣсить сенатора Гагарина, тестя графа Ивана.—Мѣсто установки и необыкновенная высота висѣлицы.—Алексѣй Гавриловичъ, внукъ Ивана,—коллекціонеръ рѣдкостей.—Въ 1812 г. Московскій музей превращается въ пепелъ.—Графъ Михаилъ, канцлеръ Ивана VI.—Его блестящая свадьба и карьера.—Катастрофа.—Одиссея въ Сибири.—Супружеская привязанность графини Головкиной.—Возвращеніе графини.—Ея жизнь въ Москвѣ.—Дочери канцлера Гаврилы Ивановича.—Трагическая судьба Анны Бестужевой.

Иванъ, старшій сынъ канцлера, поступилъ на дипломатическую службу и занималъ нѣкоторое время мѣсто русскаго посланника въ Гагѣ.

Какъ человѣкъ посредственныхъ дарованій, онъ давно былъ бы забытъ въ Россіи, если бы его имя не приводилось коегдѣ въ біографіяхъ Тредьяковскаго, русскаго поэта, лишеннаго большого таланта, но еще не забытаго, благодаря тому, что въ его время поэты встрѣчались въ Россіи весьма рѣдко. Тредьяковскій, сынъ бѣднаго попа, возымѣлъ необыкновенную въ то время мысль учиться за границей. Въ Голландіи онъ нашелъ пріютъ въ гостепріимномъ домѣ русскаго посланника Головкина и провелъ тамъ цѣлый годъ. Это почти все, что мы знаемъ о частной жизни Ивана Гавриловича, и надо полагать, что она не отличалась романтизмомъ, если вѣрить графу Федору, который выражается весьма лаконически на счетъ

своего двоюроднаго дяди и, вмѣсто всякой біографіи, только въ нѣсколькихъ словахъ говоритъ о немъ, что „онъ велъ скромный образъ жизни въ тѣни Двора“.

Этотъ скромный образъ жизни былъ, однако, потрясенъ громовымъ ударомъ, поразившимъ его родныхъ. Его тесть, князь Гагаринъ, Сибирскій губернаторъ, обвинявшійся въ разныхъ служебныхъ злоупотребленіяхъ, долженъ былъ, лѣтомъ 1721 г., предстать передъ судомъ. „Его семь разъ подвергали пыткѣ, но не могли добиться отъ него признанія вины. Наконецъ, его присудили къ повѣшенію, противъ Сената [1]), на болѣе высокой висѣлицѣ, чѣмъ обычно полагалось, такъ какъ, будучи губернаторомъ, онъ въ то же время былъ сенаторомъ. Тѣло князя было оставлено на висѣлицѣ, но сенаторы, крайне смущенные имѣть его, во время засѣданій, передъ глазами, неоднократно входили къ Петру съ представленіями, умоляя его распорядиться о снятіи тѣла и указывая на то, что присутствіе его унижаетъ въ глазахъ народа ихъ почтенное учрежденіе, вызываетъ къ нимъ презрѣніе тѣхъ, кого они призваны судить, и подрываетъ подобающее имъ послушаніе. Наконецъ, Петръ, которому эти ходатайства надоѣли, приказалъ убрать тѣло и повѣсить его на обыкновенной висѣлицѣ“.

Внукъ Ивана — Алексѣй Гавриловичъ Головкинъ — былъ послѣднимъ представителемъ этой, такъ назыв. русской вѣтви Головкиныхъ. „Онъ не пожелалъ жениться—говоритъ о немъ графъ Федоръ—также какъ и его сестра Елисавета не вышла замужъ, и, затративъ всѣ свои богатства на покупку картинъ, камней, статуй, минераловъ и тысячи различныхъ рѣдкостей [2]), былъ свидѣтелемъ, какъ при занятіи Москвы фран-

---

[1]) Т-е. противъ зданія, въ которомъ засѣдаетъ Сенатъ.

[2]) Можетъ быть это была черта атавизма: когда Фридрихъ Вильгельмъ I взошелъ на престолъ, канцлеръ Гаврила Ивановичъ совѣтовалъ Петру I пригласить изъ Берлина разныхъ артистовъ. См. *Соловьевъ*, т. XVII стр. 12.

цузами, его музей, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ то время, превратился въ пепелъ [1]). Онъ самъ сошелъ со сцены этого міра въ 1823 г. вслѣдствіе недостатка средствъ къ продолженію подобающаго его положенію образа жизни. Вмѣстѣ съ нимъ прекратилась только что зацвѣтшая вѣтвь его рода, и исчезли огромныя богатства, выпавшія на его долю“.

Александръ (1689—1760), второй сынъ канцлера, сдѣлался родоначальникомъ второй, такъ назыв. заграничной, вѣтви Головкиныхъ. О немъ будетъ рѣчь въ третьей главѣ.

Трагическая участь постигла младшаго сына великаго канцлера, Михаила (1701—1755). Благодаря своему браку съ Екатериной Ивановной Ромодановской, дочерью „князя-кесаря“, Федора Юрьевича, онъ, казалось, обезпечилъ себѣ блестящую карьеру и огромное состояніе. Михаилъ Головкинъ вступилъ въ жизнь съ необыкновеннымъ блескомъ. Царь удостоилъ его, какъ своего любимца, чести личнаго своего участія въ устройствѣ его свадьбы и такъ добросовѣстно взялся за это дѣло, что подъ вечеръ всѣ приглашенные, не исключая самихъ новобрачныхъ, уже не были въ состояніи удержаться на ногахъ [2]).

Карьера Михаила Головкина, при преемникахъ Петра I, становилась менѣе быстрой, чѣмъ можно было ожидать по ея началамъ. Подъ руководствомъ своего отца, стараго и хитраго канцлера, Михаилу удалось избѣжать отмели и подводные камни, которые въ царствованіе Екатерины I угрожали всѣмъ приверженцамъ старо-русской партіи, враждебной Меншикову. Восшествіе на престолъ Петра II, а затѣмъ императрицы

---

[1]) Не знаю, удалось ли ему спасти кое-что изъ рѣдкихъ вещей, находившихся въ музеѣ; но я видѣла не мало прелестныхъ предметовъ, валявшихся на полу, разбитыхъ и разбросанныхъ. См. *Louise Fusil, Souvenirs d'une actrice*, стр. 265.

[2]) Bergholz *Büschings Magazin* т. XX, стр. 463.

Анны, двоюродной сестры его жены [1]), избавило его отъ всякихъ заботъ, но, вслѣдствіе его легкомысленнаго характера, не дало ему также такого политическаго положенія, какое въ Россіи такъ часто предшествуетъ быстрому паденію. Тѣмъ не менѣе, во время регентства Анны Леопольдовны честолюбіе побудило его принять должность вице-канцлера императора-ребенка Іоанна Антоновича. Это было его несчастьемъ. За произведеннымъ Минихомъ, ночью, государственнымъ переворотомъ послѣдовалъ другой переворотъ, учиненный Елисаветой. Минихъ, Остерманъ, Левенвольде и Головкинъ сдѣлались его жертвами и Сибирь была ихъ участью.

Я не буду повторять историческихъ данныхъ, приводимыхъ Гельбигомъ [2]), княземъ Яковомъ Петровичемъ Шахов-

---

1)

Таблица II.

Салтыковы, Романовы и Ромодановскіе.

Федоръ Салтыковъ.

Анастасья Салтыкова. —Иванъ Ромодановскій. | Екатерина Ромодановская (1701—1791 г.). —Михаилъ Головкинъ.	Прасковья Салтыкова. —Царь Иванъ Алексѣевичъ (1682—1696).

Дети Прасковьи Салтыковой и царя Ивана Алексѣевича:

Екатерина. —Карлъ Леопольдъ, Герцогъ Мекленбургъ- Шверинскій. | Анна Леопольдовна, правительница съ 9 нояб. 1740 по 26 нояб. 1741 г. —Антонъ Ульрихъ, герцогъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій. | Иванъ VI Антоновичъ, Императоръ Всероссійскій съ 17 окт. 1740 по 26 нояб. 1741 г., убитъ въ Шлиссельбургѣ 16 іюля 1764 г.	Анна I Императрица (1730—1740 г.).

2) *Helbig, Russische Günstlinge.*

скимъ [1]), саксонскимъ посланникомъ Пецольдомъ и многими другими объ этой катастрофѣ. Они слишкомъ хорошо извѣстны не только ученымъ, но и большой публикѣ, особенно благодаря умѣнью, съ которымъ они описаны однимъ изъ наиболѣе изящныхъ историковъ этой эпохи [2]).

Мы имѣемъ также подробное описаніе ссылки, которую перенесли Михаилъ Головкинъ и его жена въ Восточной Сибири, и обязаны этимъ описаніемъ перу Хмырова. Слѣдуя пріемамъ славянофиловъ, старавшихся окружить московскій періодъ русской исторіи блестящимъ ореоломъ, этотъ историкъ часто сопровождалъ свой разсказъ, за неимѣніемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, фантастическими прикрасами, но то, что онъ разсказываетъ объ одиссеи супруговъ Головкиныхъ въ странѣ якутовъ, основано на тщательномъ изслѣдованіи документовъ того времени [3]).

Въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ несчастные блуждали по обширнымъ пустынямъ этого ледяного края, отыскивая мѣсто своей ссылки. Но приведемъ здѣсь слова графа Федора. Его разсказъ хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и не совсѣмъ точенъ, но все же имѣетъ то преимущество, что основывается на сообщеніяхъ одного изъ главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ этой драмы — графини Головкиной, урожденной Ромодановской.

„Любимецъ своего отца—говоритъ графъ Федоръ — очень красивый и прекрасно воспитанный, младшій изъ трехъ братьевъ, Михаилъ, имѣлъ быстрый и блестящій успѣхъ. Назначенный въ молодые годы посланникомъ въ Берлинѣ и въ Парижѣ, онъ скоро вернулся оттуда [4]), чтобы занять мѣсто

---

[1]) *Мемуары* 1810 г.

[2]) *Waliszewski,* La Dernière des Romanov; „Царство женщинъ“ (2-й томъ полн. собр. соч. Ц. 3 руб. Изд. „Сфинксъ“).

[3]) «*Графиня Екатерина Ивановна Головкина*». С.-Петербургъ, 1867 г.

[4]) Въ царствованіе Екатерины I.

вице-канцлера[1]) или министра иностранныхъ дѣлъ подъ руководствомъ отца. Его женили на Екатеринѣ, послѣдней представительницѣ древняго рода Ромодановскихъ и двоюродной сестрѣ, по своей матери, великой княжны, а впослѣдствіи императрицы, Анны[2]). Ея отецъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ „князя-кесаря“, потому что онъ занималъ тронъ каждый разъ, когда Петръ I жаловалъ самому себѣ чины и награды, которые онъ, по его мнѣнію, заслужилъ передъ государствомъ. Но Петра I, Екатерины I и Петра II уже не было въ живыхъ; скончался также и великій канцлеръ Головкинъ, первый россійскій графъ. Маленькій принцъ Брауншвейгскій наслѣдовалъ престолъ подъ именемъ Іоанна VI, подъ опекой своей матери, урожденной принцессы Мекленбургской, женщины безъ характера, опиравшейся, съ одной стороны, на герцога Ульриха, своего мужа, въ чинѣ генералиссимуса, но безъ власти и безъ дарованія, а съ другой стороны—на графа Линара, саксонскаго посланника, своего любимца, которые оба не знали, ни страны, ни ея обычаевъ, ни духа народа, ни его языка, и поэтому не могли управлять Россіей. Вся забота управленія лежала такимъ образомъ на графѣ Головкинѣ, и онъ былъ того мнѣнія, что правительницѣ слѣдуетъ какъ можно скорѣе отправиться въ Москву, чтобы быть тамъ вмѣстѣ съ сыномъ помазанной на царство. Въ его намѣреніе входило также, чтобы въ этой поѣздкѣ приняла участіе Елисавета, дочь Петра I и Екатерины I, честолюбивая принцесса, которую онъ предполагалъ на второй же день поѣздки заключить въ монастырь. Такъ какъ ему надоѣло дѣлать по этому поводу устныя представленія, на которыя не обращали должнаго вниманія, онъ изложилъ свой проектъ письменно и послалъ его съ довѣреннымъ лицомъ, нѣкимъ Грюнштейномъ, во дворецъ.

---

[1]) Мѣсто вице-канцлера онъ занялъ лишь въ 1840 г. послѣ паденія Бирона.

[2]) См. табл. II.

Но этотъ человѣкъ былъ подкупленъ[1]) и началъ съ того, что передалъ пакетъ Елисаветѣ, которая, прочитавъ и запечатавъ его снова тщательно, послала его правительницѣ. Послѣ этого Анна Леопольдовна, наконецъ, согласилась съ доводами вице-канцлера и отъѣздъ былъ рѣшенъ; но, желая еще отпраздновать въ С.-Петербургѣ день св. Екатерины, именины ея дочери, правительница дала заговорщикамъ время помѣшать этому проекту и революція разразилась въ самую ночь передъ праздникомъ. Со всѣми, кто не подчинился лейбъ-хирургу Лестоку и горсти гвардейскихъ гренадеръ, которые возвели Елисавету на престолъ, было поступлено съ неслыханною жестокостью. Первые удары постигли вице-канцлера. На предложеніе принести присягу новой императрицѣ, онъ отвѣтилъ холодно: „У меня только одна присяга и она принадлежитъ императору младенцу; когда онъ умретъ, я послѣдую примѣру всей имперіи“. Его тотчасъ же обвинили въ измѣнѣ крови Петра Великаго и стали собирать самые противорѣчивые улики къ его обвиненію. Фельдмаршалъ графъ Минихъ въ своихъ „Мемуарахъ“[2]), хранящихся въ королевской библіотекѣ въ Берлинѣ, доходитъ до утвержденія, будто графъ Головкинъ, на основаніи своего родства съ послѣдней императрицей, старался установить право на престолъ въ пользу своей собственной семьи. Но какую ему пришлось бы имѣть за собою сильную партію, чтобы добиться этой цѣли, если даже принцы, призванные, въ большей или меньшей степени, къ престолонаслѣдію по праву рожденія, могли удерждаться на тронѣ не безъ большаго труда? Подобныя утвержденія, поэтому, не заслуживаютъ даже опроверженія. Головкинъ былъ при-

[1]) Предательство Грюнштейна было вознаграждено 927 „душами“, которыхъ Елисавета ему пожаловала по вступленіи на престолъ.

[2]) Мемуары графа Миниха были впервые напечатаны на французскомъ языкѣ въ Копенгагенѣ, въ 1774 г., подъ названіемъ: „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie“. Мѣсто, на которое ссылается гр. Федоръ, въ нихъ не находится.

сужденъ къ обезглавленію, но на эшафотѣ ему была объявлена монаршая милость; но какая милость! Онъ былъ лишенъ дворянства и чиновъ и сосланъ на поселеніе, съ конфискаціей всего его имущества. Его супруга, Екатерина Ивановна Головкина, поставила судей въ нѣкоторое затрудненіе. Это была женщина такого знатнаго происхожденія и такой высокой нравственности, окруженная, къ тому же, такимъ почетомъ, что судъ не рѣшался постановить о ней приговоръ; а такъ какъ ея мужъ ограничивался, въ сношеніяхъ съ ней, однимъ уваженіемъ, то ей предоставили выборъ: или слѣдовать за нимъ въ ссылку, или же развестись съ нимъ. Но она его любила неблагодарнымъ и пожелала слѣдовать за нимъ въ его несчастьи. Тогда и ея огромное состояніе было подвергнуто конфискаціи. Обоихъ супруговъ обездолили до такой степени, что старикъ Чернышевъ, отецъ трехъ сыновей, ставшихъ впослѣдствіи знаменитыми, съ трудомъ и рискуя своею собственною свободою, добился того, чтобы имъ дали овечій тулупъ и двадцать два рубля деньгами.

Головкины, съ высоты своего величія и восточной роскоши, пали въ глубокую нищету и были переданы въ руки одного лифляндца, поручика Берга [1]), котораго я впослѣдствіи зналъ генераломъ и комендантомъ Риги. Онъ сопровождалъ ихъ до Иркутска, гдѣ его ожидалъ приказъ передать надзоръ за ними другимъ лицамъ. Тамъ теряется ихъ слѣдъ. Изъ многочисленныхъ слугъ и крѣпостныхъ, окружавшихъ ихъ раньше, осталось лишь двое, которыхъ нельзя было заставить разстаться съ ними. Ихъ слѣпая и трогательная привязан-

---

1) Повидимому, здѣсь идетъ рѣчь о Максимѣ Васильевичѣ Бергѣ (Magnus Iohann von Berg), родившемся въ 1720 г. и умершемъ въ 1784 г., въ чинѣ генералъ-аншефа, брата дѣда графа Федора Федоровича Берга, извѣстнаго своимъ управленіемъ Царствомъ Польскимъ во время возстанія 1863 г. См. Лобановъ Ростовскій, *„Русская. Родословная Книга“* т. I, стр. 49.

ность ускользнула отъ бдительности тирановъ [1]). Г-жа Головкина мнѣ потомъ часто разсказывала, какъ они сначала питались дикими кореньями и малоизвѣстными снадобьями, которые имъ доставляли шаманы, или жрецы, кочующихъ въ этихъ обширныхъ и пустынныхъ странахъ инородцевъ; ея мужъ вскорѣ скончался [2]), но ей, съ помощью тѣхъ же преданныхъ слугъ, удалось набальзамировать его трупъ и сохранить его въ землянкѣ, которую они выкопали. Тамъ они оставались въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати одного года".

„Когда Екатерина II взошла на престолъ, она приказала вернуть графиню Головкину изъ ссылки, но прошло почти два года пока ее отыскали. Фельдмаршалъ князь Трубецкой [3]), ея зять, который въ отношеніи ея былъ далеко не безупреченъ, напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы воспрепятствовать ея возвращенію,—но безуспѣшно. Она, наконецъ, прибыла въ Москву и привезла съ собою прахъ своего мужа, позаботившись, первымъ дѣломъ, предать его землѣ со всѣми почестями, подобавшими ему по праву рожденія и должностей, которыя онъ занималъ при жизни. Но ихъ состояніе уже давно было роздано фаворитамъ покойной императрицы. Тогда Екатерина II пожаловала ей четыре тысячи душъ и пенсію въ четыре тысячи рублей. Она поселилась въ древнихъ хоромахъ своего отца „князя-кесаря", но вскорѣ послѣ того ослѣпла. На мой вопросъ, не произошло ли это отъ несчастнаго случая, она отвѣтила: „Несчастный случай! Я не переставала плакать въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ!" Тѣмъ не менѣе, она жила съ

---

[1]) Писатель, основательно изучившій эту эпоху, разсказываетъ, напротивъ, что графъ Головкинъ былъ задушенъ своими слугами, которымъ надоѣло пребываніе въ Германгѣ—такъ назывался якутскій поселокъ, гдѣ они жили. См. Павелъ Карабановъ, *Статсъ-дамы и фрейлины при Русскомъ Дворѣ въ XVIII вѣкѣ* (*Русская Старина* 1870 г. стр. 484).

[2]) Головкинъ умеръ лишь на 14-мъ году ссылки.

[3]) Никита Юрьевичъ Трубецкой (1699—1767 г.), мужъ Анастасіи Головкиной, сестры Михаила Гавриловича.

величавой простотой древнихъ бояръ и принимала во всякое время всѣхъ, кто желалъ ее видѣть; и всѣ шли къ ней, какъ на поклоненіе національной святынѣ. Въ дни Новаго Года и Пасхи я стоялъ за ея кресломъ и для меня было внушительнымъ зрѣлищемъ видѣть, какъ всѣ классы общества и всѣ возрасты толпились вокругъ этой старухи, которая не могла ихъ видѣть, но слышала все, что они говорили. Когда она скончалась, ей недоставало всего нѣсколько мѣсяцевъ до ста лѣтъ [1]), причемъ она сохранила всѣ свои способности, кромѣ зрѣнія и памяти о событіяхъ второй половины ея жизни; т.-е. она помнила всѣ подробности, касавшіяся Петра I, его Двора и роли, которую при немъ игралъ ея отецъ; помнила также почести, которыя ей оказывали при Аннѣ Іоанновнѣ, происходившей отъ Салтыковыхъ, какъ и она сама; помнила, какъ она, будучи въ Парижѣ, разговаривала съ Людовикомъ XIV и гуляла въ Версальскихъ садахъ съ этимъ королемъ и съ г-жей Мэнтенонъ; помнила свою жизнь въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, а также на границахъ Камчатки. Но все, что произошло со времени ея возвращенія оттуда и даже то, что было наканунѣ, она забывала“.

Дочери Гаврилы Ивановича Головкина сдѣлали блестящія партіи, какъ это можно было ожидать отъ высокаго положенія ихъ отца, но несчастье коснулось ихъ не менѣе ихъ братьевъ.

Наталія Гавриловна (1689—1726) вышла замужъ за генерала-аншефа Ивана Федоровича Барятинскаго [2]).

---

[1]) Графъ Федоръ ошибается. Она жила всего девяносто лѣтъ (1701—1791 г.). Отецъ Павла Карабанова, напротивъ, разсказывалъ, что старуха внушала отвращеніе, главнымъ образомъ потому, что у нея изо рта постоянно текли слюни и что она набивала себѣ носъ табакомъ.

[2]) Это былъ не глупый человѣкъ, но пошлый царедворецъ. Онъ часто говаривалъ: „Кланяйтесь низко и вы поднимитесь высоко“ (Долгоруковъ, *Мемуары*, т. I, стр. 74).

Анна Гавриловна [1]) вышла замужъ за графа Павла Ивановича Ягужинскаго. „Сынъ школьнаго учителя и органиста лютеранскаго прихода въ Москвѣ, Ягужинскій началъ свою карьеру чистильщикомъ сапогъ, соединяя это занятіе съ другими, о которыхъ приличіе не позволяетъ говорить, — пишетъ Веберъ,—и кончилъ свою жизнь генералъ-прокуроромъ, генералъ-аншефомъ, министромъ и графомъ“ [2]). Карьера—великолѣпная и самъ онъ, повидимому, не былъ настолько дурнымъ, чтобы внушить своей женѣ отвращеніе къ браку, ибо, спустя нѣсколько лѣтъ по смерти Ягужинскаго, его вдова вторично вышла замужъ за Михаила Петровича Бестужева, брата канцлера Алексѣя Петровича. Высокое происхожденіе Анны Гавриловны и важныя должности, которыя занимали Бестужевы [3]), не спасли ее отъ ужасной участи. Замѣшанная безъ всякой вины съ ея стороны въ извѣстное „дѣло Ботта“, она въ числѣ многихъ другихъ обвиняемыхъ, изъ коихъ нашего сочувствія, главнымъ образомъ, заслуживаетъ прелестная Наталія Лопухина, была обречена на всѣ ужасы пытки. Послѣднее дѣйствіе этой драмы разыгралось на эшафотѣ и въ Сибири, и сопровождалось кнутомъ, обрѣзаніемъ языка и безконечными страданіями.

Сестра Анны Гавриловны, Анастасія Головкина, была из-

---

[1]) Анна Гавриловна Головкина была одной изъ самыхъ умныхъ и привлекательныхъ женщинъ своего времени. Некрасивая и рябая вслѣдствіе оспы, она, однако, была высокаго роста, стройна, очень изящна и граціозна во всѣхъ своихъ манерахъ (см. Долгоруковъ *Мемуары*, т. I, стр. 189).

[2]) См. Валишевскій, *„Петръ Великій“*, изд. „Сфинксъ“, Москва 1911 г. Цѣна 3 р. 50 к.

[3]) Графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ, назначенный русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ и вскорѣ послѣ этого переведенный на ту же должность въ Дрезденъ, имѣлъ не только подлость отречься отъ своей несчастной жены, но даже не ходатайствовалъ о смягченіи ея участи. Уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ онъ въ мартѣ 1749 г. вторично женился на г-жѣ Гаугвитцъ, вдовѣ оберъ-мундшенка саксонскаго двора. См. Долгоруковъ, *Мемуары*, т. I, стр. 159.

бавлена отъ ужасныхъ несчастій, постигшихъ Анну Бестужеву. Но была ли она счастлива въ своей супружеской жизни? [1]). Можно ли говорить о счастьѣ съ такимъ мужемъ, какъ фельдмаршалъ Никита Юрьевичъ Трубецкой, который положилъ всѣ свои старанія на то, чтобы погубить своего шурина, вице-канцлера Михаила Головкина, и воспользоваться его несчастьемъ! Его интересный дневникъ даетъ понятіе о его черствомъ, скупомъ и честолюбивомъ характерѣ [2]).

Но, умирая, онъ раскаялся въ своихъ многочисленныхъ злодѣяніяхъ и даже, пославъ за вдовой Михаила Головкина, бросился къ ея ногамъ и, вырывая на себѣ волосы, воскликнулъ: „Сестра, простите меня, ваше несчастье въ значительной степени было дѣломъ моихъ рукъ! Моя совѣсть меня мучитъ, и я чувствую, что если вы меня не простите, меня на томъ свѣтѣ ждутъ ужасныя муки“ [3]). Она его простила и въ теченіе всей своей послѣдующей жизни служила панихиды объ упокоеніи его души.

---

[1]) Скандальная хроника того времени утверждаетъ, что у нея было, если не нѣсколько, то, во всякомъ случаѣ, одинъ утѣшитель: „Съ вѣдома и на глазахъ своего мужа она имѣла связь съ фаворитомъ Петра II, княземъ Иваномъ Долгоруковымъ, который оскорблялъ честь Трубецкого, какъ публично, такъ и въ его собственномъ домѣ. Однажды подъ вліяніемъ выпивки князь Иванъ на дому у Трубецкого, хотѣлъ выбросить самого хозяина въ окно, но ему помѣшалъ Степанъ Лопухинъ“, (Долгоруковъ, *Мемуары*, т. I, стр. 60).

[2]) *Князья Трубецкіе*, княгини *Лизы Трубецкой.*

[3]) См. Карабановъ, Статсъ-дамы и фрейлины при русскомъ Дворѣ (*Русская Старина*, 1870 г., стр. 485).

ГЛАВА III.

Заграничная вѣтвь Головкиныхъ.

Александръ Гавриловичъ. — Его молодость и воспитаніе. — Петръ I предоставляетъ выборъ его невѣсты королю прусскому. — Графиня Екатерина Дона.—Дипломатическая карьера Александра Гавриловича.— Торгъ великанами.—Его жизнь въ Гагѣ.—Несчастья его брата Михаила отражаются также и на немъ. — Разсказъ въ передачѣ графа Федора. — Императрица Елисавета тщетно призываетъ въ Россію дѣтей посла.— Дворъ Елисаветы.— Вѣрность Чулкова.— Переписка Императрицы съ графомъ Александромъ.

Александръ Гавриловичъ Головкинъ (1689—1760), второй сынъ канцлера Петра I, былъ родоначальникомъ, такъ называемой, заграничной вѣтви Головкиныхъ. Звонъ колоколовъ святой Москвы убаюкивалъ его дѣтство, и никто изъ тѣхъ, кто видѣлъ, какъ маленькій Саша игралъ съ своими товарищами, въ тѣни фантастическихъ главъ Кремля, не могъ подумать, даже если бы его стали въ томъ увѣрять, что это московское дитя со временемъ сдѣлается отцомъ и дѣдомъ многочисленнаго потомства въ Голландіи, Пруссіи и Швейцаріи, но только не въ Россіи, и что его потомки къ тому же будутъ тѣсно связаны съ реформатскою церковью.

Александръ уже въ ранней молодости былъ посланъ въ Берлинъ, гдѣ онъ поступилъ въ академію, основанную королемъ Фридрихомъ I[1]). Будучи еще почти ребенкомъ, онъ попалъ въ число лицъ, которыхъ Петръ I отличилъ своею особою

---

[1]) Мемуары барона Пэлльнитца, письмо изъ Гаги отъ 2-го февраля 1733 г.

милостью, и былъ въ 1711 г., не болѣе двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ при берлинскомъ Дворѣ, гдѣ онъ пробылъ до 1727 г. Въ 1715 г. онъ женился на графинѣ Екатеринѣ Дона, заключивъ этотъ блестящій союзъ благодаря могучей протекціи царя. „Во время осады Штральзунда,—разсказываетъ графъ Федоръ,—Петръ I просилъ прусскаго короля отыскать богатую и знатную невѣсту для его посланника. Фридрихъ I, стараясь во всемъ угодить императору, выбралъ графиню Екатерину Дона, наслѣдницу бургграфовъ Дона [1]), состоявшую через свою мать въ родствѣ со всѣми династіями Сѣвера, а через свою бабку, Эсперансу Пюй де Монбрэнъ, со всѣми знатными родами Франціи [2]).

---

[1]) Впослѣдствіи приданое графини Головкиной было еще увеличено благодаря щедрости Петра. Согласно Императорскому указу отъ 13 февраля 1723 г., ей были пожалованы нѣкоторыя земли, которыя „когда-то принадлежали ея предкамъ“ (вѣроятно, рыцарямъ Тевтонскаго ордена или Меченосцамъ) и находились въ Лифляндіи. См. *Grilzner, Der Adel des russischen Ostsee provinzen* въ *Siebmachers Grosses und allgemeines Wappenbuch.*

[2]) **Таблица III.**

Предки Екатерины Генріетты, графини Головкиной, урожденной Дона.

Фридрихъ IV графъ Дона, прозванный Младшимъ.
(Оранскій губернаторъ).
Его супруга: *Эсперанса дю-Пюй де-Феррассьеръ,* маркиза *де Монбрэнъ.*

Иванъ Фридрихъ, род. 1664. † 1712 подъ Денэномъ, графъ де Феррассьеръ.
Женатъ: 1) на *Елисаветѣ,* графинѣ *Макъ-Карси.*
2) на *Альбертинѣ Генріеттѣ,* графинѣ *Биландтъ.*

Елисавета Эсперанса, замужемъ за Отономъ графомъ *Шверинъ.*	*Екатерина Генріетта* 1694—1768, замужемъ за *графомъ Александромъ Головкинымъ.*	*Эсперанса Луиза* 1705—1733, замужемъ за графомъ *Дона* Рейхертсвальде.

Примѣч. Фридрихъ IV купилъ въ 1657 г. баронскія владѣнія Коппе и Пранженъ и поселился въ томъ же замкѣ, гдѣ впослѣдствіи

Заслуги графа Александра передъ Россіей—многочисленны и нашли себѣ должную оцѣнку. На его долю, главнымъ образомъ, выпала задача вести переписку съ нѣмецкими учеными, которые приглашались въ Петербургъ для пополненія ими рядовъ вновь созданной Академіи наукъ[1]).

Какъ ловкій дипломатъ[2]), онъ игралъ рѣшающую роль на конгрессахъ въ Суассонѣ и въ Брауншвейгѣ. Проворный и подвижной, онъ заключилъ много договоровъ съ иностранными государствами, которые потомъ были скрѣплены его отцомъ, канцлеромъ Головкинымъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности его дипломатической дѣятельности, но слѣдуетъ все же упомянуть о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни Александра Головкина.

Тѣ изъ нашихъ читателей, которые знакомы съ многочисленными историческими мемуарами восемнадцатаго столѣтія, навѣрное, перелистывали хорошо извѣстныя сочиненія Фридерики Софіи Вильгельмины, маркграфини Байрейтской. Они вспомнятъ о впечатлѣніи, которое произвело на молодую принцессу посѣщеніе Берлина Петромъ I и его супругой. „Ему показали,—пишетъ она,—все, что было замѣчательнаго въ Берлинѣ и, между прочимъ, кабинетъ медалей и древнихъ статуй. Въ числѣ послѣднихъ, какъ мнѣ передавали, была одна языческая богиня въ крайне неприличной позѣ: во времена древнихъ римлянъ такими изображеніями украшали комнаты новобрач-

---

жилъ Неккеръ и г-жа Сталь. Тутъ же, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проживалъ Пьеръ Бэль (Pierre Bayle), учитель сыновей Фридриха IV. Наслѣдникъ Ивана Фридриха, фельдмаршалъ Дона, въ 1713 г. продалъ этотъ замокъ. См. *Графъ Сигмаръ Дона „Aufzeichnungen über die Vergangenheit der Familie Dohna“*.

[1]) См. *Пекарскій*, Исторія Академіи наукъ, т. I, II и сл.

[2]) Изъ всего семейства Головкиныхъ, графъ Александръ былъ, конечно, самый выдающійся. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе ловкихъ дипломатовъ своего времени, человѣкъ замѣчательно умный и серьезный и однимъ изъ самыхъ цивилизованныхъ русскихъ той эпохи См. *Долгоруковъ Мемуары* т. I. стр. 115.

ныхъ. Эта статуя считалась большою рѣдкостью и, въ своемъ родѣ, одной изъ самыхъ красивыхъ на свѣтѣ. Царь очень восхищался ею и приказалъ царицѣ ее поцѣловать. Когда-же она стала отнѣкиваться, онъ разсердился и сказалъ ей на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ: „Кор ab“ [1]), что означало: я велю отрубить вамъ голову, если вы мнѣ не повинуетесь. Царица испугалась и сдѣлала то, чего онъ требовалъ. Петръ безъ обиняковъ выпросилъ себѣ эту статую и еще нѣсколько другихъ вещей у короля Фридриха, который не рѣшался отказать ему въ его просьбѣ. То же онъ сдѣлалъ относительно одного кабинета, разукрашеннаго панелями изъ янтаря, который, къ общему огорченію, тоже пришлось отправить въ Петербургъ“. Пересылка этого драгоцѣннаго подарка изъ Берлина въ Мемель выпала на долю графа Александра Головкина.

Этотъ анекдотическій эпизодъ, описанный остроумной маркграфиней, заслужилъ бы, конечно, участь многихъ другихъ анекдотовъ — быть преданнымъ забвенію, если бы съ нимъ не были связаны другія, болѣе важныя событія. Кто даритъ, — тотъ можетъ расчитывать и на отвѣтный подарокъ. Кабинетъ изъ янтаря былъ щедро оплаченъ Петромъ I, который послалъ для гвардіи прусскаго короля тридцать пять великановъ, лодку, кубокъ, выточенный имъ самимъ, и токарный станокъ, который понынѣ можно видѣть въ Берлинѣ въ Гогенцоллернскомъ музеѣ. Правда, что начала союза между Пруссіей и Россіей не лишены нѣкотораго комизма и что эти подарки людьми, взамѣнъ неодушевленныхъ предметовъ, отнюдь не способствовали укрѣпленію дружбы между обѣими великими державами [2]).

[1]) Одинъ русскій историкъ, г. Щученко, объясняетъ слова „Кор ab“ варіантомъ: „Kebab“, напоминающимъ русское выраженіе: „Эка баба!“ См. Н. С. Голицынъ въ статьѣ „Янтарная гостиная въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ“ (Русская Старина т. LVIII, стр. 366)

[2]) Фридрихъ-Вильгельмъ въ общемъ получилъ съ 1714—1724 г. въ подарокъ 248 русскихъ великановъ. Имѣется основаніе думать, что это число показалось прусскому королю недостаточнымъ, иначе онъ

Не подлежитъ сомнѣнію, что эти посылки русскихъ великановъ сопровождались продолжительной и сложной перепиской со стороны графа Александра. Къ сожалѣнію, русскіе историки до сихъ поръ еще не нашли документовъ, относящихся къ этому вопросу.

Головкинъ оставался на своемъ берлинскомъ посту до 1727 г., когда онъ былъ переведенъ въ Парижъ [1]). Въ 1731 г. мы встрѣчаемся съ нимъ въ Гагѣ. Въ это время, когда сношенія между Франціей и Россіей были еще мало развиты, мѣсто посланника при Нидерландскихъ Генеральныхъ Штатахъ вовсе не считалось менѣе важнымъ, чѣмъ посольство въ Парижѣ.

Въ то время, какъ и теперь, Гага была прелестнымъ мѣстопребываніемъ, оживленнымъ присутствіемъ иностранныхъ дипломатовъ. Баронъ Карлъ Людвигъ фонъ Пэлльнитцъ [2]), этотъ остроумный разсказчикъ, говоритъ о ней съ умиленіемъ. Онъ не забываетъ графа Головкина и, перебирая представителей иностранной колоніи въ Гагѣ, пишетъ: „Графъ Головкинъ, полномочный посланникъ Россіи, занимаетъ это мѣсто, пользуясь общей симпатіей всѣхъ тѣхъ, кто его знаетъ. Онъ настолько же учтивъ и благороденъ, насколько климатъ, въ которомъ онъ родился, суровъ. Его умъ и мягкость его ха-

---

не обратился бы въ 1715 г. къ русскому самодержцу съ просьбою „прислать ему еще нѣсколько изъ своихъ солдатъ великановъ". Аппетиты короля прусскаго разгорались, ибо немного спустя онъ опять проситъ Петра прислать ему не только „60 или 70 великановъ", но также „большихъ лошадей". Эти подарки людьми со стороны русскихъ монарховъ возобновились въ началѣ девятнадцатаго вѣка, когда Александръ I послалъ Фридриху Вильгельму III, любителю русскихъ военныхъ пѣсенъ, въ видѣ подарка, цѣлый хоръ солдатъ-пѣсенниковъ.—См. „Русскіе солдаты на прусской службѣ", статья князя Н. С. Голицына (Русская Старина т. LXVI, стр. 123).

[1]) Головкинъ получалъ въ Парижѣ годовой окладъ жалованья въ 48,000 руб. (См. *Архивъ князя Воронцова,* т. I, стр. 390).

[2]) *Мемуары.* Письмо отъ 2 февраля 1733.

рактера всѣми уважаются. Во время своего пребыванія въ Берлинѣ, онъ женился на дочери покойнаго графа Феррасьеръ де-Дона, который, къ несчастью, былъ убитъ подъ Денэномъ, состоя въ чинѣ генералъ-лейтенанта на службѣ Генеральныхъ Штатовъ. Она—высоконравственная дама, окруженная самымъ очаровательнымъ семействомъ, какое можно себѣ представить“.

Немилость его брата была ударомъ молніи, поразившей мирную жизнь графа Александра. „Легко можно себѣ представить—пишетъ графъ Федоръ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“— тѣ чувства и мысли, которыя имъ овладѣли въ это время. Трепеща за свою участь, за своихъ дѣтей и за свое состояніе, будучи женатъ на женщинѣ, принесшей ему въ бракъ столько же претензій, сколько дѣтей, и имѣвшей повсюду родственниковъ, которымъ она повѣряла весь ужасъ, внушаемый ей Россіей и ея государыней,—онъ только и думалъ о томъ, какъ бы найти средства, чтобы, не возбуждая подозрѣній и преслѣдованій, отстраниться отъ дѣлъ. И какъ разъ въ это время Елисавета написала ему письмо, предложивъ ему мѣсто великаго канцлера“.

„Весьма возможно, что ему слѣдовало принять это предложеніе и что онъ этимъ могъ спасти своего брата; но гордость и набожность его жены удержали его отъ такого рѣшенія. Я уже замѣтилъ, что между нею и императрицею возникла длинная переписка на нѣмецкомъ языкѣ [1]), которая сохранилась, какъ памятникъ того, до чего въ деспотической душѣ можетъ дойти желаніе настоять на своемъ. Елисавета предлагала для старшаго сына графа Александра, Ивана, еще

---

[1]) Въ канцеляріи голландскаго посольства въ Россіи существуетъ папка съ письмами на нѣмецкомъ языкѣ императрицы Елисаветы и г-жи Головкиной, которыя онѣ писали другъ другу по разнымъ вопросамъ, касавшимся дѣтей послѣдней. Въ царствованіе Елисаветы и Екатерины русскій Дворъ все старался вернуть ихъ въ Россію. (Примѣчаніе графа Федора).

Баронъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.
1771—1815.

Пис. *Виже-Лебренъ.*

очень молодого человѣка, чинъ тайнаго совѣтника, Александровскую ленту и руку единственной дочери великаго канцлера графа Воронцова [1]), которая впослѣдствіи вышла за графа Строганова [2]); но всѣ эти попытки и обѣщанія милостей не имѣли успѣха. Кончилось тѣмъ, что былъ заключенъ договоръ, согласно которому миссія въ Голландіи была возведена въ постоянное посольство для моего дѣда, которому Генеральныя Штаты, въ знакъ благодарности за нѣкоторыя услуги, оказанныя имъ на Суассонскомъ конгрессѣ, предоставили въ пожизненное пользованіе знаменитый замокъ въ Рисвикѣ".

Разсказъ графа Федора несомнѣнно отражаетъ душевное состояніе посла, но не будетъ ли рискованнымъ придавать абсолютную вѣру подробностямъ, которыя онъ содержитъ? Правдоподобно-ли, чтобы между императрицей Елисаветой и графиней Головкиной происходила такая большая переписка, которая могла бы наполнить цѣлую папку, и чтобы подобная переписка оставалась до сихъ поръ неизданной, особенно послѣ того, какъ такой любитель рѣдкихъ документовъ, какимъ былъ князь Лобановъ-Ростовскій, занимался этимъ вопросомъ? Я въ этомъ сомнѣваюсь! Жизнь этой государыни, столь популярной среди ея подданныхъ, текла спокойно. Въ ея царствованіе мы не встрѣчаемся со скукой. Пышность Двора усугубляла блескъ короны. Шумныя празднества чередовались съ благочестивыми путешествіями на богомолье, и вокругъ центральной звѣзды— самодержицы Всероссійской— двигались ослѣпительные метеоры, недавно выскочившіе изъ тѣни. То были Разумовскіе, Шуваловы и цѣлая плеяда менѣе значительныхъ спутниковъ. Вихрь удовольствій не прекращался ни днемъ, ни ночью.

Императрица никогда не ложилась спать рано. Государственный переворотъ, благодаря которому она добилась власти,

---

[1]) Анна Михайловна Воронцова.

[2]) Александръ Сергѣевичъ (1733—1811.)

произошелъ ночью и напоминалъ ей объ опасностяхъ, которыя скрываются въ ночной тишинѣ. Вѣрный Чулковъ слѣдовалъ за нею въ опочивальню. Днемъ онъ былъ камергеромъ, генералъ-аншефомъ, Александровскимъ кавалеромъ, а ночью—становился „истопникомъ", топившимъ раньше печи, и раскладывалъ свой маленькій тюфякъ на полу, возлѣ ложа императрицы. А старыя кумушки, состоявшія на услуженіи Ея Величества, начинали свое дѣло. Почесывая пятки своей повелительницы, онѣ вполголоса бесѣдовали о сплетняхъ двора. Отъ поры до времени Чулковъ вмѣшивался въ ихъ разговоръ, чтобы положить конецъ ихъ злословію, при чемъ онъ „иногда выражался такими словами, которыя, приличія ради, не слѣдовало бы произносить во дворцѣ" [1]).

. . . .

Императрица вставала послѣ полудня и приступала тотчасъ же къ своему туалету; у нея было 15,000 платьевъ... Если принять все это во вниманіе, то поневолѣ является сомнѣніе, могла-ли Елисавета найти свободное время, чтобы написать графинѣ Головкиной цѣлую папку писемъ?

До сихъ поръ намъ извѣстны только два рескрипта императрицы Елисаветы на русскомъ языкѣ графу Головкину [2]). Князь Л. Б. Лобановъ огласилъ ихъ, не предупредивъ насъ, однако, изъ какого архива онъ ихъ почерпнулъ.

Вотъ эти рескрипты:

I.

„(По титулу). Высокоблагоурожденный нашъ любезновѣрный,

„Мы рекомендуемъ вамъ стараніе въ вашемъ мѣстѣ приложить: нѣсколько птицъ, маленькихъ параклетовъ, которые

---

[1]) *Вигель, Мемуары*, т. I, стр. 13.

[2]) *Русская Старина*, т. XVI, (1876), стр. 174.

наилучше къ разговорамъ человѣческимъ привыкаютъ и говорятъ, и нѣсколько же бѣлыхт канарѣекъ, кои минуэты и другія малинькія аріи свистать могутъ, пріискать и купить. И сколько возможно будетъ ихъ сыскать, то оныхъ съ пристойными клѣтками сюда ко двору нашему, на отходящихъ оттуда корабляхъ, сколь скоро возможно, отправить: а сколько вы на то денегъ издержите, о томъ въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ доносить имѣете, которые потому вамъ немедленно заплачены и переведены будутъ. Впрочемъ пребываемъ и пр.

„Елисаветъ".

„Дано въ С,-Петербургѣ, Апрѣля 22-го дня 1746 г. Подписалъ: гр. Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ. Д. т. сов. чрезвычайному и полномочному послу, графу Л. Г. Головкину".

II.

„Божіею милостію, мы Елисаветъ Первая, императрица и самодержица всероссійская и пр. и пр. и пр.

„Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику, чрезвычайному и полномочному послу графу Александру Головкину.

„Мы къ удовольствію и спохвалою слышимъ о тѣхъ качествахъ и поведеніи, вкоторыхъ ваши сыновья находятся, но не безудивленія токмо сіе усматриваемъ, что хотя они, особливо старшіе, довольно уже возрастны суть, однакожъ вы ихъ всѣхъ еще при себѣ безвсякой отъ нихъ могущей быть пользы содержите, а сюда, для поступленія по достоинству ихъ на нашу службу ни одного не пришлете; ежлибъ иногда къ вамъ тому нѣкоторое сумнительство или опасеніе, случившіеся съ братомъ вашимъ, ниже для васъ, ниже для дѣтей вашихъ ни малѣйшимъ примѣромъ быть не можетъ; яко онъ себя несчастливымъ учинилъ, самъ на себя и отвѣтствуетъ; а впро-

чемъ мы довольно памятуемъ, колико наши, въ бозѣ почивающіе Государи Родители, какъ покойнаго вашего отца, такъ и васъ всѣхъ, дѣтей его, для оказываемой къ Ихъ Величествамъ отъ времени до времени вѣрности и добрыхъ услугъ въ своей Высочайшей милости всегда содержали, въ семъ обыкновенно и мы Высокоупомянутымъ Родителямъ въ разсужденіи васъ для оказуемой и Намъ прямой вѣрности и службы вашей не инако, но совершенно послѣдовать хощемъ, да и братъ вашъ равномѣрно тѣмже всегда пользоваться могъ бы, ежелибъ онъ съ прочими въ толь тяжкія преступленія себя не уклонилъ, и яко вы по сему довольно видѣть можете, что не будучи отъ васъ никакое участіе въ дѣлахъ и преступленіяхъ брата вашего, Наша Высочайшая Милость квамъ не только ни малѣйши не отъемлится, но оную и дѣти ваши продолжительно возимѣютъ; того и Наше-жъ Всемилостивѣйшее намѣреніе и соизволеніе есть, дабы вы своихъ старшихъ сыновей сюда къ намъ отправили, которыхъ мы въ службу при Нашемъ Дворѣ весьма охотно увидимъ и, какъ по собственному ихъ достоинству, такъ и для знатности ихъ фамиліи, размѣряемыми чинами Всемилостивѣйше не оставимъ, а впредь, по усмотрѣнію и въ Министерствѣ Нашемъ, гдѣ-либо при чужестранныхъ дворахъ употребить ихъ толь наипаче склонны будемъ, понеже мы слышимъ, что они по своимъ наукамъ и не безполезны быть могутъ. И пребываемъ вамъ впрочемъ и пр.

„Данъ въ Санктъ-Петеръ-Бургѣ октября 27-го дня 1746 г. (на подлинномъ) „Елисаветъ“.

Воздѣйствіе, которое долженъ былъ имѣть этотъ послѣдній рескриптъ, заставило себя ждать долгіе годы [1]): двое изъ сы-

---

[1]) Въ 1754 г. вице-канцлеръ М. Л. Воронцовъ написалъ графу Головкину по повелѣнію императрицы письмо, въ которомъ „приказываетъ“ ему прислать двухъ старшихъ сыновей въ Россію. На это графиня Головкина письмомъ отъ 19 апрѣля умоляетъ вице-канцлера

новей посла появились въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. „Старшій—разсказываетъ графъ Федоръ—принялъ даже мѣсто послапника при городѣ Данцигѣ и засѣдалъ въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія; но оба брата привезли съ собою на родину много претензій и легкомыслія, и снова уѣхали оттуда навсегда и тѣмъ легче, что иностранки, на которыхъ они были женаты, не подарили имъ дѣтей“ [1]).

Александръ Гавриловичъ никогда не возвратился въ Россію. На портретѣ, нарисованномъ карандашомъ графомъ Анри Огюстъ де-Сэнъ-Жоржъ[2]), онъ изображенъ старикомъ въ халатѣ, сидя въ креслѣ, въ одной изъ комнатъ Рисвикскаго замка. Большой парикъ покрываетъ его голову. Его лицо выражаетъ спокойствіе и веселость и на немъ можно какъ-будто прочесть: „Я здѣсь и не уйду отсюда“. И онъ хорошо сдѣлалъ, что остался въ Голландіи. Совершенныя имъ съ точки зрѣнія русскихъ законовъ проступки были исключительно тяжки. Онъ не только отказался вернуться на родину, когда государыня его туда звала, но подъ вліяніемъ своей жены, ревностной протестантки, даже принялъ реформатскую вѣру [3]).

повліять на императрицу въ томъ смыслѣ, чтобы она отказалась отъ своего рѣшенія. (Архивъ кн. Воронцова, т. III, стр. 663.)

[1]) См. таблицу IV.

[2]) Головкины и Сенъ-Жоржы состояли въ родствѣ благодаря брачнымъ союзамъ съ одною и тою же семьей — де-Местраль, хотя эти браки заключались въ разное время. См. *V. Haag*, *La France protestante* и таблицу V.

[3]) Свобода совѣсти, хотя и признается русскими законами, но лишь по отношенію къ подданнымъ императора, исповѣдующимъ такъ наз. *иностранныя* религіи. Протестантъ, напр., можетъ перейти въ православную вѣру. Но разъ что онъ становится православнымъ, онъ подвергся бы большому риску, если бы посмѣлъ снова вернуться въ протестантскую вѣру.

(Какъ извѣстно, эти ограниченія упразднены закономъ о свободѣ совѣсти отъ 17 апрѣля 1905 г.) *Прим. перев.*

Остатокъ своихъ дней посолъ и его супруга посвятили заботамъ о своихъ дѣтяхъ. У нихъ было не менѣе двадцати пяти дѣтей [1]), изъ коихъ лишь восемь достигли зрѣлаго возраста. Благодаря сильной протекціи, обезпеченной имъ высокимъ происхожденіемъ ихъ матери, они всѣ получили выгодныя мѣста [2]).

---

[1]) Это огромное количество дѣтей объясняется, можетъ быть, религіозными вліяніями. Графъ Цинцендорфъ, тотъ самый, который основалъ секту „Моравскихъ Братьевъ", былъ одинъ изъ приближенныхъ семейства Головкиныхъ. Рожденіе многочисленныхъ дѣтей — столькихъ же „храмовъ Св. Духа"—было одной изъ заповѣдей этой основанной имъ секты.

[2]) См. примѣчаніе къ табл. IV.

ГЛАВА IV.

Графъ Александръ Александровичъ.

„Головкинъ—философъ“.—Онъ оригиналъ, но хорошаго пошиба.—Пребываніе въ Монна и въ Лозаннѣ. — Общество въ Лозаннѣ. — Супруга графа Александра, впослѣдствіи герцогиня Ноайль. — Графъ принимаетъ предложеніе Фридриха II прусскаго и становится „директоромъ спектаклей“.—Фридрихъ II и театръ.—Краткое пребываніе Головкина въ Берлинѣ; онъ удаляется въ Парижъ. — Его странные взгляды на воспитаніе. Ихъ примѣненіе къ собственнымъ дѣтямъ.—Его переписка съ Павломъ I, Императоромъ Всероссійскимъ.

Графъ Александръ Александровичъ Головкинъ, сынъ посла въ Гагѣ, былъ, то что называютъ „оригиналомъ“.

Современники называли его, „философомъ“.

Окончивъ курсъ ученія въ Голландіи, онъ ужаснулся при мысли, что хотя его учителя всегда были имъ довольны, но что онъ все же ничего не знаетъ. „Вотъ,—сказалъ онъ однажды Дьёдонне Тьебо[1]) - время учиться для меня прошло, а я ничего не знаю! Виноваты ли въ этомъ тѣ, кто должны были меня учить? Нѣтъ; это хорошіе люди, обладающіе какъ усердіемъ, такъ и знаніями. Не виноваты ли книги, которыя меня заставляли изучать? Но могла ли вся Европа въ теченіе вѣковъ ошибаться при ихъ выборѣ и съ всеобщаго согласія вручать молодежи такія книги, которыя ничему не научили бы

---

[1]) *Dieudonné Thiébault. Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin* t. III статья о графѣ Камеке.

ее? Это тоже невозможно. А потому, если я ничего не знаю, то это моя собственная вина. Стало-быть, надо начать снова и сдѣлать лучше". Такимъ образомъ,—разсказываетъ Тьебо—онъ безъ посторонней помощи вторично прошелъ всѣ классы, изучая одинъ въ своей комнатѣ по порядку и по лекціямъ всѣ тѣ книги, которыя онъ проходилъ раньше, и размышляя по мѣрѣ силъ и возможности надъ мельчайшими подробностями ихъ содержанія. Эта работа отняла у него нѣсколько лѣтъ и имѣла двойную пользу—пріучить его къ сидячей жизни и къ размышленію. „Если я что-нибудь знаю,—говорилъ онъ мнѣ потомъ,—то я этимъ обязанъ вторичному курсу наукъ, убѣдившему меня, по крайней мѣрѣ, что мы знаемъ только то, чему мы сами себя учимъ".

Ученый пылъ молодого графа является тѣмъ болѣе похвальнымъ, что родители предназначили ему прелестный замокъ, расположенный на берегу Женевскаго озера, и что въ тѣ времена для владѣльца замка не требовалось большихъ знаній. Въ 1761 г. графъ Александръ принесъ присягу швейцарскимъ властямъ въ Бернѣ и въ виду послѣдовавшей тогда же въ Гагѣ смерти отца, переселился въ свой замокъ Монна[1]). Но большую часть года онъ имѣлъ привычку проводить въ деревнѣ, у подножія Мондріона, близъ Лозанны. Теперь еще можно видѣть сельскій домъ, окруженный старинными кедрами, гдѣ раньше жилъ Вольтеръ, потомъ принцъ Людвигъ Виртембергскій и, наконецъ, графъ Головкинъ.

Это были лучшіе дни для Лозанны. Какъ столица земледѣльческой страны[2]), она собирала въ своихъ стѣнахъ всю сельскую аристократію. Громкія имена ваатландскихъ владѣльцевъ напоминали героическое время давно минувшихъ дней, но ихъ просвѣщенный умъ и изящныя манеры соотвѣтство-

---

[1]) Этотъ замокъ расположенъ на ближайшихъ къ озеру высотахъ, по сосѣдству съ великолѣпнымъ замкомъ Вюффланъ.

[2]) Кантона Ваатландъ (Vaud).

ЕЛИСАВЕТЬ I

Императрица и Самодержица Всероссийская

Elisabeth I

Russiarum Imperatrix

вали тому вѣку, въ которомъ они жили. Общественная жизнь въ Лозаннѣ соперничала въ пріятности съ красотою очаровательной природы. Живописный силуэтъ древней Лозанны, окруженной зеленью виноградниковъ и многочисленныхъ фруктовыхъ садовъ, вызывалъ восхищеніе путешественниковъ не менѣе величественныхъ вершинъ Савойскихъ горъ и извилистыхъ очертаній Женевскаго озера.

Всѣ эти преимущества имѣли магическое вліяніе на знатныхъ иностранцевъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ, чтобы поселиться въ Лозаннѣ, какъ напримѣръ, Гиббонъ, Вольтеръ, маркизъ Лангалльри, Серванъ, Разумовскій, принцъ Людвигъ Виртембергскій и много другихъ, въ числѣ которыхъ графъ Александръ Головкинъ, несомнѣнно, занималъ мѣсто, принадлежавшее ему по праву рожденія и образованія.

Все это общество развлекалось, веселилось и занималось, смотря по средствамъ и наклонностямъ каждаго. Гиббонъ писалъ исторію Нидерландовъ, Вольтеръ ставилъ театръ, Разумовскій занимался естественной исторіей Жора; принцъ Людвигъ Виртембергскій, наконецъ, основалъ „Лозаннское общество нравственности“, члены коего принимали на себя обязанность просвѣщать другъ друга путемъ разговоровъ и переписки. „Маленькій журналъ предназначался къ распространенію просвѣщенія, которое должно было расцвѣсть отъ общенія людей, изъ коихъ нѣкоторые съ основательными достоинствами соединяли непринужденный и веселый нравъ; но въ концѣ двухъ мѣсяцевъ этотъ журналъ, подъ заглавіемъ „Аристидъ или Гражданинъ“, надоѣлъ обывателямъ Ваатланда и пересталъ учить ихъ нравственности“ [1]).

Головкинъ, хотя и былъ философомъ и пріятелемъ принца

---

[1]) *Sayous, Le dix-huitième siècle à l'étranger.* Ученый авторъ не совсѣмъ точно приписываетъ органу Лозаннскаго общества нравственности только двухмѣсячное существованіе. Первое собесѣдованіе было напечатано въ немъ 28 іюня 1766 г., а послѣднее 20 іюня 1767 г. Такимъ образомъ, ваатландцы читали „Аристида“ въ теченіе цѣлаго года.

Виртембергскаго, но не принадлежалъ къ активнымъ членамъ „Общества нравственности“. Научныя занятія, тихія радости домашняго очага и дружба съ знаменитымъ докторомъ Тиссо всецѣло наполняли его жизнь. Онъ женился на дочери профессора Іогана Лоренца фонъ Мосгейма, глубокая ученость, изящное краснорѣчіе и литературная производительность котораго долгіе годы украшали кафедры богословія въ Гельмштедтѣ и въ Геттингенѣ.

Авторъ этого вступленія неоднократно, съ одинаковымъ интересомъ и удовольствіемъ, разсматривалъ портретъ графини Головкиной, урожденной фонъ Мосгеймъ. Хотя художникъ представилъ ее уже не въ расцвѣтѣ молодости, но ея лицо, съ тонкими и умными чертами, все-же сохранило на этомъ портретѣ слѣды чудной красоты. Ея задумчивый взглядъ обнаруживаетъ чувствительную душу. Извѣстно, что она до такой степени была тронута трагическими приключеніями французскихъ эмигрантовъ, что стала ангеломъ-утѣшителемъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ, но не менѣе другихъ испытанныхъ судьбою эмигрантовъ, Жана Поля - Франциска, герцога де Ноайль, мать, жена и дочь котораго сдѣлались въ одинъ и тотъ же день 4-го термидора года II (22 іюля 1794 г.), жертвами гильотины. Онъ въ 1796 г. женился на овдовѣвшей еще въ 1781 г. графинѣ Головкиной и прожилъ съ нею до 1823 г., въ усадьбѣ Юттэнъ (Uttins), близъ Ролля.

Въ 1765 г. мирное пребываніе Головкиныхъ въ Лозаннѣ и въ Монна было прервано неожиданнымъ предложеніемъ со стороны прусскаго короля. При его дворѣ освободилась вакансія „директора спектаклей“, и Фридрихъ II считалъ Головкина достойнымъ занять это мѣсто. Вспомнимъ кстати, что двѣ сестры графа Головкина были замужемъ за членами прусской аристократіи: одна изъ нихъ, графиня Камеке[1]), была на очень

---

[1]) *Thiébault, Mes souvenirs de vingt ans*, статья о „Камеке“ и *I. D. E. Preuss. Eriedrich der Grosse mit seinen Verwandten und Freunden*, стр. 349

хорошемъ счету у Фридриха Великаго. Надо полагать, что графъ Александръ Александровичъ былъ обязанъ этимъ неожиданнымъ предложеніемъ женскимъ вліяніямъ. Друзья Головкина, впрочемъ, сомнѣвались въ прочности его новаго положенія. Докторъ Тиссо, между прочимъ, писалъ ему 22 марта 1765 г. слѣдующее[1]):

„Я, милостивый государь, всегда предпочиталъ счастье моихъ друзей своему собственному; поэтому, если бы Вы могли мнѣ сказать: мое новое положеніе сдѣлаетъ насъ счастливѣе, чѣмъ мы были раньше,—я въ этомъ нашелъ бы утѣшеніе моей скорби по поводу Вашего отъѣзда и охотно пожертвовалъ бы своимъ удовольствіемъ ради Вашего; но я долженъ Вамъ сознаться, что я нѣсколько дней подрядъ сомнѣвался въ достовѣрности перваго извѣстія о Вашемъ приглашеніи къ берлинскому Двору. Мнѣ было трудно согласовать его съ Вашей любовью къ свободѣ, которую я считалъ для Васъ столь дорогой, а характеръ этой должности казался мнѣ несовмѣстимымъ съ отвращеніемъ, которое Вы питаете къ шумнымъ удовольствіямъ или, вѣрнѣе, къ шуму удовольствій. Но Ваше письмо устранило мои сомнѣнія, и я теперь вижу, что ласки короля, слишкомъ хорошо знающаго людей, чтобы не осыпать Васъ ими, а также просьбы Вашихъ родственниковъ, которымъ Вы сердечно преданы, и пріятность блестящей среды, изысканнаго общества и хорошаго матеріальнаго положенія, составляютъ столько же причинъ, побудившихъ Васъ не отказаться отъ этого мѣста. Я, впрочемъ, убѣжденъ, что возможность возвратиться въ Швейцарію, когда Вамъ заблагоразсудится, было однимъ изъ условій принятія Вами этого предложенія“.

Какъ видно, сомнѣнія Тиссо основывались болѣе на знаніи имъ характера его пріятеля, чѣмъ на затрудненіяхъ, которыя онъ для него предвидѣлъ. Положеніе „Директора спектаклей“

---

[1]) Неизданное письмо.

было, дѣйствительно, не изъ легкихъ. Онъ находился въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ монархомъ, весьма требовательнымъ, нерѣдко капризнымъ и стремленіе котораго къ сбереженію государственной казны, послѣ семилѣтней войны, дошло до скупости, заслуживающей названія скаредности. Фридрихъ Великій страстно любилъ музыку. Когда онъ достигъ высшей власти, одна изъ первыхъ заботъ его состояла въ сооруженіи великолѣпнаго зданія для оперы, которое и теперь еще украшаетъ бульваръ „Unter den Linden" въ Берлинѣ. По окончаніи постройки этого храма музъ, король назначилъ для него достаточное число актеровъ и актрисъ. Танцы тоже нашли своихъ жрицъ, и Берлинъ могъ похвалиться тѣмъ, что принималъ у себя знаменитую танцовщицу Барбарину[1]), которая, какъ говорили, нѣкоторое время пользовалась благорасположеніемъ великаго Фридриха.

Прусскій король лично занимался дѣлами театра, до мелочей. Его переписка съ „директорами спектаклей" представляетъ много интересныхъ чертъ. „Я Вамъ пишу это письмо,— писалъ онъ 11 марта 1773 г. графу Зеротину-Лильгенау, — чтобы предупредить Васъ, что, какъ мнѣ извѣстно, пѣвица Шмелингъ собирается тайно бѣжать, почему Вамъ слѣдуетъ установить за нею надзоръ и принять всѣ необходимыя мѣры". Другой разъ онъ даетъ знать барону Арниму: „Вы можете сказать пѣвицѣ Мара, въ отвѣтъ на прилагаемое при семъ письмо, которое она мнѣ только что написала, что я плачу ей для того, чтобы она пѣла, а не для того, чтобы она писала,

---

[1]) Ангажементъ Барбарины имѣлъ послѣдствіемъ дипломатическое столкновеніе между Пруссіей и Венеціанской республикой. Прекрасная танцовщица, подписавъ уже контрактъ съ администраціей оперы въ Берлинѣ, влюбилась въ молодого лорда Мэкензи Стюарта и объявила, что она въ Берлинъ не поѣдетъ. Ее, однако, отвезли туда насильно, не разлучая, впрочемъ, съ возлюбленнымъ. Позднѣе она вышла замужъ за барона Каччеи и получила подъ старость титулъ графини Кампанини.

и что аріи были очень хороши въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ были, и что ей слѣдовало къ нимъ приспособиться, не теряя такъ много словъ и не дѣлая затрудненій“.

Приписка собственною рукою короля:

— „Ей платятъ для того, чтобы она пѣла, а не для того, чтобы она писала“[1]).

Случалось, что къ театральнымъ дѣламъ примѣшивалась высшая политика, и тогда интересъ, представляемый посланіями короля, получаетъ пикантный привкусъ.

Когда великій князь Павелъ пріѣхалъ въ Пруссію, „это,—разсказываетъ Фридрихъ II[2]),—былъ безпрерывный рядъ празднествъ, начиная съ границы и до самаго Берлина, гдѣ роскошь и хорошій вкусъ соперничали между собою, чтобы оказать высокому иностранцу наибольшій почетъ“. Не было упущено ничего, чтобы поддержать въ наслѣдникѣ русскаго престола хорошее расположеніе духа. Поэты и музыканты принялись за дѣло, чтобы сочинить достойный случая прологъ, для произнесенія его передъ началомъ оперы въ честь высокаго гостя. Въ этомъ прологѣ геніи Россіи и Пруссіи должны были привѣтствовать другъ друга, соединивъ свои голоса въ дуэтѣ, и, наконецъ, броситься въ объятія другъ друга. Актеры, предназначенные сыграть этихъ двухъ геніевъ, были избраны самимъ королемъ. Но при этомъ онъ принялъ во вниманіе исключительно ихъ голоса, а не ихъ внѣшность, при чемъ случайно геній Россіи оказался мизернымъ, а геній Пруссіи изображался актеромъ крупнаго тѣлосложенія. Великій князь Павелъ, вспыльчивый и подозрительный нравъ коего былъ достаточно извѣстенъ, могъ въ этомъ усмотрѣть умышленное оскорбленіе своего отечества. Съ другой стороны, не исключалась возможность, что этотъ маленькій сатирическій намекъ

---

[1]) *L. Schneider*, Geschichte der Oper und des Königlichen Opernhauses прибавленія XXXII, стр. 77 и XXXIII, стр. 83.

[2]) *Oeuvres* (1847 г.) т. VI, стр. 121.

входилъ въ намѣренія короля. Можно ли было, въ виду такихъ обстоятельствъ, предупредить его?

Эти сомнѣнія безпокоили директора спектаклей барона Арнима; но гордіевъ узелъ былъ разрубленъ однимъ смѣлымъ музыкантомъ, который отважился обратить вниманіе короля на этотъ щекотливый вопросъ. Король остался доволенъ его смѣлостью, какъ видно изъ двухъ писемъ, обращенныхъ имъ къ барону Арниму:

I.

„По весьма разумнымъ причинамъ я приказалъ моему капельмейстеру Рейхардту передать въ прологѣ къ предстоящей оперѣ роль г-жи Кохъ—г-ну Порпорини, а роль послѣдняго—первой.

„Вамъ слѣдуетъ озаботиться, чтобы этотъ обмѣнъ ролей былъ произведенъ безъ малѣйшаго замедленія, подъ какимъ-нибудь правдоподобнымъ предлогомъ, каковую предосторожность я рекомендовалъ также г-ну Рейхардту. Къ сему молю Бога принять васъ подъ Свою святую защиту“.

„Дано въ Потсдамѣ 16 іюля 1776 г.“

II.

„При обмѣнѣ роли г-жи Кохъ, какъ я вчера приказалъ, рѣчь идетъ лишь о томъ, чтобы поручить роль генія Россіи пѣвцу большого роста: и если Порпорини не можетъ ее выучить въ столь короткое время, то надо выбрать кого-нибудь другого такого же самаго роста, чтобы изобразить въ этой картинѣ генія Россіи, а г-жу Кохъ переодѣть въ хориста и поставить ее по сосѣдству съ этимъ геніемъ, такъ, чтобы не было замѣтно, что геній и тотъ, кто поетъ его роль, два различныхъ лица. Я предоставляю вамъ заботу устроить все это по соглашенію съ моимъ капельмейстеромъ—такъ, чтобы

моя воля была исполнена безъ ущерба для пролога. Къ сему молю Бога принять васъ подъ Свою святую защиту“.

Переписка короля съ Головкинымъ лишена пикантныхъ мѣстъ, въ родѣ тѣхъ, какія мы привели.

Она содержитъ разныя мелочи и техническія подробности, а также указанія на сбереженія, которыя можно было бы осуществить, о чемъ, главнымъ образомъ, заботился Фридрихъ Великій. „Я не люблю, ни чтобы меня обирали, ни чтобы обирали другихъ,—пишетъ онъ своему новому директору спектаклей,—поэтому я предоставляю каждому щипать курицу такъ, чтобы она не кричала, и выписать изъ Франціи тѣ перья, въ которыхъ встрѣтится надобность“.

„Вы должны—пишетъ онъ снова—стараться найти лучшихъ актеровъ и актрисъ, которые будутъ оплачиваться, согласно установленнымъ штатамъ, и должны устраивать дѣла такъ, чтобы при представленіяхъ соблюдались *возможнѣйшія экономія и совершенство*“.

Между прочимъ, король занялся съ Головкинымъ составленіемъ регламента, касающагося распредѣленія ложъ и мѣстъ въ театрѣ между придворными чинами и публикою, соотвѣтственно ихъ положенію. Лучшія мѣста были предоставлены генераламъ, министрамъ, высшимъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ, а также дворянству. „Что же касается четвертаго яруса, или райка,—повелѣваетъ король директору спектаклей—то тамъ можно сажать купцовъ, банкировъ и гражданъ, которые сами захотятъ тамъ сидѣть, а также евреевъ“.

Повидимому, послушные купцы, банкиры, граждане и евреи прусской столицы удовольствовались почетными мѣстами въ „райкѣ“. Однако же, лѣтописи того времени передаютъ, что одинъ голландскій банкиръ еврейскаго вѣроисповѣданія, возмущенный этой сомнительною честью, отослалъ королю обратно свой билетъ.

По этому поводу въ берлинскихъ гостинныхъ была распространена слѣдующая эпиграмма:

Въ вѣкъ просвѣщенья мудростью прославъ,
Еврейчика нахаломъ мы бранимъ
За то лишь, что билетъ отосланъ имъ!
Не лучше-ль, сплетни ходъ остановивъ,
Спросить, кто виноватъ? Кто знаетъ,
Не тотъ ли, *кто евреевъ въ рай сажаетъ!*" [1]).

Письма короля къ Головкину находятся въ архивѣ замка Монна. Они, какъ я уже сказалъ, имѣютъ лишь мало значенія; тѣмъ не менѣе, я съ величайшимъ интересомъ разсматривалъ эти маленькіе клочки пожелтѣвшей бумаги, покрытые убористымъ почеркомъ секретаря короля, Ле-Катта, и подписанные побѣдителемъ у Росбаха и Лейтена.

Головкинъ скоро замѣтилъ, что управленіе театромъ причиняетъ ему много мелкихъ непріятностей, которыя, въ концѣ-концовъ, его утомляли и вселили въ немъ отвращеніе къ этой должности. Поэтому онъ, несмотря на отличный пріемъ, оказанный ему Фридрихомъ, остался въ Берлинѣ не болѣе двухъ лѣтъ.

Освободившись отъ положенія, которое было ему въ тягость, графъ удалился въ Парижъ, чтобы насладиться тамъ вновь пріобрѣтенной свободой. Будучи поклонникомъ Руссо, онъ примѣнялъ наставленія этого философа къ воспитанію своихъ дѣтей и даже имѣлъ смѣлость прибавить къ существовавшимъ въ то время многочисленнымъ сочиненіямъ о воспитаніи собственную анонимную брошюру на французскомъ языкѣ [2]) подъ заглавіемъ: „*Мои мысли о воспитаніи женщинъ или основы проекта воспитанія моей дочери*“ (посвящено графинѣ д'Арвилль, урожденной княжнѣ де-ля-Чистерна), Лондонъ, 1777 VIII, 81 стр.

---

[1]) *Journal du Luxe et des Modes*, т. V, стр. 222 въ цитатѣ у *Шнейдера*: *Geschichte der Oper und des Königl. Opernhauses in Berlin*, стр. 237.

[2]) См. *Quérard*, *La France littéraire*, т. VIII, 1829. По каталогу же Британскаго музея эта брошюра была напечатана въ Мангеймѣ въ 1778 году.

Не имѣя подъ рукой этой брошюры, которую нельзя было розыскать, я долженъ ограничиться нѣсколькими разбросанными замѣчаніями его современниковъ, дающими довольно точныя понятія о воспитательномъ методѣ графа. Этотъ методъ не былъ лишенъ оригинальности и нравился Руссо, отрывокъ письма коего, изъ Бургоэна отъ 1768 г., приводится по этому поводу филэллиномъ Эйнаромъ:

„Я столь же тронутъ, сколь почтенъ интересомъ, засвидѣтельствованнымъ мнѣ г-номъ и г-жей Головкиными, и прошу васъ выразить имъ за то мою благодарность. Путь, который они избрали для воспитанія своихъ дѣтей, несомнѣнно, самый трудный, и если онъ окажется успѣшнымъ, то это лучше всего докажетъ добродѣтель самихъ родителей и пр. [1])“.

„Я встрѣтилъ графа въ Парижѣ, во время моей поѣздки въ 1777 г.,—разсказываетъ его пріятель Тьебо. — Онъ пришелъ ко мнѣ съ визитомъ въ сопровожденіи барышни, его дочери, представляющей собою до перваго часа дня очаровательнаго молодого человѣка, а послѣ этого и до самаго вечера прелестнѣйшую барышню [2])“.

Такому эксцентричному методу воспитанія соотвѣтствовали и сами воспитатели, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ. Въ числѣ ихъ былъ будущій изобрѣтатель республиканскаго календаря Жильберъ Роммъ, извѣстный также своимъ практическимъ курсомъ республиканизма, который онъ преподавалъ своему воспитаннику графу Павлу Строганову, а, главнымъ образомъ, своею трагическою смертью. Онъ нѣкоторое время преподавалъ дѣтямъ Головкина ариѳметику [3]).

Особенное вниманіе обращалось на физическое воспитаніе дѣтей. „Для того, чтобы оградить своихъ дѣтей отъ ревма-

---

[1]) *Eynard, Essai sur la vie de Tissot*, стр. 187.

[2]) Онъ по утрамъ одѣвалъ ее въ мужской костюмъ, а съ обѣда до вечера—въ женскій. (Прим. Тьебо).

[3]) *Великій Князь Николай Михайловичъ, графъ П. А. Строгановъ*, т. I, стр. 41.

тизма, которымъ онъ самъ страдалъ съ пятнадцатилѣтняго возраста,—разсказываетъ Тьебо,—онъ пріучалъ ихъ чуть не съ самаго рожденія принимать немедленно послѣ вставанія холодную ванну и питаться исключительно молокомъ и овощами".

Факты доказали превосходство метода графа Александра. Его дѣти (ихъ было двое) пользовались прекраснымъ здоровьемъ и дожили до глубокой старости.

Графъ скончался 5-го августа 1781 г. Какъ видно изъ свидѣтельства о его смерти, онъ былъ похороненъ на кладбищѣ для иностранцевъ въ Парижѣ. Въ томъ же свидѣтельствѣ значится, что онъ былъ кавалеромъ Мальтійскаго ордена, камергеромъ королей прусскаго и англійскаго, владѣльцемъ баронства Монна, а также Малымъ и Большимъ Во (Vaux) въ Швейцаріи, родился въ Гагѣ, пріобрѣлъ права швейцарскаго гражданства и умеръ сорока девяти лѣтъ отъ роду.

Его дочь Амалія, которую Тьебо встрѣтилъ въ Парижѣ, одѣтую утромъ мальчикомъ, а вечеромъ дѣвочкой, воспитывалась въ Пруссіи въ разлукѣ съ матерью ея опекуномъ и дядей, графомъ Шметтау. Она впослѣдствіи вышла замужъ за Местроля д'Арюффанъ и жила въ прелестномъ замкѣ Вюлльеранъ близъ Лозанны. Это была очень красивая и величественная дама, скончавшаяся въ 1855 г. въ возрастѣ восьмидесяти девяти лѣтъ и обладавшая до послѣдней минуты прекраснымъ здоровьемъ и всѣми своими чувствами. Въ эпоху Революціи она усердно принимала у себя эмигрантовъ, бѣжавшихъ въ Ваатландъ и, между прочимъ, мать маркиза Кюстина. У нея была только одна дочь, которая вышла замужъ за Александра де Фрейденрейха.

Тьебо сообщаетъ, что графъ Александръ Александровичъ Головкинъ поддерживалъ въ теченіе многихъ лѣтъ переписку съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, впослѣдствіи императоромъ Павломъ I, и что эта переписка началась по почину великаго князя, настоятельно желавшаго вести ее, въ

виду репутаціи графа, котораго онъ никогда не видѣлъ въ лицо. Со стороны графа эта переписка, — какъ утверждаетъ Тьебо, — имѣла болѣе нравственно-философскій, чѣмъ политическій характеръ. Но русскіе историки, а также графъ Федоръ Гавриловичъ Головкинъ ничего не упоминаютъ объ этой перепискѣ. Не имѣется о ней также ни малѣйшихъ слѣдовъ въ бумагахъ графа Александра. Спрашивается, пропала-ли эта переписка окончательно, или же она существовала только въ воображеніи Тьебо? Если-бы ее удалось отыскать, она явилась бы цѣннымъ вкладомъ въ исторію Павла I.

ГЛАВА V.

Послѣдній своего рода.

Возвращеніе въ Россію графа Юрія и другихъ внуковъ посла Александра Гавриловича. — Вѣроятная причина этого рѣшенія.— Обстоятельства, способствовавшія ихъ возвращенію.— Женитьба графа Юрія на Нарышкиной. — Посольство въ Китай. — Обширныя приготовленія къ этой экспедиціи. — Неудача. — Послѣдующая карьера графа Юрія: дипломатъ, оберъ-камергеръ, попечитель Харьковскаго учебнаго округа. — Характеристика, данная о немъ однимъ изъ русскихъ аристократовъ.

Единственному сыну графа Александра, Юрію Александровичу, при смерти отца едва минуло девятнадцать лѣтъ. Пользуясь всѣми преимуществами тщательнаго воспитанія и къ тому-же прекраснымъ здоровьемъ, ему ничего недоставало, кромѣ большого состоянія. По причинѣ его вѣроисповѣданія, всякая карьера во Франціи была ему закрыта. Не слѣдовало-ли ему, въ виду этого, направиться въ Берлинъ? Можно-ли было еще надѣяться на покровительство престарѣлаго Фридриха? Всѣ эти сомнѣнія озадачивали молодого человѣка. Одна только Россія, родина его предковъ, представляла шансы успѣха для отпрыска рода, носящаго историческое имя Головкина.

„Въ 1783 г.,—разсказываетъ графъ Федоръ, — было, наконецъ, рѣшено, что мой братъ[1]), я и мой двоюродный братъ, графъ

[1]) Петръ-Людвигъ-Фридрихъ, оберъ-егермейстеръ, родился 13-го января 1768 г. † 5 декабря 1821 г.; въ 1795 г. женился на Софьѣ Александровнѣ Демидовой, статсъ-дамѣ, род. 23 мая 1766 г. ум. 19 октября 1831 г. Надо полагать, что именно этотъ членъ семейства Головки-

Юрій, поѣдутъ на родину для того, чтобы поступить на службу и собрать остатки состоянія, которое было почти уничтожено“.

ныхъ, а не Петръ Александровичъ, какъ думаетъ кн. Лобановъ (Русская Родословная Книга, 2-е изд. 1895 г., стр. 162), во времена Павла принадлежалъ къ реформатской церкви въ С.-Петербургѣ, такъ какъ Петръ Александровичъ, который женился на своей племянницѣ, графинѣ Камеке, умеръ еще въ 1787 г. (см. таблицу IV). Къ нему же, стало-быть, относится разсказъ *Массона* въ его *„Mémoires secrets sur la Russie“*: „Французскіе и швейцарскіе реформаты имѣютъ въ Петербургѣ свою церковь, въ которой нѣмцамъ тоже разрѣшается устраивать богослуженія на ихъ языкѣ; а такъ какъ первоначальныя средства на содержаніе этого храма поступали отъ французовъ, то послѣдніе сохранили въ своихъ рукахъ завѣдываніе имъ. Но нѣмцы настаивали на полномъ соучастіи въ дѣлахъ прихода и начали процессъ, который они проиграли. Тогда они стали искать покровительства у Павла, который повелѣлъ разсмотрѣть дѣло вторично, въ ревизіонномъ порядкѣ. Сенатъ, однако, подтвердилъ свое первоначальное рѣшеніе. Послѣдовалъ новый протестъ со стороны нѣмцевъ и Павелъ приказалъ рѣшить дѣло въ ихъ пользу. Маннсбендель изъ Мюльгаузена былъ тогда французскимъ пасторомъ, а графъ Головкинъ, капитанъ флота, однимъ изъ церковныхъ старостъ; они позволили себѣ нѣкоторыя замѣчанія по поводу пристрастія государя. Вслѣдствіе этого, Маннсбенделя заключили въ тюрьму, откуда его выпустили съ обязательствомъ немедленно покинуть Россію; графу же Головкину было приказано тотчасъ же выѣхать изъ Петербурга; затѣмъ онъ получилъ второй приказъ отправиться на корабль, которымъ онъ командовалъ, и по прибытіи туда былъ разжалованъ въ матросы“. См. *Архивъ князя Воронцова*, стр. 400.

Кромѣ Петра и Юрія у графа Федора былъ еще меньшой братъ Гавріилъ (1775—1805 г.), капитанъ на голландской службѣ, который вернулся въ Россію позднѣе своихъ братьевъ. Онъ въ 1797 г. былъ принятъ въ Семеновскій полкъ и умеръ 19 октября 1805 г., вслѣдствіе ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи подъ Ламбахомъ. Отъ своей жены, урожденной Ауроры Паткуль, онъ имѣлъ единственнаго сына, умершаго въ очень молодыхъ годахъ. Яковъ Ивановичъ *де-Сангленъ* разсказываетъ въ своихъ *„Воспоминаніяхъ“* очень любопытный анекдотъ характеризующій его какъ весьма оригинальнаго человѣка (Русская Старина, т. XX[illegible]I, стр. 487).

„Такимъ образомъ, — продолжаетъ графъ Федоръ, — этотъ родъ, который могъ бы съ такимъ блескомъ возвыситься до подобающаго ему мѣста, подходитъ къ нему, послѣ пятидесятилѣтнихъ скитаній, понемногу и по частямъ, подобно остаткамъ племени, находившагося долгое время въ изгнаніи, утратившаго свою религію и забывшаго свой языкъ; онъ проситъ, чтобы ему опять позволили распоряжаться небольшими владѣніями, еще не конфискованными деспотизмомъ или не проданными по глупости и безпечности; и не имѣя болѣе ни друзей, ни слугъ, ни связей, онъ получаетъ въ видѣ милости отъ чужестранной императрицы-нѣмки то, что дочь Петра I убѣждала его принять, въ видѣ возмездія и дани раскаянія. Насъ было трое и мы принесли съ собою то, чего Россія не могла бы намъ дать — изящное и солидное воспитаніе, и все-же мы могли имѣть успѣхъ лишь путемъ интриги. Впрочемъ, мнѣ нечего упрекать себя въ этомъ и я не упрекаю также другихъ...“

Элегическія жалобы графа Федора не вполнѣ основаны на фактахъ. У Головкиныхъ были вліятельные покровители, среди которыхъ Екатерина занимаетъ первенствующее мѣсто. Эта императрица-философъ, такъ цѣнившая извѣстныя сочиненія доктора Циммермана: „Объ одиночествѣ“ и „О національной гордости“, вѣроятно, посмѣивалась внутренно надъ предразсудками, которые невѣжество и глупость такъ глубоко внѣдрили въ сердца ея подданныхъ. Эти предразсудки сводятся къ принципу, что все, что не отъ народа, что различается отъ его нравовъ и обычаевъ—какъ бы они ни были глупы и смѣшны—въ силу внутренней необходимости скверно и не заслуживаетъ подражанія. Какъ умная и хитрая женщина, Екатерина умѣла щадить эти убѣжденія. Ей это такъ хорошо удалось, что русскіе совсѣмъ забыли, что она была нѣмкой. „Извѣстно,—разсказываетъ Вигель, — какъ однажды Екатерина, которой надо было пустить кровь, храбро протянула руку своему англійскому врачу Роджерсону, сказавъ ему: „Пускайте кровь, пус-

кайте ее хорошенько, чтобы въ моихъ жилахъ не осталось ни одной капли нѣмецкой крови[1])“.

Поэтому, въ намѣренія Екатерины входило льстить самолюбію окружавшихъ ее лицъ, тосковавшихъ по давно и безвозвратно минувшимъ временамъ, — когда она вызвала изъ чужихъ еретическихъ странъ Головкиныхъ, этихъ блудныхъ сыновей древней Москвы, съ тѣмъ чтобы вернуть ихъ въ лоно святой Православной Церкви.

Нельзя не пожалѣть, что въ бумагахъ графа Федора не сохранилось подробностей о переговорахъ, предшествовавшихъ возвращенію въ Россію Головкиныхъ. Можно лишь дѣлать предположенія на счетъ вліяній, способствовавшихъ перемѣнѣ мыслей трехъ послѣднихъ представителей этого покинувшаго родину семейства. Надо полагать, что графиня Камеке, урожденная Головкина, о которой была рѣчь въ предыдущей главѣ, не была чужда этого неожиданнаго рѣшенія[2]). Графиня пользовалась большою симпатіею при дворѣ Фридриха Великаго и была дружна съ Екатериной, такъ что, по всей вѣроятности, ея молодые племянники обязаны ей ласковымъ пріемомъ при русскомъ Дворѣ.

„Въ первый разъ,—разсказываетъ графъ Федоръ, —когда я, несмотря на мою крайнюю молодость и отсутствіе всякой про-

---

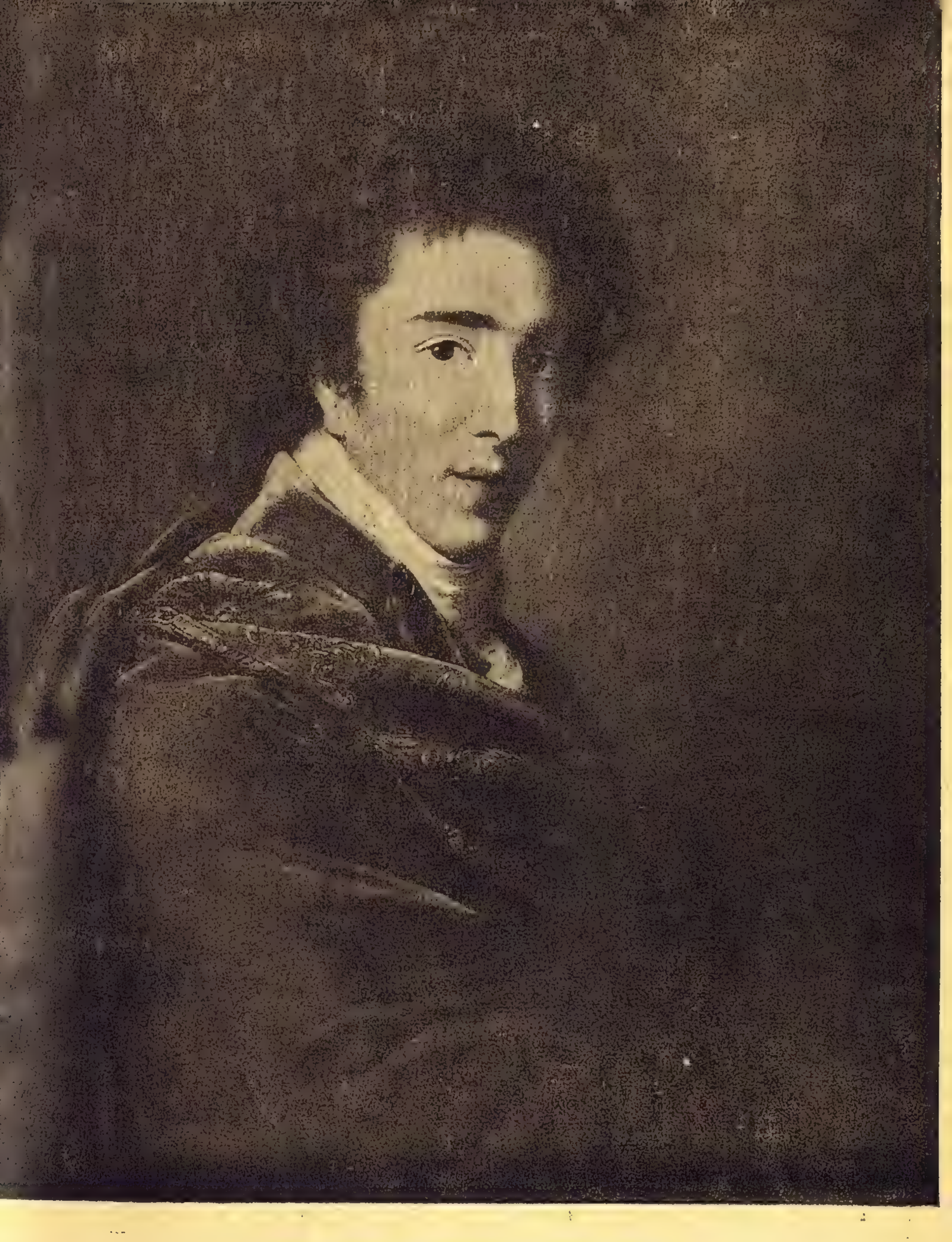
[1]) *Wigel*, *La Russie envahie par les Allemands*, стр. 65.

[2]) Вѣроятно, просьбы Екатерины Ивановны Головкиной, урожд. Ромодановской, вдовы Михаила Гавриловича, тоже способствовали этому результату. „Екатерина II—пишетъ князь Долгоруковъ въ своихъ Мемуарахъ (т. I, стр. 115)—во время коронованія вняла просьбамъ этой почтенной старухи и дала знать семейству Головкиныхъ, что они могутъ вернуться въ Россію въ полной безопасности, что ихъ имущество имъ будетъ возвращено и что имъ будетъ разрѣшено остаться въ реформатскомъ вѣроисповѣданіи. Сыновья графа Александра Гавриловича, свыкшіеся съ пребываніемъ въ Голландіи, для себя почтительно отказались отъ милости императрицы, но приняли ея предложеніе для своихъ сыновей.

текціи, былъ допущенъ къ вечернему собранію, что называли „малымъ собраніемъ у императрицы“, Ея Величество, замѣтивъ, вѣроятно, нѣкоторое удивленіе на лицахъ остальныхъ участниковъ этого собранія, бывшихъ болѣе или менѣе въ ея возрастѣ, начала самымъ естественнымъ тономъ разсказывать подробности жизни, которую она вела до ея вызова въ Россію. Желая насъ ознакомить съ удручавшею ее тогда бѣдностью, она сказала намъ:

„Зимою 1742 г. я испытала одну изъ величайшихъ радостей моей жизни. Мнѣ тогда было всего тринадцать лѣтъ и мой отецъ былъ такъ добръ, что послалъ меня, во время карнавала, на двѣ недѣли въ Берлинъ; но я была такъ бѣдна и такъ плохо одѣта, что не рѣшалась нигдѣ показаться... Тогда графиня Камеке, его тетя,—прибавила она, указавъ на меня,—сжалилась надо мною. Она заказала мнѣ—что считалось тогда верхомъ изящества — платье изъ желтой камки, обшитое серебрянымъ галуномъ, и взяла меня съ собою къ королевѣ и къ принцессамъ крови, гдѣ я могла каждый вечеръ танцовать. Съ тѣхъ поръ ничего, кажется, не доставляло мнѣ такого удовольствія, какъ то платье!“.

Годъ спустя послѣ пріѣзда въ Россію, графъ Юрій Александровичъ женился на Екатеринѣ Львовнѣ Нарышкиной — весьма выгодная для него партія, такъ какъ его тесть, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, былъ одинъ изъ приближенныхъ Эрмитажа и его остроумные каламбуры пользовались благосклоннымъ вниманіемъ Семирамиды Сѣвера. Къ тому же родъ Нарышкиныхъ былъ очень богатъ и восходилъ до весьма почтенной древности; къ нему, какъ извѣстно, принадлежала мать Петра I, а впослѣдствіи отъ него произошла особа, сдѣлавшаяся предметомъ сердечнаго вниманія императора Александра I, ибо братъ жены графа Юрія Головкина, оберъ-егермейстеръ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, былъ снисходительный супругъ. Впрочемъ, грація и красота его жены, очаровательной Марьи Антоновны, урожденной княжны

Князь Иванъ Ивановичъ Барятинскій.
(1772—1825).

Съ карт. *Виже-Лебрёнъ*.

ДМИТРІЙ ЛЬВОВИЧЪ НАРЫШКИНЪ.
Писалъ Гуттенбруннъ.

Четвертинской, его не трогали; но ея чары были достаточно привлекательны, чтобы завладѣть сердцемъ могущественнаго государя, даже когда онѣ бывали „украшены только простымъ платьемъ изъ бѣлаго крепа и гирляндой изъ тѣхъ лиловыхъ цвѣтовъ, которые называются „незабудками“ — какъ описываетъ г-жу Нарышкину графиня Шуазёль-Гуффье въ своихъ „Мемуарахъ“.

Карьера большого русскаго барина въ началѣ девятнадцатаго вѣка дѣлалась уже не такъ быстро, какъ во времена Елисаветы и Екатерины, когда безусые юноши нахватывали званія и должности гетмана казаковъ и президента Академіи Наукъ. Но хотя просвѣщенный умъ Александра I принципіально отвергалъ эти быстрыя повышенія, они все-таки не были еще совсѣмъ забыты въ царствованіе, славныя начала коего предвѣщали побѣду просвѣщенія надъ произволомъ и грубой силой. Поэтому, продолжали искать опору трона предпочтительно среди лицъ, блиставшихъ своимъ происхожденіемъ, при чемъ старались замѣнить заслуги, весьма часто отсутствовавшія, пышными титулами и высокопарными званіями. Такова роковая сила привычки!

Нечего, слѣдовательно, удивляться, что графъ Юрій, обладавшій кромѣ преимуществъ своего имени еще и тщательнымъ воспитаніемъ, проложилъ себѣ дорогу такъ же скоро, какъ любой безграмотный и грубый мандаринъ. Придворные альманахи приводятъ его быстро повышающимся по лѣстницѣ чиновъ, со ступеньки на ступеньку. Въ 1795 г. онъ—камергеръ; въ 1801 г.—сенаторъ, предсѣдатель департамента торговли и оберъ-церемоніймейстеръ Двора; нѣсколькими годами позже—дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго.

Въ описаніи этой жизни, протекавшей, въ общемъ, довольно однообразно, можно ограничиться воспоминаніемъ о происшествіи, о которомъ одинъ русскій, современникъ графа Юрія, передаетъ весьма любопытный разсказъ:

„Въ началѣ 1805 г.,—пишетъ Вигель [1]),—было рѣшено послать графа Головкина, во главѣ многочисленнаго посольства, въ Китай. Надѣялись путемъ удачныхъ переговоровъ заставить китайцевъ возвратить намъ Пріамурскій край, уступленный Китаю во времена Анны Іоанновны и Бирона, когда нѣмцы такъ хорошо соблюдали интересы Россіи. Можетъ-быть,—прибавляетъ Вигель,—выборъ палъ на Головкина, потому что онъ былъ оберъ-церемоніймейстеръ, а китайцы изъ всѣхъ народовъ міра наиболѣе привыкли къ церемоніямъ, но я сознаюсь и даже убѣжденъ въ томъ по сіе время, что въ этомъ дѣлѣ съ самаго начала ничего не было твердо рѣшено. Графа Головкина послали въ Китай... такъ себѣ... на всякій случай... наудачу. Я самъ походилъ на матроса, который сѣлъ на корабль, не спросивъ, зачѣмъ ѣдутъ въ Индію, или въ Бразилію, или въ Канаду".

Свита, сопровождавшая посланника, была очень многочисленна. Тамъ были секретари, кавалеры, дворяне, прикомандированные къ посольству, доктора, фармацевты, исторіографы, художники-живописцы. Затѣмъ представители науки: одинъ астрономъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шубертъ, отличавшійся своею шляпою съ султаномъ и громадной звѣздой

---

[1]) *„Воспоминанія"*, т. II. Ихъ авторъ Филиппъ Вигель — весьма любопытная личность. Будучи по рожденію нѣмцемъ, онъ отличался ненавистью къ своему народу — общею всѣмъ отступникамъ чертою. Его весьма интересныя „Воспоминанія" относятся, главнымъ образомъ, къ царствованіямъ Павла I и Александра I. Кромѣ того, онъ издалъ въ 1844 г. брошюру: *„Россія, захваченная нѣмцами"*. Его точка зрѣнія, открыто выраженная въ этомъ памфлетѣ, представляетъ собою, вѣроятно, секретныя мысли громаднаго большинства русскаго народа. Вигель принадлежалъ къ тому сословію второстепеннаго дворянства, происходящаго отъ дѣтей священниковъ, чиновниковъ, артистовъ и всякаго рода служащихъ, прибывшихъ изъ-за границы, которые—согласно исполнившемуся отчасти предсказанію маркиза Кюстина (La Russie en 1839, т. II, стр. 126)—„начнутъ будущую революцію въ Россіи".

св. Анны, которая красовалась у него на груди; профессора: зоологіи, минералогіи и ботаники; переводчики и, наконецъ, знаменитый оріенталистъ Клапротъ [1]).

Предусмотрительность правительства дошла до того, что оно къ этой, и безъ того очень многочисленной свитѣ, прибавило еще нѣсколько военныхъ топографовъ, чтобы снимать, въ случаѣ надобности, въ Китаѣ топографическія карты и, наконецъ, одного архимандрита съ внушительнымъ персоналомъ духовныхъ лицъ и студентовъ богословскихъ наукъ, — можетъ-быть съ цѣлью сгладить то прискорбное обстоятельство, что лица, стоявшія во главѣ посольства, очень мало заботились о православіи, ибо Головкинъ самъ былъ реформатскаго вѣроисповѣданія, Потоцкій—католикъ, а Байковъ, первый секретарь Головкина,—атеистъ. Сорокъ драгунъ и двадцать казаковъ съ офицерами должны были сопровождать экспедицію для ея безопасности. Эта предосторожность была необходима въ виду огромнаго обоза, сопровождавшаго ее. Чего только не было въ этомъ обозѣ! Драгоцѣнные подарки для китайскаго императора, въ томъ числѣ нѣсколько зеркалъ необыкновенной величины, которыя, какъ полагали, должны были въ одно и то же время испугать и восхитить китайцевъ; затѣмъ много дорожной мебели, роскошный столовый приборъ изъ серебра для ежедневной надобности представителей посольства; наконецъ, цѣлый оркестръ музыкантовъ и, дабы не было ни въ чемъ недостатка,—дорожная канцелярія.

Всѣ члены экспедиціи были одѣты въ зеленые мундиры съ бѣлыми металлическими пуговицами. Благодаря вліянію графа Головкина, его свитѣ было разрѣшено нашить на мундиры

---

[1]) Клапротъ издалъ въ 1809 г. въ Лейпцигѣ (2-е изд. въ 1817 г.) анонимную брошюру: „Die russische Gesandschaft nach China im Jahre 1805", которая считается теперь библіографическою рѣдкостью и гдѣ онъ описалъ приключенія этой экспедиціи, не пощадивъ критики по адресу нѣкоторыхъ членовъ ея, въ особенности графа Головкина.

серебряные галуны и украсить головы зелеными шапками, напоминавшими казачьи папахи.

Вся эта масса людей тронулась въ путь отдѣльными отрядами въ началѣ лѣта 1805 г. Путешествіе совершалось небольшими этапами и лишь въ сентябрѣ этотъ огромный караванъ соединился въ Иркутскѣ.

Согласно дипломатическому обычаю, графъ Головкинъ не преминулъ извѣстить китайское правительство о своемъ прибытіи въ столицу Сибири и послать ему одновременно подробный списокъ лицъ, составлявшихъ его свиту. Отвѣтъ китайцевъ не заставилъ себя долго ждать. Будучи крайне подозрительными, мандарины потребовали уменьшенія персонала посольства, на что со стороны графа тотчасъ же послѣдовало согласіе. Первый, кого принесли въ жертву требованію китайскаго правительства, былъ астрономъ экспедиціи; многіе другіе, въ томъ числѣ знаменитый оріенталистъ Клапротъ, также были вычеркнуты изъ списковъ, но по секрету. Приказъ о возвращеніи въ Россію былъ имъ сообщенъ лишь въ Кяхтѣ, на границѣ Сибири. Но опасенія китайцевъ не были вполнѣ разсѣяны исключеніемъ астронома и оріенталиста. „Было весьма потѣшно—пишетъ Вигель—наблюдать за китайскими солдатами. Подобно азіатскимъ купидонамъ, съ лукомъ и колчаномъ за спиною, и со стекляннымъ шарикомъ и павлиньимъ перомъ на шапкѣ, эти герои окружали нашихъ драгунъ, съ явно изображеннымъ на ихъ лицѣ страхомъ. И, дѣйствительно, всѣ наши солдаты были великаны съ огромными усами, ихъ лошади были болѣе похожи на слоновъ, а на головѣ они носили каски неимовѣрной величины!“...

21 декабря 1805 г. огромный караванъ длиною почти въ версту тронулся по направленію къ пустынѣ Гоби. Цѣлыя стада степныхъ лошадей были запряжены въ европейскіе экипажи и повозки, которыхъ они никогда въ жизни не видали. Они ржали и становились на дыбы, а нерѣдко и разрывали постромки. На козлахъ сидѣли монголы, рядомъ съ русскими

кучерами, которые учили ихъ обращаться съ поводами. Другіе монголы, привлекаемые любопытствомъ, кружились на своихъ маленькихъ лошадкахъ вокругъ экспедиціи. Во главѣ каравана гарцовалъ на своей великолѣпной лошади самъ посланникъ, съ страшно величавымъ видомъ, сопровождаемый блестящей кавалькадой...

Результаты этого чрезвычайнаго посольства не соотвѣтствовали его блестящему началу. Послѣ трехнедѣльнаго похода черезъ пустыню Гоби, караванъ остановился вблизи одного монгольскаго стана, гдѣ его ждали посланные изъ Пекина навстрѣчу мандарины. Первые дни прошли въ обмѣнѣ вѣжливостей, т.-е. безконечныхъ церемоніяхъ. Посланникъ обошелся съ китайцами совсѣмъ на европейскій ладъ, очень любезно и благосклонно, но, повидимому, такое обращеніе не производило должнаго впечатлѣнія на монголовъ. Они смотрѣли на посланника болѣе какъ на жонглера, посланнаго Россіей для ихъ развлеченія, и съ каждымъ днемъ ихъ требованія становились непомѣрнѣе. Терпѣніе Головкина было подвергнуто тяжкому испытанію. Китайцы имѣли даже смѣлость предложить ему повторить весь церемоніалъ [1]), которому подвергались всѣ лица, представляющіяся китайскому императору. Его пригласили въ помѣщеніе, гдѣ висѣлъ портретъ сына небесъ; онъ долженъ былъ войти туда на четверенькахъ съ подушкой на спинѣ, на которой должна была лежать вѣрительная грамота. Посланникъ отвѣтилъ, что онъ могъ бы рѣшиться на такое уничиженіе только въ томъ случаѣ, если бы ему это было разрѣшено особымъ приказомъ его государя. Можетъ быть, онъ думалъ напугать китайцевъ перспективой прожить еще долго на ихъ счетъ. Но на слѣдующій день всѣ подарки, которые онъ привезъ для китайцевъ, оказались разбросанными на

[1]) Церемонія подъ названіемъ кэу-тэу. Всякое лицо, допущенное къ аудіенціи у китайскаго императора, должно стать на колѣни, опираясь руками на полъ, стукнуть челомъ три раза о полъ, а затѣмъ привстать и повторить этотъ поклонъ еще два раза. (См. Клапротъ).

землѣ, вблизи его палатки. Послѣ этого ему не оставалось ничего больше, какъ вернуться въ Россію чрезъ Сибирь, въ страшный холодъ и подъ угрозой голода.

Подобно Моисею, но еще несчастнѣе его, Головкинъ вернулся въ Кяхту, не узрѣвъ послѣ пятидесяти шести дневнаго скитанія по пустынѣ обѣтованной земли!

Графъ Юрій Александровичъ исполнилъ свой долгъ, какъ честный человѣкъ; но эта экспедиція, явившаяся посмѣшищемъ и нанесшая ущербъ престижу Россіи на Дальнемъ Востокѣ, отразилась также и на его карьерѣ. Ему стали поручать лишь второстепенныя дипломатическія миссіи. Въ 1808 г. императрица Марія Феодоровна выбрала его, чтобы подготовить женитьбу принца Георгія Ольденбургскаго на великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Позднѣе его назначили повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Карлсруэ, а въ 1818 г., когда китайская экспедиція уже была предана забвенію,—посломъ въ Вѣнѣ.

Въ 1820 г. онъ присутствовалъ на конгрессѣ въ Троппау, вмѣстѣ съ Нессельроде, Каподистрія, Волконскимъ и Алопеусомъ, чтобы поддержать тамъ интересы Россіи.

Но его пребываніе въ Вѣнѣ [1]) продолжалось недолго. Онъ не сумѣлъ пріобрѣсти довѣрія Меттерниха [2]) и съ 1822 г. мы

---

[1]) Баронесса Монтэ, которая въ своихъ интересныхъ „Воспоминаніяхъ“ (*Souvenirs*, Paris, Plon) оставила намъ вѣрное описаніе высшаго вѣнскаго общества въ началѣ прошлаго столѣтія, нѣсколько разъ упоминаетъ о графѣ Юріи Головкинѣ: „... Графъ Головкинъ, который дошелъ до великой китайской стѣны, пользуется съ величайшимъ остроуміемъ преимуществами путешественниковъ, возвращающихся изъ дальнихъ странъ...“ (стр. 182) ... „Г. Головкинъ устроилъ въ эту зиму у себя балъ; онъ, между прочимъ, пригласилъ на этотъ балъ князя Морица Лихтенштейна, скончавшагося два года тому назадъ! Какое это было грустное развлеченіе для его вдовы!“

[2]) Выписка изъ частнаго письма князя Меттерниха отъ 29 іюля 1820 г. (по поводу разразившейся въ Неаполѣ революціи): „Невозможно себѣ представить наивность Головкина; она можетъ быть сравнена

находимъ его постоянно въ отпуску, то въ Петербургѣ, то за границей.

Въ 1831 г. престарѣлый графъ былъ назначенъ членомъ департамента законовъ государственнаго совѣта. Это для него была совершенно незнакомая область, но въ то время въ Россіи не смотрѣли отрицательно на незнаніе дѣлъ: преданность государю, сѣдые волосы, а главное, строго военная выправка цѣнились въ глазахъ правительства не менѣе мудрости. Это была та именно эпоха, которая такъ хорошо характеризуется шуткой князя Петра Долгорукова [1]): „Чиновникъ или генералъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ, назначается въ сенатъ; при второмъ ударѣ его производятъ въ члены государственнаго совѣта, а при третьемъ—онъ можетъ расчитывать на должность министра".

Нѣсколькими годами позже мы снова встрѣчаемся съ почтеннымъ старцемъ; онъ исполняетъ щекотливыя обязанности оберъ-камергера при свадьбѣ великой княжны Маріи Николаевны, дочери императора Николая, съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ: „Графъ Головкинъ вступилъ въ должность по случаю свадебныхъ празднествъ—пишетъ Кюс-

---

лишь съ его доброю волею, которая несомнѣнно безукоризненна. Это одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ не достаетъ руководящей мысли; онъ корректенъ и некорректенъ, клерикалъ и либералъ, христіанинъ и язычникъ—все въ теченіе четверти часа. (*Мемуары* князя Меттерниха. т. III, стр. 263).

Выдержка изъ частнаго письма князя Меттерниха изъ Троппау, 1-го ноября 1820 г.: „Вечера, когда гроза гремитъ снаружи и большія капли дождя стучатъ въ окна, казалось бы, особенно располагаютъ къ интимнымъ разговорамъ. Этотъ опытъ, который мнѣ пришлось такъ часто дѣлать, провѣренъ мною снова во время длиннаго разговора съ Нессельроде, сидѣвшимъ передо мною за столомъ, за которымъ я писалъ, и вышедшимъ отъ меня не болѣе десяти минутъ тому назадъ. Онъ самъ началъ разговоръ о невозможности оставить Головкина въ Вѣнѣ. Императоръ не желаетъ читать его донесеній, а Каподистрія не хочетъ его слушать (см. *Mémoires*, т. III, стр. 375).

[1]) *Prince Pierre Dolgoroukow*: „*La vérité sur la Russie*", стр. 46.

тинъ [1])—но у него меньше опыта, чѣмъ у его предмѣстника. Одинъ изъ назначенныхъ имъ молодыхъ камергеровъ навлекъ на себя гнѣвъ императора, а на своего начальника—довольно строгій выговоръ. Это было на балу у великой княгини Елены Павловны. Императоръ какъ разъ разговаривалъ съ австрійскимъ посломъ. Молодой камергеръ, получивъ отъ великой княгини Маріи Николаевны приказаніе пригласить этого посла на танецъ, желая скорѣе исполнить это порученіе, прорываетъ кругъ, отдѣлявшій его отъ разговаривавшихъ и въ присутствіи Его Величества стремительно подлетаетъ къ послу со словами: „Графъ, герцогиня Лейхтенбергская проситъ васъ на первый полонезъ".

„Императоръ, раздосадованный незнаніемъ этикета со стороны молодого камергера, сказалъ ему очень громко: „Васъ только что назначили на должность камергера, милостивый государь, и вамъ слѣдуетъ учиться ее исполнять: во первыхъ, мою дочь зовутъ не герцогиней Лейхтенбергской, а великой княгиней Маріей Николаевной, а затѣмъ вы должны знать, что меня нельзя прерывать, когда я разговариваю съ кѣмъ-нибудь".

„Новый камергеръ, получившій такой строгій выговоръ изъ устъ самого государя, былъ, къ несчастью, бѣднымъ польскимъ дворяниномъ. Императоръ не ограничился этими нѣсколькими словами: онъ велѣлъ призвать оберъ-камергера и посовѣтовалъ ему быть на будущее время осторожнѣе въ выборѣ камергеровъ".

Спрашивается поневолѣ, къ чему графъ Юрій Александровичъ добровольно подвергалъ себя такимъ непріятностямъ. Дѣлалъ ли онъ это изъ любви къ родинѣ? Или изъ привязанности къ долгу службы? Отчего онъ не предпочелъ проводить дни своей старости въ почетномъ отдыхѣ, достойномъ сына философа? Надо полагать, что въ то время нѣкоторыя финан-

[1]) *Custine, La Russie en 1839,* т. II, стр. 26 и сл.

Свѣтл. Княгиня НАТАЛІЯ ЮРЬЕВНА САЛТЫКОВА-ГОЛОВКИНА.

совыя неудачи его почти разорили; это подтверждается какъ будто тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ еще въ теченіе двѣнадцати лѣтъ дышалъ пыльной атмосферой русскихъ канцелярій. Съ другой стороны этому противорѣчатъ распоряженія, сдѣланныя имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, коими онъ учредилъ маіоратное владѣніе надъ 8000 душъ. До восьмидесяти четырехлѣтняго возраста онъ исполнялъ должность попечителя Харьковскаго учебнаго округа[1]), каковое мѣсто, однако, вовсе не соотвѣтствовало его прежней карьерѣ.

Графъ Юрій Александровичъ не оставилъ послѣ себя наслѣдниковъ мужского пола. Его единственная дочь, Наталія, вышла замужъ за князя Салтыкова, одинъ изъ дальнихъ потомковъ котораго и теперь еще владѣетъ учрежденнымъ графомъ Юріемъ маіоратомъ[2]).

Графъ Юрій Александровичъ,—пишетъ одинъ изъ представителей русской аристократіи, князь Петръ Долгоруковъ[3]), —былъ тоже порядочный хвастунъ; это былъ настоящій типъ салоннаго кавалера восемнадцатаго столѣтія. Высокаго роста, стройный, онъ въ девяностолѣтній возрастъ держалъ себя, какъ человѣкъ пятидесяти лѣтъ; каждое утро онъ совершалъ прогулку по Невскому проспекту и каждый вечеръ посѣщалъ гостиныя, любезничалъ съ дамами и ухаживалъ за всѣми мужчинами, имѣвшими вліяніе при Дворѣ. Возвратившись въ Россію, когда ему было восемнадцать лѣтъ отъ роду, онъ никогда не научился, какъ слѣдуетъ, говорить по-русски. Въ

---

[1]) Императоръ Николай поручилъ ему эту должность вслѣдствіе разговора, который онъ имѣлъ съ нимъ по поводу англійскихъ университетовъ. См. *Карновичъ: Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи.* С.-Петербургъ 1885 г.

[2]) Въ замкѣ, въ Ваатландѣ, гдѣ графъ Юрій провелъ счастливые дни своей молодости, можно теперь еще видѣть двѣ акварели, представляющія церковь и паркъ въ Константиновѣ, близъ Харькова, имѣніи, принадлежавшемъ тогда ему.

[3]) Князь *Петръ Долгоруковъ, Мемуары* т. I, стр. 116.

царствованіе императора Павла онъ былъ сенаторомъ и когда въ томъ департаментѣ сената, гдѣ онъ засѣдалъ, какой-то процессъ былъ рѣшенъ неправильно, всѣ сенаторы этого департамента получили выговоры „за исключеніемъ—какъ было сказано въ Высочайшемъ указѣ—тайнаго совѣтника Головкина, по той причинѣ, что онъ не знаетъ русскаго языка, при чемъ указать ему на необходимость изучить этотъ языкъ, какъ можно скорѣе“ [1]).

---

[1]) Этотъ самый анекдотъ приводится *Шубинскимъ* въ его *Историческихъ очеркахъ и разсказахъ*. Но странно, что этотъ русскій ученый приписываетъ неаполитанское посольство начальнику неудачной китайской экспедиціи, не подозрѣвая, повидимому, о существованіи веселаго графа Федора.

ГЛАВА VI.

Графъ Федоръ.

Родители графа Федора.—Его воспитаніе.—Берлинскія впечатлѣнія.—Возвращеніе въ Россію.—Екатерина II назначаетъ его камеръ-юнкеромъ за то, что онъ подалъ прошеніе въ стихахъ на французскомъ языкѣ.—Его жизнь при Дворѣ.—Сказочная страна.—Шутки.—Федоръ въ качествѣ стратега.—Дѣло Любомирскаго.—Чтобы удалить его изъ Россіи, императрица назначаетъ его посланникомъ въ Неаполь.—Поѣздка туда.—Критическое положеніе королевства Обѣихъ Сицилій.—Графъ Федоръ вмѣшивается въ неаполитанскія дѣла.—Сатирическіе куплеты на неаполитанскую королеву окончательно компрометируютъ его.—Немилость.—Возвращеніе въ Россію маленькими этапами.—Пребываніе въ Венеціи у принца Нассау-Зигенскаго.—Заключеніе въ Перновскую крѣпость.—Его освобожденіе послѣ смерти Екатерины II.—Императоръ Павелъ I назначаетъ его церемоніймейстеромъ.—Вторичное изгнаніе.—Съ 1801 по 1823 г. онъ ведетъ жизнь космополита.—Пребываніе во Флоренціи съ 1816 по 1817 г.—Его литературные труды.—Его Мемуары.

Авторъ сочиненія, впервые печатаемаго въ этой книгѣ, родился въ Голландіи отъ матери, уроженки Нидерландовъ, и отъ отца смѣшанной національности. Послѣдній, графъ Гавріилъ-Марія-Эрнстъ Головкинъ [1]), началъ свою карьеру въ рядахъ швейцарской гвардіи французскаго короля, подъ фамиліей маркиза де Феррассьеръ, и кончилъ ее въ чинѣ генералъ-лейтенанта на службѣ Нидерландовъ. Нѣтъ поэтому ни-

---

[1]) О немъ, очевидно, говоритъ баронесса Оберкирхъ въ своихъ „*Мемуарахъ*" (глава XVIII). Въ качествѣ компаніонки графини дю Норъ она познакомилась съ нимъ въ Голландіи, лѣтомъ 1782 г.

чего удивительнаго въ томъ, что его сынъ Федоръ, родившійся въ 1766 г., сдѣлался *космополитомъ.*

Въ 1778 г. этотъ молодой человѣкъ былъ посланъ въ Берлинъ, чтобы пройти тамъ курсъ наукъ и закончить свое воспитаніе; „ибо—говоритъ самъ графъ Федоръ — можно быть очень ученымъ и не знать приличій большого свѣта; мы это видимъ ежедневно повсюду, даже въ Парижѣ"... „За исключеніемъ математика Лагранжа и физика Ашара—продолжаетъ онъ—тамъ были только второстепенные ученые, какъ Деніусъ, Маріанъ, Битобе, Тьебо, Формей, уже выжившій изъ ума, его зять Мейеротто, Бернульи и нѣсколько нѣмцевъ; но это было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы дать дворянину съ доброю волею ту дозу знаній, въ которой онъ нуждается, и внушить ему желаніе расширить со временемъ и собственными силами кругъ этихъ знаній".

„Такъ какъ домъ вдовствующей графини Камеке [1]), старшей сестры моего отца, считался тогда лучшимъ въ Берлинѣ, я имѣлъ случай изучить тамъ науки и въ то же время ознакомиться съ обществомъ и немного съ Дворомъ, ибо графиня часто имѣла честь принимать у себя принцевъ крови. Какъ почти всегда въ подобныхъ случаяхъ, это имѣло свои хорошія и дурныя стороны.

„Я нашелъ, что Берлинъ очень большой городъ, состоящій изъ дворцовъ, построенныхъ по планамъ Палладіо и другихъ знаменитыхъ архитекторовъ; но при всемъ томъ это пустынный, мрачный и бѣдный городъ, начиная съ простого народа

---

[1]) „Графиня Камеке, отличавшаяся своимъ умомъ, впослѣдствіи помѣшалась отъ разныхъ постигшихъ ее огорченій—говоритъ о ней графъ Федоръ—и когда связанный съ нею пятидесятилѣтнею дружбою, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Финкенштейнъ, посѣтилъ ее въ этомъ состояніи, она крикнула ему навстрѣчу съ кровати, гдѣ ее удерживали: „Не входите сюда, подумайте, что государство въ вашихъ рукахъ. Дружба могла бы сдѣлать мою болѣзнь заразительной для васъ!"

и до принцевъ включительно. Въ жизни все относительно. Братья короля пользовались, по слухамъ, хорошими доходами, но въ другихъ странахъ простые дворяне богаче ихъ! Фридрихъ Великій выходилъ изъ своего святилища, въ Потсдамѣ, только для того, чтобы производить маневры войскамъ въ разныхъ частяхъ своего государства. Его присутствіе въ столицѣ во время карнавала было событіемъ для однихъ только членовъ дипломатическаго корпуса и для иностранцевъ, имѣющихъ входъ ко двору. Публика могла его тогда видѣть одинъ или два раза въ партерѣ оперы, гдѣ по старому обычаю, въ очень красивой, но плохо освѣщенной залѣ весьма посредственные пѣвцы и танцовщицы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль изощрялись въ своемъ искусствѣ. Представительство при Дворѣ было возложено на королеву и на принцевъ крови, исполнявшихъ эти обязанности со скупостью пропорціональною ихъ доходамъ. Королева, престарѣлая и весьма почтенная женщина, отличалась умомъ, свойственнымъ Брауншвейгскому семейству, но она до крайности заикалась и, такъ какъ неудобно было обращать на это вниманіе, то разговоръ съ нею бывалъ затруднителенъ и даже нерѣдко принималъ комическій оборотъ, вслѣдствіе несуразныхъ отвѣтовъ лицъ, съ которыми она разговаривала. Принцъ Генрихъ, № 2 королевскаго дома, проживалъ въ Рейнсбергѣ, откуда онъ появлялся лишь изрѣдка, въ видѣ жреца, произносящаго оракулы, которые онъ, однако, довѣрялъ лишь на ухо. Принцесса, его супруга, съ которой онъ никогда не встрѣчался, устраивала въ опредѣленные дни въ одномъ изъ флигелей своего дворца въ Берлинѣ вечера съ безконечными и прескверными ужинами, которые, однако, сопровождались иногда весьма интересными разговорами.

„Принцъ Фердинандъ, третій братъ короля и гросмейстеръ прусскаго ордена св. Іоанна, обладая болѣе значительными средствами, велъ болѣе широкій, хотя не менѣе скучный образъ жизни, то во дворцѣ своего Ордена въ Берлинѣ, то въ

своемъ замкѣ Фридрихсфельде, настоящемъ оазисѣ среди песковъ, окружающихъ столицу. Принцесса Амалія, сестра короля, была нѣкогда знаменита своей красотой, а теперь не менѣе отличалась своимъ безобразіемъ. Министры и генералы весьма скудно оплачивались, но старались показать путешественникамъ свои дома съ наиболѣе выгодной стороны; и они, однако, не могли сгладить того впечатлѣнія, что слава здѣсь окружена атмосферой скуки, облечена въ бѣдность и повсюду проявляетъ посредственность.

„Нѣкоторые изъ путешественниковъ добивались, но лишь весьма рѣдко и на короткое время, отличія добраться шагъ за шагомъ, чрезъ море песку, до святилища, гдѣ геній работалъ надъ созданіемъ средствъ изъ ничего. Этихъ рѣдкихъ аудіенцій могли удостоиться только лица, прославившіяся чѣмъ-нибудь, хотя и не всегда своими заслугами, и вызывающія скорѣе любопытство, чѣмъ уваженіе. Къ тому же эти аудіенціи не всегда проходили для посѣтителей такъ благополучно, какъ думали тѣ, которымъ не удавалось ихъ добиться. Великій король, отъ избытка ли сознанія своего превосходства надъ другими, или же отъ чрезмѣрно вспыльчиваго самолюбія, нерѣдко своевольно превращалъ въ ничто дѣйствія и мысли, для которыхъ можно было ожидать немного снисхожденія. Всего охотнѣе онъ выказывалъ это государственнымъ дѣятелямъ; но и военные, а въ особенности писатели, рѣдко выходили изъ его кабинета безъ маленькихъ уколовъ. Среди памятниковъ, хотя и пышныхъ, но дурнаго вкуса, которыми онъ окружилъ свое одиночество, король жилъ такъ же скупо, какъ его генералы и министры. Ему прислуживали только одинъ камердинеръ и нѣсколько лакеевъ. Его обѣды, весьма посредственные, готовились съ подряда за извѣстную плату съ прибора; его наслѣдникъ съ женою и дѣтьми проживалъ очень скромно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца, въ маленькомъ домикѣ, не смѣя покинуть городъ иначе, какъ съ разрѣшенія короля или же подъ величайшимъ секретомъ. Въ

ЕКАТЕРИНА II.

ЕКАТЕРИНА II.

нымъ погребомъ во всей имперіи, а также примѣръ графини Эльмптъ[1]), камерфрейлины императрицы, собравшей и продавшей въ теченіе своей двѣнадцатилѣтней службы достаточное количество свѣчей, чтобы за счетъ ихъ заказать себѣ, ко времени ея свадьбы съ генераломъ Турчаниновымъ, секретаремъ кабинета Ея Величества, серебряный сервизъ“.

Жизнь камеръ-юнкера Двора Ея Императорскаго Величества протекала тихо, если только онъ хорошо умѣлъ вести свое дѣло, а именно: нравиться государынѣ, развлекать ее и способствовать своею расточительностью пышности Двора. Графъ Федоръ въ высокой степени обладалъ всѣми этими качествами.

Мы встрѣчаемъ его то сопровождающимъ императрицу по огромнымъ заламъ Эрмитажа и разсказывающимъ ей то, что называли „ея исторіями“; то сидящимъ на кровати у ногъ полузаснувшей Екатерины II и читающимъ ей вслухъ; то рисующимъ одинъ изъ живописныхъ видовъ Царскаго Села, въ то время какъ государыня совершаетъ прогулку; то голосъ его слышится, смѣшанный съ громкими возгласами молодыхъ великихъ князей, играющихъ въ жмурки; и государыня тоже иногда принимаетъ участіе въ этихъ играхъ молодежи, переходящихъ въ гомерическія состязанія, при чемъ пылкій великій князь Константинъ имѣлъ привычку такъ драться съ придворными, что онъ однажды сломалъ руку величавому

звалъ себя „барономъ“ Андреемъ Львовичемъ Николаи. Его сынъ Павелъ (1777—1847), извѣстный въ свое время русскій дипломатъ, въ [illegible]28 г. получилъ званіе финляндскаго барона.

[illegible] Ивановна, дочь графа Ивана Карповича Эльмптъ, ко[illegible] коронованія императора Павла I былъ произведенъ [illegible]шалы. Будучи еще камеръ-фрейлиной Екатерины II, графиня Эльмптъ была лишена этого званія, бита кнутомъ и изгнана со [illegible] за то, что она распространила неприличныя карикатуры По[illegible] и другихъ фаворитовъ императрицы. (*Долгоруковъ*, Мемуары [illegible], стр. [illegible]).

Штакельбергу [1]). Однимъ словомъ, ему все очень нравится при Дворѣ. Только шутки, которыя иногда позволяютъ себѣ приглашенные Ея Величества, его немного смущаютъ, ибо „эти шутки очень забавны,—говоритъ онъ,—когда можно надъ ними смѣяться, но такъ какъ это не принято при Дворѣ, то они настолько тягостны, что можно ими подавиться". Вотъ одинъ изъ случаевъ, разсказанныхъ графомъ Федоромъ: „Баронъ Фелькерзамъ, саксонскій посланникъ въ Россіи, желая лѣтомъ 1791 г. сдѣлать какія-то сообщенія, былъ приглашенъ въ Царское Село, и, согласно установленному для лѣта этикету, имѣлъ честь обѣдать за однимъ столомъ съ императрицей. Онъ сидѣлъ рядомъ со мною, напротивъ Ея Величества, передъ которой стояло блюдо великолѣпной спаржи. Добродушный старичекъ былъ тугъ на ухо и чувствовалъ себя крайне неловко, особенно когда императрица къ довершенію его замѣшательства обратилась къ нему съ нѣсколькими сло-

---

[1]) Графъ Отто Штакельбергъ (1736—1800), русскій посланникъ въ Мадридѣ, Стокгольмѣ и Варшавѣ. Вотъ какъ его характеризуетъ графъ Федоръ: „Графъ Штакельбергъ скорѣе малаго, чѣмъ большого роста, скорѣе плечистъ, чѣмъ толстъ, съ головою, украшенною пышными волосами и гордо поднятою кверху. Будучи посланникомъ въ Варшавѣ, онъ пріучилъ себя къ этой величавой осанкѣ, которая, съ тѣхъ поръ, стала для него привычной и такъ противорѣчитъ гибкости и услужливости, проявляемымъ имъ къ людямъ, пользующимся властью. Однажды вечеромъ, когда императрица играла въ жмурки съ дѣтьми, она, считая Штакельберга, который тоже участвовалъ въ игрѣ, не особенно ловкимъ, стала его ловить, что ей, однако, не удавалось. Видя, что онъ отъ нея все ускользаетъ, она, наконецъ, улучила минуту, тихо подошла къ нему и схватила его за Александровскую ленту: „На сей разъ я васъ держу",—произнесла она.—„О, очень мало, только за кончикъ ленты"—отвѣтилъ онъ ей. Дерзость этого отвѣта заставила императрицу оттпустить его. Ея Величество всегда такъ умѣла собою владѣть, что она, не сказавъ ни слова, ушла. Но вечеромъ, когда она удалилась въ свои апартаменты, она намъ разсказала объ этой выходкѣ съ большимъ негодованіемъ и поклялась, что въ ея царствованіе онъ никогда не получитъ голубой ленты".

вами. Онъ ихъ не понялъ, и императрица приказала мнѣ повторить ему то, что она сказала: „Ея Императорское Величество изволитъ вамъ передать, что въ этотъ моментъ у вашего государя, курфюрста, въ Пилльнитцѣ собралось большое и прекрасное общество“.—Это было какъ разъ время знаменитыхъ конференцій.—„Да, государыня, — отвѣтилъ посланникъ,—я всегда замѣчалъ, что спаржа на солнцѣ достигаетъ огромныхъ размѣровъ“. Вы поймете положеніе присутствующихъ. Императрица, умѣвшая всегда владѣть собою, была столь милостива, что послала ему той самой спаржи, которая такъ сильно занимала его мысль, и онъ съѣлъ ее съ большимъ аппетитомъ; но великій князь Павелъ Петровичъ не могъ удержаться и покатился со смѣху, что послужило и для другихъ, менѣе сдержанныхъ лицъ, сигналомъ къ смѣху. Я не понимаю, какъ я тогда не умеръ на мѣстѣ; отъ неожиданности дѣйствіе смѣшного еще усилилось и смѣхъ, не нашедшій себѣ выхода, измучилъ мои внутренности. Правда, что вечеромъ, на маломъ собраніи у императрицы, этотъ случай былъ достойнымъ образомъ использованъ“ [1]).

---

[1]) Вотъ еще одно изъ забавныхъ недоразумѣній, разсказанныхъ графомъ Федоромъ въ его „Анекдотахъ“: „Въ самый разгаръ войны императоръ Александръ I послалъ къ прусскому королю одного изъ своихъ ординарцевъ. Это былъ грузинскій князь, фамилію котораго я позабылъ. Его пригласили къ придворному столу и король, замѣтивъ, что этотъ офицеръ чувствуетъ себя еще болѣе неловко, чѣмъ онъ обыкновенно самъ себя чувствовалъ, сталъ его разспрашивать При каждомъ вопросѣ короля грузинъ вскакивалъ во весь ростъ, чтобы отвѣтить. Неоднократныя приглашенія не могли его заставить остаться на своемъ мѣстѣ. Когда подали огромную рыбу, король его спросилъ: „Скажите, а у васъ въ Россіи есть такіе осетры?“ Князь вскочилъ, отвѣсилъ глубокій поклонъ и сказалъ: „Да, Ваше Величество, я самъ имѣлъ честь быть таковымъ въ теченіе цѣлаго года“... Осталось навсегда неизвѣстнымъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но вся королевская свита и всѣ придворные чуть не упали подъ столъ со смѣха. Всякій этикетъ и уваженіе къ личности были забыты и, не

Война со Швеціей внесла въ жизнь молодого царедворца перемѣну ролей. Его сразу назначаютъ генералъ-адъютантомъ при графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ и, что удивительнѣе всего, онъ даетъ уроки военнаго искусства своему сѣдовласому начальнику. Предоставимъ слово молодому стратегу: „Единственная война, которую можно вести въ Финляндіи,— это война небольшими отрядами, ибо помимо времени когда озера замерзаютъ, тамъ нѣтъ ни одной мѣстности, гдѣ можно было бы развернуть въ боевомъ порядкѣ три тысячи человѣкъ. Г. Салтыковъ, считая себя слишкомъ высокопоставленнымъ, чтобы предводительствовать однимъ изъ многочисленныхъ мелкихъ отрядовъ, расположенныхъ вдоль Кимена, устроился въ Выборгѣ, какъ въ центральной позиціи, и онъ былъ бы правъ, если бы онъ въ то же время наблюдалъ за принцемъ Нассаускимъ, флотъ котораго долженъ былъ непремѣнно остаться подъ начальствомъ командующаго сухопутными силами, и за барономъ Игельстремомъ, старшимъ изъ генералъ-лейтенантовъ, насмѣявшимся скоро надъ нимъ самымъ постыднымъ образомъ. Но мы видѣли, какъ къ этимъ господамъ изъ Петербурга наѣхало много дамъ и какъ одинъ изъ нихъ всецѣло посвятилъ себя своей личной храбрости, достойной искателя приключеній, а другой дипломатическимъ интригамъ—въ то время, какъ главнокомандующій занимался прогулками и устройствомъ празднествъ и позволялъ своей женѣ возстановлять противъ себя этихъ столь опасныхъ соперниковъ, то

исключая самихъ лакеевъ, всѣ смѣялись до упаду". Разгадку этого анекдота далъ намъ князь Петръ Долгоруковъ въ своихъ „Мемуарахъ" т. I, стр. 97. Упоминаемый графомъ Федоромъ грузинскій князь былъ Георгій Эристовъ, умершій на русской службѣ въ чинѣ полнаго генерала; онъ былъ женатъ на дочери послѣдняго грузинскаго царя. Его отвѣтъ, вызвавшій такой взрывъ смѣха, объясняется тѣмъ, что ему послышалось, будто король его спросилъ, есть ли въ Грузіи *сержанты* (sergent—сержантъ и esturgeon—осетръ по-французски сходныя по звуку слова).

оскорбительными жалобами, то неумѣстными шутками. Тогда я, сжалившись надъ общественнымъ благомъ, рѣшился использовать мое вліяніе на г. Салтыкова, чтобы возвратить его къ своему долгу. Но, чувствуя свою неопытность въ военномъ дѣлѣ, я устроилъ секретныя совѣщанія съ барономъ де Нумсенъ, датчаниномъ, весьма искуснымъ военнымъ, который въ чинѣ генералъ-лейтенанта командовалъ лѣвымъ флангомъ, и съ генералъ-майоромъ фонъ-Сухтеленъ, голландцемъ и выдающимся инженеромъ, ученикомъ великаго Дюмулена [1]). Съ вечера я предлагалъ имъ вопросы, которые вызывались обстоятельствами; они въ моемъ присутствіи обсуждали разныя возможности, и я, обогатившись ихъ опытомъ, отправился къ нашему общему начальнику, чтобы объяснить ему свои соображенія и убѣдить его въ ихъ цѣлесообразности. Такимъ образомъ, мнѣ удалось заставить его покинуть Выборгъ и перенести главную квартиру въ Фридрихсгамъ. Мы собирались наносить непріятелю, несмотря на пораженіе принца Нассаускаго, большіе удары, но тутъ курьеръ изъ С.-Петербурга сообщилъ намъ, что Игельстремъ ведетъ переговоры о мирѣ“...

Послѣдніе годы царствованія Екатерины II ознаменовали апогей карьеры графа Федора. Какъ близкій другъ фаворита Платона Зубова [2]), пользовавшагося неограниченною властью, онъ имѣлъ какъ малый, такъ и большой входъ ко Двору и

---

[1]) Единственный изъ Дюмуленовъ, имя котораго достигло на военной службѣ нѣкоторой славы, былъ генераломъ у Фридриха II прусскаго. Онъ умеръ въ 1756 г. и не могъ быть знаменитымъ учителемъ генерала фонъ-Сухтелена, родившагося только въ 1751 г. Такимъ образомъ, тотъ, кому графъ Федоръ даетъ прозвище „великаго“, былъ, вѣроятно, однимъ изъ тѣхъ спеціалистовъ по фортификаціонному дѣлу, которыми тогда изобиловали Нидерланды.

[2]) Графъ Ростопчинъ пишетъ графу С. Р. Воронцову 20-го іюля 1794 г.: „Онъ (т.-е. Зубовъ) дѣлаетъ все черезъ посредство графини Шуваловой и окружаетъ себя лицами, которыя ему многимъ обязаны. Въ томъ числѣ и Головкинъ“. (*Архивъ князя Воронцова*, т. VIII, стр. 99).

начиналъ уже возбуждать зависть другихъ придворныхъ. Графъ Ростопчинъ, низкій царедворецъ, пишетъ 23 мая 1794 г. графу С. Р. Воронцову: „Этотъ надменный бездѣльникъ Головкинъ просилъ шестьдесятъ тысячъ рублей, чтобы заплатить свои долги, и такъ какъ теперь пошло время милостей, онъ ожидалъ ихъ получить; но, къ счастью, одна глупость съ его стороны избавила графа Зубова отъ необходимости просить за него, а казна сберегла свои деньги. Онъ былъ посредникомъ въ дѣлѣ князя Любомирскаго съ наслѣдниками князя Потемкина; это дѣло поступило сначала въ судъ совѣсти, который отклонилъ его, а Головкинъ послалъ нѣкоторую сумму предсѣдателю, сенатору Ржевскому. За это посредничество онъ получилъ хорошую головомойку и ему сказали, что такое лиходательство достойно польскаго адвоката“.

„Глупость“—это слово лучше всего характеризуетъ неосторожность графа Федора. Вмѣшиваться въ дѣла, касавшіяся наслѣдства князя Потемкина,—значило открыто противодѣйствовать нѣкоторымъ намѣреніямъ императрицы. Это неосторожное вмѣшательство, подробно описываемое имъ въ статьѣ „Любомирскій“, возмутило государыню гораздо больше, чѣмъ тѣ ребячества, въ которыхъ его обвиняла королева Каролина, во время его пребыванія при Неаполитанскомъ дворѣ, и, вѣроятно, было причиною его немилости.

Завидное положеніе, занимаемое Головкинымъ при русскомъ Дворѣ, благодаря его дружбѣ съ всемогущимъ фаворитомъ, отлично характеризуется выраженіями, употребляемыми имъ, когда онъ говоритъ о самомъ себѣ и о своей карьерѣ: „...въ виду того, что никто не зналъ, что мнѣ еще предстоитъ, большая часть Россіи и значительная часть Европы старались заручиться моимъ расположеніемъ... Но, чтобы обезпечить себѣ гавань на случай будущихъ ураганов, я добился назначенія посланникомъ въ Неаполь.

Его блестящее положеніе, впрочемъ, не было обезпечено отъ тайныхъ опасностей. Царедворецъ, какъ морякъ, всегда

имѣетъ основанія бояться подводныхъ камней, и графъ Федоръ говоритъ о нихъ, какъ свѣдущее лицо:

„Я въ началѣ 1793 г. почувствовалъ усталость отъ того, что при Дворѣ называли милостью мнѣ. Исключительное для моего возраста отличіе—находиться ежедневно въ интимномъ обществѣ Екатерины II—казалось мнѣ слишкомъ пустой славой для того, чтобы перенести сопряженныя съ нимъ непріятности и опасности. Господа Зубовы, считавшіеся моими покровителями—мнѣніе ошибочное и оскорбительное для меня,—завидовали преимуществамъ, которыя давали мнѣ мое образованіе и происхожденіе; они опасались, какъ бы эти преимущества когда-нибудь не имѣли воздѣйствія на умъ императрицы, ставшей, по старости лѣтъ, болѣе воспріимчивой къ прелестямъ бесѣды, чѣмъ сердце ея было раньше—къ внѣшней красотѣ. Но больше всего они боялись смѣлости, которую они будто бы открыли во мнѣ и которая, въ виду моей близости къ центру движенія, могла ихъ рано или поздно сбить съ пути. Опираясь на одну только личность императрицы, мое будущее возвышеніе представлялось имъ столь грознымъ, что они считали нужнымъ во-время подкопаться подъ меня; и такъ какъ было вполнѣ ясно, что всѣ будутъ содѣйствовать моей гибели, когда она имъ покажется нужной, — то мое молодое честолюбіе сочло болѣе удобнымъ удалиться добровольно, чѣмъ ждать отъ времени и отъ болѣе скромнаго поведенія случая, чтобы завладѣть послѣдними днями престарѣлой государыни. Я сначала исходатайствовалъ посольство въ Неаполѣ, гдѣ послѣ смерти графа Скавронскаго открылась вакансія графу Панину, человѣку еще очень молодому, о которомъ я тогда имѣлъ хорошее мнѣніе. Всѣ это знали, и мнѣ показалось пикантнымъ отнять это мѣсто у него и взять его себѣ. Я устроилъ ему переводъ въ Голландію и предавался дикой радости при мысли, что мнѣ можно будетъ прожить мирные дни и посвятить себя музамъ, отдыхая въ тѣни лавроваго дерева Виргилія. Эти мечты молодого и честнаго, но лишен-

наго опыта и друзей человѣка, были причиною всѣхъ событій моей жизни“.

Головкинъ уѣхалъ въ Неаполь осенью 1794 г. не безъ того, чтобы проѣздомъ пробыть долгое время въ Берлинѣ, что доставило ему случай совершить еще одну неосторожность: онъ на собственный рискъ и страхъ занялся немного политикой [1]).

Длинный разсказъ, который онъ посвящаетъ наивностямъ, отпускаемымъ имъ въ качествѣ молодого дипломата въ присутствіи посѣдѣвшихъ въ дѣлахъ стариковъ, не лишенъ извѣстной прелести. Онъ помѣщается ниже, подъ статьей „Берлинъ“.

Въ 1794 г. дипломаты не торопилась прибытіемъ къ своимъ мѣстамъ. Продолжительныя посѣщенія маленькихъ и большихъ дворовъ, находившихся по пути, относились прямо къ ихъ службѣ. Слѣдуя такому обычаю времени, графъ Федоръ остановился довольно долго въ Вѣнѣ, которая ему крайне не понравилась, можетъ быть, по винѣ тамошняго представителя Россіи, графа Разумовскаго, „самаго надменнаго и фатоватаго человѣка“.

Графъ Федоръ закончилъ свои визиты европейскимъ дворамъ Вѣной. Къ сожалѣнію, онъ не сообщаетъ подробностей о тѣхъ маленькихъ дворахъ, гдѣ онъ представлялся. Но если

---

1) Графъ Аркадій Марковъ писалъ 26 іюня 1795 г. графу Андрею Разумовскому: „Вы спрашиваете меня, мой другъ, насчетъ этого Головкина, который былъ у васъ. Я вамъ его опишу въ двухъ словахъ: это дерзкій сумасбродъ, который хочетъ придать себѣ важность. Графа Зубова онъ забавлялъ, потому что онъ дѣйствительно обладаетъ нѣкоторымъ остроуміемъ, но графъ его никогда не уважалъ и не питалъ къ нему довѣрія. Онъ въ дѣлахъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній и ему нельзя вѣрить, а разныя нескромности, которыя онъ позволилъ себѣ во время поѣздки, навлекли на него строгій выговоръ, и если это его не образумитъ, то, по крайней мѣрѣ, внушитъ ему молчаніе въ дѣлахъ, которыя его не касаются. (*Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ*, т. V, стр. 227).

судить по разговору, который онъ имѣлъ съ графомъ фонъ Вурмбъ, министромъ курфюрста саксонскаго, то графъ Федоръ, какъ тонкій наблюдатель, могъ бы насъ разсмѣшить многими пикантными анекдотами.

„Отправляясь въ Неаполь въ 1794 г.,—пишетъ онъ—мнѣ надо было видѣться со многими лицами и я былъ сильно огорченъ найти почти всѣ умы подготовленными къ восприятію принциповъ революціи, проникающихъ со всѣхъ концовъ изъ Франціи. Возмущеніе и опасенія, казалось, находятъ себѣ мѣсто только въ моемъ сердцѣ. Одни имѣли слишкомъ много вѣры, другіе слишкомъ мало, и никто не старался быть достойнымъ, а это тогда было еще вполнѣ возможно. Въ Дрезденѣ я познакомился съ графомъ фонъ-Вурмбъ, министромъ курфюрста, человѣкомъ знатнаго происхожденія и большого ума, котораго не любили, но за то очень боялись, и который, если бы у него не было такой склонности къ деньгамъ, пользовался бы всеобщимъ уваженіемъ. Я былъ очень удивленъ, когда этотъ столь ловкій министръ и старый дворянинъ сказалъ мнѣ легкомысленнымъ и непринужденнымъ тономъ: „Что мнѣ за дѣло до французской революціи? Если бы она даже дошла до Саксоніи, что я потерялъ бы отъ этого? Милость моего государя? Я никогда ею не пользовался. Мою должность? Мнѣ мѣшаютъ исполнять ее. Мое состояніе? У меня его нѣтъ. Мои титулы? Мое семейство никогда не домогалось ихъ, а что касается моей фамиліи, то она такъ коротка, что всѣ революціи въ свѣтѣ не могутъ ее сократить еще больше“.

По пріѣздѣ графа въ Италію онъ, къ его удивленію, былъ заваленъ претензіями, которыхъ онъ при всемъ своемъ усердіи не могъ удовлетворить. Онѣ были вызваны знаменитою княгинею Екатериною Дашковой, авторомъ „записокъ“. Подъ статьей „Дашкова“, оказавшейся между бумагами графа Федора, мы читаемъ: „Какъ только она ступила на итальянскую

землю, она стала предлагать свое покровительство художникамъ. Эти бѣдняки повсюду отдавали ей все то, что она собирала именемъ императрицы. Всѣ эти вещи были погружены въ Ливорно на корабль, отходящій въ С.-Петербургъ. Всѣ разсыпались въ похвалахъ по поводу великодушія Екатерины и ея знаменитой подруги, а головы были полны ожиданіемъ съ Сѣвера знаковъ благоволенія. Но княгиня исчезла, время протекало и ничего не было слышно. Мраморныя изваянія, вазы и камеи были въ порядкѣ сложены на берегахъ Невы. Оттуда эти вещи были перевезены въ Москву; потомъ отъ княгини перешли къ ея наслѣдникамъ, какъ пріобрѣтенныя законнымъ путемъ. Жалобы умолкли, потокъ революцій прошелъ по Италіи, какъ и по другимъ мѣстамъ, и я одинъ, можетъ быть, сохранилъ воспоминаніе объ этой несправедливости".

Молодой дипломатъ совершилъ свой въѣздъ въ Неаполь въ моментъ всеобщаго кризиса. Во Франціи царствовалъ терроръ, и магическій звукъ трехъ словъ: свобода, равенство и братство уже распространился по сосѣднимъ странамъ; въ Италіи глухой ропотъ народныхъ страстей приводилъ въ ужасъ королевскую чету на подгнившемъ тронѣ Обѣихъ-Сицилій. Сотрясенія земли, въ связи съ необычайной дѣятельностью Везувія [1]), предвѣщали какъ будто политическій переворотъ, который могъ уничтожить весь установившійся издревле порядокъ. Къ тому же, слабость короля, вспыльчивый характеръ королевы Каролины и всемогущество авантюриста Актона значительно ухудшали политическое положеніе этой страны „лаззарони".

Поэтому дипломатамъ, акредитованнымъ при этомъ Дворѣ, слѣдовало соблюдать величайшую осторожность, что для дипломата значитъ настоящее или притворное равнодушіе ко

---

[1]) Ученый современникъ, Сэръ Вилльямъ Гамильтонъ, оставилъ намъ по этому поводу замѣчательную хронику въ своихъ „*Campi Phlegraei*" или „Наблюденія вулкановъ Обѣихъ-Сицилій".

всѣмъ внутреннимъ дѣламъ той страны, гдѣ онъ имѣетъ свое пребываніе—насколько эти дѣла не затрогиваютъ интересовъ его собственной страны.

Таково именно было поведеніе предмѣстника Головкина въ Неаполѣ. Несмотря на свои странности, графъ Скавронскій [1]) былъ на очень хорошемъ счету у правителей Обѣихъ-Сицилій и завѣдывалъ тамъ съ 1785 г. по 1793 г. дѣлами русскаго посольства безъ малѣйшихъ непріятностей.

Повидимому, пріемы, избранные графомъ Головкинымъ, во многомъ отличались отъ пріемовъ его раздушеннаго предмѣстника, такъ интересно описаннаго Горани.

Молодой, честолюбивый и вѣтреный, онъ вмѣшивался во все, высказывалъ свое мнѣніе и становился на ту или на другую сторону во внутреннихъ раздорахъ правительства съ неаполитанскимъ народомъ [2]); къ довершенію своей неосторож-

---

[1]) „Этотъ человѣкъ страдаетъ отъ послѣдствій излишествъ въ молодости,—говоритъ *Горани* въ своихъ „Секретныхъ Воспоминаніяхъ",—онъ раньше жилъ въ такой веселой компаніи, что теперь напоминаетъ ходячій скелетъ. Отъ него несетъ смраднымъ запахомъ, смѣшаннымъ съ мускусомъ, пропитывающимъ его платья, отчего встрѣча съ нимъ становится столь же несносной, сколь небезопасной. Когда онъ появляется въ театрѣ, ложи по сосѣдству съ его ложей становятся пустыми. Неоднократно бывали случаи, что лица мужского или женскаго пола не могли вынести его присутствія и лишались чувствъ" (*Gorani,* Mémoires secrètes, т. I, стр. 276).

[2]) Въ бумагахъ графа Федора мы находимъ слѣдующее мѣсто, характеризующее его отношенія къ неаполитанскому правительству: „Милость, которою я пользовался при Дворѣ до тѣхъ поръ, пока мой характеръ сдѣлался болѣе извѣстнымъ, побудила королеву и министровъ говорить со мною о положеніи дѣлъ съ довѣріемъ. Они чувствовали все значеніе *тѣхъ представленій, которыя я счелъ себя въ правѣ имъ сдѣлать.* Я предложилъ имъ единственное средство, которое могло вывести ихъ съ почетомъ изъ затрудненій, а именно: всеобщую амнистію и прощеніе именемъ короля, который долженъ былъ вступиться, подобно доброму отцу, возвращающемуся съ охоты и прощающему своихъ дѣтей; но я этимъ ничего не достигъ и понялъ вполнѣ ясно, что они скорѣе пойдутъ на все, чтобы только не предоставить королю той роли, которая ему подобала".

ности, „онъ—говоритъ Николай Шатлэнъ—позволилъ себѣ во время одной увеселительной экскурсіи пропѣть куплеты, сочиненные имъ самимъ, въ которыхъ дочь Маріи Терезіи была серьезно задѣта. Эти куплеты были тѣмъ болѣе недопустимы, что они, въ сущности, соотвѣтствовали истинѣ“ [1]). Къ сожалѣнію, мы не могли достать копіи этихъ несчастныхъ стиховъ, погубившихъ карьеру графа Федора.

Послѣдствія этой неосторожности не заставили себя ждать. Графъ Федоръ тотчасъ-же былъ отозванъ своимъ правительствомъ. Слѣды этого событія находятся въ перепискѣ Екатерины II съ Гриммомъ: „Головкина отозвали, потому что онъ осмѣлился наговорить неаполитанской королевѣ тысячу дерзостей и послѣ того, какъ онъ это сдѣлалъ, онъ имѣлъ еще неосторожность сообщить мнѣ подробности о томъ въ длинномъ письмѣ“ [2]).

Въ дипломатическомъ мірѣ это дѣло хотя и произвело нѣкоторый шумъ, но историки, наиболѣе серьезно занимавшіеся этой эпохой, Коллетта и графъ Григорій Орловъ, о немъ не упоминаютъ. Повидимому, этотъ инцидентъ былъ скоро забытъ. Графъ Ростопчинъ пишетъ по этому поводу графу С. Р. Воронцову отъ 8/19 дек. 1795 г.: [3]) „Вслѣдствіе нѣсколькихъ жалобъ неаполитанскаго Двора на нашего посланника и его лживыхъ донесеній, императрица приказала отозвать несчастнаго Головкина, и теперь кандидаты домогаются этого прелестнаго мѣста“. А графъ С. Р. Воронцовъ пишетъ графу Андрею Разумовскому изъ Лондона отъ 9/20 мая 1796 г. [4]): „Если вамъ что-нибудь извѣстно о знаменитомъ Головкинѣ и о мѣстѣ его пребыванія, сообщите мнѣ о томъ, ради Бога“.

Тѣмъ временемъ о личности Головкина стали распростра-

---

[1]) См. *Nicolas Chatelain* въ *Revue Suisse,* т. 24 (1861 г.).

[2]) Екатерина II Гримму 11 марта 1796 г. *(Записки Импер. Росс. Истор. Общ.,* т. XXIII, стр. 672).

[3]) *Архивъ кн. Воронцова,* т. VIII, стр. 118.

[4]) *Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ,* т. V, стр. 277.

нять разные анекдоты. Тридцать пять лѣтъ спустя, пріятный и забавный разсказчикъ, Дюпре де Сенъ-Моръ[1]), котораго въ то время много читали, собралъ эти салонные разговоры. Не совсѣмъ обыкновенная переписка русскаго посланника служитъ для него подтвержденіемъ мнѣнія: „что дипломатія всѣхъ странъ любитъ иногда быть пріятной, чтобы вознаградить себя за то, что она не всегда бываетъ полезной". „Графъ Г....., русскій посланникъ при неаполитанскомъ Дворѣ, тщетно старался подобрать въ своемъ умѣ матеріалы для составленія депеши— ничего не выходило: при Дворѣ и въ дѣлахъ преобладало безнадежное однообразіе и спокойствіе. Наконецъ, дали знáть о прибытии въ неаполитанскія воды англійскаго фрегата; вотъ— тема для первой депеши — и онъ донесъ о приходѣ этого фрегата; по второй депешѣ фрегатъ отошелъ въ Сицилію; по третьей — онъ измѣнилъ курсъ и ушелъ въ крейсерство и т. д. Въ шестой депешѣ посланникъ самъ почувствовалъ смѣшную сторону этихъ пустячныхъ донесеній и закончилъ свое письмо министру нѣсколько фамильярными словами: „Что касается фрегата, то чортъ съ нимъ, я больше не вмѣшиваюсь въ его дѣла и не буду вамъ о немъ говорить".

Вотъ подлинный текстъ этой послѣдней депеши, находящейся въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ:

„Ваше Сіятельство,

„Судно „Пареенопа" наконецъ ушло, чтобы присоединиться къ англійскому флоту, и я этому очень радъ, ибо съ тѣхъ поръ какъ я въ Неаполѣ, я не переставалъ въ своихъ письмахъ повторять Вашему Сіятельству: „оно ушло", а потомъ: „оно еще не ушло"—это не особенно интересно ни для Васъ, ни для меня и т. д.

„Неаполь, 4 августа 1795 г."

Безцеремонность, съ которою Головкинъ составилъ эту

---

[1]) *Dupré de Sain-Maur,* Pétersbourg, Moscou et les provinces, Paris, 1830 г., т. VIII, стр. 227.

депешу, повторяется въ другой депешѣ, можетъ быть, единственной въ своемъ родѣ въ лѣтописяхъ дипломатіи:

Депеша графа Федора Головкина вице-канцлеру графу Остерману.

„Ваше Сіятельство,

„На сей разъ я принужденъ ограничиться признаніемъ знаменитаго Монтаня: „Я знаю, что я ничего не знаю". Есть много заграничныхъ новостей, но Ваше Сіятельство узнаете о нихъ лучше другими путями, а изъ Неаполя я только могу засвидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе, съ коимъ я имѣю честь быть Вашего Сіятельства и пр.

Неаполь, 16/27 октября 1795 г." [1]).

Эти любопытные образцы дипломатической переписки графа Федора доказываютъ, что непринужденность его прозы легко могла раздражить такого высокомѣрнаго и педантичнаго начальника, какимъ былъ старикъ Остерманъ.

Очень жалко, что графъ Федоръ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" обходитъ молчаніемъ всѣ личныя передряги, которыя ему пришлось испытать во время его краткаго пребыванія въ Неаполѣ. Эти подробности были бы гораздо интереснѣе, чѣмъ характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ этого Двора, которыя, впрочемъ, тоже стоятъ того, чтобы о нихъ вспомнить [2]).

Докладная записка отъ 20 февраля 1796 г., которую Головкинъ представилъ императрицѣ въ свое оправданіе [3]), пополняетъ этотъ недостатокъ, но лишь до нѣкоторой степени. Въ ней слышится не безпристрастный историкъ, а преобладаетъ личная нота, и сквозь жалобы несчастнаго дипломата, по-

---

[1]) Обѣ эти депеши намъ сообщены г. Фондэ-де-Монтюссэнъ.

[2]) См. *„Портреты и Воспоминанія"*, статьи: королева Каролина, Фердинандъ I и Гамильтонъ.

[3]) Эта записка будетъ использована и въ главной своей части напечатана въ подготовляемомъ къ изданію трудѣ г. Леонса Пэнго (Léonce Pingaud) подъ заглавіемъ: „Головкинъ-дипломатъ".

терявшаго свое мѣсто, и милость императрицы, проглядываетъ скорѣе вѣтренность молодого человѣка. Такимъ образомъ эта записка не прибавляетъ новыхъ подробностей къ печальной исторіи неаполитанскаго Двора.

Графъ Федоръ былъ отозванъ изъ Неаполя въ декабрѣ 1795 г., послѣ того, какъ онъ пробылъ тамъ неполный годъ. Судя по его разсказу, возвращеніе его въ Россію совершалось отнюдь не съ тою быстротою, которой можно было ожидать. Подобно провинившемуся въ какой-нибудь шалости школьнику, возвращающемуся нерѣшительнымъ шагомъ домой, мы видимъ графа Головкина, подвигающимся небольшими этапами къ сѣверной столицѣ, гдѣ его ожидаютъ упреки, немилость, а можетъ быть, и строгое наказаніе.

Два цѣлыхъ мѣсяца онъ бродилъ по Венеціи. Здѣсь его пріятель, принцъ Нассау-Зигенскій, устроился въ дворцѣ Лореданъ, названіе котораго его прельстило еще больше, чѣмъ самая мѣстность. „Здѣсь онъ открылъ нѣчто въ родѣ пріюта для эмигрантовъ, гдѣ каждый могъ платить или служить, смотря по своимъ средствамъ, — пишетъ графъ Федоръ,—и я самъ провелъ тамъ два мѣсяца, когда, возвращаясь съ неаполитанскаго посольства, я хотѣлъ выиграть время, чтобы узнать причины моего отзыва. Неимущіе принимались тамъ безпрепятственно и не платили ничего, а принцесса Нассауская прекрасно исполняла роль хозяйки... Она была полька, урожденная Гоздьско, разведенная жена князя Сангушко и, кажется, еще кого-то, и отличалась своею красотою. Будучи въ восторгѣ, что ей удалось сдѣлаться женою короля авантюристовъ, она, смотря по своему настроенію и по обстоятельствамъ, казалась начитанной, скромной, покладистой или смѣлой и такъ умѣла лгать, что пріобрѣла этимъ знаменитость. Возвращаясь однажды изъ собора Св. Марка послѣ богослуженія въ день Св. Пасхи мы не безъ ироніи спросили ее, о чемъ было сказано въ проповѣди? — „Объ астрономіи“, — отвѣтила она. Можно представить себѣ наше удивленіе. „Какъ

объ астрономіи, въ день Св. Пасхи?"—„Да, объ астрономіи"— и она начала сочинять намъ прекрасную рѣчь. „Ужасно,—сказалъ ей на это серьезно епископъ Ломбе,—такъ врать послѣ того, какъ вы молились Богу, хотя надо полагать, что та проповѣдь, которую вы намъ сказали, была лучше той, которую вы слыхали". Но ее ничто не могло смутить [1]).

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего отъѣзда изъ Неаполя, графъ Федоръ добрался, наконецъ, до русской границы. Тамъ его тотчасъ же арестовали и отвезли въ Перновъ, маленькую крѣпость въ Лифляндіи, гдѣ онъ былъ заключенъ. Разсказъ о его пребываніи въ этой крѣпости и о послѣдующемъ освобо-

---

[1]) Свѣдѣнія, которыя намъ сообщаетъ графъ Федоръ о послѣдующихъ приключеніяхъ этой странной четы, очень занимательны, если они и не вполнѣ достовѣрны: „...Тѣмъ временемъ принцесса Нассауская унаслѣдовала отъ своего брата Гозьдскаго имѣнія, расположенныя въ Польшѣ, и ея воображеніе рисовало ей блестящіе доходы съ нихъ, которые она одна могла бы реализовать. Контрактъ на наемъ дворца Лоредонъ былъ расторгнутъ и эмигранты были предоставлены самимъ себѣ. По дорогѣ въ Польшу принцъ и принцесса остановились въ Вѣнѣ, чтобы зондировать тамъ почву, которая, однако, оказалась неблагопріятной, и они отправились дальше, въ свои владѣнія Первое ихъ дѣйствіе по пріѣздѣ въ деревню состояло въ томъ, что они отняли у крестьянъ арендованныя земли и стали ихъ обсѣвать... Но я боюсь, что меня могутъ заподозрить въ подражаніи принцессѣ, а все же я долженъ сказать то, что достовѣрно извѣстно: ...они стали обсѣвать земли лавендой, сѣмена которой за большія деньги были выписаны изъ Франціи. Имѣлось въ виду забрать въ свои руки всю торговлю лавендовою водою на Сѣверѣ и на Востокѣ. Предполагалось покрыть Балтійское и Черное моря судами, нагруженными этой благовонной водой, и милліоны должны были стекаться со всѣхъ сторонъ. Въ самый разгаръ культуры этого прелестнаго растенія принцесса довольно внезапно скончалась. Что же касается принца, то его умъ мало-по-малу такъ разстроился, что этотъ человѣкъ, казавшійся всегда такимъ серьезнымъ и разсудительнымъ, и отличавшійся такими рыцарскими манерами, умеръ, одѣтый въ женское платье по старинной модѣ, съ длинными локонами, ниспадавшими съ его лысой головы, и со шлейфомъ, который несли два пажа въ праздничной ливреѣ".

Великій Князь Михаилъ Павловичъ.
1798—1849.

жденій содержитъ интересныя мѣста; онъ будетъ приведенъ подъ статьей „Перновъ".

Воспоминанія о Дворѣ и царствованіи Павла I графа Федора даютъ намъ нѣкоторыя разрозненныя свѣдѣнія о жизни графа при Дворѣ императора Павла I. Хотя ему былъ внушенъ строжайшій запретъ острить, но кажется, что онъ не могъ вполнѣ отказаться отъ этого любимаго препровожденія времени. Онъ не сумѣлъ снискать милости своего строгаго и капризнаго государя и 22 іюня 1800 г. былъ изгнанъ изъ столицы, съ обязательствомъ жить въ своихъ имѣніяхъ. Годъ, проведенный имъ въ этомъ изгнаніи, онъ употребилъ на обученіе деревенскихъ дѣтей азбукѣ, на покрываніе лакомъ своихъ экипажей и на составленіе всемірной исторіи [1]).

Восшествіе на престолъ императора Александра I вернуло ему свободу; онъ воспользовался ею, чтобы отнынѣ вести жизнь космополита. Первые годы XIX вѣка онъ прожилъ въ Дрезденѣ [2]), этомъ Эльдорадо отставныхъ русскихъ, гдѣ онъ велъ знакомство съ д'Антрэгъ и д'Армфельдомъ, а въ особенности сблизился съ Меттернихомъ. Въ 1804 г. мы его встрѣчаемъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ принимаетъ участіе въ придворныхъ увеселеніяхъ, устраиваемыхъ по почину молодой и прекрасной королевы Луизы. Въ 1806 г. онъ снова туда возвратился съ береговъ Женевскаго озера, гдѣ онъ часто посѣщалъ замокъ Копие. На сей разъ онъ сталъ давать королевѣ совѣты по политическимъ дѣламъ, что крайне не понравилось при Дворѣ. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Москву, но остался тамъ не

---

[1]) Объ этомъ онъ самъ пишетъ изъ своего изгнанія барону Николаи.

[2]) Въ пятой главѣ книги, написанной о графѣ д'Антрэгъ (d'Antraigues) Леонсомъ Пэнго: „Тайный агентъ во время Революціи и Имперіи" (Un agent secret sous la Révolution et l'Empire, Paris, 1884 г.) содержатся цѣнныя свѣдѣнія о Дрезденскомъ обществѣ начала XIX столѣтія.

дальше заключенія Тильзитскаго мира. Послѣ этого онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ онъ занималъ вначалѣ красивую квартиру на улицѣ Кастиліонъ [1]), обставленную съ роскошью какая подобаетъ русскому графу. Впослѣдствіи онъ купилъ, въ окрестностяхъ Парижа, дачу, которую назвалъ „Монталлегръ“ [2]).

„Я пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ, что во Франціи имѣетъ такое рѣшающее значеніе, — разсказываетъ графъ Федоръ, — ибо, благодаря моимъ манерамъ, моимъ раз-

---

[1]) „Безмолвіе“ Корреджіо составляетъ главное украшеніе моей гостиной и эту картину всѣ хвалятъ и ею восхищаются. Къ ней я прибавилъ лучшіе рисунки моей коллекціи. Ихъ яркія и нѣжныя краски въ хорошо вызолоченныхъ рамкахъ выдѣляются очень красиво на сѣромъ англійскомъ фонѣ, окаймленномъ золотыми виноградными вѣтвями. Занавѣски изъ кисеи и нанки дополняютъ общее впечатлѣніе, представляющее весьма пріятное на видъ сочетаніе изящнаго съ простымъ. Моя спальня вся задрапирована бѣлымъ, что меня очень старитъ и придаетъ мнѣ ужасно толстый видъ; довольно изящный будуаръ—тоже не способствуетъ моей красотѣ; за то остальныя комнаты не такъ пріятны на видъ, но болѣе подходятъ къ моей внѣшности. Мой балконъ обставленъ померанцовыми и гранатовыми деревьями, а также лавровишней, жасминомъ, резедой и туберозами, и если Вамъ угодно меня теперь посѣтить, мнѣ не трудно будетъ встрѣтить Васъ съ подобающимъ почетомъ (письмо г-жѣ Эйнаръ-Шатленъ отъ 11 іюля 1808 г., напечатанное въ Revue Suisse, т. XXIV, 1861 г.)

[2]) „Это совсѣмъ новый домъ, четырехугольный, съ тремя окнами во фронтѣ и въ четыре этажа. Мои люди и я чувствуемъ себя здѣсь очень хорошо, и я могу еще сдать маленькую квартиру. Все это заново меблировано и отличается сѣверо-голландскою чистотою. Домъ расположенъ среди маленькаго парка въ англійскомъ вкусѣ, на берегу Сены, по дорогѣ изъ Парижа въ Сэнъ-Жерменъ, въ четырехъ миляхъ отъ одного и отъ другого, въ полу-милѣ отъ Мальмезона и въ трехъ четвертяхъ мили отъ Версаля. Люсьена и Марли — на горѣ надъ нами, а вокругъ насъ восхитительныя и безчисленныя прогулки. Дамы, съ которыми я вижусь, большею частью живутъ въ окрестностяхъ, а г. Буасси-д'Англа съ его чудной библіотекой—у самыхъ моихъ дверей“. (Письмо отъ 5 октября 1808 г. Николаю Шатлену, напечатаное въ Revue Suisse, т. XXIV, 1861 г.).

говорамъ и даже моимъ недостаткамъ, я представлялъ изъ себя настоящаго француза; одно лишь мое политическое ничтожество не соотвѣтствовало тѣмъ любезностямъ, которыми меня осыпали. Очутившись съ самаго начала среди лучшаго общества, я походилъ на растеніе, разведенное въ хорошіе дни старины".

Гдѣ находился графъ Федоръ Гавриловичъ въ 1812 г., столь бурномъ для его родины? Онъ объ этомъ не говоритъ ни въ Воспоминаніяхъ, ни въ письмахъ. Но въ Національномъ Архивѣ имѣется одинъ документъ, ясно доказывающій, что онъ за все время войны съ Россіей находился во Франціи: 19-го іюля 1812 г. онъ проситъ у Паскье, префекта полиціи въ Парижѣ, разрѣшенія уѣхать на минеральныя воды, въ Контрексвилль—по семейнымъ обстоятельствамъ и для здоровья. „Будьте такъ любезны узнать у герцога Ровиго, хочетъ-ли онъ подарить жизнь столь опасному врагу, какъ я, разрѣшивъ ему бесѣдовать съ бакалейщиками и фабрикантами изъ Нанси въ такомъ важномъ мѣстѣ, какъ Контрексвилль..."

Нѣсколько насмѣшливый тонъ этого прошенія не препятствовалъ его успѣху и на просьбу графа послѣдовало разрѣшеніе. Въ мартѣ 1813 г. онъ ее повторяетъ и проводитъ весну и лѣто въ Швейцаріи. Онъ встрѣчается тамъ то въ Лозаннѣ, то на дачѣ, на прелестномъ маленькомъ островкѣ при впаденіи рѣки Ааръ въ Тунское озеро. Въ октябрѣ 1813 г. мы его опять находимъ въ Эпинэ, любимымъ и уважаемымъ членомъ кружка, принадлежащаго къ легитимистской аристократіи.

Слѣдующій годъ графъ Федоръ выступилъ въ неблагодарной роли дипломата-любителя [1]), но такъ какъ ему этимъ путемъ не удалось войти опять въ милость къ государю, онъ снова удалился въ Лозанну. Однообразная жизнь, которую пришлось вести въ скромной столицѣ Ваатланда, ему, однако, скоро надоѣла и осенью 1816 г. онъ отправляется во Флорен-

---

[1]) См. въ „Портретахъ и Воспоминаніяхъ" статью „Нессельроде".

цію[1]). Столица Тосканы кишѣла тогда знатными иностранцами; въ особенности тамъ встрѣчалось много русскихъ. Среди этого космополитическаго общества графъ Федоръ чувствуетъ себя опять хорошо и встрѣчается тамъ со своимъ старымъ другомъ, княземъ Меттернихомъ. Отблескъ славы, окружавшей тогда знаменитаго государственнаго дѣятеля, падаетъ также на графа Федора. Въ Луккѣ онъ наслаждается внимательнымъ гостепріимствомъ князя. Затѣмъ онъ его сопровождаетъ въ Ливорно, гдѣ знаменитый дипломатъ, который умѣлъ также быть большимъ проказникомъ, представилъ его, въ костюмѣ простого туриста, Бразильской принцессѣ и ея сестрѣ, императринѣ Маріи Луизѣ, окруженнымъ пышнымъ Дворомъ. Это былъ послѣдній разъ, что графъ Федоръ блисталъ, веселился и веселилъ другихъ. Послѣ своего возвращенія въ Лозанну, онъ ведетъ тамъ уединенную и праздную жизнь[2]) „между развалинами старины и приготовленіями къ будущности",— какъ онъ выражается въ „Разныхъ письмахъ, собранныхъ въ Швейцаріи". Местрали въ Вюльеранѣ, Фрейденрейхи въ Монна, фонъ-Мюйдены въ Лозаннѣ, Ноайль, Эйнары и Николай Шатлэнъ въ Роллѣ составляютъ кругъ его ближайшихъ друзей. Состояніе его здоровья, уже разстроеннаго, ухудшается съ года на годъ, и въ 1823 г. кризисъ уноситъ его навсегда.

Въ обширномъ кругу своихъ знакомыхъ графъ Федоръ

---

[1]) См. ниже „Русская колонія во Флоренціи съ 1816 по 1817 гг.

[2]) Нѣкоторые изъ его приближенныхъ совѣтовали ему пріобрѣсти права гражданства кантона Ваатланда и опредѣлиться тамъ на общественную службу. Но онъ на это отвѣчалъ, что гордится своею любовью къ Ваатланду, но что вокругъ этого маленькаго, тоненькаго и лишь немного подслащеннаго общественнаго пирога и безъ того уже толпится слишкомъ много народу. „И потомъ—говорилъ онъ — человѣкъ, дѣду котораго именнымъ указомъ Петра Великаго было поручено положить первый камень при закладкѣ С.-Петербурга, не могъ бы въ Лозаннѣ занять мѣсто меньше старосты собора св. Франциска или педеля Академіи, на которыя и такъ много охотниковъ".

пользовался репутаціей очень занимательнаго и пріятнаго человѣка.

Въ дневникѣ княгини Меттернихъ [1]) мы читаемъ замѣтку отъ 4 по 10 декабря 1843 г.: „... Въ пятницу герцогиня Талейранъ обѣдала у насъ съ Шуленбургомъ, обоими Гюгелями, Левенштейномъ, Зенффтомъ, возвратившимся изъ Мюнхена, и нѣкоторыми другими кавалерами. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ о Головкинѣ, которые очень разсмѣшили Клементія (князя Меттерниха), а герцогиня подѣлилась съ нами случаями изъ его жизни, свидѣтельницей коихъ она была сама и которые являются единственными въ своемъ родѣ“.

Графъ Федоръ много писалъ. Пока онъ былъ молодъ, онъ сочинялъ стихи, которые, однако, были посредственны. Въ продолженіе всей своей жизни онъ имѣлъ склонность къ изложенію своихъ мыслей въ формѣ писемъ. Его переписка была очень обширна и письма женщинъ разоблачаютъ въ немъ счастливаго наперсника нѣкоторыхъ изъ самыхъ красивыхъ и самыхъ умныхъ свѣтскихъ женщинъ того времени. „Говорятъ, что весь Парижъ находитъ васъ такимъ очаровательнымъ, что васъ принимаютъ за француза былого времени, сто лѣтъ тому назадъ, который возвратился во Францію подъ видомъ русскаго, чтобы повеселиться“, — сказала ему г-жа Сталь, и въ этомъ-же приблизительно духѣ ему пишутъ письма всѣ его корреспондентки, въ числѣ которыхъ находятся царствующія особы [2]).

Графъ Федоръ несомнѣнно обладалъ качествами, необходимыми для того, чтобы нравиться красавицамъ большого свѣта

---

[1]) *Mémoires du prince Metternich*, т. VI, стр. 670.

[2]) Въ концѣ этой книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Корреспонденты Головкина“, помѣщенъ выборъ писемъ, исходящихъ отъ лицъ извѣстныхъ своимъ умомъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ: г-жи Сталь, Жозефа де-Мэстра, графа де-Коаньи, шевалье Буффлера, графа Каподистрія и др,

его временъ: онъ былъ пріятный собесѣдникъ, остроуменъ и не безъ юмора, немного насмѣшливъ, въ общемъ натура импульсивная и великодушная, подъ внѣшностью образцоваго кавалера. Легкость, съ которой онъ писалъ по-французски, повидимому, облегчала ему успѣхи по части переписки.

Письма интимнаго содержанія, писанныя имъ въ 1816 и 1817 гг. изъ Флоренціи его двоюродной сестрѣ, г-жѣ де Местраль д'Арюффанъ, представляютъ большой интересъ. Они ясно доказываютъ, что способность наблюдать и изящно излагать свои наблюденія никогда ему не измѣняла. Достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ поставилъ себѣ болѣе серьезныя задачи, Его крайне легитимистскія убѣжденія внушили ему написать: „Разсужденія по поводу нравственнаго состоянія Франція“ [1]), сочиненіе, которое очень не понравилось русскому правительству, по причинѣ нѣкоторыхъ нападковъ на только что установившійся новый порядокъ вещей въ Европѣ и, главнымъ образомъ, на шведскаго короля [2]).

Немного позже онъ издалъ „Отношеніе воспитанія къ правительству“ [3]). Но въ роли воспитателя графъ Федоръ положительно скученъ и то же самое можно сказать по поводу его единственнаго романа: „Принцесса Амальфи“.

Болѣе полезнымъ трудомъ были: „Разныя письма, собранныя въ Швейцаріи, сопровождаемыя примѣчаніями и разъясненіями“ (1821 г.). Историкъ, изучающій Швейцарію въ XVIII столѣтіи, будетъ не безъ пользы съ ними справляться. Сэптъ-Бêвъ въ письмѣ Виллымену [4]), написанномъ, вѣроятно, въ 1838 г., по возвращеніи его изъ Швейцаріи, говоритъ

---

[1]) «*Considération sur la constitution morale de la France*», Geneve, Paschoud 1815.

[2]) См. въ концѣ этой книги письмо графа Каподистрія отъ 2/14 іюня 1816 г.

[3]) „*L'Education dans ses rapports avec le Gouvernemant*“ Geneve et Paris ches Paschoud 1818.

[4]) Факсимиле этого письма находится въ журналѣ „L'Art“. (Ію.. 1904 г.).

объ этомъ трудѣ Головкина слѣдующее: „Я прочелъ довольно хорошіе сборники и образчики французской литературы Ваатланда, а именно—„Письма, собранныя въ Швейцаріи“—сочиненіе одного русскаго, графа Головкина, гдѣ пріѣздъ Вольтера и всѣ его сношенія съ мѣстными жителями описываются въ его-же письмахъ, которыя мало извѣстны и, какъ всегда, пикантны“.

Его „Воспоминанія“—безспорно лучшее изъ его сочиненій [1]).

---

[1]) Дѣятельное сотрудничество при составленіи „Мемуаровъ“ Станислава-Августа, послѣдняго польскаго короля, внушило ему, можетъ быть, вкусъ къ подобнымъ работамъ. Во всякомъ случаѣ, подробности, сообщаемыя имъ по поводу этихъ неизданныхъ Мемуаровъ, весьма любопытны: „Я былъ однимъ изъ числа лицъ, которыя были допущены къ ближайшему кругу короля. Давнишнія дѣловыя сношенія, о чемъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ, тѣ воспоминанія объ общественныхъ событіяхъ, которыхъ меня удостоила Екатерина II, моя склонность къ искусству и къ литературѣ—вотъ данныя, благодаря которымъ я во всякое время былъ вхожъ въ кабинеты, куда я еше раньше вводилъ нѣсколькихъ лицъ, отличавшихся пріятностью и благонадежностью обхожденія. Однажды ночью, князь Безбородко былъ посланъ изъ Гатчины за мною и за вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ, чтобы вызвать насъ къ государю для внезапнаго въ одно и то же время допроса о характерѣ нашихъ сношеній съ королемъ. Мы на это имѣли лишь одинъ отвѣтъ, но какъ наши отношенія съ нимъ ни были невинны, ихъ все-таки пришлось прекратить. Я уже больше не встрѣчалъ короля, кромѣ только, какъ на торжественныхъ выходахъ, и это было большой потерей для всего міра, такъ какъ мы постоянно редактировали, въ видѣ Мемуаровъ, дневникъ, состоявшій изъ девяти большихъ фоліантовъ, который былъ начатъ королемъ въ день его коронованія и законченъ въ день его отреченія отъ престола. Тамъ, съ чистой совѣстью, какъ на исповѣди, было собрано все—политика, вопросы управленія, придворныя интриги и любовныя приключенія. Положеніе короля среди Дворовъ Австріи, Россіи и Пруссіи въ теченіе тридцати лѣтъ было такого рода, что постоянная необходимость знать обо всемъ создала изъ этого дневника наиболѣе полный изъ всѣхъ существующихъ отрывковъ исторіи. Точность дневника была доведена до того, что тамъ можно было найти записки расходовъ мельчайшихъ суммъ, если только эти расходы имѣли какое-нибудь

Какъ хорошій наблюдатель, схватывающій, главнымъ образомъ, смѣшныя стороны того, что онъ видѣлъ, и владѣющій вполнѣ свободно французскимъ языкомъ, онъ оставилъ намъ рядъ пикантныхъ описаній, характеризующихъ правителей и дипломатовъ того времени. Тѣмъ не менѣе всѣ эти лица, сквозь призму его воображенія, испытали не мало изуродованій и не слѣдуетъ, конечно, придавать его разсказамъ безусловную вѣру. Надо, впрочемъ, замѣтить, что „Воспоминанія" графини Головиной, напечатанныя недавно на русскомъ языкѣ, подтверждаютъ многія изъ чертъ и подробностей, къ которымъ было основаніе относиться съ подозрѣніемъ.

Воспоминанія о Дворѣ и царствованіи Павла I составляютъ самую существенную часть его сочиненій, такъ какъ авторъ былъ, въ одно и то же время, наблюдателемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ томъ, что онъ описываетъ. Царствованіе Павла Петровича было мрачно и трагично, но то, что графъ Федоръ видѣлъ и слышалъ при Дворѣ этого несчастнаго государя, представляетъ ничто иное, какъ жалкую комедію, смѣшныя стороны которой не ускользнули отъ этого паблюдателя, кажущагося, на первый взглядъ, поверхностнымъ и безпечнымъ.

Мы его видимъ то принимающаго участіе въ обрядахъ коронованія „въ бархатномъ кафтанѣ, богато расшитомъ шарфами, въ штиблетахъ изъ бѣлаго атласа и въ треугольной шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, по военному"; то провожаемъ его въ ночной поѣздкѣ, въ каретѣ съ зеркальными стеклами, когда онъ, дрожащій отъ холода въ зимнюю ночь, отправляется къ посланникамъ иностранныхъ Дворовъ, чтобы объявить имъ о рожденіи великаго князя Михаила Павловича; то присутствуемъ при гнѣвномъ припадкѣ императора, когда Головкинъ,

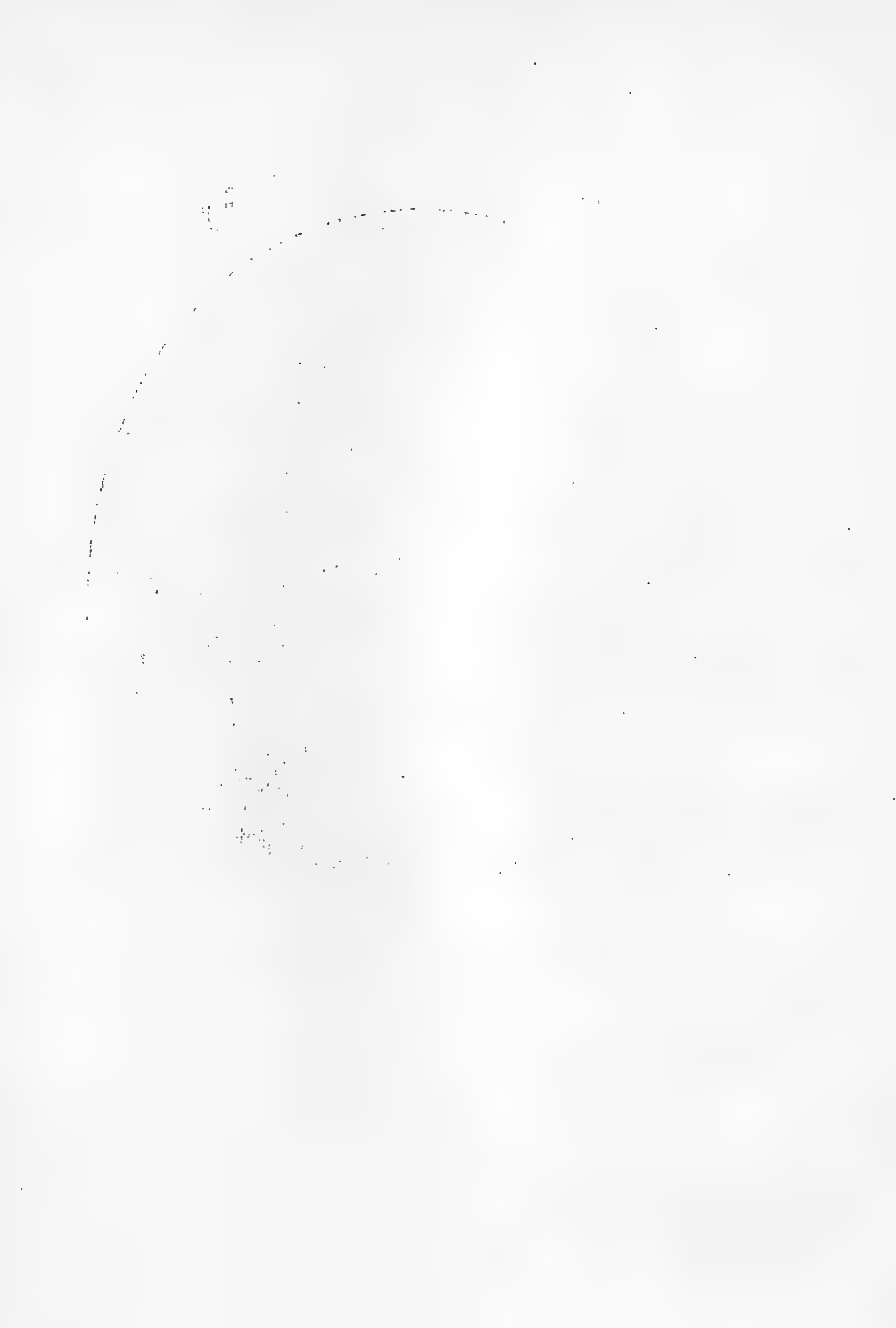
отношеніе къ дѣламъ. Я тщетно требовалъ, на слѣдующій же день послѣ смерти короля, выдачи этого сокровища его семейству, но графъ Сергѣй Румянцевъ, которому было поручено императоромъ привести въ порядокъ наслѣдство короля, погрузилъ этотъ дневникъ въ безбрежный океанъ правительственныхъ хартій!"

Павелъ I,

Императоръ Всероссійскій.

(Изъ коллекціи Вел. Кн. Николая Михайловича).

которому Павелъ I, назначая его на должность церемонiймейстера, настрого запретилъ „заниматься въ его царствованiе остротами“, забываетъ этотъ запретъ.

Въ то же время графъ Федоръ Гавриловичъ оставилъ намъ очень ясный портретъ самого себя. Ибо разнообразiе мѣстностей и лицъ, о которыхъ онъ говоритъ, легкость, съ которою онъ разсуждаетъ о серьезныхъ дѣлахъ, значенiе, которое онъ нерѣдко придаетъ мелочамъ, интересъ, съ которымъ онъ слѣдитъ за европейскими событiями [1]), незнанiе русскаго языка и русской жизни, а главное—самоувѣренность, проявляемая имъ въ своихъ мнѣнiяхъ, характеризуетъ его какъ космополита.

Такимъ образомъ, графъ Федоръ представляетъ изъ себя прототипъ того любопытнаго класса русскихъ, являющагося произведенiемъ сложившихся обстоятельствъ и управлявшаго Россiей въ теченiе девятнадцатаго столѣтiя.

---

[1]) Князь Петръ Долгоруковъ пишетъ въ своихъ „Мемуарахъ“: „Графъ Федоръ былъ одинъ изъ величайшихъ хвастуновъ своего времени; онъ разсказывалъ, будто онъ ведетъ политическую переписку съ Людовикомъ XVIII, выдавалъ себя за главнаго составителя Хартiи 1814 г. и никогда не замѣчалъ, что, слушая его, всѣ втихомолку посмѣивались. (*Dolgoroukov*, Mémoires т. I., стр. 115).

I.

Великій Князь Павелъ.

Этотъ государь родился въ недобрый часъ. Народы уже давно съ нетерпѣніемъ ждали его появленія на свѣтъ, но отецъ отрекся отъ него, а мать его не возлюбила. Въ его жизни долгое время было нѣчто неопредѣленное, непрочное, а отъ этого постоянное безпокойство легло въ основаніе его характера. Нравственное воспитаніе, данное ему политикой, прибавило къ тому нѣчто подавленное и подобострастное, что каждую минуту могло разразиться и дѣлало его царствованіе столь страшнымъ для трусливыхъ людей. Первую часть своей жизни онъ провелъ въ сожалѣніи о томъ, что онъ такъ долго не могъ царствовать, а вторую часть отравило опасеніе, что ему не удастся царствовать достаточно долго, чтобы наверстать потерянное время. Это царствованіе имѣло большія послѣдствія для всей Европы и было богато весьма странными и оригинальными событіями, которыя поучительны для тѣхъ, кто, въ постигшемъ родину несчастьи, оцѣниваетъ свободу и жизнь только по ихъ нарицательной цѣнѣ.

Въ продолженіе всей этой неблагополучной эпохи, казавшейся очень длинной, хотя она продолжалась всего пять лѣтъ, самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ русскихъ людей былъ самъ императоръ.

Мой дневникъ, въ которомъ я каждый вечеръ отмѣчалъ всѣ событія при Дворѣ, послужитъ мнѣ основаніемъ къ своего рода лѣтописи. Руководствуясь фактами, я хотѣлъ бы доказать, что одно и то же лицо можетъ быть, разомъ, очень

плохимъ государемъ и очень честнымъ человѣкомъ и что это неминуемо имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда умъ не уравновѣшивается чувствами, а порывы власти не управляются сознаніемъ долга; кромѣ того, я желалъ бы еще указать на то, что въ нашихъ сужденіяхъ о государяхъ мы упускаемъ изъ виду преимущественное и непреодолимое воздѣйствіе физическихъ вліяній на нравственный обликъ ихъ дѣйствій.

Павелъ, который былъ такъ безобразенъ, родился красавцемъ, такъ что лица, видѣвшія въ галлереѣ графа Строганова его портретъ, гдѣ онъ, въ возрастѣ семи лѣтъ, изображенъ въ парадномъ орденскомъ костюмѣ, рядомъ съ портретомъ императора Александра I въ томъ же возрастѣ и въ томъ же костюмѣ, спрашивали, отчего у графа Строганова одинъ и тотъ же портретъ встрѣчается два раза. Всѣ дѣти Павла были на него похожи и тѣмъ не менѣе они были красивы и хорошо сложены; но это становится понятнымъ, если принять во вниманіе, что онъ въ 1764 и 1765 гг. пережилъ болѣзнь, сопровождавшуюся судорогами и что отъ этого произошло сокращеніе нервовъ на его лицѣ; жизнь его удалось тогда спасти только посредствомъ операціи горла. Его глаза сохранили много выраженія, а его очень большіе зубы были такъ бѣлы и ровны, что ротъ отъ этого казался почти пріятнымъ. Онъ былъ чрезвычайно худъ и состоялъ весь изъ костей и мускуловъ, но въ таліи хорошо сложенъ и, если бы онъ, желая вырости и пріобрѣсти величественный видъ, не пріучилъ себя къ театральной походкѣ, его можно было бы назвать стройнымъ.

Его воспитаніе было поручено графу Панину, впослѣдствіи министру иностранныхъ дѣлъ, пріобрѣвшему во время своего посольства въ Швеціи репутацію даровитаго дипломата. Этотъ выборъ дѣлалъ честь какъ императрицѣ, такъ и графу Панину, ибо послѣдній принялъ участіе въ заговорѣ, посадившемъ ее на престолъ, съ условіемъ, что она, до совершеннолѣтія великаго князя, приметъ на себя только регентство. Было-ли поведеніе гувернера послѣдствіемъ его доб-

родѣтели или же его честолюбія — во всякомъ случаѣ надо было твердо вѣрить въ его честность, разсчитывая на то, что принесенная имъ, въ концѣ-концовъ, присяга заставитъ его отречься отъ замысла, который долженъ былъ возвести такъ высоко его счастье и славу. Къ нему назначили, въ качествѣ помощниковъ, нѣсколькихъ нѣмцевъ, считавшихся способными къ исполненію обязанностей инструкторовъ, но слишкомъ незначительныхъ, чтобы заводить интриги. Самый замѣчательный изъ нихъ былъ Эпинусъ [1]), хорошій писатель и физикъ. Не было упущено ничего, что могло придать воспитанію больше блеска. Молодой великій князь прошелъ съ успѣхомъ гимназическій курсъ и весьма прилежно занимался литературой; исторія, географія и математика преподавались ему хорошими учителями, но изъ длинныхъ разговоровъ, которые я съ нимъ имѣлъ, я вывелъ заключеніе, что такіе крупные отдѣлы воспитанія, какъ политика, военное искусство и государственное право были имъ только слегка затронуты. Павелъ умѣлъ вести скорѣе блестящій, чѣмъ основательный разговоръ, отличался большою вѣжливостью къ женщинамъ, правильно оцѣнивалъ

---

[1]) Слѣдующій анекдотъ, оказавшійся въ бумагахъ графа Федора, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ онъ не лишенъ нѣкоторой пикантности: „У насъ въ Россіи жилъ одинъ старикъ изъ Любека Эпинусъ, прикомандированный сначала къ дѣлу воспитанія великаго князя Павла, а затѣмъ къ департаменту иностранныхъ дѣлъ, гдѣ ему поручалась работа съ шифрами. Подъ очень простою внѣшностью это былъ умный человѣкъ, отличный математикъ и физикъ, настоящій философъ и величайшій любитель ходить пѣшкомъ. Екатерина II его очень цѣнила и воспользовалась случаемъ при учрежденіи учительскихъ семинарій, чему онъ много содѣйствовалъ, чтобы наградить его орденомъ св. Анны. Принося императрицѣ свою благодарность, Эпинусъ сказалъ: „Я почтительнѣйше благодарю Ваше Величество за то, что Вы меня на остатокъ моей жизни предохранили отъ палочныхъ ударовъ“. Онъ всегда возмущался безнаказанностью, которая пріобрѣталась въ Россіи орденами, но съ этого дня онъ всегда носилъ свой орденъ на старомъ сюртукѣ коричневаго цвѣта, въ которомъ онъ совершалъ свои экскурсіи“.

величіе своей судьбы и питалъ высшій страхъ передъ императрицей, какъ матерью и государыней. При его раздражительномъ и желчномъ характерѣ, было не легко добиться этого послѣдняго результата, для чего ловкій гувернеръ воспользовался слѣдующимъ случаемъ:

Великій князь достигъ девятнадцатилѣтняго возраста, не говоря и не дѣлая ничего такого, что могло вызвать безпокойство относительно его намѣреній или возбудить сомнѣніе на счетъ безпрекословности его повиновенія; но вдругъ, въ такой моментъ, когда этого меньше всего ожидали, была открыта очень обширная переписка съ нѣкіимъ барономъ Кампенгаузенъ [1]), молодымъ лифляндцемъ большого ума и довольно бурнаго поведенія. Эта переписка хотя и не заключала въ себѣ ничего явно преступнаго и не содержала никакого проекта, но въ ней говорилось о будущности, о правахъ и надеждахъ; это были плохо переваренныя мысли головы, въ которой начинается броженіе. Императрица и гувернеръ, обсудивъ этотъ случай, рѣшили имъ воспользоваться. Панинъ, вмѣсто того, чтобы явиться къ великому князю, какъ всегда, велѣлъ ему сказать черезъ камердинера, чтобы онъ немедленно зашелъ къ нему. Великій князь, удивленный, прибѣгаетъ впопыхахъ и вмѣсто того, чтобы встрѣтить со стороны своего наставника обычное почтеніе, застаетъ его лежащимъ въ креслѣ. Не двигаясь съ мѣста, Панинъ обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью:

— Кто вы, по вашему мнѣнію,—наслѣдникъ престола?

— Конечно, какъ же нѣтъ?

— Вотъ вы и не знаете, и я хочу вамъ это выяснить. Вы, правда, наслѣдникъ, но только по милости Ея Величества благополучно царствующей императрицы. Если васъ до сихъ поръ оставляли въ увѣренности, что вы законный сынъ Ея Величества и покойнаго императора Петра III, то я васъ вы-

---

[1]) Авторъ повидимому ошибается, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не о Кампенгаузенѣ, а о Сальдернѣ.

Великая Княгиня Наталія Алексѣевна.

веду изъ этого заблужденія: вы не болѣе какъ побочный сынъ, и свидѣтели этого факта всѣ на лицо. Взойдя на престолъ, императрицѣ угодно было поставить васъ рядомъ съ собою, но въ тотъ день, когда вы перестанете быть достойнымъ ея милости и престола, вы лишитесь какъ послѣдняго, такъ и вашей матери. Въ тотъ день, когда ваша неосторожность могла бы компрометировать спокойствіе государства, императрица не будетъ колебаться въ выборѣ между неблагодарнымъ сыномъ и вѣрными подданными. Она чувствуетъ себя достаточно могущественной, чтобы удивить свѣтъ признаніемъ, которое, въ одно и то же время, извѣститъ его о ея слабости, какъ матери, и о ея вѣрности, какъ государыни. Вотъ ваши письма барону Кампенгаузенъ, прочитайте ихъ еще разъ и подумайте о томъ, какое рѣшеніе вамъ остается принять[1]).

Эта страшная рѣчь произвела то дѣйствіе, на которое можно было расчитывать: великій князь просилъ прощенія. Оно ему было обѣщано, но съ тѣхъ поръ всякое чувство нѣжности между матерью и сыномъ исчезло. Она стала для него только всемилостивѣйшею государынею, а онъ для нея вѣрноподданнымъ. Иногда его желчь, растроганная нескромными царедворцами, проявлялась наружу, но Екатерина, увѣренная въ дѣйствительности нанесеннаго ему удара, никогда его не боялась. Въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ она позволяла ему производить военное ученіе нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ, на разстояніи всего одной мили отъ Царскаго Села, гдѣ при ней находились только шестьдесятъ гвардейскихъ гренадеръ. У него было одно изреченіе, обрывающее всякія коварныя наущенія: „Прежде чѣмъ быть сыномъ, великій князь есть подданный, и религія мнѣ внушила, что все, что я могъ бы пред-

[1]) Этотъ эпизодъ, разсказанный графомъ Федоромъ, хотя и не правдоподобенъ, но представляетъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ указываетъ на одно изъ теченій мысли, столь опасныхъ для прочности трона, которыя выступали наружу вслѣдствіе нѣкоторыхъ неправильностей въ поведеніи Екатерины II.

принять противъ моей матери, послужило бы впослѣдствіи только къ оправданію моихъ сыновей, если бы они когда-нибудь задумали предпринять что-либо противъ меня".

Столь умѣренное поведеніе обезпечило ему при жизни императрицы существованіе, значительно превышающее мѣру того, что обыкновенно предоставлялось наслѣднику престола. Онъ жилъ на всемъ готовомъ, получая содержаніе въ 175,000 рублей серебромъ, а великая княгиня, его супруга,—70,000 руб. Когда онъ приступалъ къ какой-нибудь болѣе значительной постройкѣ, императрица предоставляла въ его распряженіе или матеріалъ, по его выбору, или же вспоможеніе наличными деньгами. Два раза въ недѣлю онъ, по утрамъ, являлся къ императрицѣ, гдѣ одинъ изъ стасъ-секретарей докладывалъ ему всѣ текущія дѣла и она сама давала объясненія на вызываемые этимъ докладомъ вопросы. Кромѣ оберъ-гофмейстера, состоявшаго лично при немъ, онъ былъ окруженъ такимъ-же штатомъ, какъ сама императрица. Онъ устраивалъ празднества у себя въ городѣ и на дачѣ, и Ея Величество въ такихъ случаяхъ была настолько внимательна къ нему, что посылала на балъ къ Его Высочеству часть окружавшаго ее общества и даже своего фаворита. Съ тѣхъ поръ, какъ императрица подарила ему Гатчину, купивъ это владѣніе у наслѣдниковъ князя Орлова, великій князь имѣлъ возможность отправляться туда на дачу, когда ему было угодно; онъ проводилъ тамъ иногда всю осень, прежде чѣмъ возвратиться на зиму въ столицу.

Казалось бы, что въ такой странѣ, какъ Россія, подобное обхожденіе исключало всякое неудовольствіе. Но, несмотря на то, постоянно раздавались жалобы и претензіи; фавориты молодого двора громко вопили и никто имъ въ этомъ не препятствовалъ.

Екатерина выписала въ С.-Петербургъ ландграфа Дармштадтскаго съ его тремя дочерьми, чтобы великій князь выбралъ себѣ между ними супругу. Онъ избралъ самую некра-

сивую, но самую умную, нареченную впослѣдствіи великой княгиней Наталіей. Ея двѣ сестры вернулись домой, награжденныя лентой св. Екатерины и одаренныя брилліантами; одна изъ нихъ, принцесса Луиза, вышла потомъ замужъ за герцога Веймарскаго [1]) и пріобрѣла извѣстность величіемъ своего характера, выказаннымъ Наполеону; а другая, принцесса Амалія, было выдана за наслѣднаго принца Баденскаго [2]).

Молодая великая княгиня въ весьма короткое время вполнѣ овладѣла умомъ великаго князя, что одинаково не понравилось какъ императрицѣ, такъ и народу; первой, потому что она ей показалась интриганкой, а второму, потому что она имъ видимо пренебрегала. Никто тогда не предвидѣлъ, что ея карьера скоро кончится, такъ какъ никто не зналъ, что ея мать скрыла одно обстоятельство, которое препятствовало ей дать престолу наслѣдника. Мнѣ впослѣдствіи, въ Германіи, сообщили объ этомъ слѣдующее: принцеса родилась съ неестественнымъ наростомъ хвостца, который увеличивался съ годами и становился весьма тревожнымъ. По этому поводу были спрошены первые хирурги Европы, но безуспѣшно. Наконецъ, явился какой-то шарлатанъ изъ Брауншвейга, осмотрѣлъ ребенка и обѣщалъ удалить этотъ наростъ. Онъ велѣлъ изготовить родъ сидѣнья изъ желѣза и посадилъ туда бѣдную крошку съ такою силою, что хвостецъ переломился и провалился во внутрь тѣла. Дѣвочка чуть не умерла отъ этой ужасной операціи, но хотя ее тогда вылечили, она должна была умереть съ выходомъ замужъ; дѣйствительно при первыхъ же родахъ ребенокъ былъ остановленъ внутреннимъ препятствіемъ, о которомъ никто не зналъ и которое нельзя было устранить. Великая княгиня выказала въ послѣднія минуты необычайный героизмъ, требуя, чтобы ею пожертвовали ради ребенка. Это былъ сынъ, но жертва матери не могла его спасти. Это

[1]) Карла Августа (1758—1828).

[2]) Карла Людвига, дочь котораго (Елисавета Алексѣевна) впослѣдствіи вышла замужъ за императора Александра I.

происшествіе описывалось различно, но то, что я разсказываю—истина [1]). Г. де-Николаи, секретарь этой принцессы, и Ля-Фермьеръ, ея чтецъ, были моими друзьями и присутствовали при всемъ этомъ. Я всѣ эти подробности и то, что будетъ сказано дальше, знаю отъ нихъ.

Горе великаго князя не знало границъ. Онъ отказывался отъ всякаго содѣйствія и совѣта, и императрица была очень озабочена; тогда принцъ Генрихъ Прусскій, находившійся какъ разъ въ С.-Петербургѣ, просилъ ее предоставить ему избраніе средства, чтобы вернуть великому князю спокойствіе, отъ котораго, казалось, зависѣла его жизнь. Императрица колебалась и хотѣла сначала знать, какими средствами принцъ воспользуется, но онъ не хотѣлъ ей этого сказать, зная, что она воспротивится его плану. Опасность, между тѣмъ, все увеличивалась и Екатерина, наконецъ, уступила принцу, полагаясь на его мудрость. Тогда, въ теченіе сутокъ, была разыграна самая гнусная интрига, которую когда-либо затѣяли противъ памяти усопшей, интрига, которую никто не осмѣлился бы защитить разумными доводами. Принцъ Генрихъ насильно ворвался къ упорно уединявшемуся великому князю и сказалъ ему, что, рискуя прослыть за невѣжу, онъ долженъ открыть ему тайну, а именно, что онъ убивается ради женщины, совершенно не достойной нѣжной памяти и сожалѣній. Послѣ этого перваго удара принцъ выждалъ, пока оскорбленный въ своей чести великій князь не потребовалъ отъ него объясненій; тогда онъ сталъ ему напоминать разныя случайныя обстоятельства, подкрѣпляя ихъ письмами, которыя были заранѣе заготовлены на основаніи мнимыхъ признаній, сдѣланныхъ

---

[1]) См. подробности въ „Зап. Имп. Росс. Истор. Общ. т. XXVII, стр. 79; *Asseburg*, Denkwürdigkeiten, стр. 270; *Шильдеръ* Имп. Павелъ I стр. 104 сл. Этотъ авторъ говоритъ: „Вся отвѣтственность за это происшествіе падаетъ на ландграфиню, увлекшуюся мыслью о блестящемъ бракѣ ея дочери“.

будто бы покойной на исповѣди ея духовнику Платону; послѣдняго заставили подтвердить эту ложь, въ виду блага, ожидаемаго отъ нея, и указать виновника въ лицѣ ближайшаго фаворита несчастнаго супруга—графа Андрея Разумовскаго, внѣшность и смѣлость коего придавали нѣкоторую правдоподобность приписанной ему роли. Когда все было готово, чтобы нанести великому князю послѣдній ударъ, принесли ларчикъ, наполненный мнимыми письмами, и призвали Платона, впослѣдствіи знаменитаго московскаго митрополита, привыкшаго еще раньше къ разнымъ интригамъ, который долженъ былъ открыть тайну принятой имъ отъ умирающей исповѣди. Эта чудовищная интрига имѣла полный успѣхъ. Великій князь добровольно вернулся къ жизни и согласился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ поѣхать въ Берлинъ, чтобы встрѣтиться тамъ съ виртембергской принцессой, избранной для того, чтобы его окончательнаго утѣшить. Но графъ Разумовскій за всю свою остальную жизнь не могъ добиться разрѣшенія предстать передъ великимъ княземъ. Дерзость этой интриги дѣлала ее всегда въ моихъ глазахъ мало вѣроятной, но подробности, переданныя мнѣ гг. де-Николаи и Ля-Фермьеромъ о внутренней жизни великокняжескаго двора, въ теченіе трехъ лѣтъ, пока продолжался этотъ бракъ (1773—1776), убѣдили меня въ томъ, что эта мысль сама собою должна была придти въ голову принцу Генриху и что, желая предохранить великаго князя отъ гибели, онъ не могъ отыскать ничего лучшаго [1]).

---

[1]) Предпочтеніе, даваемое графомъ Федоромъ этому объясненію внезапной немилости графа Андрея Разумовскаго, слѣдуетъ, вѣроятно, приписать не столько его любви къ истинѣ, сколько его ненависти къ принцу Генриху Прусскому. „Никогда я не встрѣчалъ человѣка болѣе посредственнаго, пользующагося нѣкоторою репутаціею, ни болѣе смѣшного, при большихъ протекціяхъ, — говоритъ графъ Федоръ въ одной статьѣ, посвященной спеціально принцу Генриху;— это былъ маленькій человѣчекъ, очень худой и плохо сложенный, расхаживающій на очень высокихъ каблукахъ. У него—безобразное лицо съ огромными глазами, какъ у плотвы, изъ коихъ одинъ косится на

Павелъ, будучи въ то время еще очень молодъ, въ семейной жизни, у себя дома, проявлялъ высшую степень фамильярности и товарищескихъ отношеній. Графъ Разумовскій входилъ къ нему утромъ, когда онъ еще былъ въ спальнѣ съ великой княгиней, которая очень смѣялась надъ его возней съ фаворитомъ, при чемъ оба иногда, во время свалки, валялись на кровати. Такъ какъ уединенная жизнь Его Императорскаго Высочества давала поводъ ко многимъ вольностямъ, которыми фатоватый Разумовскій потомъ хвастался передъ Дворомъ, то принцу Генриху стоило только приписать преступныя намѣренія тому, что въ публикѣ уже давно служило предметомъ критики.

Великій князь, для котораго семейная жизнь представляла такъ много прелести, въ скоромъ времени забылъ, въ объятіяхъ свѣжей и рослой принцессы, ту, которую онъ сначала не считалъ возможнымъ пережить, и потомство, вышедшее изъ этого новаго брака, въ достаточной степени доказало, что онъ былъ устроенъ весьма мудро. Его вторая жена далеко не обладала умомъ первой, но у нея были всѣ тѣ качества, которыхъ не доставало первой: безпредѣльное восхищеніе передъ императрицей, большое пристрастіе къ представительству и къ придворной жизни и чрезвычайное благоволеніе къ націи, языку которой она поспѣшила выучиться и религію которой она приняла съ искреннимъ умиленіемъ и вѣрою въ нее. Какъ извѣстно, русскіе великіе князья могутъ жениться только на принцессахъ, принявшихъ православіе. Герцогиня Виртембергская, женщина очень тщеславная, предназначивъ своихъ до-

бокъ, съ большимъ сердцеобразнымъ парикомъ на головѣ, украшеннымъ буклями въ голубиное крыло. Его фрачный костюмъ пестрѣетъ розовыми, лиловыми и желтыми цвѣтами. Жеманныя манеры, напоминающія скорѣе старую кокетку, чѣмъ пожилого мужчину, и хриплый голосъ, который онъ старается смягчить развязными манерами,— вотъ этотъ человѣкъ, на котораго вамъ указываютъ, приговаривая: „Это великій человѣкъ“.

черей къ занятію первыхъ европейскихъ троновъ, придумала, чтобы избавить ихъ впослѣдствіи отъ упрека въ отступничествѣ, ограничить ихъ религіозное воспитаніе первоначальными элементами христіанской вѣры и рѣшать вопросъ объ ихъ вѣроисповѣданіи лишь въ моментъ ихъ замужества [1]). Такимъ образомъ, виртембергская принцесса, сдѣлавшаяся супругой великаго князя Павла Петровича, передъ тѣмъ была предназначена дармштадтскому принцу и должна была принять лютеранство, но тотчасъ же перешла въ православіе, какъ только принцъ Генрихъ Прусскій, ея родственникъ, предложилъ ее русскому Двору; а ея сестра, принцесса Елисавета, была помѣщена въ католическій монастырь въ Вѣнѣ, когда императоръ Іосифъ II назначилъ ее для своего племянника, впослѣдствіи императора Франца.

Не слѣдуетъ, однако, приписывать великой княгинѣ всю заслугу ея прекраснаго поведенія, такъ хорошо приспособленнаго къ новымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ она очутилась. Переходъ отъ маленькаго двора въ Монбельярѣ къ большому Петербургскому Двору требовалъ много наблюдательности, а такъ какъ ея мать знала ея слабость по этой части, она назначила ей въ подруги и совѣтчицы нѣкую г-жу Шиллингъ, вышедшую впослѣдствіи за лифляндца, генерала Бенкен-

[1]) Русскіе историки любятъ подчеркивать легкость, съ которою нѣмецкія принцессы отступали отъ своей религіи каждый разъ, когда имъ приходилось выходить замужъ за наслѣдника русскаго престола. По этому поводу интересно прочесть приведенный Бильбасовымъ документъ о принятіи православія принцессой Ангальтъ-Цербтской, а также письмо Екатерины II графу Румянцеву отъ 17 августа 1792 г., приведеннаго генераломъ Шильдеромъ (Исторія Императора Александра I, т. I, стр. 231, прим. 121): „Вопросъ о вѣрѣ не составлялъ затрудненія, не болѣе чѣмъ все остальное (рѣчь идетъ о принцессѣ Луизѣ Баденской, невѣстѣ великаго князя Александра, впослѣдствіи императора Александра I). Нашелся учитель богословія, который доказалъ Баденскому принцу преимущество православной вѣры, и успѣхъ получился такой, что можно было ожидать момента, когда самъ принцъ пожелаетъ перейти въ эту вѣру.

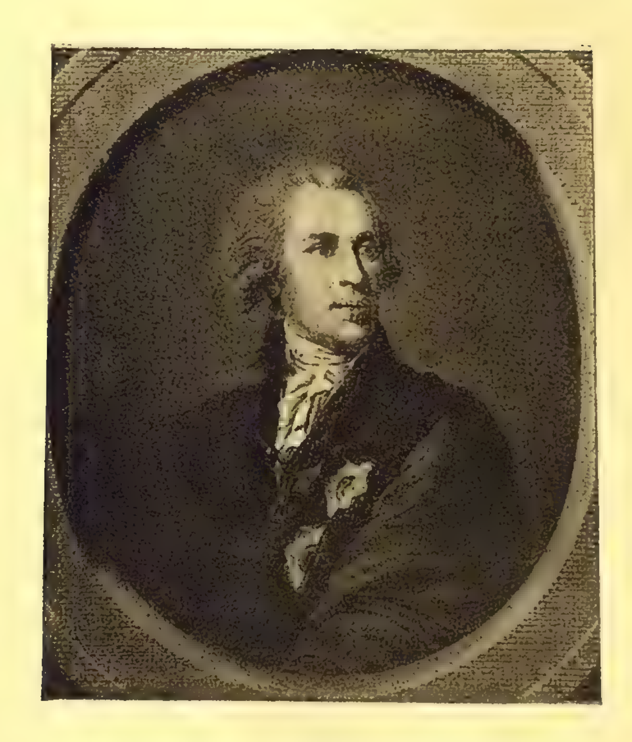
дорфа[1]). Эта особа, подъ весьма скромною внѣшностью, сумѣла въ короткое время такъ завладѣть умомъ великаго князя, что при его дворѣ ничего не дѣлалось безъ ея совѣта. Въ виду этого сочли нужнымъ установить за ней секретное наблюденіе; но изъ донесеній, которыя императрица получала о ней, она скоро прониклась искреннимъ уваженіемъ къ г-жѣ Бенкендорфъ. Не рѣшаясь высказать это слишкомъ открыто, чтобы не разсердить великаго князя и не обезпокоить его фаворитовъ, Екатерина, однако, не упускала ни одного случая, чтобы доказать ей свое благоволеніе; такъ, напримѣръ, однажды, когда г-жа Бенкендорфъ находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности, она заставила ее сѣсть, несмотря на то, что вся царская семья стояла. До тѣхъ поръ, пока продолжалась ея милость, дворъ престолонаслѣдника отличался спокойствіемъ и хорошими манерами. Постоянная вспыльчивость великаго князя уравновѣшивалась мирными занятіями у домашняго очага, ибо великая княгиня любила токарное искусство и гравированіе, которыя чередовались интереснымъ чтеніемъ вслухъ г-жи Ля-Фермьеръ. Не обошлось, конечно, безъ того, чтобы эта хорошо организованная семейная жизнь не имѣла также смѣшныхъ сторонъ, о которыхъ мнѣ стало извѣстно отъ г-жи Нелидовой, фрейлины великокняжскаго двора, а также изъ разговоровъ съ императрицею.

Я никогда не могъ выяснить, что именно заставило Екатерину отправить великаго князя въ путешествіе. Послѣдствія въ достаточной степени доказали неосновательность мотивовъ, которые ей тогда приписывали, между прочимъ—будто она хотѣла отъ него отдѣлаться. Самъ великій князь позволилъ себѣ распространить эти некрасивые слухи и придать имъ правдоподобность своими нескромными разговорами и странными сценами. Такъ напримѣръ, во Флоренціи, обѣдая въ тѣсномъ семейномъ кругу и безъ соблюденія этикета у великаго гер-

[1]) Его сынъ, графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, впослѣдствіи былъ грознымъ шефомъ жандармовъ.

Графъ Паленъ.

Гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ.

цога Леопольда, онъ вдругъ вскочилъ изъ-за стола и, сунувъ всѣ свои пальцы въ ротъ, чтобы вызвать рвоту, сталъ кричать, что его отравили. Великогерцогская семья, крайне обиженная въ своей мѣщанской простотѣ, все же старалась всѣми средствами его успокоить; но потому ли, что Павелъ дѣйствительно воображалъ, что онъ находится въ опасности, или же потому, что онъ притворялся,—его удалось успокоить лишь съ большимъ трудомъ. Въ Неаполѣ, когда однажды зашла рѣчь о правительствѣ, королева сочла нужнымъ сказать, что не слѣдуетъ говорить о законахъ въ присутствіи принца, привыкшаго къ самому совершенному законодательству, которое существуетъ на свѣтѣ. На это великій князь воскликнулъ: „Законы въ Россіи! Законы въ такой странѣ, гдѣ та, кто царствуетъ, можетъ удержаться на тронѣ только въ силу того, что она законы топчетъ ногами!“ Всѣ ужаснулись—какъ мнѣ впослѣдствіи передавала сама королева—и постарались скорѣе перемѣнить разговоръ.

Когда онъ хотѣлъ, великій князь умѣлъ впрочемъ быть очень любезнымъ, и во Франціи это съ нимъ часто случалось, Передаютъ много остроумныхъ изреченій, принадлежащихъ ему. Я приведу одно изъ нихъ, характеризующее сразу двухъ лицъ: въ Тріанонѣ герцогъ, впослѣдствіи маршалъ, де Коаньи, весьма модная въ то время личность, стоя облокотившись на каминъ, спросилъ великаго князя, не мѣняя своего положенія, какъ онъ находитъ французовъ: „Они очень милы,—отвѣтилъ Павелъ,—хотя немного фамильярны“. Несмотря на то, что онъ лицомъ былъ очень некрасивъ, надъ чѣмъ онъ самъ посмѣивался, онъ такъ хорошо умѣлъ себя держать, что отнюдь не казался простымъ и былъ настолько сдержанъ, что какъ-будто ничему не удивлялся. Однажды въ его честь устроили балъ въ большой галлереѣ въ Версалѣ, гдѣ уже много лѣтъ не давались празднества, и король расчитывалъ, что произведетъ этимъ большое впечатлѣніе на великаго князя. Когда

графъ дю Норъ [1]) вошелъ, онъ раскланялся и сталъ, какъ всегда, разговаривать съ придворными: „Посмотрите-ка на моего дикаря,—сказалъ Людовикъ XVI, потерявъ терпѣніе, графу де Бретёль,—ничему онъ не удивляется".—„Это потому,—отвѣтилъ министръ,—что онъ каждое воскресенье видитъ то же самое у своей матери". Бретёль, который потомъ былъ посломъ въ Россіи, мнѣ самъ разсказалъ этотъ эпизодъ и онъ говорилъ правду. Если же, какъ я думаю, цѣль преслѣдуемая Екатериной, когда она своего наслѣдника отправила путешествовать, была просвѣтительная, то она въ ней ошиблась, ибо онъ вернулся такимъ же, какимъ уѣхалъ; въ ея присутствіи, онъ попрежнему былъ неловкій царедворецъ, а за ея спиной неудачно выражалъ свое недовольство. И дѣйствительно, никто изъ тѣхъ, кто наблюдалъ за нимъ въ Европѣ, не удивился его поведенію, послѣ того, какъ онъ взошелъ на престолъ.

Въ числѣ фаворитовъ великаго князя самый неважный, но самый смѣлый былъ Вадковскій [2]), который, какъ всѣ дураки, хотѣлъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Г-жа Нелидова, обладавшая умомъ, недостававшимъ у Вадковскаго, не довольствуясь своимъ положеніемъ на второмъ мѣстѣ послѣ нѣмки, подстрекала его къ осуществленію задуманнаго имъ проекта—смѣшать карты. Не было ничего легче—для этого надо было только сказать великому князю, что въ глазахъ всего свѣта имъ управляетъ великая княгиня, т.-е. другими словами, г-жа Бенкендорфъ. Какъ только это слово было произнесено, все

[1]) Псевдонимъ, подъ которымъ великій князь Павелъ Петровичъ путешествовалъ по Европѣ. (Прим. перев.).

[2]) Въ письмѣ, написанномъ Іосифомъ II, императоромъ Австрійскимъ, его брату Леопольду Тосканскому, великому герцогу, онъ даетъ подробное описаніе графа и графини дю-Норъ и ихъ свиты, и между прочимъ отзывается о Вадковскомъ, какъ о незначительной личности, „Г. Вадковскій очень красивый молодой человѣкъ" (см. *Joseph II und Leopold von Toscane. Ihr Briefwechsel von* 1781—1790, изданіе Арнета стр. 332—339).

зданіе рушилось; великая княгиня вообразила себѣ, что можно остановить разруху высокомѣріемъ; безуміе дошло до того, что ее уговорили дать почувствовать мужу, что она, какъ виртембергская принцесса, сдѣлала ему слишкомъ большую честь, прибывъ съ конца свѣта, чтобы выйти за него замужъ, тогда какъ его происхожденіе не дало бы ему даже права на пріемъ въ любой дворянскій институтъ. Эти подробности я слышалъ отъ самого великаго князя. Ему посовѣтовали подзадорить великую княгиню, притворяясь, что онъ ухаживаетъ за Нелидовой, которая была уже не молода [1]) и настолько некрасива, что не могла представлять опасности для законныхъ правъ.

Это былъ удобный моментъ отступить съ почетомъ и высказать снисхожденіе, но, вмѣсто того, стали кричать о прелюбодѣйствѣ, о необходимости прогнать эту фрейлину и, наконецъ, довели жалобы до императрицы, что только усугубило бѣду. Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ [2]), Николаи, адмиралъ Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ [3]), котораго старыя отношенія, со времени путешествія великаго князя подъ псевдонимомъ графа дю Нора, привязывали къ нему, и еще нѣсколько благоразумныхъ людей, приходившихъ въ силу своей службы поочередно въ соприкосновеніе съ великимъ княземъ, старались успокоить умы, но было уже поздно. Великій князь подпалъ подъ власть Нелидовой, которая, несмотря на невинность ихъ отношеній, стала держать себя публично, какъ фаворитка. Наконецъ, въ одинъ осенній вечеръ, когда мы всѣ находились въ Гатчинѣ, бомба лопнула: г-жѣ Бенкендорфъ было велѣно удалиться, а меня съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ послали къ великой княгинѣ, которая, погруженная въ печаль, приняла насъ лишь послѣ особаго

---

[1]) Екатерина Нелидова родилась въ 1756 г.

[2]) Произведенный впослѣдствіи Павломъ I въ генералъ-фельдмаршалы.

[3]) 1751—1802 гг.

приказанія сыграть съ нами, какъ всегда, партію. Мы не успѣли сѣсть за карточный столъ въ кабинетѣ, расположенномъ въ башнѣ, думая, конечно, всѣ трое меньше всего о картахъ, -- какъ увидѣли въ стеклянную дверь великаго князя и г-жу Нелидову, устроившихся рядомъ и весело хохотавшихъ. Это мученіе продолжалось до самаго ужина, отъ котораго бѣдная принцесса наотрѣзъ отказалась. Нѣсколько дней спустя Ля Фермьеръ былъ уволенъ и великая княгиня осталась одинокой въ своихъ апартаментахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе при Дворѣ было поколеблено.

Великій князь самъ удивился своей храбрости, а такъ какъ его фавориты ему рукоплескали, а императрица не нашла нужнымъ высказать ему свое неодобреніе по поводу его внезапнаго и преждевременнаго проявленія власти и необдуманности наложенныхъ имъ наказаній—въ чемъ она впослѣдствіи горько раскаялась,—то онъ придумалъ окружить себя спеціальной полиціей, отъ которой долгое время пришлось страдать всѣмъ придворнымъ. Впослѣдствіи будетъ сказано, какимъ образомъ мнѣ пришлось быть камнемъ преткновенія въ этихъ зачаткахъ тираніи. Нельзя себѣ представить, какимъ крайностямъ великій князь предавался въ отношеніи придворныхъ чиновъ, являвшихся черезъ каждые четыре дня на дежурство при его особѣ. Привычные къ деликатному обращенію со стороны Ея Величества, они отъ великаго князя должны были выносить или тягостныя милости, или же слышать оскорбленія, которыя они не могли перенести. Я приведу лишь нѣсколько примѣровъ, не потому, что они заслуживаютъ особаго упоминанія, а потому что они придаютъ жизненность моему разсказу.

Однажды осенью, мы вчетверомъ прибыли въ Гатчину: Загряжскій, графъ Тизенгаузенъ, одинъ изъ князей Голицыныхъ и я. Какъ всегда, мы направились въ наши комнаты, но были остановлены однимъ гофъ-фурьеромъ, ставшимъ съ нѣкотораго времени носителемъ повелѣній великаго князя, ко-

торый нахальнымъ тономъ приглашалъ насъ слѣдовать за нимъ. Пришлось, не разсуждая, повиноваться. Онъ открылъ намъ дверь подъ лѣстницею и ввелъ насъ въ комнату, гдѣ находились четыре кровати, четыре стола и четыре стула. Мои спутники разгнѣвались, я же смѣялся до слезъ. Онъ объявилъ намъ, чтобы мы не смѣли оттуда выходить и занялись пока своими туалетами. Что же касается нашей прислуги, то ее оставили съ нашими вещами въ вестибюлѣ и даже не указали ей, гдѣ она могла бы устроиться. Насъ позвали къ обѣду и великій князь, какъ всегда, допустилъ насъ къ своей рукѣ, а послѣ обѣда пришли намъ сказать,—не въ чемъ была наша вина (этого мы никогда не узнали),—но что все въ порядкѣ и что мы можемъ отправиться въ наши апартаменты.

Другой разъ, меня привели въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ, гдѣ на столѣ былъ сервированъ великолѣпный завтракъ. Я былъ очень заинтригованъ, какъ вдругъ вошелъ великій князь, смѣясь надъ моимъ удивленіемъ, и пожелалъ самъ прислуживать мнѣ за завтракомъ. Весь день онъ меня осыпалъ милостями. Вечеромъ, войдя въ свою комнату, я замѣтилъ, что кроват какъ-то не прочна и велѣлъ ея боковыя доски прикрѣпить веревками къ столбамъ. Я уже лежалъ около получаса, какъ вдругъ почувствовалъ сильное сотрясеніе, затѣмъ второе, еще болѣе сильное. Въ то же время я услышалъ шаги въ альковѣ. Я вскочилъ, позвонилъ, приказалъ осмотрѣть комнату, но безуспѣшно, и кончилъ тѣмъ, что легъ спать на диванъ. На слѣдующее утро я еще находился въ нерѣшимости, слѣдуетъ ли мнѣ говорить о томъ, что я принялъ за землетрясеніе или за попытку вторженія воровъ, какъ явился одинъ изъ преданныхъ мнѣ слугъ и разсказалъ мнѣ, что эта комната раньше была ванной покойной княгини Орловой [1]) и что ванна еще теперь находится подъ кроватью. Г жа

[1]) Супруга Григорія Орлова, урожденная Екатерина Николаевна Зиновьева.

Нелидова, чтобы развлечь великаго князя, велѣла подъ постелью устроить качалку, съ такимъ разсчетомъ, чтобы я—если бы мнѣ не пришло въ голову принять мѣры предосторожности—сразу опрокинулся въ ванну, наполненную водой. Великій князь былъ крайне недоволенъ, что эта шутка не удалась и что онъ понапрасну оказалъ мнѣ столько милостей, которыя были предназначены для того, чтобы убаюкать меня на счетъ конца приключенія (1794 г.). Я же счелъ болѣе достойнымъ и осторожнымъ притвориться ничего не знающимъ.

Вотъ въ чемъ состояли развлеченія великаго князя, когда ему уже было сорокъ лѣтъ отъ роду, и его манеры обращаться съ людьми, занимающими извѣстное положеніе; но мало-помалу все это приняло трагическій характеръ, и чтобы ограничиться одной истиной, я приведу только тѣ происшествія, которыя случились со мною лично.

Я былъ допущенъ къ малымъ собраніямъ у императрицы—безпримѣрный случай, въ виду моей молодости. Она привыкла видѣть меня около себя; я рисовалъ, читалъ ей вслухъ и поэтому располагалъ собственнымъ апартаментомъ въ Царскомъ Селѣ, что составляло весьма рѣдкое отличіе. Такимъ образомъ, когда я отправлялся на службу къ великому князю, я недоставалъ императрицѣ. Послѣ этого повѣрятъ, что зависть меня окружала со всѣхъ сторонъ и клевета меня постоянно преслѣдовала; все это, однако, не имѣло воздѣйствія на императрицу. Но великій князь, которому всякое изъявленіе почтенія его державной матери причиняло муки и который былъ счастливъ, когда ему удавалось опечалить человѣка, бывшаго, въ глазахъ его фаворитовъ, не болѣе какъ самозванцемъ, придумалъ, въ первый же разъ какъ я явился въ Павловскъ на дежурство, арестовать меня въ моей комнатѣ и держать меня подъ домашнимъ арестомъ въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати дней. Императрица, видя, что я не возвращаюсь, разсердилась. Она велѣла отправить оберъ-камергеру приказъ, коимъ я освобождался отъ всякой службы, какъ при ней, такъ и въ дру-

гомъ мѣстѣ, а великій князь, узнавъ объ этомъ, велѣлъ меня выпустить. По этому поводу не послѣдовало никакихъ объясненій и помимо того, что мнѣ впослѣдствіи пришлось дорого расплатиться за это освобожденіе, которое меня оградило отъ причудъ великаго князя, я нѣкоторое время оставался въ сторонѣ отъ придворныхъ интригъ.

Исторія, произведшая въ то время много шума, неожиданно погрузила меня опять въ этотъ омутъ. Ростопчинъ, ставшій недавно камеръ-юнкеромъ и начинавшій утверждаться въ симпатіяхъ великаго князя, долженъ былъ однажды повторить дежурство въ Царскомъ Селѣ и написалъ по этому поводу весьма нелюбезное для своихъ товарищей письмо оберъ-камергеру Шереметеву, который имѣлъ глупость его показать. Отъ этого послѣдовали комичные вызовы и дуэли, кончавшіеся тѣмъ, что жены и сестры дуэлянтовъ бросались разнимать ихъ скрещенныя шпаги. Императрица, освѣдомленная объ этомъ полиціей и не допускавшая шутокъ, когда дѣло шло о подобающемъ Двору уваженіи, приказала дежурному генералъ-адъютанту разобрать этотъ инцидентъ, что кончилось приказаніемъ Ростопчину удалиться въ Москву[1]). Великій князь, внѣ себя отъ гнѣва, спряталъ его въ Гатчинѣ, и не зная, кому за это отомстить, выдумалъ слѣдующее:

Императрицу часто безпокоили въ Царскомъ Селѣ, и когда она бывала нездорова, за ней плохо ухаживали. Однажды, она отослала окружавшую ее компанію и легла отдыхать на диванъ, въ большомъ лаковомъ кабинетѣ. Я читалъ ей вслухъ, въ теченіе часа, какъ вдругъ камердинеръ вошелъ въ комнату безъ доклада.—„Зачѣмъ вы пришли?“—спросила императрица.—„Не знаю, смѣю ли это сказать?“—„А что же?“—„Господинъ Нарышкинъ прибыли изъ Павловска и ждутъ уже давно на лѣстницѣ, внизу“.—„Это мнѣ безразлично“.—„Да, но онъ желаетъ

---

[1]) См. письмо Ростопчина графу Воронцову отъ 20 іюня 1794 г. (Архивъ кн. Воронцова, т. VIII, стр. 99).

что-то сказать графу, по порученію Его Имеператорскаго Высочества".—„Можно подумать, что вы здѣсь служите съ сегодняшняго утра; вы должны бы знать, что сюда не входятъ, пока я не позвоню. Уходите! А вы, будьте такъ добры, продолжать чтеніе".—Черезъ нѣкоторое время она задремала. Около половины десятаго она позвонила и спросила камердинера:—„А что, господинъ Нарышкинъ все еще ждетъ"?—„Точно такъ, Ваше Величество".—„Такъ пойдите, графъ, и узнайте, что это за важныя дѣла привели его сюда". — Меня разбирало любопытство, но и опасеніе того, что мнѣ придется слышать. Я поэтому спустился по маленькой лѣстницѣ къ бѣдному Нарышкину, занявшему впослѣдствіи важную должность оберъ-гофмаршала и сидѣвшему тогда на нижнихъ ступенькахъ. Когда онъ меня увидалъ, онъ всталъ и большія слезы выступили въ его глазахъ.—„Надѣюсь, вы меня простите, что я долженъ вамъ передать ужасное порученіе, но я не могу ослушаться". Это слово „ужасное" звучало смѣшно для человѣка, пользующагося высочайшей милостью. „Въ чемъ же состоитъ это столь ужасное порученіе?"—„Великій князь приказалъ мнѣ вамъ передать, что первая расправа, которую онъ учинитъ, когда взойдетъ на престолъ, будетъ состоять въ томъ, что онъ велитъ вамъ отрубить голову".—„Вотъ кто очень спѣшитъ приступить къ дѣлу"—отвѣтилъ я, смѣясь, но потомъ присовокупилъ серьезно:—„Мнѣ очень жаль, милостивый государь, что вамъ дали такое порученіе. Скажите великому князю, что я буду имѣть честь ему написать".—„Берегитесь это дѣлать, онъ терпѣть не можетъ, когда ему пишутъ".—„Что же дѣлать, разъ я приговоренъ къ смерти, мнѣ нечего безпокоиться о томъ, что можетъ понравиться или не понравиться Его Императорскому Высочеству". Затѣмъ, тономъ человѣка, привыкшаго давать аудіенціи, я пожелалъ услужливому камергеру спокойной ночи.

На слѣдующій день я написалъ великому князю весьма почтительное, но короткое письмо, въ которомъ я выражалъ

ПАВЕЛЪ I и МАРІЯ ѲЕДОРОВНА у папы ПІЯ VI.

свое сожалѣніе, что навлекъ на себя такую неслыханную немилость, даже не подозрѣвая ея причины, но что, рискуя заслужить эту немилость, я умоляю Его Высочество остерегаться такихъ опрометчивыхъ осужденій и предварительныхъ приговоровъ. Послѣ этого я ожидалъ одного изъ двухъ: или что Его Императорско Высочество меня вызоветъ для объясненій, или же что онъ запретитъ мнѣ показываться ему на глаза, что было бы чрезвычайно неудобно для человѣка, встрѣчавшаго его только у императрицы; но вышло совсѣмъ иначе.

Я получилъ отъ Николаи письмо, на которое мнѣ только пришлось пожать плечами. Онъ мнѣ сообщалъ, что великій князь получилъ мое письмо, но не можетъ на него отвѣтить по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что онъ слишкомъ уменъ для того, а во-вторыхъ, потому что великая княгиня собирается разрѣшиться отъ бремени. На слѣдующій день императрица меня спросила, какое важное порученіе Нарышкинъ имѣлъ мнѣ передать. Я просилъ Ея Величество смотрѣть на эту вещь, какъ на недостойную ея вниманія, но это мнѣ ничего не помогло. Тогда, желая дать ей понять, насколько мое положеніе щекотливо, я просилъ ее приказать мнѣ говорить, что она тотчасъ же сдѣлала. Императрица, узнавъ въ чемъ дѣло, страшно разсердилась, вся покраснѣла отъ гнѣва и повторила нѣсколько разъ: „Онъ еще не дошелъ до того, чтобы рубить головы; онъ даже не можетъ быть увѣреннымъ, что когда-либо дойдетъ до того. Я скажу ему по этому поводу нѣсколько словъ. Онъ сходитъ съ ума“.

Великому князю было повелѣно явиться на слѣдующій день въ Царское Село; послѣдовалъ такой выговоръ, что Павелъ Петровичъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ сильно перепуганный, обошелся со мною въ высшей степени любезно. Съ тѣхъ поръ я его встрѣчалъ только у императрицы, а у него лишь въ высокоторжественные дни. Онъ поглядывалъ на меня милостиво, но не говорилъ со мною ни слова, до тѣхъ поръ, пока меня не назначили посломъ въ Неаполь. Тогда онъ мнѣ

сказалъ: „Если вамъ это доставляетъ удовольствіе, я васъ съ этимъ поздравляю“. Было замѣчено, что послѣ той сцены, которою онъ былъ обязанъ мнѣ, онъ сталъ немного осторожнѣе въ обращеніи съ своими придворными. Его другъ Ростопчинъ, впрочемъ, научилъ его, что не надо такъ скоро снимать маску и давалъ ему, изъ своего убѣжища въ Гатчинѣ, совѣты, которые могли бы быть прекрасными, если бы ихъ исходною точкою не были обманъ и интрига. Я помню, что когда, однажды, въ малыхъ апартаментахъ императрицѣ разсказывали про какую-то новую выходку великаго князя, графъ Зубовъ сказалъ, со свойственной ему откровенностью: „Онъ сумасшедшій“. Императрица ему на это отвѣтила: „Я это знаю не хуже васъ, но къ несчастью, онъ не достаточно безуменъ, чтобы защитить государство отъ бѣдъ, которыя онъ ему готовитъ“.

Мое посольство въ Неаполѣ и заключеніе въ крѣпость, которому я былъ подвергнутъ по возвращеніи оттуда, лишили меня возможности дать подробный отчетъ о поведеніи великаго князя въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ царствованія императрицы Екатерины II (1794—1796). Я только знаю, что онъ постоянно былъ окруженъ группой лицъ, называемыхъ „Гатчинцами“, почти не выѣзжалъ изъ Гатчины и появлялся въ городѣ лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Но тѣмъ скорѣе онъ появился въ столицѣ, какъ только до него дошло извѣстіе о болѣзни Ея Величества. Эта великая государыня еще не перестала дышать, какъ Ростопчинъ и графъ Шуваловъ, безъ уваженія къ почившей, уже заняли ея опочивальню и впустили туда своихъ друзей и любимцевъ. Я никогда не могъ понять, какимъ образомъ графъ Зубовъ и остальные могли до такой степени потерять голову, чтобы допустить подобную профанацію.

Прежде чѣмъ войти въ подробности этого необыкновеннаго царствованія и, оставляя въ сторонѣ политику, о которой я не имѣлъ возможности судить, я долженъ разсказать то, что я

видѣлъ по поводу стараній, прилагаемыхъ лицами, окружавшими Павла I, чтобы довести его окончательно до помѣшательства. Слѣдовало посовѣтовать ему продолжать лѣченіе у лейбъ-медика Фрейганга, который каждый мѣсяцъ въ новолуніе давалъ ему слабительное, что очищало его отъ желчи и имѣло благотворное дѣйствіе на его характеръ. Послѣ его восшествія на престолъ эта послѣдняя діэта имѣла бы еще большее значеніе и его мнимымъ друзьямъ слѣдовало еще больше настаивать на ея продолженіи, но императоръ, освободившись отъ своихъ опасеній (что ему не придется царствовать), думалъ только о томъ, какъ бы проявлять побольше свою власть, а фавориты заботились меньше о здоровьи государя и о счастьи подданныхъ, чѣмъ о благополучіи ихъ собственныхъ кармановъ. Фрейгангъ, имѣвшій неосторожность хвастаться, былъ удаленъ отъ Двора, а низость и злоба второстепенныхъ царедворцевъ окончательно погубили, нравственно и физически, этого несчастнаго государя.

Французская революція произвела на него сильнѣйшее впечатлѣніе; онъ былъ отъ нея въ ужасѣ. Однажды онъ мнѣ сказалъ: „Я думаю о ней лихорадочно и говорю о ней съ возмущеніемъ“. Съ тѣхъ поръ все, что раньше ему только не нравилось, стало его раздражать. Неурядицы, неизбѣжныя при всякомъ большомъ управленіи, показались ему величайшими преступленіями и малѣйшая забывчивость — умышленнымъ проступкомъ. Это былъ удобный моментъ, чтобы успокоить его мысли, смягчить его нравъ и убѣдить его въ томъ, что мягкость, въ связи съ твердостью, составляетъ самое могущественное оружіе для государя.

Но какіе тогда были друзья у того, кто царствовалъ надъ такимъ обширнымъ государствомъ? Кто могъ тогда имѣть такое сильное вліяніе на судьбы Европы? Князь Куракинъ?— онъ былъ такъ глупъ, какъ только можно и, начавъ съ полнаго ничтожества, достигъ, путемъ лести, высшихъ почестей. Камергеръ Вадковскій? — человѣкъ злостный до ослѣпленія.

Князь Николай Алексѣевичъ Голицынъ, впослѣдствіи оберъ-шталмейстеръ? — новообращенный вольнодумецъ, воображающій себя государственнымъ мужемъ и утѣшавшій великаго князя по поводу сценъ ревности, которыя ему устраивала его супруга, тѣмъ, что, сдѣлавшись императоромъ, онъ сможетъ ее заключить въ монастырь. Графъ Эстергази, состоявшій раньше при наслѣдникѣ французскаго короля и принимавшій участіе во всѣхъ ошибкахъ, закончившихся французской революціей? Онъ имѣлъ обыкновеніе говорить, мрачно покачивая головою: „Только посредствомъ своевременнаго кровопусканія можно предупредить возмущеніе въ большомъ государствѣ". Вотъ тѣ совѣтчики, окружавшіе государя, умственныя способности котораго все больше суживались въ кругу домашнихъ споровъ между его женой, г-жей Нелидовой и ихъ приверженцами.

Наконецъ, онъ взошелъ на престолъ и былъ въ восторгѣ отъ перешедшей къ нему полноты власти. Это также былъ удобный моментъ выставить на первомъ планѣ долгъ, но, повидимому, и тутъ не нашли болѣе дѣйствительнаго средства, чтобы снискать его расположеніе, какъ увѣрить его въ томъ, что все существуетъ только для него и ради него и что онъ можетъ всѣмъ пользоваться, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, для своего собственнаго удовольствія. Со всѣхъ концовъ имперіи стали появляться старики, уже тридцать пять лѣтъ умершіе гражданскою смертью, чуждые обычаевъ двора, учтивыхъ нравовъ царствованія Екатерины II, грозныхъ событій Европы и исходящаго оттуда просвѣщенія. Они, вмѣстѣ съ своими старомодными костюмами, привезли съ собою устарѣвшія манеры и умѣли только бить челомъ и поклоняться. И что изъ этого вышло? Все поколѣніе, занимавшее мѣсто, не имѣя возможности сразу подражать этимъ образчикамъ старины и не подозрѣвая даже, чтобы это могло быть средствомъ понравиться верхамъ, казалось поколѣніемъ мятежниковъ, вознесшихся въ своей гордости, тогда какъ патріархи преклоня-

лись передъ помазанникомъ Божiимъ. Государь жаловался старикамъ на молодыхъ и первые отвѣчали, что они осуждаютъ своихъ сыновей и племянниковъ, находили, что они развращены философiей, внушавшей имъ ужасъ, и убѣдили деспота, который пробовалъ свои силы, въ томъ, что для Россiи полезна лишь система управленiя Петра I и Анны Iоанновны. Но времена измѣнились. Екатерина сумѣла, мягкостью власти и славою успѣха, создать вѣрность, основанную на любви, и послушанiе, происходящее отъ восхищенiя. Павелъ, окруженный стариками и неизвѣстными молодыми людьми, вообразилъ себѣ, что можно сразу требовать того, что нужно сначала заслужить. Но нельзя достичь того, что невозможно. Тогда онъ началъ ссылать, но не виновныхъ, ибо никому не приходило въ голову провиниться, а наиболѣе сдержанныхъ, наименѣе услужливыхъ и наименѣе покорныхъ. Ссылки охлаждающе подѣйствовали на другихъ; отъ этого произошли новыя ссылки, новыя охлажденiя и насталъ скоро всеобщiй ужасъ съ одной стороны и подозрительность, остервенѣнiе—съ другой. Дошло до того, что черезъ три года въ Петербургѣ не было ни одного должностного лица и ни одного уцѣлѣвшаго семейства изъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ тамъ оставила умирающая Екатерина.

Это—неизбѣжное послѣдствiе всякаго несправедливаго насилiя. Сердце императора, чувствующаго себя одинокимъ посреди Двора, состоявшаго изъ выскочекъ и лишеннаго хорошаго общества, окруженнаго одними лакеями, шпiонами и палачами, или лицами готовыми во всякое время стать тѣмъ или другимъ,—развратилось и сжалось, а его умъ сузился и утратилъ способность правильно оцѣнивать людей и событiя. Соблазнительное счастье, выпадавшее въ его царствованiе на долю нѣсколькихъ лицъ, было, впрочемъ, для Россiи лишь преходящей бѣдой; но въ то же время раскрылась одна рана, которая, какъ я боюсь, заживетъ не такъ скоро, а именно: высшее дворянство, уже давно недовольное тѣмъ, что прави-

тельство мало заботится о немъ, живетъ теперь только тою жизнью, которую правительство ему позволяетъ. Я долженъ указать на эту печальную истину, прежде чѣмъ разсмотрѣть причины и послѣдствія деспотизма. Недуги, вызывающіе боязнь, праздность и скуку, выродились въ царствованіе Павла I въ эпидемію, и если бы оно продлилось еще немного дольше, покрыли бы Россію общимъ трауромъ. Вельможи этой страны не обладаютъ тою силою ума и личнымъ достоинствомъ, которыя такъ сильно ограничиваютъ область деспотизма. Несвѣдующіе, неспособные заниматься и учиться, слишкомъ апатичные, чтобы умѣло развлекаться, они каплями пьютъ тотъ одуряющій напитокъ, который имъ преподноситъ Дворъ, и деспотизмъ въ ихъ лицѣ не находитъ ничего такого, что могло бы возбудить сожалѣніе или вынудить уваженіе.

Тутъ я перестаю писать исторію и буду только простымъ составителемъ лѣтописи. Я ограничусь приведеніемъ, годъ за годомъ, событій, записанныхъ въ моихъ дневникахъ, и, если я къ нимъ иногда прибавлю нѣкоторыя разсужденія, то лишь такія, которыя мнѣ приходили въ голову на мѣстѣ и въ эпоху, гдѣ и когда происходили эти событія. Иной разъ покажется удивительнымъ, что я не даю никакихъ разъясненій по поводу того, что я разсказываю, но это происходитъ отъ того, что я въ этихъ случаяхъ, не могъ бы ничего разъяснить.

Впрочемъ, въ виду отсутствія послѣдовательности, характеризовавшаго это царствованіе, было бы невозможно всегда выяснять причины и послѣдствія. Такъ какъ я знаю Россію только со времени Екатерины, и лишь настолько, насколько этой великой государынѣ угодно было развить во мнѣ эти знанія, то они, съ ея смертью, не могли получить дальнѣйшаго развитія. Я сразу очутился среди незнакомыхъ мнѣ обстоятельствъ, среди хаоса. Чувствуя себя чужимъ для тѣхъ, кто управлялъ государствомъ, я пережилъ это царствованіе въ какомъ-то вихрѣ, или черезчуръ блестящемъ, или же черезчуръ мрачномъ, чтобы я могъ въ немъ что-нибудь разсмотрѣть своими глазами.

1796-й годъ. [1]

Первая мысль, озаботившая Павла I по восшествіи на престолъ, состояла въ томъ, чтобы опозорить память своей матери; средствами для этого онъ избралъ—во-первыхъ, вырытіе изъ могилы останковъ Петра III, хотя послѣдствія показали, что онъ не считалъ себя его сыномъ, а во-вторыхъ,—всевозможныя выраженія соболѣзнованія князю Зубову, занимавшему, при смерти императрицы, положеніе фаворита. Въ первомъ изъ этихъ средствъ заключалось много кажущейся ловкости и въ то же время дѣйствительной неловкости, ибо, съ одной стороны, онъ, столь изысканнымъ доказательствомъ сыновняго состраданія хотѣлъ увѣрить публику въ томъ, что его доброта торжествуетъ надъ всѣми другими соображеніями; съ другой же стороны, неловкость средства заключалась въ томъ, что уважающій себя государь и отецъ многочисленнаго семейства обязанъ передъ государствомъ не возбуждать излишнихъ воспоминаній и деликатныхъ вопросовъ, разсмотрѣніе которыхъ сопряжено съ позоромъ. Я полагаю, что на счетъ законности рожденія Павла не можетъ быть серьезныхъ сомнѣній, а такъ какъ, во всякомъ случаѣ, можно быть болѣе увѣреннымъ въ своей матери, нежели въ своемъ отцѣ, то не имѣетъ смысла вырывать изъ земли одного, чтобы свидѣтельствовать противъ другой, и пользоваться мертвыми, чтобы

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать оговорку, что хронологія не была сильной стороной графа Федора. Нерѣдко событія, которыя онъ относитъ къ одному году царствованія императора Павла I, въ дѣйствительности относятся къ другому году.

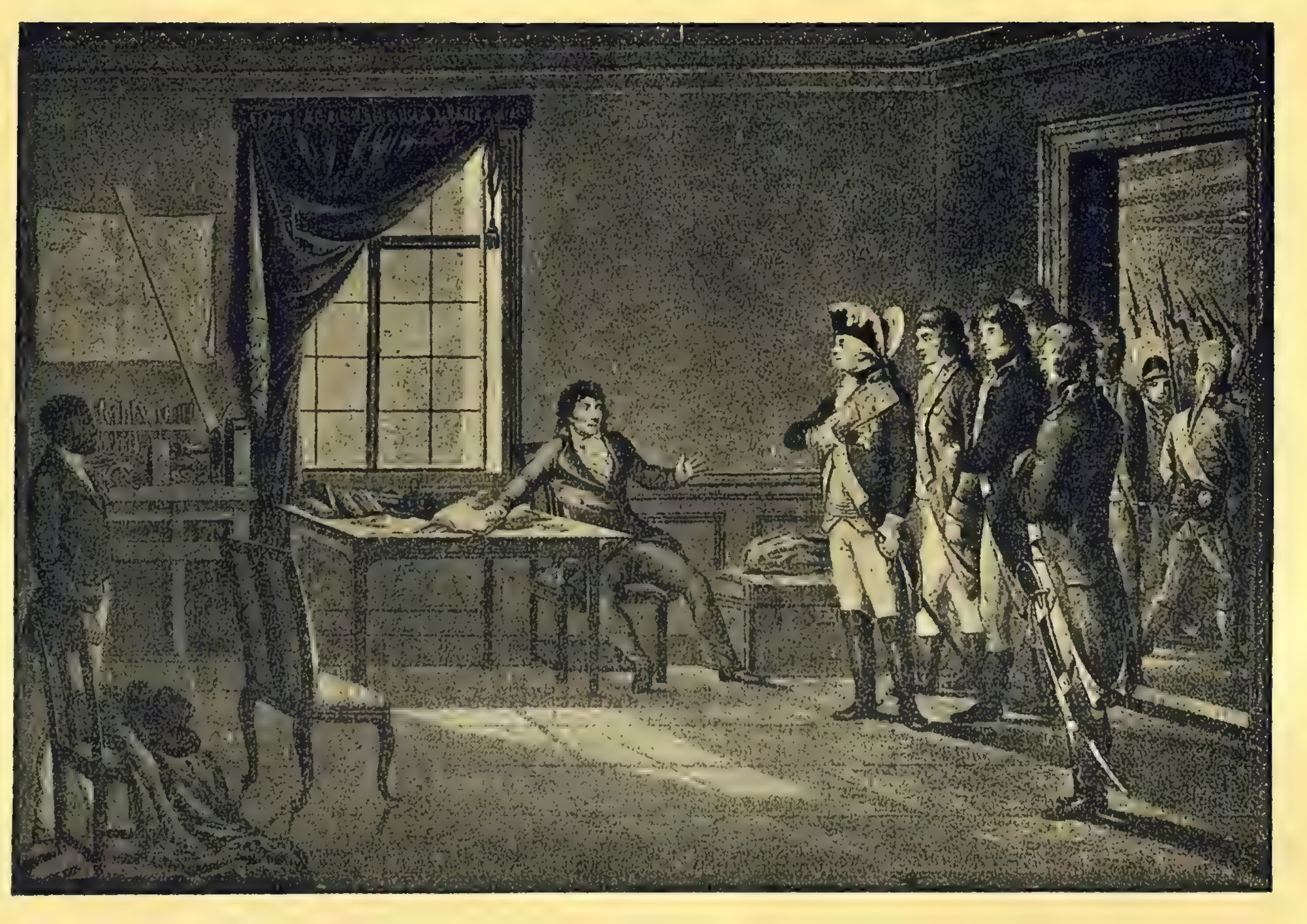
затмить славу, которая загладила многое и составляла единственное право на престолъ того, кто такъ неосторожно рисковалъ этимъ правомъ.

Послѣдовалъ приказъ вырыть останки Петра III. Это казалось весьма просто: онъ былъ похороненъ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Старый монахъ указалъ мѣсто. Но разсказываютъ, что тѣло можно было распознать только по одному сапогу и что этотъ гробъ [1])... Какъ бы то ни было, кости, вмѣстѣ съ этимъ сапогомъ, были вложены въ гробъ, который по внѣшности точь-въ-точь походилъ на гробъ императрицы, и былъ установленъ рядомъ съ послѣднимъ на одномъ и томъ же катафалкѣ. Это произвело громадное впечатлѣніе: дураки рукоплескали, благоразумные потупляли свои взоры; но первыхъ больше всего поразило то обстоятельство, что для оказанія почестей праху Петра III выбрали именно тѣхъ людей, которые подготовили его смерть; изъ нихъ выдѣлялись князь Орловъ, герой Чесмы, и оберъ-гофмаршалъ князь Барятинскій. Первый былъ старъ и уже долгіе годы разбитъ на ноги, такъ что, когда погребальное шествіе должно было тронуться съ мѣста,—а предстоялъ длинный путь,—онъ сталъ извиняться невозможностью участвовать въ этой церемоніи. Но Павелъ, присутствовавшій при этомъ и наслаждавшійся этимъ, несомнѣнно заслуженнымъ, но не особенно приличнымъ, возмездіемъ, приказалъ вручить ему императорскую корону на подушкѣ изъ золотой парчи и крикнулъ ему громкимъ голосомъ: „Бери и неси“. Когда же вслѣдъ за тѣмъ князю Орлову было разрѣшено отправиться путешествовать, а князь Барятинскій былъ сосланъ,—въ этомъ усмотрѣли новую тонкость и способъ обратить вниманіе свѣта на то, что совѣтчики императора называли великимъ дѣломъ справедливости.

После этого крупнаго шага, можно было ожидать еще

[1]) Это мѣсто въ рукописи графа Федора неразборчиво.

136.

ПАВЕЛЪ I посѣщаетъ Костюшку въ темницѣ.
(Съ гравюры Алекс. Орловскаго.)

много другихъ, и ожиданія общества не были обмануты. Два совершенно неизвѣстныхъ дотолѣ въ Петербургѣ рода людей вдругъ заняли путь къ трону и казалось, что императоръ одною рукою создаетъ, а другою воскрешаетъ.

Съ одной стороны, появилась цѣлая группа простоватыхъ и ничтожныхъ лицъ, одѣтыхъ въ невидимые до тѣхъ поръ мундиры, украшенныхъ неизвѣстными орденами, безъ хорошихъ манеръ, но со смѣлостью въ походкѣ и взглядѣ, и безъ имени, и когда спрашивали, кто эти люди, отвѣтъ гласилъ: „Это гатчинцы"—т.-е. люди, выдрессированные самимъ императоромъ и одѣтые на его манеръ, въ то время, когда онъ—въ теченіе долгихъ лѣтъ—проживалъ въ Гатчинѣ. Это были такія карикатуры, что Вадковскій, Нарышкинъ, Ростопчинъ, однимъ словомъ фавориты, одѣтые такъ же, какъ онъ, съ перваго взгляда не узнававшіе другъ друга. Съ другой стороны,—явилась группа стариковъ, въ возрастѣ отъ шестидесяти до восьмидесяти лѣтъ, одѣтыхъ въ старые кафтаны, съ широкими золотыми галунами, потертыми отъ времени, отвѣшивающихъ при каждомъ словѣ глубокіе поклоны, цѣлующихъ руку у государя каждый разъ, когда онъ имъ улыбался, и приподнесшихъ каждый императору какую-нибудь вещь въ воспоминаніе временъ Петра III. Во главѣ этихъ стариковъ былъ Гудовичъ, бывшій близкій другъ этого государя, и заслужившій своимъ благороднымъ и воздержаннымъ поведеніемъ уваженіе Екатерины II, отъ которой онъ никогда ничего не хотѣлъ принять; человѣкъ посредственныхъ способностей, но добродѣтельный, скоро навлекшій на себя опалу за свою откровенность. Между ними былъ также Измайловъ, мой тесть, который былъ уволенъ въ 1762 г., будучи капитаномъ гвардіи. Онъ принесъ гренадерскую каску съ султаномъ и старую алебарду. Будучи допущенъ къ малымъ пріемамъ, онъ ежедневно обѣдалъ и ужиналъ съ Ихъ Императорскими Величествами, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, затѣмъ награжденъ орденомъ св. Анны I степени, пожалованъ кавалеромъ ордена св. Але-

ксандра Невскаго и получилъ, въ видѣ подарка, кромѣ прекраснаго особняка въ С.-Петербургѣ, еще очень значительное помѣстье [1]). Благодаря его вліянію, я былъ выпущенъ изъ Перновской крѣпости, какъ только Павелъ I взошелъ на престолъ. Его Величество соблаговолилъ простить мнѣ преступленіе, котораго ни я самъ, ни кто-либо другой на свѣтѣ никогда не узналъ и въ которомъ я, во всякомъ случаѣ, не былъ виноватъ передъ Павломъ I. И чтобы довершить эту высокую милость, Его Величеству, въ то время какъ я стоялъ передъ нимъ на одномъ колѣнѣ, угодно было произнести: „Если моя мать васъ сослала въ Лифляндію, то я сошлю васъ въ Сибирь". Это было вѣроятно сказано ради риѳмы [2]), ибо эти слова не заключали въ себѣ здраваго смысла. Мнѣ не возвратили старшинства въ придворной службѣ и, такъ какъ я поднялъ на смѣхъ должность церемоній-мейстера, созданную для князя Барятинскаго, сына принцессы Гольштейнъ-Бекъ, фатишки, который былъ всего менѣе пригоденъ для этого мѣста, императоръ, чтобы меня унизить, тотчасъ же создалъ вторую такую же должность для меня. Когда онъ велѣлъ Нарышкину объявить мнѣ объ этомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ мнѣ отпускать остроты на все время его царствованія, и я, не избравъ это своимъ ремесломъ, конечно, рѣшилъ молчать. Легко можно понять, какое впечатлѣніе на меня произвело такое начало царствованія преемника Екатерины, послѣ того положенія, какое я занималъ при ней.

На первомъ дипломатическомъ пріемѣ, происходившемъ у новаго государя, онъ обратился къ присутствующимъ со словами: „Господа, я не унаслѣдовалъ ссоръ моей матери и про-

---

[1]) Петръ Ивановичъ Измайловъ (1724—1807) былъ 28 іюня 1762 г. вычеркнутъ изъ списковъ Преображенскаго полка, ибо вслѣдствіе его бдительности былъ задержанъ Пассекъ. Нѣсколько дней послѣ вступленія на престолъ Павла I онъ изъ гвардіи-капитановъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

[2]) По французски: Livonie-Sibérie (?) *Примѣч. перев.*

шу васъ сообщить объ этомъ вашимъ дворамъ". Онъ сказалъ еще: „Я—солдатъ и не вмѣшиваюсь ни въ администрацію, ни въ политику; я плачу Безбородкѣ и Куракину, чтобы они занимались этими дѣлами".

О политикѣ Павла I я скажу только слѣдующее: когда обстоятельства заставляли его заниматься насущными интересами государства онъ поневолѣ, впадалъ всегда въ политическія ошибки Екатерины. Первое выступленіе его въ дѣлахъ внутренней администраціи было не менѣе странно и повело за собою поступки, доказавшіе такое невѣжество, что трудно понять, какъ тогда могло найтись столько людей, восхвалявшихъ этого государя, какъ великаго праведника. Между прочимъ, онъ издалъ указъ, отъ котораго его ненависть къ покойной императрицѣ ожидала большого успѣха, но который только вызвалъ всеобщее удивленіе, а именно: онъ разрѣшилъ приносить жалобы на прошлое и обращаться, съ полнымъ довѣріемъ, къ ступенямъ трона съ претензіями, прекращенными при предшествующемъ царствованіи, — но никто не являлся и принятыя мѣры тоже не привели никого въ комиссію, учрежденную для разсмотрѣнія такихъ претензій. Нѣсколько дней спустя, выскочки, изъ которыхъ состоялъ тайный совѣтъ, желая панести чувствительный ударъ дворянству, коимъ они уже начинали пугать государя, убѣдили его издать указъ, предоставляющій крѣпостнымъ право возбуждать жалобы противъ своихъ господъ. Огонь не дѣйствуетъ быстрѣе. Возмущеніе въ Новгородской и Тверской губерніяхъ такъ разрослось, что надо было поспѣшить отправкою туда князя Репнина съ шестьютысячнымъ отрядомъ, чтобы обуз-

---

[4]) Русскіе историки утверждаютъ, что причиною этого возмущенія былъ указъ императора Павла, дозволявшій крестьянамъ приносить присягу наравнѣ съ другими сословіями. Этотъ манифестъ произвелъ на сельское населеніе впечатлѣніе акта, освобождающаго крестьянъ отъ крѣпостного состоянія, ибо до тѣхъ поръ имъ не было разрѣшено приносить присягу на вѣрность.

дать возставшихъ [1]). Неосторожный законодатель долженъ былъ отречься отъ своего распоряженія, издавъ второй указъ, который какъ будто подтверждалъ первый, но содержалъ оговорку, что каждый крѣпостной, который будетъ жаловаться на своего господина, будетъ выслушанъ лишь послѣ того, какъ онъ пройдетъ черезъ руки палача и получитъ нѣсколько ударовъ кнутомъ. Отъ всѣхъ этихъ попытокъ осталось лишь одно учрежденіе, которое могло быть полезнымъ, если бы оно не преслѣдовало открыто цѣли потворствовать доносчикамъ. Это былъ такъ называемый „ящикъ", т.-е. маленькое окошечко по правую сторону входа въ Зимній дворецъ съ приспособленнымъ въ глубинѣ его помѣщеніемъ, куда бросали прошенія и письма, адресованныя государю,—мысль очень благодатная, но черезчуръ напоминающая пресловутыя львиныя пасти Венеціи.

Въ числѣ тысячи указовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, былъ одинъ столь необыкновенный, чтобы не сказать ненавистный, для высшихъ классовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь комичный по своимъ результатамъ, что большинство обитателей столицы не имѣли возможности его исполнить и вслѣдствіе этого улицы опустѣли и въ нихъ разыгривались маскарадныя сцены. Этимъ указомъ было запрещено выходить во фракѣ и можно было появляться на улицѣ не иначѣ, какъ въ мундирѣ, присвоенномъ по должности, и со всѣми орденами, если таковые имѣлись. Круглыя шляпы, панталоны, сапоги съ отворотами—все это было строго запрещено и указъ этотъ подлежалъ немедленному исполненію, такъ что у многихъ не хватило времени и матеріальныхъ средствъ, чтобы исполнить его. Одни были вынуждены скрываться у себя дома, другіе появлялись на улицахъ, одѣтые, какъ кто могъ: въ маленькихъ круглыхъ шляпахъ, передѣланныхъ наскоро посредствомъ булавокъ въ треуголки, во фраки, съ которыхъ сняли отложные воротники, а потомъ нашили на нихъ клапаны, въ панталоны, подобранные изнутри и прилаженные къ колѣнямъ,

съ обрѣзанными кругомъ и напудренными волосами и съ привязанной сзади косой. Я устроился такъ, чтобы по утрамъ выѣзжать только въ коляскѣ, внѣ раіона надзора, и гулять тамъ въ обыкновенномъ костюмѣ; но скоро я замѣтилъ, что играю слишкомъ опасную игру, такъ какъ, по установленному обычаю, я долженъ былъ выходить изъ коляски при встрѣчѣ съ особами императорскаго дома и рисковалъ поэтому поминутно быть замѣченнымъ въ нарушеніи указа.

Иностранцы, въ особенности англичане, считали себя изъятыми отъ этого закона, но полиція обошлась съ ними такъ круто, а власти обратили такъ мало вниманія на жалобы тѣхъ, противъ которыхъ были направлены строгости, что они сочли болѣе благоразумнымъ подчиниться. Даже франкмасоны, столь покровительствуемые Павломъ, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, и къ которымъ онъ какъ-будто даже хотѣлъ присоединиться, стали теперь для него не болѣе, какъ привелигированными бунтовщиками, которыхъ желательно было удалить изъ имперіи.

Но если онъ одной рукой уравнивалъ родъ человѣческій, другою рукой, онъ такъ расточалъ знаки отличія, что они потеряли всякое значеніе, какъ по количеству, въ которомъ ихъ раздавали, такъ и по выбору лицъ, на которыхъ они, главнымъ образомъ, сыпались [1]. Орденъ св. Анны былъ раздѣленъ на четыре степени и сталъ отличительнымъ знакомъ для гатчинцевъ; орденъ же св. Екатерины, которому покойная императрица придавала такое большое значеніе, что въ ея царствованіе имъ были пожалованы лишь немногія дамы, былъ

---

[1]) Въ царствованіе Павла двѣ дамы, графиня Литта и княгиня Гагарина были произведены въ кавалерственныя дамы Мальтійскаго ордена. Камердинеръ императора Кутайссовъ, турецкаго происхожденія, удостоился того же отличія. Быстрота его карьеры была поистинѣ поразительна: 6-го декабря 1798 г.—оберъ-егермейстеръ; 22 февраля 1799 г.—баронъ; 9-го января 1800 г.—графъ. А братъ прелестной княгини Гагариной въ десятилѣтній возрастъ былъ уже флигель-адъютантомъ.

теперь раздѣленъ на два класса и награжденія имъ слѣдовали ежедневно. То же самое было съ статсъ-дамами, число которыхъ раньше не превышала четырехъ или пяти, а фрейлинъ вскорѣ появился цѣлый легіонъ. Но въ особенности эта расточительность коснулась военныхъ чиновъ. Безусыхъ юношей производили въ генералы, а жезлъ фельдмаршала, который до тѣхъ поръ пріобрѣтался лишь на полѣ брани, вручался теперь на смотрахъ. Обезцѣненіе наградъ дошло до того, что императоръ самъ былъ пораженъ этимъ. Однажды, когда князь Репнинъ, во время смотра хотѣлъ выразить свое мнѣніе о чемъ-то, императоръ сказалъ ему: „Фельдмаршалъ, вы видите эту выстраивающуюся гвардію? Въ ея составѣ 400 человѣкъ, а мнѣ стоитъ сказать только одно слово и всѣ они будутъ фельдмаршалами“. Ему же императоръ, какъ-то разъ во время пріема, находя, что онъ становится слишкомъ далеко впереди, сказалъ: „Знайте, что въ Россіи вельможи только тѣ, съ которыми я разговариваю и только пока я съ ними разговариваю“. Главнымъ занятіемъ Павла было военное дѣло, и смотрамъ придавалась такая важность, что всѣ дѣла въ теченіе дня, зависѣли отъ ихъ болѣе или менѣе удачнаго исхода. Гатчинцы, формированные втайнѣ во время предыдущаго царствованія, сдѣлались инструкторами и инспекторами всей арміи, которой было очень трудно сразу все забыть, что она знала, чтобы учиться тому, о чемъ она раньше никогда не слыхала. Старѣйшіе генералы подвергались такому обращенію, какъ-будто они были школьниками. Въ свитѣ государя находились лица, которыя съ трудомъ держались на лошади. Но ни одной части не приходилось столько страдать, какъ гвардіи. При императрицахъ она изображала изъ себя блестящій корпусъ, чрезъ который должны были проходить всѣ тѣ, кто желалъ попасть ко Двору или служить съ выгодой въ арміи; она никогда не оставляла столицы, если не считать перваго замѣшательства при нападеніи Густава III; нижніе чины въ этомъ случаѣ доказали свою храбрость, но зато офицеры вели себя

ниже всякой критики. Поэтому пришлось переформировать гвардію, а чтобы произвести эту большую операцію успѣшно и безопасно—ибо гвардія изображала изъ себя нѣчто въ родѣ янычаровъ—ее начали шпиговать гатчинцами, которые отвѣчали за все и хорошо исполнили свою задачу, чему распредѣленіе денегъ и мяса способствовало не менѣе смотровъ и ударовъ.

Страсть Павла къ церемоніямъ почти равнялась его страсти къ военщинѣ. Съ утра до вечера—всегда бывали поводы, чтобы не дать вздохнуть придворнымъ. Церковныя празднества, тезоименитства членовъ императорской семьи, орденскіе праздники—все это казалось ему недостаточнымъ. Послѣ обѣда онъ отправлялся торжественно въ церковь, чтобы принимать отъ купели всѣхъ новорожденныхъ солдатскихъ дѣтей; но скоро это занятіе ему надоѣло и понемногу эти обязанности перешли отъ имени Его Величества къ оберъ-гофмаршалу. Государеву руку цѣловали и становились передъ нимъ на одно колѣно при всякомъ случаѣ и не такъ какъ раньше, только для вида; требовалось, чтобы государь слышалъ стукъ колѣна объ полъ и чувствовалъ поцѣлуй на своей рукѣ.

Сколько придворныхъ оказалось подъ запретомъ за несоблюденіе этихъ требованій,—больше изъ замѣшательства, конечно, чѣмъ изъ злого умысла! Сколькихъ придворныхъ постигла такая же участь за то, что они пытались сохранить остатокъ изящества! Однажды въ воскресенье, послѣ обѣдни и во время пріема, одинъ изъ флигель-адъютантовъ, получивъ на ухо приказаніе отъ императора, взялъ князя Г. подъ руку, отправился съ нимъ во внутреній дворъ, велѣлъ караулу выйти подъ ружье и передъ фронтомъ и окнами двора, откуда на эту сцену смотрѣли императоръ и вся его свита, заставилъ его сѣсть на барабанъ и приказалъ барабанщику его причесать.

Входъ ко Двору, считавшійся раньше большимъ отличіемъ, былъ теперь предоставленъ столькимъ лицамъ, что пріемъ у

Его Величества превратился въ какое-то сборище. Всѣ присутствующіе допускались къ цѣлованію руки и по два проходили мимо государя и государыни; а напротивъ стояли оберъ-гофмаршалъ и церемоніймейстеръ, которые напослѣдокъ сами удостоивались этой чести и несли отвѣтственность за шумъ и неловкости, проявляемыя всѣмъ этимъ народомъ. Отъ страха люди, съ приближеніемъ момента цѣлованія руки, цѣплялись другъ за друга, а потомъ извинялись другъ передъ другомъ; въ то же время другіе приготовлялись къ этой чести и громко сморкались, такъ что отъ всей этой толпы доносился шумъ, который приводилъ императора въ ярость. То онъ намъ приказывалъ учить другихъ, какъ они обязаны вести себя передъ нимъ, то, выходя изъ терпѣнія отъ недостаточнаго успѣха нашихъ увѣщаній, или вѣрнѣе, нашихъ просьбъ—ибо мы весь этотъ народъ умоляли сжалиться надъ нами,—онъ восклицалъ своимъ гробовымъ голосомъ: „Тише!",—что заставляло блѣднѣть наиболѣе храбрыхъ. Я помню, что однажды, когда я заканчивалъ церемонію, цѣлуя ему, въ свою очередь, руку, онъ довольно добродушно замѣтилъ, какъ странно, что нельзя заставить людей почтительно относиться къ такому случаю. Думая, что онъ въ хорошемъ расположеніи духа, я ему отвѣтилъ: „Ваше Величество, къ сожалѣнію нѣтъ ничего болѣе шумнаго, какъ молчаніе шестисотъ человѣкъ". На это онъ, покраснѣвши отъ гнѣва и выпрямившись во весь ростъ, отвѣтилъ: „Я нахожу, что съ вашей стороны очень смѣло заниматься остротами, когда вы существуете только для того, чтобы слушаться моихъ приказаній!" Тѣмъ не менѣе, онъ въ общемъ былъ доволенъ моей манерой дѣйствовать и часто говорилъ мнѣ: „Вы исполняете ваши обязанности съ достоинствомъ и какъ подобаетъ вельможѣ; если бы они всѣ были какъ вы, это напоминало бы Людовика XIV. Вы никогда не теряете голову, и мнѣ, во время церемоній, стоитъ только посмотрѣть на васъ, чтобы знать, что мнѣ дѣлать". А это происходило отъ того, что я никогда не трусилъ и рѣ-

ТАДЕУШЪ КОСТЮШКО.

(Съ карт. Іосифа Грасси.)

Княгиня ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВНА ДОЛГОРУКАЯ.
Писала Виже-Лебренъ

145

12

шилъ мстить за униженіе, сопряженное для меня съ этимъ жалкимъ мѣстомъ, самоувѣренностью и осанкой, расчитанными на то, чтобы внушить уваженіе самому государю. Что же касается гг. В. и К. и моего коллеги, князя Барятинскаго, то они возмущались, что я не лѣзу всегда изъ кожи, какъ они, и что меня хвалили въ то время, какъ на ихъ долю выпадали одни только выговоры.

Я закончу статью, касающуюся 1796 года, обзоромъ финансовой системы императора. Такъ какъ, по его мнѣнію, все было отвратительно въ предшествующее царствованіе, онъ не могъ не замѣтить ошибки, въ которую впали тогда чрезмѣрными выпусками бумажныхъ денегъ, и въ силу самолюбія, не имѣвшаго, кажется, примѣра, онъ захотѣлъ, чтобы чеканная монета стоила больше ея нарицательной цѣны. Легко понять, что эта монета быстро исчезла изъ обращенія, такъ какъ ея переплавка давала вѣрный барышъ, а въ Россіи умы были весьма доступны всему, что касалось барыша. Онъ не хотѣлъ, по случаю своего внѣшняго безобразія, чтобы его изображеніе красовалось на этой драгоцѣнной монетѣ и замѣнилъ его девизомъ, который украшалъ знамя рыцарей Св. Храма. Александръ I послѣдовалъ его примѣру.

Многіе, при видѣ милости, въ которой Безбородко былъ у государя, повѣрили баснѣ, распространенной въ началѣ царствованія Павла, будто бы Екатерина II оставила завѣщаніе, скрѣпленное четырьмя вельможами, въ силу котораго престолъ долженъ былъ перейти къ ея внуку, и что это завѣщаніе было выдано Павлу вице-канцлеромъ Безбородко. Но, вопервыхъ, императрица слишкомъ хорошо знала дѣла, чтобы повѣрить, что нѣсколько словъ, начертанныхъ ея рукою, оказались бы достаточными измѣнить судьбу государства. А вовторыхъ, кого, собственно говоря, можно назвать въ Россіи вельможей? Въ чемъ состоитъ ихъ власть, пока они не составляютъ между собою заговора? Какимъ они пользуются

вообще почетомъ, какъ только они удаляются отъ ступенекъ трона? Наконецъ, гдѣ государыня отыскала бы такихъ четырехъ дураковъ для скрѣпы фантастическаго документа, который повелъ бы ихъ прямо на лобное мѣсто? Довѣріе Павла къ Безбородкѣ основывалось исключительно на его способностяхъ, или вѣрнѣе, на его опытности въ дѣлахъ, безъ чего вначалѣ нельзя было обойтись; къ тому же онъ былъ низкаго происхожденія, а этому обстоятельству деспотизмъ всегда придавалъ большое значеніе; къ его же племяннику Кочубею императоръ питалъ особенное расположеніе [1]). Заслуга этого министра состояла въ томъ, что онъ, съ первыхъ же дипломатическихъ сношеній новаго царствованія, убѣдилъ государя соблюдать принятыя формы и не обрывать слишкомъ рано и слишкомъ круто политическое положеніе, которое онъ засталъ.

Великая и благая мысль занимала императора въ концѣ года, а именно: собрать подъ сѣнью своего трона всѣхъ монарховъ, свергнутыхъ съ престоловъ. Онъ предложилъ всѣмъ имъ неприкосновенное убѣжище у себя. Даже папѣ было предложено пріѣхать въ Петербургъ, но его преклонный возрастъ, рѣзкая перемѣна климата, неудобство искать пріютъ въ лонѣ Церкви, считавшейся, съ католической точки зрѣнія, схизматической—все это говорило противъ возможности принять подобное предложеніе. Онъ тогда еще не предвидѣлъ жестокаго обращенія, которое его ожидало въ будущемъ, а, можетъ быть,

---

[1]) По случаю своего коронованія Павелъ I буквально осыпалъ Безбородко чудными подарками. Во-первыхъ, ему были пожалованы помѣстье въ Орловской губерніи и 30,000 десятинъ въ Воронежской губерніи, затѣмъ 6000 душъ по его собственному выбору и, наконецъ, россійское княжеское достоинство. Но эти роскошные подарки не могли привести въ равновѣсіе бюджетъ расточительнаго князя. Содержаніе настоящаго гарема на турецкій манеръ и покупка дрогоцѣнныхъ картинъ знаменитыхъ мастеровъ стоили ему баснословиыхъ суммъ. Его наслѣдникамъ пришлось заплатить послѣ его смерти, наступившей въ 1799 году, огромные долги.

и покорился выпавшему на его долю мученичеству. Одинъ только король польскій воспользовался великодушнымъ предложеніемъ Павла и былъ принятъ по царски. Интимность обращенія съ нимъ императора, однако, со второго же дня стала тяготить короля. Послѣдній мнѣ самъ разсказывалъ, что императоръ, со слезами на глазахъ и цѣлуя ему руки, просилъ его сознаться, что онъ его отецъ; но что онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ самъ былъ увѣренъ въ томъ, что это неправда. Тогда императоръ, придававшій большое значеніе такому происхожденію, въ которое онъ твердо вѣрилъ, перемѣнилъ тонъ и сталъ требовать по этому поводу страшныхъ для него подробностей. Король не поддавался и старался ему доказать, вѣскими доводами, что онъ имѣетъ полное основаніе считать себя сыномъ Петра III; но Павелъ нѣсколько разъ, съ непонятною настойчивостью, говорилъ о послѣднемъ, какъ о человѣкѣ, преданномъ спиртнымъ напиткамъ и неспособномъ царствовать.

Среди всѣхъ необыкновенныхъ мѣропріятій императора попадались однако и такія, которыя свидѣтельствовали о благородствѣ его сердца. Хотя въ освобожденіи генерала Костюшки усматривали только новый способъ поношенія памяти Екатерины II, но надо сознаться, что Павелъ вложилъ въ это много милости. Онъ лично, въ сопровожденіи великаго князя Александра, посѣтилъ его въ тюрьмѣ, чтобы объявить ему о его освобожденіи и пожаловать ему пенсію, взамѣнъ чего онъ удовольствовался его честнымъ словомъ. Что-бы ни говорили, но радость, испытываемая при видѣ счастливыхъ, и довѣріе, выражаемое врагу, доказываютъ доброе сердце. Къ несчастью, Павелъ рѣдко допускалъ вліяніе сердца на характеръ.

1797-ой годъ.

Коронованіе имѣетъ важное значеніе для государя, страстно преданнаго церемоніямъ и облеченнаго свѣтскою и духовною властью, соревнованіе которыхъ онъ считаетъ нужнымъ для увеличенія ихъ блеска. Но коронованіе также весьма важно для придворныхъ, ожидающихъ, въ воздаяніе ихъ малѣйшихъ заслугъ, милостей или подарковъ.

Неудивительно поэтому, что вопросъ о коронаціи уже давно занималъ умы въ С.-Петербургѣ и что всѣ мысли направлялись къ Москвѣ, какъ къ предѣльной цѣли ихъ новаго величія. Въ особенности тѣ, которые ждали особенныхъ милостей, думали, что они будутъ помазаны вмѣстѣ съ царемъ и что благодаря этому ихъ счастье станетъ ненарушимымъ.

Пасха въ этомъ году приходилась 5-го апрѣля, и этотъ день былъ выбранъ для коронованія. Помазанникъ Господень долженъ былъ появиться на тронѣ въ то же время, какъ Господь появляется на престолѣ. Павелъ льстилъ себя надеждой пріобрѣсти, благодаря этому, въ глазахъ своего народа сугубое освященіе. Мы скоро увидимъ, до чего онъ доводилъ это желаніе.

Я здѣсь привожу копію изъ моего дневника, который отличается большою точностью, такъ какъ вѣдь я тогда былъ церемоніймейстеромъ.

15 марта.—Ихъ Величества отбыли изъ С.-Петербурга;

ихъ путешествіе въ Москву продлится пять дней. Оно совершается въ мундирѣ при шпагѣ.

Ихъ Величества были встрѣчены подъ Москвой, въ Петровскомъ дворцѣ, придворнымъ штатомъ, тайнымъ совѣтомъ и дамами трехъ первыхъ классовъ. Какъ только духовенство совершило установленныя священнодѣйствія, Ихъ Величества удалились во внутренніе покои. При встрѣчѣ, между прочимъ, присутствовалъ знаменитый Платонъ, митрополитъ Московскій, которому надлежало, по праву его сана, совершить чинъ коронованія; но государь его не долюбливалъ и, не желая его оставлять въ сомнѣніи на этотъ счетъ, объявилъ, что онъ не хочетъ быть имъ коронованнымъ. Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій, долженъ былъ его замѣнить. Платонъ, стоявшій выше подобнаго оскорбленія, сказалъ, что онъ въ такомъ случаѣ будетъ присутствовать на коронованіи, какъ простой іерей, и Павелъ не чувствовалъ въ себѣ достаточной самоувѣренности, чтобы запретить ему это. Будучи очень боленъ, Платонъ велѣлъ перенести себя на рукахъ въ Петровскій дворецъ. Никто изъ присутствовашихъ, въ продолженіе всего времени, которое намъ пришлось ожидать Высочайшаго пріѣзда, не подходилъ къ нему. Я одинъ, знавшій его хорошо, такъ какъ я устоялъ противъ его краснорѣчія, когда онъ, по поводу моей женитьбы, хотѣлъ обратить меня въ православіе (Головкины были протестанты)— я сталъ около него. Это его растрогало и онъ сказалъ мнѣ, улыбаясь: „Во всей этой толпѣ благочестивыхъ христіанъ я могу расчитывать только на одного еретика!“

Послѣ отдыха, продолжавшагося четверть часа, Ихъ Императорскія Величества снова появились въ круглой залѣ. Митрополитъ Новгородскій, какъ первоприсутствующій въ Святѣйшемъ Синодѣ, обратился къ нимъ съ рѣчью. Послѣ него произнесъ слово Платонъ, какъ митрополитъ Московскій. Его рѣчь была длинна, но такъ хороша, такъ преисполнена безсмертныхъ истинъ, что Ихъ Императорскія Величества были тронуты до слезъ и приложились къ его рукѣ въ большомъ

волненіи [1]). Императоръ ему отвѣтилъ, послѣ чего началось прикладываніе къ рукѣ съ колѣнопреклоненіемъ; сначала подходили дамы, потомъ кавалеры, а по окончаніи этой церемоніи Ихъ Величества показались на балконѣ и, хотя народу было запрещено выходить изъ Москвы, но во дворѣ дворца стояла все-таки огромная толпа.

Немилость митрополита Платона происходила отъ того, что императоръ, рѣшивъ жаловать духовенство орденами, что раньше не было принято, послалъ Платону голубую ленту [2]), отъ которой послѣдній отказался со словами: „Кавалеръ долженъ носить мечъ, а мечъ существуетъ, чтобы проливать кровь, кровь же мараетъ престолъ. Я не могу быть въ одно и то же время іереемъ и кавалеромъ". Ни просьбы, ни угрозы не могли поколебать его рѣшенія. Два года спустя, когда надъ имперіей нависли тучи и въ провинціи начали возмущаться деспотизмомъ, императоръ велѣлъ сказать Платону, что для первосвященника, пользующагося такимъ почетомъ, нехорошо служить примѣромъ неповиновенія. Тогда Платонъ подчинился— тѣмъ легче, что его примѣръ уже не могъ послужить соблазномъ, ибо онъ удалился на покой въ Сергіево-Троицкую Лавру [3]).

16 марта. Ихъ Императорскія Величества осматривали Кремль, императоръ верхомъ, а императрица въ экипажѣ. Стеченіе народа было необычайно и до самыхъ крышъ все было покрыто любопытными. Великій князь Александръ Павловичъ прибылъ послѣ обѣда. Ихъ Величества отправлялись также на осмотръ дворца графа Безбородко, который предназна-

---

[1]) Я никогда не видѣлъ болѣе трогательной сцены, хотя съ хладнокровной точки зрѣнія приходится разсматривать все это какъ результатъ общаго нервнаго разстройства. (Прим. гр. Головкина).

[2]) Ленту ордена св. Андрея Первозваннаго. (Прим. перев.).

[3]) Онъ питалъ къ папѣ Римскому ненависть, доходившую до смѣшного. „Вы будете надо мною смѣяться,—сказалъ онъ мнѣ однажды,— но папы представляются мнѣ непрерывнымъ рядомъ антихристовъ, а кардиналы—сообщниками дьявола". (Прим. графа Головкина).

чался для ихъ мѣстопребыванія, такъ какъ Кремль былъ слишкомъ малъ и покои въ немъ были плохо распредѣлены, такъ что онъ не могъ вмѣстить въ себѣ столь многочисленное семейство, какъ царское.

17 марта. Пріѣздъ великаго князя Константина Павловича. Вечеромъ вбивали гвозди въ знамена 2-го гвардейскаго полка.

18 марта. Утромъ—освященіе знаменъ. Ихъ Императорскія Величества посѣтили Воспитательный домъ. Офицеры 2-го гвардейскаго полка имѣли счастье ужинать у Ихъ Величествъ. Пріѣздъ великихъ князей.

19 марта. Освященіе знаменъ 3-го гвардейскаго полка.

20 марта. Ихъ Императорскія Величества посѣщаютъ Военный Госпиталь.

21 марта. Ихъ Императорскія Величества совершаютъ прогулку въ окрестностяхъ Москвы. Посѣщеніе одной больницы.

22 марта. Ихъ Императорскія Величества присутствовали у обѣдни. Вечеромъ состоялся пріемъ для чиновъ 4-го класса.

23 марта. День проводится въ уединеніи, такъ какъ получено извѣстіе о кончинѣ г-жи фонъ-Бенкендорфъ (урожденной Шиллингъ фонъ-Канштадтъ), которую Е. В. императрица удостаивала своимъ особеннымъ расположеніемъ.

24 марта. Поутру церемоніймейстеры оповѣщали дипломатическій корпусъ о коронованіи.

25 марта. Первое публичное провозглашеніе коронованія. Кортежъ, верхомъ, собрался подъ начальствомъ генерала Архарова у Тверскихъ воротъ. Герольды были въ костюмахъ, нашъ герольдъ—въ богато расшитомъ бархатномъ камзолѣ съ шарфомъ, въ штиблетахъ изъ бѣлаго атласа съ лисьими хвостами и въ треуголкѣ военнаго образца съ султаномъ. Тѣ, у которыхъ были высшіе ордена, имѣли ленту черезъ плечо. Первая остановка была у Петровскаго дворца. Пока кортежъ

ждалъ у воротъ приказанія войти во дворъ, подъѣхалъ польскій король. Второе провозглашеніе—въ Кремлѣ, третье—въ Торговыхъ рядахъ. Здѣсь кортежъ раздѣлился на двѣ части, изъ которыхъ каждая направилась въ свою сторону, согласно полученному ордеру.

26 марта. Второй объѣздъ, сходный съ первымъ.

28 марта. Торжественный въѣздъ Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москву. Порядокъ шествія: лейбъ-казаки, лейбъ-гусары, экипажи московскихъ вельможъ, молодые дворяне верхомъ, придворные чины, конная гвардія, кавалергарды. Е. В. Императоръ и великіе князья верхомъ, камергеры и камеръ-юнкеры верхомъ. Е. В. Императрица въ каретѣ съ великими княгинями Елисаветой Алексѣевной и Еленой Павловной. Гвардейскіе полки, придворныя дамы. Шествіе тянулось отъ Петровскаго дворца до Кремля и продолжалось отъ часа дня до пяти часовъ вечера. Холодъ въ этотъ день былъ очень чувствителенъ, а великолѣпіе церемоніи не допускало принятія противъ этого мѣръ предосторожности.

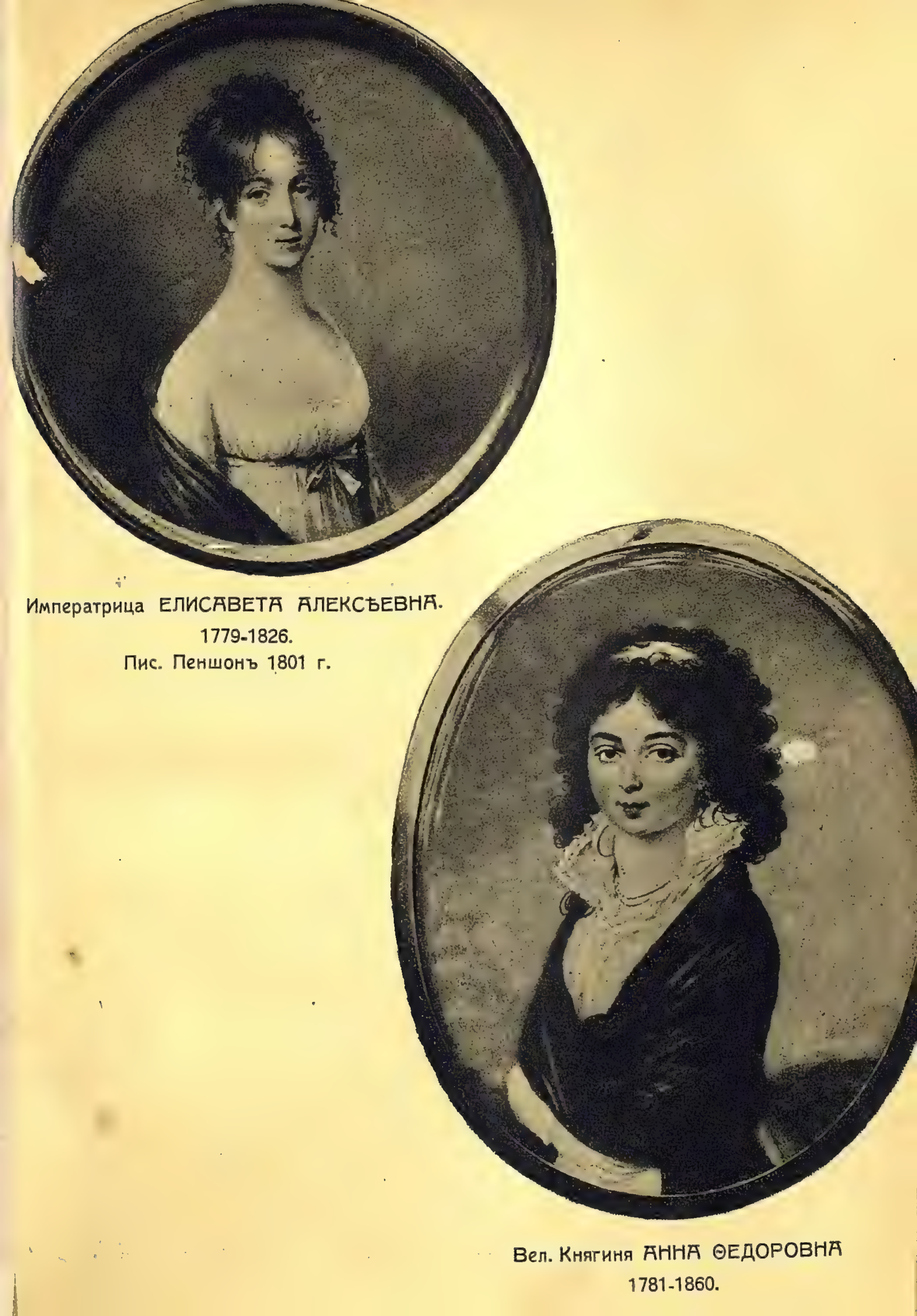
29 марта. Поутру третье и послѣднее провозглашеніе коронованія. Большой пріемъ съ участіемъ дипломатическаго корпуса. Польскій король обѣдалъ у Ихъ Императорскихъ Величествъ.

30 марта. Послѣ обѣда аудіенція папскаго нунція. Крещеніе сына графа Б., при чемъ воспріемникомъ отъ купели былъ императоръ.

1 апрѣля. Поутру императоръ перенесъ въ Кремль знамена гвардіи и поселился въ этомъ старинномъ дворцѣ.

2 апрѣля. Омовеніе ногъ; муровареніе.

3 апрѣля. Репетиція церемоній коронованія. Императоръ на ней присутсвуетъ. Эта репетиція была одна изъ наиболѣе пикантныхъ сценъ въ числѣ столькихъ другихъ, въ которыхъ мы участвовали до изнеможенія. Императоръ велъ себя, какъ ребенокъ, который въ восторгѣ отъ приготовляемыхъ для него удовольствій, и выказывалъ такое послушаніе, какое только

Императрица ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА.
1779-1826.
Пис. Пеншонъ 1801 г.

Вел. Княгиня АННА ѲЕДОРОВНА
1781-1860.

можно ожидать отъ этого возраста. Надо было обладать большой дозой страха или осторожности, чтобы не изобразить на своемъ лицѣ нѣчто большее, чѣмъ удивленіе. Послѣ обѣда онъ хотѣлъ произвести вторую репетицію въ тронномъ залѣ, чтобы наставить императрицу. Когда онъ ей сдѣлалъ знакъ, чтобы она заняла мѣсто рядомъ съ нимъ подъ балдахиномъ, она, по незнанію или же изъ расчитанной скромности, поднялась по боковымъ ступенькамъ, но онъ сказалъ ей строгимъ тономъ: „Такъ не восходятъ на тронъ, сударыня, сойдите и поднимимитесь снова но среднимъ ступенькамъ!“ Не было ни минуты времени для отправленія простыхъ и естественныхъ нуждъ; съ ранняго утра и до поздняго вечера мы постоянно находились при исполнененіи обязанностей службы, а такъ какъ Москва огромный городъ и придворные чины жили далеко отъ Кремля, то никто не имѣлъ возможности отлучиться. Что касается меня лично, то я только знаю, что въ три послѣдніе дня передъ коронованіемъ мнѣ оставалось всего нѣсколько часовъ для ночного отдыха и что постоянныя переодѣванія совершались въ коридорахъ монастыря или въ одномъ изъ многочисленныхъ угловъ этихъ древнихъ царскихъ хоромъ.

4 апрѣля. Ихъ Императорскія Величества присутствуютъ у обѣдни въ Чудовомъ монастырѣ.

5 апрѣля. День Св. Пасхи и коронованія. Около восьми часовъ утра шествіе тронулось. Путь отъ дворца до собора въ Кремлѣ такъ коротокъ, что для его удлиненія шествіе обогнуло колокольню Ивана Великаго. Императоръ былъ въ мундирѣ и высокихъ сапогахъ, императрица въ платьѣ, сотканномъ изъ серебристой парчи и расшитомъ серебромъ, и съ открытой головой. При императорѣ состояли оба великихъ князя, при императрицѣ государственный канцлеръ и фельдмаршалъ графъ Салтыковъ.

Церемонія была продолжительна и за ней слѣдовало множество другихъ, которыя императоръ и оберъ-церемоніймей-

стеръ выдумывали для забавы [1]). По окончаніи коронованія былъ сервированъ обѣдъ подъ балдахиномъ, во время котораго намъ было вмѣнено въ обязанность дѣлать реверансы на манеръ дамъ, какъ это раньше было принято во Франціи, при проходѣ чрезъ залу парламента во время судебнаго засѣданія. Блюда разносились полковниками, въ сопровожденіи двухъ кавалергардовъ, которые брали на караулъ, когда блюда ставили на столъ. Послѣ обѣда происходила большая раздача милостей; онѣ дѣйствительно были необычайны и, можно даже сказать, безмѣрно велики. Графъ Безбородко и князья Куракины получили милліоны [2]). Императоръ былъ того мнѣнія, что государственныя имущества даютъ больше дохода казнѣ, когда они попадаютъ въ частныя руки, что было вѣрно, поскольку это касалось прежней казенной администраціи. Благодаря этому, почти всѣ земли, принадлежавшія казнѣ, были розданы фаворитамъ, положивъ основаніе земельному богатству гатчинцевъ. Ленты, брилліанты, чины, все, чѣмъ только можно было жаловать, было пожаловано, и въ общемъ, Павелъ I, въ одинъ этотъ день, подарилъ гораздо больше, чѣмъ было подарено его предшественниками отъ Петра Великаго до Екатерины II [3]). Я одинъ остался не при чемъ, хотя госу-

---

[1]) Требовательность императора въ отношеніи церемоній хорошо характеризуется эпизодомъ, разсказаннымъ графомъ Федоромъ въ его замѣткахъ о Станиславѣ Августѣ, послѣднемъ Польскомъ королѣ: „Во время коронованія его заставили появиться въ королевской мантіи на балконѣ за эстрадой, гдѣ происходило коронованіе. Вслѣдствіе усталости, или разсѣянности, или же потому, что онъ считалъ Павла слишкомъ занятымъ, чтобы думать о немъ, а можетъ быть и по той причинѣ, что онъ не усматривалъ въ этомъ ничего особеннаго—онъ сѣлъ. Но императоръ, обернувшись, рѣзкимъ тономъ велѣлъ ему передать приказаніе встать, что было исполнено Нарышкинымъ, впослѣдствіи оберъ-гофмаршаломъ, въ неменѣе рѣзкой формѣ.

[2]) Князья Куракины получили два великолѣпныхъ помѣстья, изъ коихъ одно величиною въ 20,000 десятинъ, а вице-канцлеръ, кромѣ того, еще 4,300 душъ.

[3]) Въ общемъ 82,000 душъ.

дарь обошелся со мною очень милостиво. Я объ этомъ не сталъ бы говорить, если бы мнѣ не пришла въ голову одна довольно удачная острота и одно событіе, хотя и незначительное само по себѣ, но дающее хорошее представленіе о томъ времени. Когда, при выходѣ изъ дворца, счастливцы стали другъ друга поздравлять высочайшими милостями и такъ называемое Красное Крыльцо было покрыто лицами, обнимающимися и разсказывающими другъ другу о выпавшемъ на ихъ долю счастьѣ, г. Н., оберъ-гофмаршалъ [1]), бывшій однимъ изъ наиболѣе осчастливленныхъ, замѣтивъ сверху, что я собираюсь сѣсть въ карету, крикнулъ мнѣ, въ присутствіи двухъ сотъ постороннихъ лицъ: „Какъ вы въ такой ливень умудрились остаться подъ зонтикомъ?“ „Вы оказали бы мнѣ большое удовольствіе, если бы обратились съ этимъ вопросомъ къ тому, отъ кого все зависитъ, а я ничего не знаю“—отвѣтилъ я ему.

На другой день, когда я вошелъ въ тронный залъ, г-жа Нелидова, бывшая все еще на положеніи подруги, сказала мнѣ шепотомъ и такимъ дружескимъ тономъ, какого я никогда раньше не замѣчалъ у нея въ обращеніи со мною, чтобы я въ три часа пришелъ въ ея покои, такъ какъ государь желаетъ меня видѣть наединѣ. Я пришелъ въ назначенное время, и намъ пришлось ждать добрый часъ. Наконецъ, явился Кутайсовъ, камердинеръ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ государя, и сказалъ г-жѣ Нелидовой что-то на ухо. Я видѣлъ, какъ она покраснѣла и пришла въ замѣшательство. Когда онъ вышелъ, она сказала мнѣ, запинаясь: „Его Величество велѣлъ мнѣ сказать, что онъ задержанъ у императрицы и что вы можете уйти“. Я никогда не узналъ, ни что мнѣ тогда предстояло, ни почему первоначальное намѣреніе было измѣ-

---

[1]) По всей вѣроятности Александръ Львовичъ Нарышкинъ, бывшій съ 1798 г. оберъ-гофмаршаломъ. По случаю коронаціи онъ получилъ только орденъ св. Анны 1-й степени.

нено. Правда, что я и не прилагалъ никакихъ стараній, чтобы это узнать.

Пока длились всѣ эти церемоніи, общее вниманіе привлекала своей миловидностью великая княгиня Анна, супруга великаго князя Константина [1]), уже глубоко несчастная и такая больная, что, не имѣя возможности отказаться отъ этихъ церемоній, она каждый разъ чувствовала себя дурно. Я никогда не забуду, какъ въ одномъ монастырѣ, гдѣ Ихъ Величества присутствовали у обѣдни, я увидалъ, что она сразу поблѣднѣла, и успѣлъ только удержать и отнести ее на одну древнюю могилу, гдѣ я былъ вынужденъ ее оставить. Этотъ Дворъ, слишкомъ занятый величіемъ жизни, чтобы обратить вниманіе на такое предупрежденіе о близости смерти, тогда такъ сильно меня возмутилъ, что я даже забылъ о своихъ обязанностяхъ.

Въ это время передавали на ухо о случаѣ, который могъ бы казаться невѣроятнымъ, если бы при этомъ не присутствовало столько свидѣтелей. Разсказывали, что великій князь, который не любилъ своей жены и находился тогда въ періодѣ раздражительности, побуждавшей его къ жестокимъ дѣйствіямъ, придумалъ нѣсколько дней передъ коронаціей, рано утромъ, когда великая княгиня еще спала, нарядить въ ея спальню взводъ гвардейскихъ барабанщиковъ, которые, по данному сигналу, стали бить утреннюю зарю. Великая княгиня такъ испугалась, что чуть было тутъ же на мѣстѣ не умерла. Необходимость скрыть это событіе отъ императора принудила ее къ сверхестественному усилію, чтобы появ-

[1]) Великій князь Константинъ Павловичъ женился въ 1796 г. на принцессѣ Юліанѣ Саксенъ-Кабургской, которой тогда было 15 лѣтъ отъ роду. Принявъ православіе, она была наречена именемъ Анны. Она выносила грубости своего мужа до 1801 года, послѣ чего навсегда оставила Россію. Формальный разводъ послѣдовалъ лишь въ 1820 г. Она долго жила въ своемъ имѣніи Эльфенау, недалеко отъ Берна, а затѣмъ доживала свой вѣкъ въ Ля-Буассьерѣ близъ Женевы.

ляться на церемоніяхъ коронованія, и ея здоровье долго ощущало послѣдствія этого случая.

Императоръ, недовольный предстоящимъ окончаніемъ коронаціонныхъ торжествъ, придумалъ еще церемонію, настолько нелѣпую, что я чуть было не просилъ аудіенціи, чтобы ее предупредить. Она состояла въ томъ, чтобы поочередно, одну за другою, снять съ Ихъ Величествъ царскія регаліи, прежде чѣмъ отнести ихъ, въ торжественномъ шествіи, въ сокровищницу. Мы увидѣли, какъ государь и государыня явились, облеченные въ коронаціонные наряды, и взошли на троны. Сановники стали отнимать у нихъ одну за другой царскія регаліи: короны, скипетръ, державу, цѣпи орденовъ и мантіи. Въ концѣконцовъ, они остались такими обнаженными, что подъ вліяніемъ чувствъ, въ которыхъ мнѣ теперь трудно разобраться, въ глазахъ у меня выступили слезы,

Весь Дворъ былъ страшно утомленъ. Для дамъ во время коронаціонныхъ торжествъ были возстановлены фижмы и всѣ сидѣнія были убраны изъ кремлевскихъ покоевъ,—такъ что подъ конецъ всѣ безъ исключенія, сановники государства, а также остальные кавалеры и дамы еле держались на ногахъ и опирались объ стѣны, чтобы не упасть. Въ послѣдній день я не могъ удержаться отъ шутки. Когда въ залѣ, гдѣ происходили аудіенціи, ожидали выхода Ихъ Величествъ, я проскользнулъ мимо лицъ, стоявшихъ вдоль стѣны, отвѣшивая имъ глубокіе поклоны и приговаривая шепотомъ: „Я льщу себя надеждой не быть такъ скоро удостоеннымъ чести васъ увидѣть". Еслв бы при этомъ Дворѣ дерзали смѣяться, моя выходка вызвала бы, конечно, громкій хохотъ, особенно когда супруга фельдмаршала, княгиня Репнина, громко замѣтила: „Вотъ видите, можно ли послѣ этого полагаться на придворные слухи. Меня увѣрили, что графу Головкину запрещено говорить остроты въ царствованіе Его Величества".

Обстоятельство, о которомъ не рѣшались громко говорить въ тѣ времена, но которое могло имѣть крупныя послѣдствія

и наводило на размышленія—это желаніе государя, въ качествѣ главы Церкви, служить обѣдню; но такъ какъ онъ не рисковалъ сдѣлать столь важное нововведеніе въ самой столицѣ, то рѣшилъ отслужить первую обѣдню въ Казани, куда онъ собирался ѣхать. Были уже приготовлены самыя богатыя священнослужительскія облаченія. Павелъ былъ увѣренъ сдѣлаться такимъ образомъ духовникомъ своей семьи и министровъ, но Сvнодъ вывелъ его изъ этого смѣшного положенія, высказавъ при этомъ удивительную находчивость. При первомъ словѣ императора о его намѣреніи, члены Сvнода, не обнаруживая ни малѣйшаго удивленія,—хотя оно несомнѣнно было велико—замѣтили ему, что канонъ православной церкви запрещаетъ совершать св. таинства священнику, который женился во второй разъ. А такъ какъ Павелъ объ этомъ не подумалъ и не посмѣлъ или не хотѣлъ ничего измѣнять въ законахъ священства, то ему пришлось отказаться отъ этого проекта. Онъ утѣшился и только къ причастію надѣвалъ на себя маленькій, довольно короткій далматикъ изъ бархата малиноваго цвѣта, унизанный жемчугомъ, что вмѣстѣ съ его мундиромъ, ботфортами, длинной косой, огромной треуголкой и, при всемъ томъ, съ его невзрачной внѣшностью, дѣлало изъ него самую комическую фигуру, какую только можно себѣ представить. Узнавъ случайно о его проектѣ и находясь однажды утромъ въ Кремлѣ вдвоемъ съ митрополитомъ Платономъ, я сказалъ ему:

— Ваше Высокопреосвященство должны быть довольны, что тронъ занятъ государемъ, преисполненнымъ религіозностью.

— Увы!—отвѣтилъ владыка.

— Какъ, неужели Ваше Высокопреосвященство не вѣрите въ религіозность государя?

— Какъ мнѣ не вѣрить? Но къ сожалѣнію, религіозность у него вмѣсто того, чтобы быть тамъ—онъ указалъ на сердце,—тутъ.—И онъ указалъ на лобъ.

Но, не отрицая вѣрности этого замѣчанія, слѣдуетъ все же

сказать въ похвалу Павлу I, что онъ проявилъ большую терпимость въ религіозныхъ вопросахъ.

Два крупныхъ акта ознаменовали эпоху коронованія. Первымъ былъ установленъ законъ о престолонаслѣдіи. Онъ былъ достоенъ государя, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ отцомъ многочисленнаго семейства, и оградилъ имперію съ этой стороны отъ всякой неустойчивости. Другимъ актомъ—ордена Св. Андрея Первозваннаго, Св. Екатерины, Св. Михаила и Св. Анны были надѣлены богатыми пенсіями. Оба акта вызвали всеобщій восторгъ, но увы!—мы впослѣдствіи видимъ, что первый изъ нихъ не могъ ничего предупредить, а второй остался мертвою буквой за неимѣніемъ денегъ.

Императрица не менѣе, чѣмъ ея супругъ, наслаждалась торжествами коронаванія. Туалеты были ея элементомъ. То, что доводило другихъ дамъ до изнеможенія, не доставляло ей никакого труда. Даже въ положеніи беременности, она сохраняла свой бальный туалетъ съ утра до вечера и между обѣдомъ и баломъ, оставаясь затянутой въ корсетъ, занималась, какъ всегда, въ капотѣ, своей перепиской или вышивала на пяльцахъ, а иногда даже работала съ медальеромъ и рѣзчикомъ на камнѣ Леберехтомъ. Ея участь значительно улучшилась съ тѣхъ поръ, какъ она послѣдовала совѣту своей матери,—расположить къ себѣ хорошимъ обращеніемъ г-жу Нелидову. А такъ какъ эта фаворитка не была ни развратна ни корыстолюбива и, къ тому же, была чрезвычайно умна, то довѣріе къ ней государыни, которая могла на нее смотрѣть, какъ на свою соперницу, ее тронуло и въ то же время расположило государя къ своей супругѣ. Кончина г-жи Бенкендорфъ успокоила Его Величество на счетъ ига, которое будто бы ему угрожало, и повидимому ничто не нарушило бы это спокойствіе, если бы не явился проектъ дать монарху фаворитку въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Женщина, носившая звучное имя [1]), которое Петромъ I было возведено на пре-

[1]) Анна Петровна Лопухина.

столъ, но весьма нескромнаго поведенія, бывшая любовница Уварова, одного изъ флигель-адъютантовъ и фаворитовъ государя, вздумала сыграть эту роль. Уваровъ и турокъ-камердинеръ Кутайсовъ расхвалили ее передъ государемъ, Валуевъ, оберъ церемоніймейстеръ, сажалъ ее постоянно напротивъ Его Величества и все это дѣлалось настолько открыто, что было скоро замѣчено всѣмъ Дворомъ и стало безпокоить государыню и огорчать честныхъ людей, такъ какъ всѣ знающіе порядокъ вещей въ этомъ мірѣ, поняли, что отъ этого могли бы произойти всевозможныя непріятности, которыя и безъ того грозили всѣмъ. Послѣдствія показали, насколько ихъ опасенія были основательны.

Великій князь наслѣдникъ, вообразившій при восшествіи на престолъ отца, что передъ нимъ раскроется небо, и проявлявшій до нескромности радость по поводу того, что ему не надо болѣе слушаться старухи—я передаю только это выраженіе!—съ перваго же года царствованія отца убѣдился, насколько его положеніе было хуже въ сравненіи съ тѣмъ, коимъ пользовался его отецъ при тѣхъ же условіяхъ. Ему было назначено содержаніе въ 500,000 руб. въ годъ, а великой княгинѣ, его супругѣ—150.000 руб., но, кромѣ квартиры, онъ не пользовался ничѣмъ другимъ. Онъ имѣлъ свой собственный придворный штатъ, свой столъ, свою конюшню и за все это долженъ былъ самъ платить. Онъ былъ шефомъ 2-го гвардейскаго полка, генералъ-инспекторомъ, предсѣдателемъ военнаго и морского департаментовъ, высшимъ начальникомъ государственной полиціи и первоприсутствующимъ въ Сенатѣ; все это составляло какъ будто вполнѣ опредѣленное премьерство, но никто не обращалъ вниманія ни на его мнимый авторитетъ, ни на его милость. Онъ не могъ никого ни назначать, ни увольнять, не могъ подписывать своего имени безъ особаго разрѣшенія, которое не имѣлъ даже права испрашивать. Питомецъ и жертва гатчинцевъ, онъ долженъ былъ терпѣть отъ нихъ обращеніе, не какъ начальникъ и не какъ сынъ импе-

ратора, а какъ воспитанникъ, котораго то бранятъ, то вовсе не замѣчаютъ. Обремененный работою, вынужденный во всякую погоду исполнять обязанности командира своего полка, увѣренный въ своемъ обѣдѣ только тогда, когда ему удавалось обѣдать у императора; отдыхая въ сутки лишь нѣсколько часовъ отъ изнеможенія, рядомъ съ одной изъ прекраснѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ, доходя часто до отчаянія, но не осмѣливаясь жаловаться, не рѣшаясь даже изъявлять свое благоволеніе къ другимъ, изъ страха, что это можетъ быть причиной ихъ изгнанія—онъ, наконецъ, раскрылъ глаза и сталъ укорять самаго себя за то, что осуждалъ великую государыню, тронъ которой предстояло со временемъ занять и ему; онъ понялъ, что представляетъ изъ себя лишь чучело, посаженное для торжества другихъ и безъ пользы для себя. Въ концѣ перваго года можно было еще помочь этой бѣдѣ, если бы великій князь воспользовался умомъ, коимъ онъ былъ одаренъ отъ природы, и, соображая хорошо свои дѣйствія, проявилъ бы свойственную ему смѣлость, сдерживалъ бы фамильярность фаворитовъ и лакеевъ и занялся бы не мелочами военнаго муштрованія, а важнѣйшими вопросами администраціи, что дало бы ему возможность, не нарушая почтительности сына и вѣрности подданнаго, пріобрѣсти значеніе и заслужить уваженіе императора, а также симпатію народа—но онъ не сумѣлъ это сдѣлать. Императоръ, замѣтивъ это и пользуясь этимъ, обращался съ нимъ публично грубо до такой степени, что лишилъ его возможности предупредить ужасную катастрофу, отъ которой одно сердце юнаго великаго князя могло предохранить отца.

Какъ только началось новое царствованіе—появилась партія, существовавшая въ Россіи уже давно и располагавшая большимъ вліяніемъ, о чемъ, несмотря на чутье русскихъ въ интригахъ, лишь немногіе имѣли ясное понятіе. Эта партія, связанная со Дворомъ многими нитями, что однако мало показывалось тамъ, и въ этомъ вѣроятно заключается причина, почему ее такъ мало замѣчали и никто о ней не говорилъ. Я

назову ее „нѣмецкой партіей“; [1]) она родилась еще при Петрѣ Великомъ изъ желанія руководить цивилизаціей и состояла, въ послѣдующія царствованія, изъ лицъ разныхъ національностей, разныхъ чиновъ и разнаго пола, образовавшихъ молча союзъ противъ всѣхъ остальныхъ. При Петрѣ I столпами этой партіи были: Лефортъ, Остерманъ и нѣсколько адмираловъ, позднѣе Минихъ, Биронъ, великій канцлеръ Головкинъ и его сыновья и др. При Екатеринѣ, какъ это ни странно, во главѣ ея сначала стояли братья Орловы, а потомъ генералъ Бауеръ. При воцареніи Павла эта партія вошла опять въ силу и нижеслѣдующій списокъ ея членовъ дастъ лучшее понятіе о ней, чѣмъ все, что я могъ бы сказать; сама императрица, графъ Паленъ, графъ Панинъ, графъ Петръ Головкинъ, оберъ-егермейстеръ, баронъ Кампенгаузенъ, баронъ Гревеницъ, г-жа Ливенъ и др. Въ числѣ этихъ лицъ было не мало такихъ, которыя никогда не видѣли другъ друга и никогда не бесѣдовали между собою; у нихъ не было ни общаго плана дѣйствій, ни совѣщаній для обсужденія таковаго, но они на слово вѣрили другъ другу и составляли какъ бы одну секту. Опасность, грозящая одному, приводила въ движеніе другихъ, а многіе даже не подозрѣвали до какой степени они принадлежали къ этой партіи и вдохновлялись ею. Не знаю, удалось-ли мнѣ передать ясно мою мысль о нѣмецкой партіи въ Россіи, но внимательный наблюдатель ее не пропуститъ и существованія ея нельзя отрицать, хотя на это и нѣтъ явныхъ доказательствъ.

По возвращеніи изъ Москвы, императоръ проявлялъ больше самоувѣренности и, главное, чувствовалъ себя болѣе повели-

---

[1]) Эти замѣчанія графа Федора о нѣмецкой партіи не лишены современнаго значенія, ибо эта партія существуетъ и нынѣ. Какъ во времена графа Федора, она состоитъ изъ „лицъ различныхъ національностей“, которыя выдаютъ себя за настоящихъ русскихъ. Но дѣйствительно ли они русскіе? Этотъ, немного щекотливый, вопросъ могутъ рѣшить только русскіе чистой національности.

телемъ. Каждый день приносилъ неожиданныя милости и опалы, о причинахъ коихъ никто не могъ догадаться. Между тѣмъ причины были столь же просты, сколь неразумны. Въ предыдущее царствованіе Павелъ отмѣчалъ у себя всѣ событія, не зная ихъ происхожденія, а также всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ лицъ, съ разсужденіями о томъ, что ему казалось правильнымъ и болѣе подходящимъ. Эта коллекція справокъ возросла неимовѣрно и когда онъ скучалъ или когда ему нечего было дѣлать, онъ запирался у себя и просматривалъ ее. При этомъ онъ сразу вспоминалъ событія и лица, забытыя имъ давно, что и побуждало его награждать или карать людей за дѣйствія, которыя сами авторы успѣли позабыть. То-же происходило относительно политики и администраціи, но тутъ эти неожиданные пріемы иногда имѣли такія послѣдстія, что пришлось немного умѣрить пылъ.

1798-ой годъ.

Этотъ годъ изъ всего царствованія былъ наименѣе богатъ событіями, что объясняется весьма просто: всякаго рода ошибки, дѣлаемыя императоромъ, еще не достигли своего полнаго развитія. Будучи слишкомъ занятъ передѣлкой всего вокругъ себя и работая пока въ небольшихъ размѣрахъ, Павелъ не испыталъ еще силу событій, которыя не успѣли противопоставить его намѣреніямъ сопротивленіе, могущее развить всѣ его деспотическіе принципы и всю необузданность его воли.

Человѣкъ, причинившій ему уже много зла и сдѣлавшій его еще болѣе подозрительнымъ и произвольнымъ, былъ генералъ Архаровъ старшій, занимавшій раньше должность по полиціи [1], для которой онъ казался рожденнымъ и наводившій впослѣдствіи ужасъ на Петербургъ и Москву. Онъ первый вздумалъ властвовать надъ Павломъ, указывая ему повсюду на бунтовщиковъ, такъ что государю казалось, что онъ не можетъ безъ него обойтись; кромѣ того, онъ старался удалить отъ Павла всѣхъ тѣхъ, кто не былъ лакеемъ по должности, или по характеру, и воздвигнуть между государемъ и его великодушными порывами непреодолимую преграду, унижая его мысль до самыхъ недостойныхъ предосторожностей, не достигавшихъ, къ тому же, цѣли, какъ показали послѣдствія,

Прелестная столица, гдѣ можно было раньше двигаться такъ-же свободно, какъ въ воздухѣ, гдѣ не было ни воротъ, ни часовыхъ, ни таможенной стражи, превратилась въ обшир-

[1]) Генералъ Архаровъ былъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. (Прим. перев.).

ную тюрьму, куда можно было пропикнуть только черезъ калитки, а дворецъ сдѣлался обиталищемъ террора, мимо котораго, даже въ отсутствіи монарха, нельзя было проходить иначе, какъ обнажая голову; красивыя и широкія улицы опустѣли; старые дворяне не допускались иначе къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, какъ по предъявленіи, въ семи различныхъ мѣстахъ, полицейскихъ пропусковъ—вотъ въ какомъ положеніи очутилась столица. Хотя Архаровъ скоро впалъ въ немилость, но его принципы легли въ основаніе карьеры его преемниковъ.

Другой человѣкъ, пользовавшійся не меньшей милостью, чѣмъ онъ, который, можетъ быть, имѣлъ бы возможность успокоить увеличивающуюся раздражительность государя, поощряемую такими мѣрами, и можетъ быть даже попробовалъ это сдѣлать—былъ Безбородко, возведенный въ княжеское достоинство и назначенный государственнымъ канцлеромъ, который имѣлъ счастье принять государя въ своемъ дворцѣ во время коронованія и продалъ ему впослѣдствіи этотъ дворецъ. Но онъ былъ слишкомъ большой эгоистъ и слишкомъ занятъ государственными дѣлами и разными таинственными развлеченіями, а кромѣ того слишкомъ остороженъ — скажу даже слишкомъ ничтоженъ по своему происхожденію, своей осанкѣ и своимъ манерамъ—чтобы взяться съ успѣхомъ за такую задачу. Къ тому-же онъ былъ занятъ проложеніемъ карьеры своему любимому племяннику Кочубею, котораго онъ провелъ въ вице-канцлеры, несмотря на его молодость и на его посредственныя способности,—какъ только ему представился случай облегчить себя отъ тяжести работы, ставшей невыносимой для его лѣни, и сложить, безъ опасеній послѣдствій, часть дѣлъ на человѣка, преданность котораго стояла внѣ всякихъ сомнѣній.

Былъ еще человѣкъ, который казался подходящимъ для роли, плѣнительной по своей красотѣ,—это былъ князь Алек-

сандръ Куракинъ, племянникъ [1]) графа Панина, бывшаго гувернера императора. Куракинъ былъ близкимъ другомъ Павла, съ самаго дѣтства, но онъ оставался въ милости лишь благодаря лести и потому что Павелъ привыкъ его видѣть и что онъ не возбуждалъ безпокойства въ другихъ. Онъ любилъ блистать, не въ силу своихъ заслугъ или внушаемаго имъ довѣрія, а своими брильянтами и своимъ золотомъ, и стремился къ высокимъ мѣстамъ лишь какъ къ удобному случаю, чтобы постоянно выставлять ихъ на показъ. Онъ достигъ всего и не сумѣлъ воспользоваться ничѣмъ,—даже изгнаніемъ въ видѣ антракта,—чтобы побудить своего государя къ болѣе достойному образу мыслей. Находя опору въ своемъ братѣ Алексѣѣ, котораго мы, въ скоромъ времени, встрѣчаемъ генералъ-прокуроромъ и Андреевскимъ кавалеромъ, онъ мнилъ себя почти что властителемъ государства, гдѣ послѣдній гатчинецъ пользовался бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ онъ; даже союзъ, заключенный этими господами съ г-жей Нелидовой и императрицей не спасъ ихъ отъ общей всѣмъ при Павлѣ I, судьбы—немилости.

Оба брата Куракины поддерживали появившагося въ то время въ Петербургѣ голландца Роберта Воота съ его несчастнымъ проектомъ уплаты долга русскаго правительства банкирскому дому Гопе въ Амстердамѣ. Я скажу объ этомъ нѣсколько словъ, чтобы показать до чего довело, въ царствованіе Павла I, довѣріе, оказываемое людямъ, которыхъ можно было назвать только условно честными.

Робертъ Воотъ представилъ свой проектъ, состоявшій въ учрежденіи „государственнаго вспомогательнаго банка для дворянъ“ для огражденія его отъ ростовщичества и преслѣдованій кредиторовъ, которыхъ они, будь сказано въ скобкахъ, никогда особенно не боялись. Но какимъ образомъ оградить

[1]) Точнѣе: внучатный племянникъ, такъ какъ не отецъ, а дѣдъ князя Александра Куракина былъ женатъ на Паниной, сестрѣ графа Никиты Ивановича Панина.

дворянство отъ ростовщичества? Планъ состоялъ въ томъ, чтобы заплатить, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, капиталъ съ процентами, что составляло для несчастнаго дворянина 14 процентовъ годовыхъ на занятый капиталъ. Какимъ образомъ проектъ Воота ограждалъ должниковъ отъ кредиторовъ?—Тѣмъ что онъ уполномочивалъ правительство конфисковать заложенныя имѣнія, какъ только происходило замедленіе въ уплатѣ слѣдуемаго съ должника взноса. Я позволилъ себѣ высказать это генералъ-прокурору (Куракину) со всею откровенностью, допускаемою старою дружбою, но онъ не хотѣлъ меня слушать. Я говорилъ объ этомъ также и другимъ лицамъ съ тѣмъ большею убѣдительностью, что, не имѣя самъ долговъ, я могъ руководствоваться исключительно своею преданностью общественнымъ интересамъ. Это произвело много шума. Императрица [1]), которая никогда не удостоивала меня своего благоволенія и никогда не упускала случая вмѣшиваться въ дѣла, сказала, расчитывая на большой успѣхъ, генералъ-прокурору, во время пріема, громко: „Пусть себѣ невѣжды говорятъ; что-бы они не говорили, я всегда буду на вашей сторонѣ" [2]). Я могъ воздержаться, чтобы не сказать, правда, очень тихимъ голосомъ, что мнѣніе императрицы, какое бы оно не внушало уваженіе, не имѣетъ курса на биржѣ. Объ этомъ было передано императрицѣ, которая пожаловалась императору. Послѣдній, не выказывая мнѣ большаго нерасположенія, чѣмъ всегда, ограничился, на слѣдующій день, распоряженіемъ о возобновленіи указа императрицы Анны Іоанновны, карающаго всѣхъ тѣхъ, кто осмѣлится злословить по поводу правительственныхъ

---

[1]) Марія Θеодоровна. (прим. перев.).

[2]) Объ этомъ мы находимъ слѣдующую замѣтку въ перепискѣ Ростопчина съ графомъ Воронцовымъ: «Нѣкій Воотъ, уполномоченный Гопе, скупаетъ всѣ векселя и дѣлаетъ прекрасное дѣло для себя пользуясь особымъ покровительствомъ императрицы". (Письмо Ростопчина Воронцову отъ 12 ноября 1797 г. *Архивъ кн. Воронцова*, т VIII, стр. 185).

мѣропріятій, прокалываніемъ языка каленымъ желѣзомъ. Но какой, спрашивается, могли имѣть интересъ въ этомъ дѣлѣ генералъ-прокуроръ и вице-канцлеръ, люди богатые сами по себѣ и по милости государя? Вотъ какой: владѣніе землями, заложенными въ новомъ банкѣ, обезпечивалось на двадцать пять лѣтъ; земли же, полученныя благодаря щедрости императора, были гораздо менѣе обезпечены за ихъ владѣльцами; что подарено, можетъ быть снова отнято, а потому ихъ то именно и слѣдовало заложить въ банкѣ; при отсутствіи же долговъ, можно было, на занятыя деньги, купить новыя земли и, такимъ образомъ, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, утроить свою земельную собственность. Вотъ почему слѣдовало прокалывать языки тѣмъ, кто возражалъ противъ этого безнравственнаго учрежденія, усугубившаго неурядицу знатныхъ родовъ!

Изъ уваженія къ нѣкоторымъ семействамъ я не буду приводить послѣдствій помощи, оказываемой этимъ банкомъ, хотя они вполнѣ оправдываютъ мое возмущеніе, за которое императрица хотѣла меня наказать.

Это наводитъ меня на одно обстоятельство, бывшее причиною многихъ несчастій и событій, начала которыхъ иначе не могутъ быть выяснены. Императрица по своему характеру не была зла, но желаніе имѣть вліяніе заставило ее натворить въ это царствованіе много бѣдъ. Будучи сама добродѣтельной и дорожа вѣрностью своего мужа, она полагала, что лучшее средство привязать его къ себѣ должно состоять въ передачѣ ему, въ интимности супружеской жизни, всякихъ вѣрныхъ и невѣрныхъ свѣдѣній, сопровождаемыхъ ею хорошими и дурными совѣтами, которые ея подозрительный умъ жадно подбиралъ. Въ эти минуты откровенности всѣ средства были хороши; друзья и враги одинаково приносились въ жертву и, тѣснимая вопросами по поводу разныхъ событій, она не щадила никого. Ея приближенные предупредили меня объ этомъ. Мнѣ рекомендовали обратить вниманіе на дни, слѣду-

НАТАЛЬЯ АЛЕКСѢЕВНА

Первая жена Павла I.

МАРІЯ ѲЕДОРОВНА

Вторая жена Павла I.

ющіе за вечерами, когда императрица прощалась съ императоромъ словами: „Дорогой другъ, я хотѣла бы поговорить съ Вашимъ Величествомъ о многихъ вещахъ, если вы позволите". На другой день послѣ такой фразы слѣдовала всегда какая-нибудь немилость, малая или большая. Эта оригинальная фраза опредѣляла комнату, гдѣ государь ляжетъ спать, и императрица бывала такъ увѣрена въ своемъ дѣлѣ, что она въ этотъ день не торопилась заканчивать свою игру.

Я еще сомнѣвался въ правдивости этого слуха, когда со мной произошелъ случай, убѣдившій меня въ его достовѣрности. Это было въ Гатчинѣ. Императрица повелѣла мнѣ принять участіе въ игрѣ, и кромѣ меня еще графу Мусину-Пушкину и Нарышкину; между послѣдними вышло какое-то недоразумѣніе и они просили меня разсудить ихъ, но я отказывался. Императрица присоединилась къ нимъ, чтобы убѣдить меня. Я умолялъ ее избавить меня отъ этого, но она, наконецъ, приказала мнѣ исполнить ихъ просьбу. Я высказался за Мусина-Пушкина, хотя императрица видимо склонялась на сторону Нарышкина. Послѣдній обидѣлся и не хотѣлъ подчиниться моему рѣшенію. Я объяснялъ ему, что вѣдь я не домогался рѣшенія спора и сдѣлалъ это по Высочайшему повелѣнію, что я привелъ мотивы моего мнѣнія и считаю его правильнымъ. На это императрица замѣтила мнѣ недовольнымъ тономъ, что я не имѣю права противорѣчить лицу съ высшимъ чиномъ, чѣмъ мой собственный. Я почтительно замолчалъ, потупивъ взоръ. Но императрица начала снова насмѣшливымъ тономъ: „Кому нечего возражать, тому полезно замолчать! Что вы на это можете отвѣтить?"—„Что, я не зналъ, Ваше Величество, что существуетъ отношеніе между чиномъ и талантомъ!" Ужинъ временно прекратилъ игру. Императоръ за столомъ разговаривалъ только со мною. Когда, послѣ ужина, снова сѣли за игру, императоръ подошелъ ко мнѣ и положилъ мнѣ руку на плечо. Когда же онъ затѣмъ собирался уйти въ свои покои, императрица сказала ему свою знамени-

тую фразу, а на другой день, въ восемь часовъ утра, пришли мнѣ сказать отъ имени императора, что Его Величество не терпитъ въ Россіи якобинцевъ. Съ тѣхъ поръ онъ со мною разговаривалъ только по дѣламъ департамента церемоніальныхъ дѣлъ.

Императрицѣ пришлось поставить крестъ на своихъ гатчинцевъ. Она присутствовала при ихъ зарожденіи и видѣла, какъ они выростали. Ея политика внушала ей смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ преданныхъ слугъ, но та же политика требовала также противодѣйстія всѣмъ тѣмъ, кто могъ имѣть вліяніе на императора. Во избѣжаніе обвиненія въ томъ, что она всѣхъ удаляетъ отъ государя, она не пропускала случая, чтобы расхваливать за ихъ нравственность людей весьма посредственныхъ. Въ числѣ ихъ находился престарѣлый графъ Строгоновъ [1]). Въ одинъ прекрасный день онъ оказался оберъ-камергеромъ. Но императору скоро надоѣли его старые парижскіе анекдоты и его неспособность къ этой должности, которая считалась весьма важной. Его опала являлась неминуемой и хотя императрица старалась отразить ударъ, но ея усилія оказались тщетными. По истеченіи нѣкотораго времени, однако, императоръ, встрѣтивъ его гдѣ-то, велѣлъ ему сказать, что онъ можетъ опять прійти ко Двору и что онъ съ удовольствіемъ увидитъ его за своимъ столомъ. Какъ только императрицѣ удалось подойти къ нему, она потянула его къ окну и сказала ему: „Ради Бога, графъ, будьте какъ можно осторожнѣе“... и хотѣла продолжать, но Строгоновъ, вспомнивъ, что ему стоили ея покровительство и его собственная неосторожная болтливость, прервалъ ее словами: „Да, да государыня, надо намъ обоимъ быть поосторожнѣе“.

---

[1]) Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ (1738—1811), президентъ Академіи Художествъ. Можетъ быть, графъ Федоръ слишкомъ строго судитъ объ этой личности, во всякомъ случаѣ онъ, по своему воспитанію и по своимъ знаніямъ въ художественныхъ и научныхъ вопросахъ, возвышался надъ весьма многими придворными Павла I.

Случайно я, въ началѣ года, присутствовалъ при сценѣ, которая, можетъ быть, не поразила бы другого, но мнѣ доставила большое удовольствіе. Это было 3-го февраля, въ день празднованія ордена св. Анны. Послѣ обѣдни, государь, бывшій въ парадномъ мундирѣ удалился въ свои покои, въ ожиданіи обѣда и разрѣшилъ принявшимъ участіе въ церемоніи немного отдохнуть. Въ комнатѣ, кромѣ государя, находились только великій князь Александръ и я. Послѣ небольшого молчанія государь сказалъ своему сыну: „Что бы ни говорилъ Дюваль, эта корона очень тяжела". Когда великій князь на это ничего не отвѣтилъ, государь продолжалъ: „Вотъ возьми ее и попробуй самъ". Въ этихъ словахъ, я увѣренъ, не было никакого умысла, но великій князь, повидимому, понялъ это иначе, сильно смутился, пробормоталъ что-то, кашлянулъ и не осмѣлился высказать свое сужденіе о тяжести короны. Оберъ-гофмаршалъ, вошедшій въ это время, выручилъ его изъ неловкаго положенія.

Самое достопримѣчательное событіе произошло въ разгаръ лѣта, когда Дворъ находился въ Павловскѣ [1]). Оно обратило на себя особенное вниманіе лицъ, слѣдившихъ за развитіемъ характера императора. Престарѣлый адмиралъ Чичаговъ [2]), котораго политика Екатерины такъ широко вознаградила за ошибки, допущенныя имъ во время войны со Швеціей, имѣлъ сына, контръ-адмирала [3]), человѣка съ талантомъ и характе-

[1]) Повидимому графъ Федоръ здѣсь ошибается во времени. Это событіе слѣдуетъ отнести къ лѣту 1799 года. (См. *Шильдеръ, Императоръ Павелъ I*, стр. 428).

[2]) Василій Яковлевичъ Чичаговъ (1726—1809).

[3]) Павелъ Васильевичъ Чичаговъ (1762—1849) извѣстенъ, главнымъ образомъ, неудачей, постигшей его при попыткѣ отразить отступленіе арміи Наполеона I черезъ Березину. Послѣ войны онъ удалился за границу. Какъ приверженецъ либеральныхъ учрежденій и будучи женатъ на англичанкѣ, Элленъ Проби, онъ поселился окончательно въ Англіи и принялъ даже англійское подданство. Къ сожалѣнію, вышедшіе послѣ его смерти, подъ его именемъ „Мемуары" (Берлинъ 1855 и Парижъ 1862)—апокрифичны.

ромъ. Онъ почему-то не понравился гатчинцамъ, которые стали къ нему придираться, такъ что ему не оставалось ничего другого, какъ испросить свою отставку подъ предлогомъ что ему надо поѣхать въ Англію, чтобы тамъ жениться. Министръ отказалъ ему въ этомъ разрѣшеніи, но англійскій посланникъ сэръ Чарльзъ Витвортъ заступился за него. Императоръ прежде всего потребовалъ, чтобы онъ снова поступилъ на службу. Адмиралъ не отказывался, но поставилъ условіемъ, чтобы съ него не взыскивали за прошлое. Этотъ вопросъ обсуждался въ большомъ кабинетѣ государя. Полчаса спустя, слышно было, какъ гробовой голосъ императора все болѣе возвышался; наконецъ дверь отворилась и адмиралъ вышелъ. Онъ казался спокойнымъ, но сюртукъ, лента и даже галстукъ были съ него сорваны. Не подлежало сомнѣнію, что онъ былъ постыдно избитъ. Въ такомъ видѣ онъ, посреди аванзалы, ждалъ рѣшенія своей участи. Флигель-адъютантъ государя накинулъ ему на плечи казачью шинель и передалъ ему приказъ отправиться прямо въ крѣпость. Когда онъ, подъ сильнымъ карауломъ, выходилъ изъ комнаты, онъ обернулся къ оберъ-гофмаршалу Нарышкину и сказалъ съ благороднымъ жестомъ: „Александръ Львовичъ, будьте такъ любезны вынуть изъ кармана моего сюртука ассигнацію въ пятьдесятъ рублей и мой бумажникъ; я пе думаю, чтобы государь хотѣлъ меня лишить этихъ вещей и такъ какъ я пе знаю, куда меня ведутъ, то я, можетъ быть буду въ нихъ нуждаться“. Онъ храбро вытерпѣлъ въ своей тюрьмѣ нѣсколько недѣль, несмотря на всѣ старанія смирить его, пока, наконецъ, не почувствовали нѣкотораго стыда, главнымъ образомъ передъ англійскимъ королемъ, и не согласились на его условія [1]). Тогда онъ, съ своей стороны, согласился опять поступить на службу, а такъ какъ онъ еще передъ тѣмъ долженъ былъ поѣхать въ Англію,

---

[2]) Графъ Федоръ не преувеличиваетъ. Эта исторія произошла почти такъ, какъ онъ ее описываетъ. (См. *Шильдеръ Императоръ Павелъ I*, стр. 428).

чтобы тамъ жениться, то ему, ради приличія, поручиля командованіе надъ русской эскадрой, дѣйствовавшей тогда совмѣстно съ англійскимъ флотомъ. Это дѣло доставило Чичагову большую извѣстность. Въ слѣдующее царствованіе онъ былъ назначенъ морскимъ министромъ и, какъ говорятъ, хорошо исполнялъ эту должность. Но послѣ заключенія мира съ турками, онъ принялъ командованіе русскими силами на Березинѣ и это погубило его репутацію и, хуже того, — досада, которую онъ оттуда вынесъ, послужила поводомъ къ лишнимъ разговорамъ съ его стороны.

Въ это же время при Дворѣ появилось съ большимъ блескомъ итальянское семейство Литта. Его исторія была коротка, но его судьба—блестяща. Я начну съ болѣе ранняго времени, такъ какъ прежде чѣмъ описывать людей, надо объяснить, откуда они появились и, разсказавъ объ ихъ дѣяніяхъ, присовокупить, что изъ этого вышло. Покойная императрица Екатерина II, признавъ необходимымъ возобновить крайне запущенный галерный флотъ, обратилась къ Мальтійскому гроссмейстеру съ просьбою рекомендовать ей человѣка, способнаго имъ командовать. Выборъ палъ на кавалера де-Литта, сына маркиза Литта изъ Милана, кавалера ордена Золотого Руна и одного изъ самыхъ знатныхъ вельможъ этой страны. Не удовольствуясь организаціей галерныхъ карвановъ, исполненной вполнѣ удовлетворительно, кавалеръ де-Литта занялся вопросами морской службы болѣе чѣмъ было принято среди этого монашескаго ордена. Скоро послѣ его прибытія возникла война между Швеціей и Россіей, при чемъ Литта очутился подъ начальствомъ принца Нассау-Зигенскаго и получилъ чинъ контръ-адмирала и георгіевскій крестъ. Такъ какъ стало извѣстно, что во время войны его мнѣніе всегда противорѣчило мнѣнію его начальника, а принцъ Нассаускій былъ повсюду битъ и намѣренія его не достигали цѣли, то это создало кавалеру де-Литта своего рода репутацію отрицанія, которая, хотя и не вызывала особеннаго довѣрія къ

нему, но не была также противна здравому смыслу и могла ему пригодиться въ будущемъ. Въ основанiи его ломбардскаго характера было, однако, не мало интриги, а нескромныя рѣчи и жалобы на мнимую неблагодарность правительства испортили ему положенiе при Дворѣ Екатерины. Онъ просилъ отставки, въ чемъ ему было отказано. Но онъ сумѣлъ все-таки добиться полугодового отпуска и воспользовался имъ, чтобы посѣтить Вѣну, Миланъ и Мальту, гдѣ онъ хвастался, что его огромный ростъ былъ одной изъ главныхъ причинъ его карьеры въ Россiи. Это дошло до Екатерины и окончательно погубило его въ глазахъ императрицы. Онъ полагалъ, что его успѣхамъ положенъ предѣлъ и началъ расточать свое состоянiе, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ обратить на себя вниманiе, чтобы получить еще ленту ордена Бѣлаго Орла, который, въ то время былъ уже очень обезславленъ. По окончанiи отпуска онъ долженъ былъ возвратиться въ Россiю, хотя ему это сулило мало удовольствiя.

Въ то время онъ сталъ заниматься дѣлами Ордена Св. Iоанна Iерусалимскаго. Польша была уже окончательно раздѣлена и этотъ Орденъ, а равно римскiй Дворъ должны были отстаивать въ Россiи свои важнѣйшiе интересы. Семейство же Литта сообразило, не безъ основанiя, что наступилъ моментъ отличиться. Одинъ изъ сыновей, о которомъ я только что говорилъ, уже вернулся въ Россiю, а другой, въ качествѣ нунцiя папскаго престола, находился еще въ Варшавѣ, гдѣ событiя застали его врасплохъ. Ихъ отцу, пользовавшемуся громкой репутацiей во всей Италiи и обладавшему, благодаря фамильнымъ бракамъ, огромными связями, было не трудно обезпечить за сыновьями почести и выгоды будущихъ сношенiй съ Россiей. Я, въ то время, былъ какъ разъ въ Римѣ и папа мнѣ объ этомъ говорилъ. Я, по долгу совѣсти, не могъ скрыть отъ Его Святѣйшества, что, по моему мнѣнiю, господа Литта меньше всего подходили къ успѣшному выполненiю такой задачи, такъ какъ, по несчастiю или вслѣдствiе нелов-

кости съ ихъ стороны, они навлекли на себя недовольство Ея Императорскаго Величества,—одинъ своими рѣчами и претензіями, а другой своимъ пристрастнымъ поведеніемъ, въ которомъ его обвиняли во время и послѣ Варшавской рѣзни. Я представилъ папѣ, что всякій другой прелатъ былъ бы пріятнѣе русскому Двору; что же касается дѣлъ Мальтійскаго Ордена, то императрица, желая воспользоваться сношеніями съ Римомъ, чтобы возстановить состояніе одного достойнаго человѣка, была бы польщена, если бы преимущество было дано князю...[1]) родственнику оберъ-гофмаршала и посланнику въ Римѣ. Но вліяніе г.г. Литта взяло верхъ надъ моими представленіями, а это увеличило нерасположеніе къ нимъ императрицы. Такимъ образомъ, архіепископъ Ѳивейскій (Литта) и его братъ были назначены повѣренными въ дѣлахъ въ Петербургѣ, но первый не получилъ разрѣшенія прибыть туда, а второй, тѣмъ временемъ, уже пріѣхавшій въ Петербургъ, не имѣлъ возможности проявить тамъ свой характеръ.

Между тѣмъ императрица скончалась, и все измѣнилось. Господа Литта, помимо большого интереса, который они возбуждали новизною своего появленія,—такъ какъ папскій нунцій и Мальтійскій посланникъ были не совсѣмъ обыкновенныя лица при русскомъ Дворѣ—имѣли за собою еще то преимущество, что въ Петербургѣ теперь преобладалъ принципъ благосклоннаго отношенія ко всему тому, что раньше не нравилось, и осужденія всего того, что раньше вызывало удовольствіе. Итальянское лукавство и подавленное раньше честолюбіе нашли возможнось распустить свои крылья, и мы сейчасъ увидимъ до чего они дошли. Кавалеръ Литта, возведенный въ званіе командора Мальтійскаго Ордена, сталъ проявлять свой характеръ въ качествѣ полномочнаго посланника. Нунцій прибылъ къ коронаціоннымъ торжествамъ и былъ принятъ съ отличіемъ. Императоръ удѣлялъ большое вниманіе своимъ католическимъ подданнымъ, но еще больше Маль-

[1]) Фамилія князя въ рукописи графа Федора неразборчива.

тійскому Ордену. Командоръ [1]) старался поддерживать этотъ зарождающійся интересъ. Онъ дѣлалъ видъ, что признаетъ положеніе своего Ордена критическимъ, и сталъ работать совмѣстно съ императоромъ, какъ будто обоихъ что-то соединяло въ ущербъ третьему. Одинъ предложилъ подготовить пріѣздъ ко Двору торжественнаго и чрезвычайнаго посольства, а другой учреждалъ командорства. Мы увидимъ какое значеніе эти двѣ мѣры имѣли впослѣдствіи.

17 января 1798 года послѣдовалъ указъ о князѣ Потемкинѣ, котораго всѣ считали настолько же забытымъ, насколько онъ уже давно былъ покойникомъ. Этимъ указомъ предписывалось разрушеніе памятника, воздвигнутаго въ его честь покойной императрицей въ Херсонѣ, причемъ въ указѣ разъяснялось, что подданный, управленіе котораго было столь порочнымъ, не могъ заслужить подобной чести. Говорятъ даже, что его останки были брошены въ воду [2]). Мнѣніе на счетъ управле-

[1]) 31 октября 1798 г., Юлій Помпеевичъ—такъ русскіе звали командира Литта,— женился на вдовѣ графа Скавронскаго, урожденной Энгельгардтъ, племянницѣ князя Потемкина. Эта женитьба состоялась вопреки основнымъ правиламъ Мальтійскаго ордена, предписывавшимъ членамъ ордена безбрачіе. Такое нарушеніе, впрочемъ, не было исключительнымъ, если принять во вниманіе то странное обстоятельство, что между кавалерами Мальтійскаго ордена, назначенными Павломъ I, находился графъ Кутайссовъ, происходившій отъ мусульманъ, и что этимъ орденомъ были пожалованы двѣ дамы — княгиня Анна Петровна Гагарина, урожденная Лопухина, и графиня Литта, супруга командира.

[2]) На сей разъ графъ Федоръ преувеличиваетъ. Въ дѣйствительности это дѣло происходило иначе. 27-го марта 1798 генералъ-прокуроръ князь Куракинъ сообщилъ новороссійскому гражданскому губернатору тайному совѣтнику Гелецкому слѣдующее секретное предписаніе:

„Извѣстно государю императору, что тѣло покойнаго князя Потемкина донынѣ еще не предано землѣ, а держится на поверхности, въ особо сдѣланномъ подъ церковью погребу и отъ людей бываетъ посѣщаемо, а потому находя сіе непристойнымъ, высочайше соизволяетъ дабы все тѣло безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ

нія этого временщика было единодушно, но каково бы оно ни было, онъ, хорошо или плохо, все же основалъ города, углублялъ порты, строилъ верфи, Черноморскій флотъ былъ великолѣпенъ, и это колоссальное твореніе нельзя было уничтожить местью надъ нѣсколькими камнями. Императоръ, который первоначально возымѣлъ мысль разрушить Таврическій дворецъ, но потомъ рѣшилъ сохранить его, хотѣлъ только доказать, что это рѣшеніе происходило не отъ излишней деликатности или отъ уваженія къ предшествующему царствованію, а отъ экономическихъ соображеній.

28 января родился великій князь Михаилъ. Это было большимъ происшествіемъ при Дворѣ, такъ какъ онъ былъ первый сынъ *императора* Павла, родившійся въ Россіи, и разговорамъ по этому поводу не было конца. Я хорошо помню, какъ кто-то спросилъ, не имѣетъ ли новорожденный, въ качествѣ „сына императора“, больше правъ на престолъ, чѣмъ остальные три сына, его старшіе братья, родившіеся въ то время, когда Павелъ былъ великимъ княземъ, и мнѣніе публики на этотъ счетъ расходилось. Тѣмъ временемъ Его Императорское Величество разсудилъ, что рожденіе и крещеніе новорожденнаго должны сопровождаться такими церемоніями, которыя указали бы на разницу между дѣтьми, рождающимися у наслѣдника престола и у императора.

Самая непріятная и самая комическая изъ этихъ церемоній выпала на мою долю. Она состояла въ томъ, чтобы тотчасъ же послѣ родовъ императрицы торжественно довести объ этомъ до свѣдѣнія дипломатическаго корпуса. Я особенно напираю на это обстоятельство не потому, что я лично въ немъ

погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало“. Это предписаніе было въ точности исполнено на мѣстѣ ночью 28 апрѣля 1798 г. и, хотя, это сдѣлано секретно, но вызвало въ жизнь легенду о томъ, что тѣло Потемкина вынуто и выброшено. (См. *Шильдеръ*, Императоръ Павелъ I, стр. 427).

участвовалъ, а чтобы дать картину тѣхъ деспотическихъ пріемовъ, которые входили тогда въ систему правленія. Полночь миновала, когда я выѣхалъ изъ Зимняго дворца въ каретѣ о семи зеркальныхъ стеклахъ, отправляясь въ одну изъ самыхъ холодныхъ экскурсій, какія только можно себѣ представить, и которая могла имѣть смертельный исходъ для всякаго другого, обладающаго менѣе желѣзнымъ здоровьемъ, чѣмъ я. Въ это время ночи всѣ парадные подъѣзды оказались запертыми и, несмотря на важность моей миссіи, не было никакой надежды проникнуть ни въ одинъ изъ нихъ безъ значительной потери времени. Но это была еще меньшая изъ бѣдъ. Надо было, вообще, добиться открытія воротъ, а между тѣмъ швейцары при видѣ придворной ливреи трусили и отвѣчали чрезъ слуховыя окошечки, что всѣ въ домѣ спятъ. Приходилось имъ объявлять, что я пріѣхалъ по Высочайшему повелѣнію и что мнѣ нужно видѣть самого хозяина дома. „Но всѣ спятъ!“—„Что-жъ такое, разбудите отъ моего имени камердинера и скажите ему, что я долженъ съ нимъ переговорить“.— „Но онъ спитъ въ гардеробной Его Превосходительства“.— „Дѣлайте то, что я вамъ говорю!“ Тогда только швейцаръ отправлялся, чтобы исполнить мое порученіе и разбудить камердинера. А тамъ происходилъ внутренній совѣтъ. Будить или не будить Его Превосходительство? А что если его хотятъ арестовать! Наконецъ, камердинеръ одѣвался и спускался, дрожа отъ страха, чтобы сказать, что Его Превосходительство спятъ и что онъ не можетъ принять на себя отвѣтственности ихъ разбудить. „Я пріѣхалъ по приказанію императора и требую отъ васъ, чтобы вы сказали Его Превосходительству, что я иду къ нему“. Дрожащій камердинеръ удалялся. Въ этомъ родѣ происходили всѣ мои посѣщенія; но въ двухъ случаяхъ посланники безусловно отказались меня принять, извиняясь нездоровьемъ. Остальные приняли меня или въ горделивой позѣ, или же крайне смущенные, и каждый разъ лишь послѣ продолжительнаго ожиданія въ пріемной. Болѣе

счастливыми оказались тѣ, къ которымъ я попалъ лишь на слѣдующее утро, ибо мое путешествіе было очень продолжительнымъ, и я вернулся въ Зимній дворецъ лишь между десятью и одиннадцатью часами утра, чтобы доложить государю объ исполненіи моего порученія.

Можно себѣ представить все то, что было бы сказано о моей ночной экспедиціи, если бы вообще кто-нибудь осмѣлился разсуждать. Что же касается меня, то я утѣшался надеждой, что императоръ, которому я съ полною откровенностью доложилъ о всѣхъ встрѣченныхъ мною затрудненіяхъ, по крайней мѣрѣ выведетъ изъ нихъ заключеніе, о чувствахъ внушаемыхъ имъ людямъ. Я при этомъ постарался скрыть отъ него смѣшныя стороны моей поѣздки: эти иностранцы лакеи, умирающіе отъ страха, и эти полураздѣтые дипломаты, а также мое скомпрометированное достоинство и ужасный холодъ, который пришлось перенести мнѣ и другимъ сопровождавшимъ меня придворнымъ.

Я возвращаюсь къ императрицѣ, для которой время родовъ на сей разъ заключало въ себѣ столько непріятностей. Послѣдствія для ея здоровья были, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда она рожала, крайне опасны, такъ какъ Ея Величество имѣла несчастную привычку затагиваться во время беременности, чтобы сохранить тонкую талію, въ чемъ она, впрочемъ, несмотря на свою тучность, вполнѣ успѣвала. Хотя во время этихъ родовъ не случилось ничего болѣе тревожнаго, чѣмъ въ предшествовавшихъ имъ девяти случаяхъ, но фавориты императора, изъ коихъ нѣкоторые, какъ мы увидимъ дальше, имѣли свой вполнѣ опредѣленный планъ, заставили акушера, выписаннаго изъ Геттингена, высказать на этотъ счетъ особое мнѣніе. Этотъ господинъ, которому послѣдствія его рѣчей были совершенно безразличны, объявилъ, что въ виду плодовитости императрицы можно опасаться, что она будетъ продолжать имѣть дѣтей и что это, согласно прави-

ламъ и указаніямъ науки, неминуемо должно повести къ ея смерти [1]).

Императоръ принялъ это извѣстіе съ ужасомъ, и потому ли, что онъ зналъ о помянутомъ выше планѣ, или не зналъ о немъ, но онъ объявилъ, что жизнь императрицы ему безконечно дорога и что онъ считаетъ долгомъ любви не ставить ее отнынѣ въ такое положеніе [2]), тѣмъ болѣе, что Богу угодно было даровать ему многочисленное потомство, такъ что государству съ этой стороны ничего не оставалось желать. Императрица, какъ всѣ добродѣтельныя женщины, будучи очень привязана къ своимъ супружескимъ обязанностямъ, была очень недовольна этимъ рѣшеніемъ, назвала нѣмецкаго профессора невѣждой и нахаломъ, но не могла его измѣнить. Профессоръ вернулся во-свояси, осыпанный золотомъ и подарками, и, съ этого самаго дня, Ихъ Величества заняли отдѣльныя опочивальни, что очень не понравилось приверженцамъ императрицы и немного успокоило тревогу тѣхъ, кого она не долюбливала.

Нѣсколько дней спустя, изъ Венеціи пріѣхалъ Мордвиновъ [3]), бывшій тамъ долгое время посланникомъ. Это былъ ничтожный и къ тому-же болѣзненный человѣкъ, который такъ хорошо понималъ свое ничтожество, что думалъ остаться незамѣченнымъ и позволилъ себѣ, послѣ столь продолжительнаго путешествія, нѣсколько дней отдыха. Но императоръ, извѣщенный всегда обо всемъ полиціей, посмотрѣлъ на это иначе. Можно было умалить себя сколько угодно, но это никого не

---

[1]) Акушеръ, помогавшій Ея Величеству въ предшествующихъ родахъ, былъ баронъ Іосифъ Моренгеймъ, профессоръ родовспомогательнаго искусства при Воспитательномъ Домѣ. Это — прадѣдъ барона Артура Моренгейма, представителя Россіи въ Парижѣ во время царствованія Александра III.

[2]) Уже въ 1788 г., когда родилась великая княжна Екатерина Павловна, жизнь ея матери была въ большой опасности.

[3]) Александръ Семеновичъ Мордвиновъ, повѣренный въ дѣлахъ, сначала въ Генуѣ (1781—1785), а потомъ въ Венеціи (1785—1798 г.).

освобождало отъ соревнованія въ усердіи передъ государемъ. Не считая удобнымъ наказать его за то, что онъ почувствовалъ усталость, но не желая также терять случая къ униженію и огорченію человѣка—императоръ называлъ это „поддерживать порядокъ“,—онъ велѣлъ черезъ полицію объявить во всѣхъ домахъ, что правительство будетъ признательно тому, кто укажетъ мѣстожительство этого бѣдняка, который явился на слѣдующій день, но только для того, чтобы снова исчезнуть,—такую прелесть для него имѣло удаленіе на покой! Онъ впрочемъ и въ Венеціи жилъ такимъ же образомъ, защищаясь лишь отъ интригъ графа д'Антрэгъ и г-жи Сентъ-Юберъ, его супруги, и отъ безпокойства, причиняемаго французскимъ Дворомъ, устроившимся въ изгнаніи, недалеко отъ Венеціи, въ Веронѣ; этотъ Дворъ уже при Екатеринѣ нѣсколько разъ жаловался на безпричастность и бездѣйствіе Мордвинова, но эти жалобы не имѣли успѣха. Его братъ, адмиралъ Мордвиновъ [1]), былъ, напротивъ, человѣкъ большихъ способностей и высокой добродѣтели и оказалъ большіе услуги государству, управляя черноморскими губерніями; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказалъ также, что въ нѣкоторыхъ широтахъ просвѣщеніе и умъ оказываются непримѣнимыми.

Другая исторія вызвала меньше толковъ, такъ какъ о ней не рѣшались громко говорить, но все-же проникла въ публику два дня спустя. Герцогъ Гольштейнъ-Бекъ выкинулъ довольно пикантную штучку. Это былъ маленькій человѣчекъ, довольно дурного тона, жившій раньше очень скромно въ Кенигсбергѣ съ женой и съ дѣтьми, любившій браться за все, даже за агрономію и писательство. Когда императоръ Павелъ взошелъ на престолъ, герцогъ состоялъ на прусской службѣ генералъ-майоромъ. Онъ былъ приглашенъ въ Петербургъ, поѣхалъ туда и удостоился великолѣпнаго пріема, хотя отъ него до упаду несло табакомъ и пивомъ. Его сразу произвели въ генералъ-лейтенанты, назначили Павловскимъ и Гатчинскимъ

[1]) Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ (1754—1845).

комендантомъ и командиромъ одного изъ лучшихъ гвардейскихъ полковъ. Императоръ почувствовалъ къ нему такое расположеніе, что не могъ болѣе обойтись безъ этого „принца моей крови“. Но этотъ принцъ крови требовалъ прежде всего побольше денегъ на уплату своихъ долговъ и желалъ обезпечить за своими дѣтьми пенсію, такъ какъ у нихъ не было собственныхъ средствъ и одна изъ его дочерей даже была вынуждена выйти замужъ за одного силезскаго генерала, барона Рихтгофена. Видя, что его обнадеживаютъ одними только обѣщаніями и что ему предстоятъ одни почести и труды, онъ испросилъ себѣ шестинедѣльный отпускъ, чтобы навѣстить жену. Но какъ только онъ переѣхалъ черезъ прусскую границу, онъ послалъ Павлу отказъ отъ своихъ должностей, обращаясь при этомъ къ нему, какъ къ равному. Императоръ былъ обиженъ, но не могъ ему отомстить.

Съ тѣхъ поръ какъ установился новый порядокъ супружеской жизни, императрица вопреки ожиданіямъ стала пользоваться большимъ вліяніемъ, чѣмъ прежде. Императоръ, видимо, желалъ вознаградить ее за разлуку, признанную необходимой, своимъ особеннымъ вниманіемъ и знаками своего довѣрія. Можно было наблюдать, какъ онъ обращался къ ней за совѣтами или давалъ ей дипломатическія порученія. Въ наиболѣе трудномъ вопросѣ—по поводу отношеній къ своему супругу,—императрица руководствовалась совѣтами г-жи Нелидовой. Если ихъ до тѣхъ поръ соединяла общая политика, то теперь общіе интересы сблизили ихъ еще гораздо больше, такъ какъ Нелидова сама стала проявлять страстность въ своихъ отношеніяхъ къ императору. Нельзя было закрыть глаза на то, что фавориты настойчиво работали въ смыслѣ подрыва нравственныхъ принциповъ государя, чтобы заставить его завести официально фаворитку. Можно было догадываться, кто именно предназначался для этого блестящаго позора, но вся эта интрига, весь этотъ романъ—императоръ добивался скорѣе романа, чѣмъ внезапной побѣды—былъ еще настолько покрытъ мра-

комъ, что было бы болѣе достойно положенія занимаемаго императрицей и ума ея подруги, если бы онѣ сумѣли удержать императора на краю этой пропасти ловкостью своего поведенія, продолжая оказывать ему уваженіе и почтеніе. Но человѣческія страсти похожи на снѣжные обвалы—онѣ увеличиваются отъ всего, что находятъ на своемъ пути, и усиливаются отъ встрѣчаемыхъ ими препятствій.

Наконецъ, 25 іюля, гроза разразилась. Около десяти часовъ императоръ послалъ за великимъ княземъ наслѣдникомъ и приказалъ ему отправиться къ императрицѣ и передать ей строжайшій запретъ когда-либо вмѣшиваться въ дѣла. Великій князь сначала отклонилъ это порученіе, старался выставить его неприличіе и заступиться за свою мать, но государь, внѣ себя, крикнулъ: „Я думалъ, что я потерялъ только жену, но теперь я вижу, что у меня также нѣтъ сына!“ Александръ бросился отцу въ ноги и заплакалъ, но и это не могло обезоружить Павла.

Его Величество прошелъ къ императрицѣ, обошелся съ ней грубо, и, говорятъ, что если-бы великій князь не подоспѣлъ и не защитилъ бы своимъ тѣломъ мать, то неизвѣстно, какія послѣдствія могла имѣть эта сцена. Несомнѣнно то, что императоръ заперъ жену на ключъ и что она, въ теченіе трехъ часовъ, не могла ни съ кѣмъ сноситься. Г-жа Нелидова, которая считала себя достаточно сильной, чтобы выдержать эту грозу и настолько вліятельной, чтобы управиться съ нею, пошла къ разсерженному государю, но вмѣсто того, чтобы его успокоить, она имѣла неосторожность—довольно странную со стороны особы, воображавшей, что она его такъ хорошо изучила,—осыпать его упреками. Она указала ему на несправедливость его поведенія съ столь добродѣтельной женой и столь достойной императрицей, и стала даже утверждать, что знать и народъ обожаютъ императрицу,—что было невѣрно и опасно высказывать въ такой моментъ; далѣе она стала предостерегать государя, что на него самого смотрятъ какъ на тирана,

что онъ становится посмѣшищемъ въ глазахъ тѣхъ, кто не умираетъ отъ страха и, наконецъ, назвала его палачемъ. Удивленіе императора, который до тѣхъ поръ слушалъ ее хладнокровно, превратилось въ гнѣвъ: „Я знаю, что я создаю однихъ только неблагодарныхъ,—воскликнулъ онъ,—но я вооружусь желѣзнымъ скипетромъ и вы первая будете имъ поражены, уходите вонъ!“ Не успѣла еще г-жа Нелидова выйти изъ кабинета, какъ она получила приказаніе оставить Дворъ. Кажется, что ее даже офиціально отправили въ ссылку, въ замокъ Лоде въ Эстляндіи.

Князья Куракины, вице-канцлеръ и генералъ-прокуроръ, генералъ Нелидовъ, племянникъ бывшей фаворитки, и др. были уволены въ отставку, и, чтобы ничего недоставало къ униченію императрицы, Кутайсовъ, который изъ брадобреевъ сдѣлался егермейстеромъ, тотъ самый Кутайсовъ, который былъ главной причиной всѣхъ ея несчастій и котораго она не выносила, былъ, въ день ея рожденія, пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго!

Тѣмъ временемъ въ Петербургъ прибылъ изъ Раштадта графъ Кобенцль, которому императоръ, во время аудіенціи, сказалъ: „Если у васъ есть пакеты для императрицы, вы мнѣ ихъ передадите публично, въ тотъ моментъ, когда я буду садиться за столъ, ибо обстоятельства измѣнились. Императрица болѣе не участвуетъ въ дѣлахъ. Сообщеніе было очень странно, и посолъ очутился въ крайне неловкомъ положеніи. При своемъ отъѣздѣ, онъ, по приказанію императора, совѣщался только съ императрицей; онъ долженъ былъ ей кое-что сообщить и дать нѣкоторыя объясненія, что можно было сдѣлать только устно. Князь Безбородко задрапировался отвѣтственностью своего положенія, направляя только внѣшнюю политику, и предоставилъ дворецъ лакеямъ, которые стали теперь занимать тамъ первое мѣсто.

Тогда разсудили, что императрица будетъ поперемѣнно находиться то въ милости, то въ немилости и что, сообразно съ

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА (1758-1839).

этимъ, должности министровъ и сановниковъ будутъ переходить изъ рукъ въ руки. Послѣдствія подтвердили вѣрность этого мнѣнія. Въ то время мы имѣли случай наблюдать удивительный примѣръ силы хорошаго воспитанія: на слѣдующее утро, послѣ описанной выше сцены, императоръ возвращался во дворецъ съ маневра и встрѣтилъ, при входѣ, г-жу Нелидову и г-жу Б..., собирающихся отбыть въ ссылку. Его Величество надѣлъ опять перчатку и пробылъ съ шляпою въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока карета съ дамами не тронулась въ путь.

Событіе, малозначительное само по себѣ, но пріобрѣвшее случайно нѣкоторую пикантность, вызвало наканунѣ еще другую катастрофу. Дьяконъ, прислуживавшій во время обѣдни, провозглашая многолѣтіе императорскому дому и дойдя до великаго князя Константина, назвалъ его не великимъ княземъ а „всемилостивѣйшимъ и великимъ государемъ". Императоръ, разгнѣванный, приказалъ его немедленно прогнать. Правда, что этотъ бѣдный священнослужитель могъ бы найти болѣе удобный моментъ для такой крупной оплошности!

Но величайшимъ событіемъ этого года было дѣло Мальтійскаго Ордена. Я не буду много распространяться по этому поводу, такъ какъ это дѣло общеизвѣстно, и ограничусь только нѣкоторыми подробностями, которыя менѣе извѣстны, но объясняютъ его лучше чѣмъ все, что по этому поводу дошло до насъ. Я уже сказалъ, какъ г. де Литта, который при Екатеринѣ II не имѣлъ никакого успѣха въ своихъ проискахъ, воспользовался восшествіемъ на престолъ Павла и его антипатіею къ прежнему царствованію, служившею основаніемъ всѣхъ дѣйствій этого государя. Литта обѣщалъ императору прибытіе торжественнаго посольства, и хотя оно не состоялось, но за то Литта былъ снабженъ полномочіями, чтобы самому составить такое посольство и придать ему величайшую торжественность. Можно себѣ представить, какое удовольствіе доставило императору и г-ну де Литта все это устраивать по сво-

ему. Самъ Литта былъ возведенъ въ посланники и могъ подготовить для себя всякаго рода жатву. Его мнимая поѣздка на островъ Мальту для того, чтобы устроить все, что было заранѣе условлено, была непродолжительна, и потребное на то время было использовано для изготовленія пышныхъ каретъ и колясокъ, которымъ предстоялъ лишь небольшой путь въ нѣсколько верстъ и въ которыя некого было посадить. Наконецъ, Его Преосвященство скрылся въ окрестностяхъ столицы, и мнѣ пришлось его встрѣтить у воротъ Петергофа въ придворныхъ экипажахъ. Всѣ вельможи тоже выслали туда свои выѣзды. Въѣздъ былъ великолѣпенъ, но народъ во всемъ этомъ ничего не понималъ. Одинъ мясникъ, узнавъ въ лицо посланника, воскликнулъ: „Этотъ человѣкъ—обманщикъ. Онъ хочетъ увѣрить государя, что онъ только что пріѣхалъ, а онъ мнѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, задолжалъ шестьсотъ рублей". Посланникъ просилъ императора принять титулъ протектора Мальтійскаго Ордена. Павелъ, облекая себя тотчасъ-же властью, которую ему никто не передавалъ, пожаловалъ Мальтійскіе кресты всѣмъ тѣмъ, кого онъ награждалъ вновь созданными командорствами. Посланникъ, получивъ на свою долю самое прибыльное изъ нихъ, кромѣ того былъ награжденъ красною лентою черезъ плечо. Кто только хотѣлъ, былъ осыпаемъ бриллiантами; великолѣпное орденское одѣяніе было придумано спеціально для россійскаго отдѣла Ордена, въ отличіе отъ другихъ отдѣловъ, и казалось, что этимъ дѣло кончилось; но, въ дѣйствительности, это только было прелюдія къ болѣе необычайнымъ мѣрамъ, которыя я сейчасъ приведу, чтобы не терять нити этого страннаго дѣла.

Французы въ ихъ побѣдоносномъ шествіи, мимоходомъ, напали также на Мальту и великій магистръ Гомпешъ сдалъ имъ эту крѣпость, по безпечности или изъ трусости, ибо, когда одинъ изъ французскихъ генераловъ ее осмотрѣлъ, онъ сказалъ: „Очень счастливо, что мы нашли кого-то кто, намъ открылъ ворота этой крѣпости!" Какъ только это извѣстіе дошло до Петербурга, всѣ интересы Ордена оказались

сразу скомпрометированными. Дальше я выскажу то, что я думаю о поведенiи императора въ этомъ дѣлѣ. Что же касается г-на де-Литта, то если-бы онъ ограничился прямымъ путемъ, онъ могъ бы заслужить величайшую похвалу и, въ то-же время, соблюдать свои частные интересы. Милость, которою онъ пользовался, надѣляла его всѣмъ могуществомъ Россiи и онъ долженъ былъ ее употребить на то, чтобы созвать въ Германiи общую орденскую думу и обсудить на ней публично дѣйствiя великаго магистра. Не могло быть сомнѣнiя на счетъ выбора ему преемника, и г. де-Литта, во главѣ нашихъ войскъ, уже готовыхъ нестись повсюду, могъ отнять у побѣдителя столицу своего Ордена и вернуть христiанству свой главный оплотъ. Для осуществленiя этой столь простой и благородной мысли ему стоило только поѣхать въ Германiю. Но его желанiя были обращены болѣе въ сторону наживы, чѣмъ славы. Въ него влюбилась графиня Скавронская, статсъ-дама императрицы, располагавшая годовымъ доходомъ въ двѣсти тысячъ рублей; Литта вздумалъ на ней жениться, и пылкый характеръ императора, который ухватился за случай, чтобы проявить свой авторитетъ подъ новой формой, не далъ ему времени измѣнить свое намѣренiе и придумать что-нибудь лучшее, чѣмъ то, что обезчестило его и окончательно погубило Орденъ. Его братъ, нунцiй, который въ то время уже былъ великимъ прiоромъ россiйскаго отдѣла, съ девятью тысячами рублями жалованiя и всѣми почестями, подобающими ему, какъ посланнику папскаго престола, выхлопоталъ необходимое разрѣшенiе со стороны духовнаго начальства. Алчность и эгоизмъ подавили чувства приличiя. Командору было разрѣшено вступить въ бракъ, не теряя ничего изъ своихъ командорствъ и почестей. Императоръ, въ восторгѣ отъ возможности создать еще одно звено, связывающее его съ фаворитомъ, соблаговолилъ вспомнить, что г-жа Скавронская имѣла счастье быть въ родствѣ съ императорскимъ домомъ и сказалъ ей публично въ день помолвки: „Я вамъ очень благодаренъ, сударыня, что

вы взяли на себя расплату за то, что я лично и государство должны г-ну Литта“.

Въ скоромъ времени императоръ сталъ заниматься исключительно дѣлами Ордена. Собраніе россійскаго пріорства было превращено въ всеобщій россійскій капитулъ, съ доступомъ въ него всѣхъ тѣхъ, у кого былъ мальтійскій крестъ, т. е. всѣхъ кавалеровъ этого ордена въ мірѣ. Г. де-Литта, торжественно отказавшійся, въ силу своего брака, отъ своихъ орденскихъ правъ, сдѣлался предсѣдателемъ этого собранія и этотъ сбродъ людей, въ числѣ коихъ, кромѣ кавалеровъ де-ля-Гуссэ де-ля-Туреттъ, никто не приносилъ орденскаго обѣта, провозгласилъ 29 ноября императора Павла I великимъ магистромъ Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Для этого избранія даже не приступили къ голосованію. Высочайшая воля того, кто желалъ снизойти до сана, принятіе котораго его унижало, управляла устами присутствующихъ. Г. де-Литта, одновременно съ должностью помощника великаго магистра, получилъ годовой окладъ въ двѣнадцать тысячъ рублей. Но все это необыкновенное событіе было бы въ глазахъ императора несовершеннымъ, если-бы оно не дало повода къ большой церемоніи. Поэтому придумали церемонію возведенія въ санъ новаго схизматическаго великаго магистра, женатаго и самозваннаго. Она произошла въ Бѣломъ залѣ Зимняго Дворца, гдѣ всѣ кавалеры россійскихъ орденовъ были разставлены въ парадныхъ костюмахъ. Для этого случая были изготовлены: корона великаго магистра, орденское знамя, кинжалъ вѣры и большая печать Ордена. Все это было пронесено торжественнымъ шествіемъ. Императоръ сидѣлъ на тронѣ. Командоръ Литта публично покаялся въ своихъ грѣхахъ и великій магистръ принялъ это покаяніе со слезами умиленія. Фаворитка государя, г-жа Лопухина, и г-жа Литта были пожалованы большими орденскими знаками и дабы онѣ почитались самыми старшими кавалерственными дамами этого ордена, было постановлено до начала церемоніи лишить ордена всѣхъ другихъ дамъ въ Европѣ, которыя его имѣли, а затѣмъ снова возстано-

вить ихъ въ своихъ кавалерственныхъ правахъ. Кутайсовъ, бывшій камердинеръ, тоже удостоился получить орденъ, въ качествѣ шталмейстера великаго магистра. Бывшій великій магистръ Гомпешъ и всѣ его приверженцы безъ объясненій съ ихъ стороны были объявлены измѣнниками и негодяями. Обо всемъ этомъ не сочли даже нужнымъ предупредить ни герцога Ангулемскаго, который тогда находился въ Митавѣ, ни многихъ другихъ доблестныхъ кавалеровъ изъ отдѣловъ Франціи, Прованса и Оверни, находившихся тогда при арміи принца Конде, согласіе которыхъ придало бы этой процедурѣ нѣкоторый видъ законности. Отдѣлъ Баваріи, обратившійся съ просьбою дать ему нѣкоторыя разъясненія, подвергся оскорбленію, и посланникъ курфюрста по этому поводу былъ даже высланъ изъ Петербурга. Вообше никогда еще умоизступленіе не достигало такихъ размѣровъ и не проявляло столько незаконныхъ и комическихъ сторонъ. Императоръ, видимо опустившись, попиралъ законы, приличіе и благоразуміе.

Вскорѣ мысль отвоевать столицу Мальтійскаго Ордена заставила позабыть мудрую и мирную политическую систему князя Безбородко, ученика Екатерины II. Стали вооружаться. Не сомнѣваясь никогда и ни въ чемъ въ вопросахъ, касающихся своей власти, императоръ назначилъ коменданта и гарнизонъ въ крѣпость, которая еще находилось въ рукахъ грознаго непріятеля, уже извѣстнаго тѣмъ, что онъ никогда не соглашался возвратить то, что было имъ завоевано. Наконецъ, вѣнскому двору дали возможность впутать насъ, со всѣми нашими силами, во всеобщую войну.

Столица была наводнена настоящимъ дождемъ Мальтійскихъ крестовъ. Мои братья, мой двоюродный братъ и я, будучи единственными русскими, имѣвшими законное право на этотъ крестъ, какъ потомки, по женской линіи, Альфонса дю-Пюй, брата Раймонда, перваго великаго магистра,—удостоились спеціальной церемоніи, въ которой насъ признали кавалерами по рожденію Ордена Св. Іоанна. Была образована

особая гвардія великаго магистра, команда надъ которой была поручена г-ну де Литта. Въ моментъ его назначенія, когда онъ выходилъ изъ кабинета государя, а я находился въ числѣ лицъ, находившихся по близости дверей кабинета, онъ мнѣ объяснилъ, что его новая должность обязываетъ его никогда не разставаться съ государемъ, и, желая, какъ всегда, немного похвастаться, онъ прибавилъ: „Я былъ генераломъ на морѣ, а теперь мнѣ приходится быть генераломъ на сушѣ“.—„Берегитесь, милостивый государь,—отвѣтилъ я ему быстро,—какъ бы вамъ въ одинъ прекрасный день не пришлось быть генераломъ на воздухѣ!“ Мои слова оказались для него пророческими. Ненависть и ревность, возбуждаемыя имъ, увеличивались съ почестями, которыми его осыпали.

Въ продолжительныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ между нимъ и государемъ по дѣламъ Ордена, попадались также другія дѣла, не имѣвшія съ нимъ ничего общаго. Посланники пользовались этимъ новымъ путемъ и министры каждый день все больше убѣждались въ умаленіи своего вліянія. Гибель г-на де-Литта была между ними рѣшена и онъ выказывалъ слишкомъ много слабыхъ сторонъ, чтобы долго противостоять ихъ усиліямъ. Я не знаю въ точности, какими они воспользовались средствами, но они дѣйствовали быстро. Сначала онъ былъ вычеркнутъ изъ списка приглашаемыхъ къ высочайшему столу, а затѣмъ исключенъ изъ списковъ на придворные балы. Его жена жаловалась, что шпіоны слѣдили за ними у всѣхъ дверей. Наконецъ, послѣ того, какъ всѣ придирки относительно ихъ были исчерпаны, они были высланы въ тотъ самый моментъ, когда казалось, что главная гроза уже миновала. Нунцій, неополитанскій посланникъ, наконецъ всѣ принадлежавшіе къ такъ называемой итальянской партіи, попали въ немилость, и такъ какъ религіозное всегда любятъ смѣшивать съ мірскимъ, католическимъ церквамъ былъ данъ приказъ не признавать болѣе главенства Рима.

По мѣрѣ того, какъ я подвигаюсь впередъ въ исторіи это-

го царствованія, мнѣ приходится, по поводу каждаго событія, справляться въ моемъ дневникѣ—до того у меня каждый разъ является чувство, что я все это вижу во снѣ и что я сочиняю, а между тѣмъ дневникъ могъ бы засвидѣтельствовать, что я даже не все то пишу, что онъ мнѣ напоминаетъ. Мальтійская исторія заставила меня, впрочемъ, немного забѣжать впередъ въ исторіи Россіи.

Скажемъ, между прочимъ, еще, что во всей этой исторіи могла заключаться великая и красивая мысль, а именно: чтобы государь сталъ во главѣ всего дворянства Европы,—въ эпоху, когда самыя старинныя и самыя полезныя учрежденія обрушивались. Но если у Павла I и была когда-либо эта мысль, то достаточно присмотрѣться къ средствамъ и лицамъ, которыми онъ пользовался, чтобы отнять у нея все, что въ ней могло быть благороднаго и почетнаго.

Со времени коронованія, императоръ сталъ обращать вниманіе на старшую изъ дочерей московскаго сенатора Лопухина. Благодаря разнымъ обстоятельствамъ, ему пришлось съ ней встрѣтиться вторично. Онъ полагалъ, что для того, чтобы походить на Франциска I, Генриха IV или Людовика XIV, надо было имѣть офиціальную фаворитку, или, точнѣе выражая его мнѣніе на этотъ счетъ, имѣть „даму своихъ мыслей", и Анна Лопухина, хотя она не была ни хороша собой, ни особенно любезна, соединяла, въ его глазахъ, все, что можно было требовать для столь блестящаго положенія. Въ статьѣ, посвященной ей ниже, читатель найдетъ странныя подробности этого романа [1]). Здѣсь я только скажу, что тѣ лица, въ

[1]) Эта статья, вѣроятно, одна изъ наиболѣе интересныхъ въ числѣ воспоминаній графа Федора не нашлась въ его бумагахъ. Возможно, что тѣ, которые рылись въ его ящикѣ, заключавшемъ въ себѣ бумаги стараго дипломата, имѣли какой-нибудь интересъ въ уничтоженіи этой статьи.

Эпизодъ съ Лопухиной принадлежитъ къ наиболѣе пикантнымъ въ царствованіе Павла I, даже если сношенія государя съ „дамой его мыслей" были лишь платоническія, какъ доказываетъ намъ русскій

интересахъ которыхъ было развратить своего государя, для того, чтобы удалить его отъ дѣлъ, или—чтобы вызвать въ свою пользу такіе случаи, когда любовь становится казначеемъ, или же наконецъ,—чтобы обезпечить безнаказанность ихъ собственному распутству, не переставали интриговать до тѣхъ поръ, пока имъ, наконецъ, не удался ихъ позорный проектъ,

---

историкъ, генералъ Шильдеръ. Императоръ впервые встрѣтилъ г-жу Лопухину на балу, въ маѣ мѣсяцѣ 1798 г., въ Москвѣ. Приближенные государя не преминули обратить его вниманіе на эту красавицу. „Она, Ваше Величество, изъ-за васъ голову потеряла"—сказалъ одинъ изъ царедворцевъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя—1-го августа 1798 г.—отецъ Анны Петровны имѣлъ счастье обѣдать за императорскимъ столомъ. Восемь дней спустя, онъ былъ назначенъ генераломъ-прокуроромъ. 20-го августа онъ удостоился получить отъ Его Величества великолѣпный подарокъ: прелестный домъ покойнаго ад [illegible] де-Рибаса на набережной рѣки Невы. 23 августа онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. 6-го сентября онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ тотъ же день его супруга, г-жа Лопухина, назначается статсъ-дамой. „Это увлеченіе временъ рыцарства—пишетъ, 2 ноября 1798 г., графъ Ростопчинъ графу Воронцову—и никогда императоръ ее не видитъ иначе, какъ публично или въ присутствіи ея отца или ея мачихи". (*Архивъ кн. Воронцова.* т. VIII, стр. 275). Прошло не болѣе пяти мѣсяцевъ, какъ Лопухинъ былъ возведенъ въ свѣтлѣйшіе князья—въ награду за его „важность и усердіе". Кромѣ того, вновь испеченный князь получилъ въ придачу: 1) великолѣпное помѣстье съ 8000 душъ; 2) портретъ Его Величества; 3) большой крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; 4) Андреевскую звѣзду, осыпанную брилліантами. Несмотря на все это, добродѣтель Анны Петровны оставалась непоколебимой, по крайней мѣрѣ, если вѣрить русскимъ историкамъ. Она отказывалась отъ всѣхъ предложеній императора и заявила ему, наконецъ, что ея сердце принадлежитъ князю Гагарину. Павелъ довершилъ свое великодушіе тѣмъ, что не воспротивился этому браку. Свадьба молодой пары была отпразднована въ присутствіи Двора, и княгиня Гагарина стала, если и не фавориткой, то во всякомъ случаѣ другомъ государя, который, продолжалъ ее осыпать своими милостями. Маленькія ссоры, правда не отсутствовали въ этой идилліи, но въ общемъ они отлично ладили между собою.

Екатерина Ивановна Нелидова.

Писалъ *Левицкій*. 1773.

которому молчаніе старыхъ слугъ и многочисленные промахи въ поведеніи императрицы обезпечили полный успѣхъ.

Все при Дворѣ измѣнило свой обликъ. Семья императора превратилась лишь въ декорацію театра, предназначеннаго для торжества фаворитки. Министры стали обращать на нее свои взоры, блуждавшіе до тѣхъ поръ, какъ и мысли государя. Общеизвѣстный умъ отца предмета царскихъ чувствъ озабочивалъ ихъ и этотъ весьма прозорливый умъ, поддерживаемый нѣкоторыми административными способностями дѣйствительно могъ тревожить ихъ честолюбіе. На сценѣ появились вдругъ новыя лица, между прочимъ князь Гавріилъ Гагаринъ, старый другъ Лопухина, бывшій раньше возлюбленнымъ г-жи Лопухиной и, можетъ быть, отцомъ ея дочери; своимъ умомъ, котораго у него было больше, чѣмъ у другихъ, и своею глубокою безнравственностью онъ много способствовалъ укрѣпленію новой партіи. Все измѣнилось при Дворѣ и царедворцы оказались бы совершенно сбитыми съ толку, если бы они, съ удивительною ловкостью, не нашли замѣну недостающей имъ въ первый моментъ проницательности. Они привыкли къ фаворитамъ и, чтобы имѣть у нихъ успѣхъ, имъ приходилось только изощряться въ низости, но „фаворитка“ для нихъ была совсѣмъ новымъ божествомъ. Къ его культу слѣдовало примѣшивать немного обходительности и волокитства и они сразу въ этомъ успѣли. Я, кажется, былъ единственный изъ придворныхъ, котораго не видѣли у г-жи Лопухиной. Но лучше всѣхъ другихъ сумѣлъ при новомъ порядкѣ вещей устроить свою судьбу бывшій брадобрей Кутайсовъ, въ то время уже егермейстеръ и кавалеръ ордена Св. Анны I степени, наперсникъ любовныхъ чувствъ своего господина. Онъ стремился сдѣлаться министромъ, несмотря на свое грубое невѣжество и, если министры ему и не предлагали своихъ портфелей, они все-же ежедневно приходили къ нему за совѣтомъ.

1799-ый годъ.

Въ началѣ этого года вся имперія находилась въ распоряженіи трехъ женщинъ. Онѣ еле знали другъ друга, но раздѣляли между собою высшую власть, не имѣя возможности заранѣе вступить въ соглашеніе.

Первая изъ нихъ была г-жа Герберъ, сначала гувернантка, а впослѣдствіи компаньонка Лопухиной, довольно красивая и еще молодая женщина, вышедшая замужъ за гувернера, брата фаворитки, и допускаемая въ качествѣ третьяго лица къ присутствованію при ежедневныхъ посѣщеніяхъ государя. Она сразу поняла выгоду, которую можно было извлечь изъ этого обстоятельства. Когда княгиня Долгорукова [1]) обратилась къ ея содѣйствію, чтобы добиться помилованія князя Барятинскаго [2]), ея отца, который былъ сосланъ, предложивъ ей за эту услугу брилліантъ, она удачно провела это дѣло. Но вскорѣ г-жа Герберъ, вмѣстѣ съ мужемъ, была послана въ Казань, гдѣ послѣдній получилъ хорошее мѣсто при университетѣ [3]). Вторая вліятельная дама была г-жа Шевалье, первая актриса комической оперы и офиціальная любовница Кутайсова. Безусловное вліяніе, которое она имѣла на своего любовника, прибавленное къ вліянію, которымъ послѣдній пользовался у государя, давало ей непосредственное и существенное участіе въ власти [4]). Эта, впрочемъ, добродушная жен-

---

[1]) Екатерина Федоровна Барятинская (1769—1849) замужемъ за княземъ Василіемъ Васильевичемъ Долгоруковымъ.

[2]) Федоръ Сергѣевичъ Барятинскій, оберъ-гофмаршалъ, участникъ государственнаго переворота Екатерины II.

[3]) Графъ Федоръ ошибается. Въ 1799 г. въ Россіи существовалъ лишь одинъ университетъ—Московскій.

[4]) См. *Abbé Georges*, *Mémoires*, т. VI, стр. 126.

щина не злоупотребляла бы своимъ положеніемъ, но ея мужъ, балаганный танцовщикъ и неистовый якобинецъ, которому разрѣшили надѣть на себя костюмъ Мальтійскаго Ордена, соединялъ съ обычнымъ для такихъ людей нахальствомъ жадность, рѣдкую даже въ ихъ кругахъ. Графъ Шереметевъ далъ ему 20,000 рублей отступного, чтобы онъ не вмѣшивался въ дирекцію театровъ.

Третья женщина съ вліяніемъ была молодая Гаскоань, дочь престарѣлаго англичанина, доктора Гютри, и жена шотландца, директора Олонецкаго желѣзодѣлательнаго завода, о которомъ разсказывали, что онъ бѣжалъ изъ своего отечества и увезъ оттуда секретъ своего ремесла; въ тоже время она была любовницей князя Лопухина, отца фаворитки. Отецъ ея, шарлатанъ, всегда начинавшій свои рѣчи словами: „Мы ученые и т. д.“, открылъ новый и довольно остроумный способъ надуванія публики. Онъ въ разныхъ учрежденіяхъ, относившихся къ нему съ большимъ вниманіемъ, собиралъ свѣдѣнія о бумагахъ, которыя уже были исполнены и подписаны и, замедляя немного ихъ отправленіе по назначенію, отправлялся къ заинтересованнымъ въ нихъ лицамъ, предлагая, за соотвѣтственное вознагражденіе, повліять на ихъ исполненіе въ теченіе сутокъ. При полной увѣренности въ успѣхѣ, этотъ методъ обогащенія долго поддерживалъ его и создалъ ему извѣстную репутацію. По паденіи ихъ патрона, всѣ эти мелкіе людишки погрузились опять въ свое ничтожество. Г-жа Гаскоань впрочемъ была хороша собою и любезна, такъ что она впослѣдствіи, путешествуя по разнымъ странамъ, обращала на себя вниманіе.

Но столько любви, примѣшанной къ дѣламъ, не смягчало расположенія духа того, кто придавалъ всему свой авторитетъ. Администрація и политика сильно испытывали это на себѣ, ибо какой-нибудь капризъ или любовная досада отзывались до противоположнаго конца Европы и потрясали всю эту огромную имперію.

Мальтійское дѣло приняло трагическій оборотъ для тѣхъ, кто больше всего отъ него ожидали. Я уже сказалъ, съ какой высоты были низвержены г. де-Литта и его соучастники. Баварское посольство, во главѣ котораго блисталъ командоръ фонъ-Флаксланденъ, сначала было осыпано милостями, а затѣмъ впало въ немилость и было выслано. Командоръ, съ присущими ему благородствомъ и достоинствомъ, старался примирить принятыя въ дѣлахъ Ордена формы съ горячностью и деспотическими наклонностями, которыя въ нихъ вкладывалъ императоръ. Только этого и недоставало, чтобы подвергнуть его кровнымъ оскорбленіямъ и непріятностямъ. Депутаціи отъ великихъ пріорствъ Германіи и Богеміи оказались болѣе счастливыми. Принятыя съ восторгомъ, потому что онѣ давали новые поводы къ проявленію тщеславія и къ церемоніямъ, онѣ послѣ разныхъ непріятностей, были уволены съ полнымъ равнодушіемъ. Вся суть этого дѣла уже была вполнѣ исчерпана. Фельдмаршалъ Салтыковъ получилъ большую прибавку къ своему жалованью, въ качествѣ помощника великаго магистра. Графъ Ростопчинъ, непримиримый врагъ иностранцевъ, поставилъ на мѣсто вице-канцлера Ордена кавалера де-ла-Гуссе, вполнѣ достойнаго его дружбы по сходству ихъ завистливыхъ характеровъ. Кромѣ него получили еще мѣста графъ де-Мэзонневъ и нѣкоторые другіе мелкіе герои гостинныхъ. Придворные сановники, которымъ никогда не хватаетъ орденскихъ лентъ, получили въ добавокъ къ прежнимъ, мальтійскія ленты и чувствовали себя отнынѣ настоящими джентельменами, которымъ ничего больше недоставало. Что-же касается самой Мальты, то сей виноградъ пока еще былъ зеленъ.

Жажда орденовъ была все еще такъ велика, что гросмейстеръ не преминулъ предложить французскому „Двору“ (находившемуся тогда въ Митавѣ) обмѣняться орденскими знаками. Его Величество велѣлъ выслать транспортъ орденовъ въ Митаву, откуда г. де-Коссе вернулся съ такимъ же количествомъ орденовъ св. Лазаря. А такъ какъ императоръ любилъ вмѣши-

ваться во все, онъ велѣлъ отнять у командора фонъ Флаксландена этотъ орденъ, который французскій король послалъ ему какъ брату человѣка, долго и вѣрно прослужившаго королю, его брату.

Положеніе дипломатическаго корпуса съ каждымъ днемъ становилось все болѣе неловкимъ. Ему не только приходилось ежедневно видѣть и слышать необыкновенныя вещи, относительно которыхъ у дипломатовъ не было ни надлежащихъ инструкцій, ни традиціонныхъ обычаевъ, но въ концѣ концовъ стало неизвѣстнымъ, къ кому слѣдовало обращаться въ случаяхъ, требующихъ разъясненій или устраненія злоупотребленій. Государственный канцлеръ, князь Безбородко, скончался 6-го апрѣля, и департаментъ иностранныхъ дѣлъ былъ реорганизованъ на совершенно новыхъ началахъ. Графъ Ростопчинъ, весьма неглупый выскочка, но человѣкъ мало свѣдущій и съ дурнымъ характеромъ, при томъ чрезвычайно смѣлый, предсѣдательствовалъ въ этомъ учрежденіи въ качествѣ перваго министра иностранныхъ дѣлъ [1]; при немъ, въ званіи вице-канцлера, состоялъ графъ Панинъ, [2]) еще молодой человѣкъ, высоко образованный, но совершенно неопытный въ дѣлахъ человѣческаго сердца, большого свѣта и Двора, такъ что его умъ являлся для него безполезнымъ и даже опаснымъ. И вотъ, благодаря лѣности монарха и министра, ненавидѣвшаго, съ одной стороны, иностранцевъ и боявшагося, съ другой стороны, выказать имъ свою неспособность, пришлось регулировать ходъ дѣлъ слѣдующимъ образомъ: Императоръ работалъ только съ самимъ министромъ, а дипломатическій корпусъ долженъ былъ сноситься только съ вице-канцлеромъ, который, однако, не имѣлъ права доклада государю и могъ

---

[1]) Настоящій титулъ его былъ: „первоприсутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ".

[2]) Никита Петровичъ Панинъ (1771—1837)—сначала былъ посломъ въ Берлинѣ, а затѣмъ вице-предсѣдателемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и вице-канцлеромъ.

сообщаться съ Его Величествомъ только чрезъ посредство своего начальника, министра, который, такимъ образомъ, оставался безусловнымъ руководителемъ переговоровъ и могъ передавать слова государя, какъ ему благоугодно, а также докладывать Его Величеству только то, что ему нравилось. Можно себѣ представить, какъ это путало и затягивало дѣла въ такое время, когда событія слѣдовали одно за другимъ съ головокружительною быстротою, и какой отъ этого въ министерствѣ господствовалъ недостатокъ отвѣтственности. Посланники могли бы еще найти исходъ изъ этого положенія въ общественныхъ сношеніяхъ, но ни одинъ, ни другой министръ не принимали у себя. Лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ удавалось испросить аудіенцію у Ростопчина, а Панина можно было видѣть только въ пріемные часы, и ни одинъ изъ нихъ не посѣщалъ общества. Отъ этого происходила роковая медленность и невыносимый произволъ въ производствѣ дѣлъ, сцены между обоими министрами, потомъ увольненіе графа Панина и, наконецъ, паденіе Ростопчина, благодаря смѣлости, съ которою, въ слѣдующемъ году, неаполитанскій посланникъ, устранивъ всѣ препятствія, проникъ къ самому государю и открылъ ему глаза на поведеніе его фаворита [1]).

. . . .

На этомъ мѣстѣ рукопись графа Федора внезапно прерывается. Нарочно-ли это сдѣлано, или-же продолженіе ея было уничтожено, когда ящикъ, заключавшій въ себѣ бумаги графа Федора Головкина, былъ открытъ и обысканъ въ Бернѣ какими-то оставшимися неизвѣстными лицами... это вопросъ.

(*Примѣчаніе теперешняго владѣльца бумагъ графа Федора*).

---

[1]) Причины немилости Ростопчина были совсѣмъ иныя. (См. *Шильдеръ. Императоръ Павелъ I*, стр. 480 и сл.).

Отрывки относящіяся къ царствованію Павла I и сообщенные графомъ Федоромъ г-ну Шатлену.

Въ біографическомъ очеркѣ, весьма впрочемъ поверхностномъ, о графѣ Федорѣ, составленномъ Николаемъ Шотленомъ и напечатанномъ въ 1861 г. въ „Revue Suisse“ Вильямомъ Реймондомъ, находится нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній Головкина о царствованіи Павла I. Эти разсказы, сообщеные имъ его пріятелю Шотлену, относятся, повидимому, къ послѣднимъ днямъ его пребыванія при Дворѣ Павла, передъ ссылкой. Возможно, что страницы, недостающія въ его рукописи, содержали именно эти отрывки.

I.

Однажды, когда у графа *** былъ большой пріемъ, на которомъ я тоже присутствовалъ,—разсказывалъ мнѣ графъ Головкинъ,—вдругъ раскрылись двери и было объявлено о пріѣздѣ императора. Мнѣ невозможно было увернуться и, что-бы ни случилось, я рѣшилъ остаться. Императоръ меня скоро замѣтилъ и устремился на меня съ наиболѣе сосредоточеннымъ выраженіемъ гнѣва, который когда-либо изображался на его лицѣ, и сказалъ мнѣ, какъ всегда, съ увертками и изворотами:

— Не правда-ли, графъ, что очень пикантно и непріятно, когда вмѣсто ожидаемаго удовольствія, получается отказъ, который вы не простили бы человѣку, наносящему вамъ оскорбленіе вмѣсто милости, о которой вы его просили бы?

Не уразумѣвъ вполнѣ, куда онъ мѣтитъ и не понимая вообще ничего въ этомъ длинномъ вступленіи, казавшемся мнѣ

темнымъ и не находящимъ также объясненія въ моемъ положеніи въ данный моментъ, я отвѣтилъ:

— Конечно, это такъ, какъ Ваше Величество изволите сказать, но я не совсѣмъ понимаю...

— Я хочу этимъ сказать, графъ,—продолжалъ онъ тономъ, нѣсколько менѣе слащаво-гнѣвнымъ,—что если бы я васъ попросилъ сдѣлать мнѣ удовольствіе и поужинать со мною, вы навѣрно бы мнѣ въ этомъ отказали. Я долженъ уберечься отъ такой просьбы, а впрочемъ я знаю, что есть лица болѣе счастливыя, чѣмъ я, которыя обыкновенно имѣютъ счастье пользоваться вашимъ присутствіемъ, и было бы несправедливо лишать ихъ дольше вашего общества.

При этихъ словахъ онъ слегка наклонилъ голову въ мою сторону, на что я отвѣтилъ глубокимъ поклономъ. Въ то же время окружающіе насъ разступились, чтобы дать мнѣ дорогу, и я этимъ воспользовался, Богъ знаетъ съ какимъ усердіемъ и со всею скоростью, дозволяемою придворнымъ этикетомъ. Я отступилъ спиною къ дверямъ, отвѣшивая установленные три поклона. О, какимъ чистымъ и пріятнымъ показался мнѣ воздухъ, который я жадно вдыхалъ въ коридорахъ и на лѣстницѣ! Я имъ наслаждался вдоволь!

II.

Будучи со времени революціи непримиримымъ врагомъ Франціи, графъ Федоръ не могъ допустить мысли, чтобы Павелъ сдѣлался сподвижникомъ Бонапарта, и чтобы самодержецъ всея Россіи велъ переговоры съ авантюристомъ славы—какъ съ равнымъ себѣ. Онъ это осуждалъ тѣмъ болѣе, что Павелъ началъ съ такого враждебнаго отношенія къ революціи, какого требовало достоинство его короны. Этотъ взглядъ графа Федора дошелъ до свѣдѣнія императора, который былъ этимъ въ высшей степени возмущенъ и сказалъ, что если онъ его встрѣтитъ, то велитъ выбросить въ окно. Объ этомъ, въ свою очередь, сообщили графу.

Послѣ описанія сцены, которую онъ имѣлъ съ Павломъ I, графъ Федоръ продолжаетъ слѣдующими словами: „Вы не можете себѣ представить, что это значитъ: чувствовать на вашемъ лицѣ дыханіе человѣка, который обѣщался велѣть васъ выбросить въ окно. Павелъ былъ человѣкомъ, помнящимъ свое обѣщаніе, а между его царедворцами было достаточно людей, которые такъ меня любили, что охотно привели бы въ исполненіе волю государя. Когда я вышелъ изъ дворца, я чувствовалъ себя какъ синица, вырвавшаяся изъ когтей коршуна.

Портреты и воспоминанія.

I.

Фридрихъ Великій и Россійскій Дворъ.

Король никогда не упускалъ случая, чтобы подтрунить надъ Россійскимъ Дворомъ. Онъ это дѣлалъ съ такимъ остервененіемъ, какъ-будто онъ назначилъ себѣ задачу воспитать главаря бунтовщиковъ. Я помню, какъ онъ мнѣ, однажды вечеромъ [1]),—это было во время смотровъ 1780 г.—насмѣшливо сказалъ: „Вы должны обратить вниманіе на одну вещь, по поводу которой ваша тетя вѣроятно забыла васъ предупредить: ваши императрицы всегда отличаются развитымъ бюстомъ; это — какъ бы принадлежность ихъ царствованія, какъ скипетръ, корона и держава. И вотъ, вамъ нужно знать, что одинаково опасно заглядывать туда, когда онѣ это не велятъ, и не заглядывать, когда онѣ желаютъ вамъ его показать. Помните это всегда и вездѣ и держитесь всегда хорошо".

Король не любилъ Россію и зналъ, что мнѣ предстоитъ служить Екатеринѣ II, которую онъ тоже не долюбливалъ. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на созданіе своихъ рукъ, что было до нѣкоторой степени вѣрно, и, вмѣстѣ ст тѣмъ, считалъ ее страшно неблагодарной, это, по меньшей мѣрѣ, должно казаться комичнымъ, если принять во вниманіе макіавелизмъ его собственной политики. Екатерина, съ своей стороны, не забыла, что Фридрихъ, выдавъ ее замужъ за наслѣдника

[1]) Графъ Федоръ встрѣчался съ королемъ у его сестры, принцессы Амаліи, удостоивавшей своею дружбою графиню Камеке, урожденную Головкину.

всероссійскаго престола, совѣтовалъ послѣднему, когда онъ сдѣлался государемъ, подвергнуть ее заключенію. Въ результатѣ всего того, что оба говорили мнѣ по этому поводу,—я могу похвастаться, что не смотря на свою молодость, я удобыть посвященнымъ въ ихъ обоюдные сарказмы,—можно было подумать, что они одинаково боялись и уважали другъ друга. Отъ этихъ взаимныхъ откровенностей у меня остался въ памяти анекдотъ, показавшійся мнѣ особенно любопытнымъ, потому что обѣ стороны мнѣ его разсказали: императрица Елисавета имѣла привычку каждый день кушать паштетъ изъ Перигэ [1]) и король Фридрихъ, въ продолженіе всей семилѣтней войны, приказалъ пропускать курьеровъ, провозившихъ эти паштеты, при чемъ ни русскій Дворъ никогда не злоупотреблялъ этой любезностью, ни Берлинскій Дворъ не выказывалъ недовѣрія.

---

1) Перигэ—главный городъ департамента Дордонь въ юго-западной Франціи. Приготовляемые тамъ паштеты напоминали Страсбургскіе пироги и пользовались вь XVII столѣтіи большою извѣстностью. (Прим. перев.).

204.

II.

Княгиня Дашкова и Дворъ Фридриха 11.

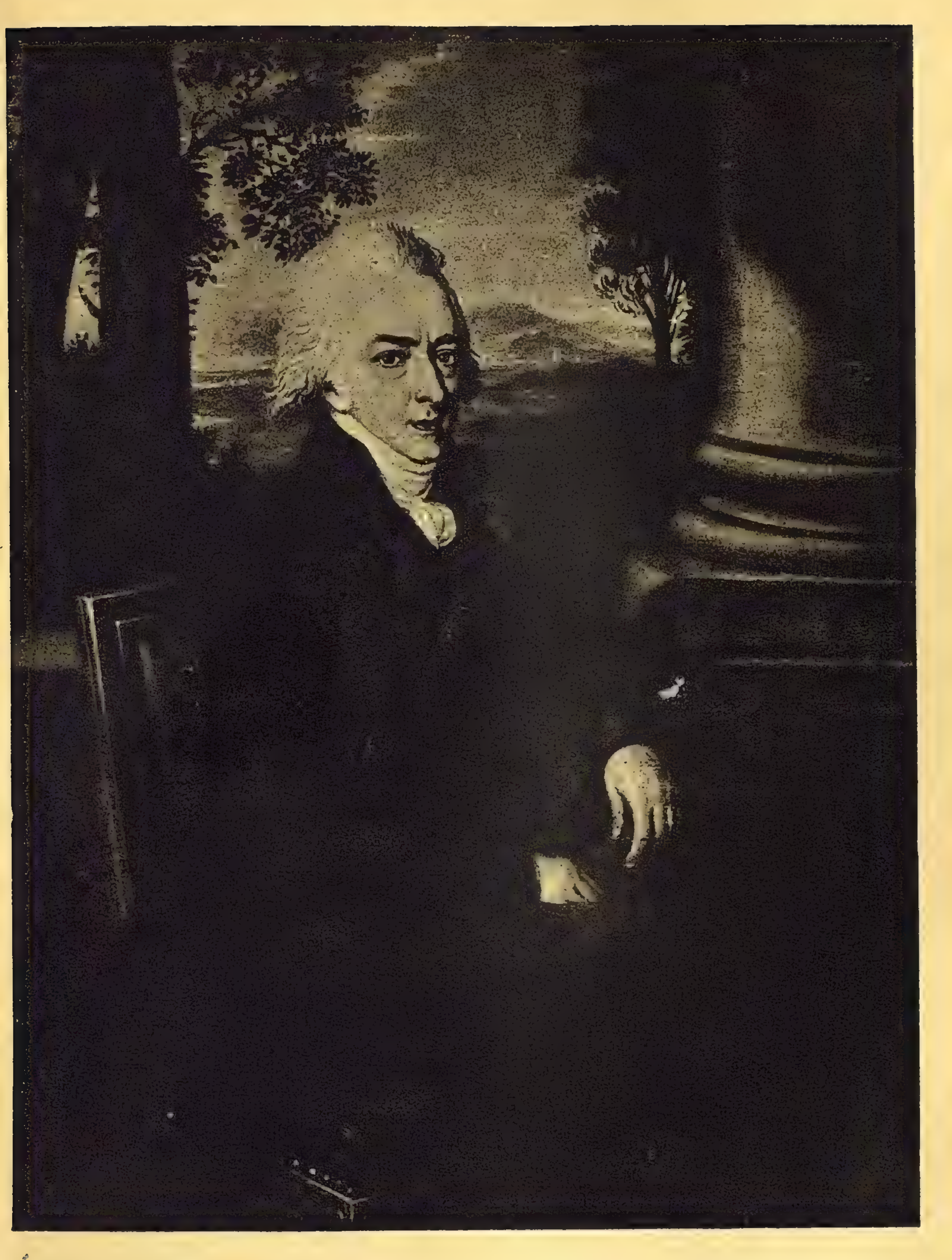
Въ 1769 г. княгиня Дашкова, воображавшая, что она посадила Екатерину II на тронъ, удалилась недовольная въ Англію, а герцогиня Кингстонъ, которая вызвала тамъ такой громкій скандалъ, переѣхала на жительство въ Россію [1]). Король, чувствовавшій большое расположеніе къ сэру Митчель, англійскому посланнику при его Дворѣ, пригласилъ его въ Потсдамъ и съ великолѣпно разыграннымъ гнѣвомъ крикнулъ ему навстрѣчу: „Вы обѣщались быть со мною откровеннымъ и чистосердечнымъ и увѣряли меня, что торговый договоръ между Англіей и Россіей не будетъ возобновленъ, а у меня есть доказательство противоположнаго“. Посланникъ сталъ божиться,что онъ ничего объ этомъ не знаетъ; король настаивалъ, и когда Митчель просилъ дать ему по этому поводу болѣе подробныя свѣдѣнія, сказалъ: „Да, милостивый государь, торговый договоръ, и къ нему даже прибавили новую отрасль торговли“!—„А какую, Ваше Величество?“—спросилъ посланникъ.—„Торговлю сумасшедшими бабами. Я это знаю навѣрно,

---

[1]) Герцогиня Кингстонъ (1720—1788), по первому браку графиня Бристоль, прославилась въ свое время скандальнымъ бракоразводнымъ процессомъ и впослѣдствіи была осуждена за двумужество. (Прим. перев.).

такъ какъ образцы только что проѣхали черезъ Берлинъ"!

Оба громко разсмѣялись; ихъ примѣру, на другой день, послѣдовала публика, а черезъ двѣ недѣли вся Европа. Эти дамы пожелали видѣть короля и проявили въ этомъ большое упорство, король же насмѣялся надъ ними и пожелалъ, чтобы это стало общеизвѣстнымъ.

Графъ АЛЕКСѢЙ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ.
1748-1822.
Писалъ Гуттенбрукнъ 1801.

III.

Алексѣй Орловъ [1]).

Онъ, хотя и отличался важной осанкой, но не обладалъ манерами вельможи. Его высокій ростъ и широкіе плечи, а также грудь, покрытая орденами, выдѣляли его фигуру среди другихъ, а его лицо было бы красиво, если бы на немъ не запечатлѣлись знаки отчаянія отъ предсмертнаго сопротивленія Петра III. Алексѣй Орловъ, какъ и братъ его, князь Григорій, не говорили по-французки, но оба любили бесѣдовать по-нѣмецки, а Алексѣй хвастался также знаніемъ нѣсколькихъ итальянскихъ словъ, подхваченныхъ имъ въ Ливорно. Пріѣзды графа Алексѣя въ Царское Село менѣе бросались въ глаза публикѣ, чѣмъ появленіе его брата, но я очень любилъ, когда онъ пріѣзжалъ—изъ любопытства и по причинѣ моей наблюдательности. Онъ являлся только по приглашенію и, какъ жданный гость, окруженный всевозможнымъ почетомъ. Онъ никого изъ насъ лично не зналъ и сквозь придворный лоскъ, не допускающій никакихъ рѣзкостей, все же проявлялъ къ намъ нѣкоторую заносчивость, какъ-будто онъ хотѣлъ намъ сказать: „Я не знаю, кто вы такіе". Такъ какъ я говорю по-нѣмецки, онъ со мною бесѣдовалъ чаще, чѣмъ съ другими, не желая, вѣроятно, подавать вида, что онъ въ кругу, гдѣ говорили исключительно по-французски, знаетъ только по-русски; а такъ какъ я, будучи въ милости у императрицы, не зналъ русскаго языка, онъ этимъ хотѣлъ оказать мнѣ нѣкоторое вниманіе. Противоположность между его пожилой и высокой фигурой и маленькой худенькой внѣшностью князя Зубова, бывшаго тогда фаворитомъ и имѣвшаго всего двадцать пять лѣтъ отъ роду, была поразительна.

---

[1]) 1737—1808.

IV.

Роджерсонъ.

Первымъ лейбъ-медикомъ при Екатеринѣ II, которая впрочемъ рѣдко къ нему обращалась за совѣтомъ, былъ высокій и очень худой шотландецъ съ маленькимъ багровымъ лицомъ и крошечнымъ мѣшетчатымъ парикомъ, по имени сэръ Самуэль Роджерсонъ. У него были неловкія манеры, но его поведеніе отличалось утонченностью. Его должность, требующая познаній, и высокая игра въ карты открыли ему всѣ ходы. Имъ пользовались даже для секретныхъ переговоровъ съ Вѣной и съ другими дворами, и политика вообще, послѣ игры, была его преобладающей страстью [1]). Онъ имѣлъ привычку по воскресеньямъ, во время обѣдни во дворцѣ, становиться у дверей, гдѣ дипломатическій корпусъ ожидалъ выхода императрицы, чтобы поцѣловать у нея руку; это было довольно смѣшно и не особенно нравилось посланникамъ. Однажды г. де Свартъ, состоявшій уже въ теченіе пятидесяти лѣтъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Голландіи, маленькій, толстый, красный, грубоватый и злобный старичекъ, воспользовавшись минутнымъ молчаніемъ, сказалъ громко: „Я замѣтилъ, что существуетъ два класса людей, которые знаютъ толкъ въ политикѣ—портные и доктора“. Можно себѣ представить, какой это вызвало хохотъ... Сэръ Самуэль послѣ этого долго не принималъ у себя посланниковъ.

---

[1]) Однажды онъ находился въ многочисленномъ обществѣ въ великолѣпномъ Лѣтнемъ дворцѣ, сооруженномъ графомъ Безбородко на берегахъ Невы. Сѣли за вистъ и партнеромъ Роджерсона былъ самъ графъ. Этому веселому хохлу пришла въ голову оригинальная мысль: каждый разъ, когда у доктора былъ ренонсъ, онъ велѣлъ стрѣлять изъ пушки. Шотландецъ очень удивился, а потомъ разсердился и, будучи очень раздражителенъ, чуть не подрался съ своимъ партнеромъ.

Я уже сказалъ, что онъ былъ страстнымъ игрокомъ. Однажды вечеромъ, подъ конецъ партіи у княгини Мишель-Голицыной, онъ такъ сильно повздорилъ съ Маруцци, итальянскимъ авантюристомъ, услугами котораго иногда пользовался Дворъ, что онъ не могъ удержаться отъ звука, недопустимаго въ хорошемъ обществѣ. Одинъ онъ при этомъ сохранилъ присутствіе духа и, обращаясь къ Маруцци, сказалъ: „Несносный упрямецъ, вы со своими спорами разстроили всю систему моихъ внутренностей!“ Если къ тому прибавить произношеніе обѣихъ сторонъ, то можно легко себѣ представить всю комичность этой сцены.

V.

Графъ Николай Салтыковъ [1]).

Графъ Николай Салтыковъ никогда ни къ чему открыто не стремился, но всегда добивался того, чего ему втайнѣ хотѣлось. Это былъ человѣкъ небольшого роста, съ желтымъ лицомъ, очень живыми глазами, вѣжливыми манерами и притворнымъ подергиваніемъ лицевыхъ мускуловъ, благодаря чему онъ могъ придавать своему лицу желательное выраженіе и подготовлять отвѣты на щекотливые вопросы, не признавая при этомъ ни вѣры, ни правды, кромѣ какъ для своихъ ближнихъ и для самого себя, и обладая позорной алчностью и неизмѣннымъ лукавствомъ. Въ этомъ его всегда и вездѣ поддерживала его жена, урожденная княжна Долгорукова [2]), которая въ моло-

[1]) Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ (1736—1816). Поручивъ главный надзоръ за воспитаніемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей Николаю Ивановичу Салтыкову, Екатерина II отняла одной рукой то, что она имъ дала другой, выбравъ воспитателемъ своихъ внуковъ Фридриха Цезаря де-Лагарпъ. Салтыковъ виноватъ въ выборѣ порочныхъ людей, приставленныхъ къ великимъ князьямъ и противодѣйствовавшихъ благотворному вліянію Лагарпа.

[2]) Наталья Владиміровна (1737—1812).

дости была очень хороша собою и сохранила туалеты своего времени, создавъ себѣ привилегію орогинальности и подчинивъ себѣ этимъ весь свѣтъ, не исключая самихъ монарховъ. Ее можно было видѣть лишь послѣ того, какъ она удостовѣрилась, что данное лицо ничѣмъ не надушилось; но и тогда къ ней можно было подойти только на извѣстное разстояніе, при чемъ гадкіе карлики по дорогѣ курили, сжигая перья, паклю и разныя другія гадости, отъ которыхъ становилось дурно. Въ обществѣ она появлялась лишь изрѣдка, подобно чудотворной ракѣ, которую выносятъ въ важныхъ случаяхъ изъ алтаря. При Екатеринѣ, обращавшей на нее мало вниманія, она почти никогда не показывалась; при Павлѣ, пожаловавшемъ ей ленту, которую она любила показывать, она стала чаще выѣзжать. Тогда она принимала болѣе человѣческій обликъ и, когда дѣло имѣло значеніе для интересовъ ея ближнихъ, она даже была готова разговаривать полдня съ флакономъ амбры или мускуса. Эта ловкая чета начала свою свѣтскую карьеру съ шестью стами рублями въ годъ—я эту подробность знаю отъ самого фельдмаршала—и кончила свое поприще, оставивъ своимъ дѣтямъ шестьсотъ тысячъ рублей годового дохода — я слыхалъ это отъ самихъ наслѣдниковъ. Фельдмаршалъ отличился во время семилѣтней войны, что главнымъ образомъ помогло ему выдвинуться. Остального онъ достигъ благодаря своимъ способностямъ къ интригѣ и, добравшись до положенія военнаго министра и главнаго воспитателя великихъ князей Александра и Константина, онъ уже не боялся превратностей судьбы. Во времена Екатерины II онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ Двора великаго князя Павла и сумѣлъ такъ хорошо справиться съ этимъ деликатнымъ положеніемъ, что пріобрѣлъ признательность какъ одной, такъ и другой стороны. Ему также слѣдуетъ приписать опредѣленіе къ престарѣлой императрицѣ князя Зубова, ея послѣдняго фаворита, съ помощью котораго ему удалось опрокинуть Потемкина. Его же Павелъ I, сдѣлавшись великимъ магистромъ

Мальтійскаго Ордена, назначилъ себѣ въ помощники, каковая должность была сопряжена съ огромнымъ окладомъ жалованья, который онъ умудрился сохранить до своей смерти. Кромѣ того ему, отчасти при моей помощи, удалось пристроить своего двоюроднаго брата, графа Толстого, къ великому князю Александру Павловичу [1]), у котораго онъ впослѣдствіи сыгралъ такую видную роль. Вообще, кромѣ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ самъ съ удивительнымъ искусствомъ умудрялся не принимать участія, ничего не происходило при современномъ ему Дворѣ, въ чемъ онъ такъ или иначе не былъ замѣшанъ своими интригами. Стоило не мало труда заставить его покинуть квартиру, которую онъ занималъ въ Зимнемъ дворцѣ, стараясь извлечь изо всего пользу, и пришлось заплатить ему не мало денегъ, чтобы убѣдить его поселиться въ собственномъ домѣ, гдѣ онъ потомъ жилъ какъ бѣдный человѣкъ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей, изъ коихъ лишь второй, Александръ [2]), заслуживаетъ быть упомянутымъ. Это былъ человѣкъ умный и образованный, достигшій въ молодые годы положенія министра иностранныхъ дѣлъ [3]), но не пользовавшійся большимъ вліяніемъ. Старшій сынъ ослѣпъ.

По окончаніи побѣдоносной кампаніи 1814 г., императоръ Александръ I, желая, чтобы всѣ участвовали въ его величіи и радости, возвелъ въ потомственное княжеское достоинство фельдмаршала Салтыкова, исполнявшаго въ его отсутствіе, до нѣкоторой степени, обязанности вице-императора. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ и, хотя онъ до конца занималъ высокія должности, но его смерть не оставила чувствительнаго пробѣла.

---

[1]) Графъ Николай Александровичъ Толстой, оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго Двора (1761—1816).

[2]) Свѣтлѣйшій князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ женился на Наталіи Юрьевнѣ Головкиной, дочери графа Юрія Александровича Головкина, двоюроднаго брата графа Федора.

[3]) Послѣ Тильзитскаго мира.

VI.

Разумовскіе [1]).

Это были украинцы и мы сейчасъ увидимъ, изъ какого сословія они происходили. Одинъ изъ братьевъ, Алексѣй, будучи пѣвчимъ въ императорскомъ хорѣ, бросился въ глаза императрицѣ Елисаветѣ. Этотъ капризъ рѣшилъ участь семейства Разумовскихъ. Алексѣй сдѣлался фаворитомъ и достигъ графскаго достоинства и должности оберъ-егермейстера. Его младшій братъ, Кирилла, пасъ свиней въ окрестностяхъ Батурина, и я отъ него лично узналъ нижеслѣдующія подробности.

Свиньи, которыхъ онъ пасъ, принадлежали не отцу его, а другому мужику, ихъ родственнику, нѣкоему Будлянскому, который былъ богаче ихъ. Когда Алексѣй устроился въ Пе-

---

[1]) Тотъ, у кого не хватило бы терпѣнія дочитать до конца фундаментальный трудъ *князя Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“* (5 томовъ), найдетъ въ краткой замѣткѣ графа Федора существенную пользу. Правду сказать, члены этого семейства, такъ много стоившаго Россіи и такъ мало работавшаго для нея, заслуживаютъ скорѣе забвенія. Но, въ связи съ потомствомъ казака Разума, находится одно интересное обстоятельство генеалогическаго свойства. Николай Ивановичъ Перовскій, побочный сынъ министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ I, Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, былъ дѣдомъ извѣстной Софіи Перовской, вдохновительницы нигилистическаго заговора, закончившагося покушеніемъ 1-го марта 1881 г. Нижеслѣдующая таблица показываетъ родство Софіи Перовской съ Алексѣемъ Разумовскимъ, морганатическимъ супругомъ императрицы Елизаветы:

тербургѣ, онъ подумалъ о младшемъ братѣ и, ради приличія, послалъ къ нему офицера, который долженъ былъ его привезти съ собою. Но Кирилла, будучи ужъ взрослымъ и опасаясь, при видѣ мундира, что его хотятъ завербовать въ солдаты, бросилъ своихъ свиней и спрятался на деревѣ, откуда его пришлось доставать посредствомъ голодовки. По прибытіи въ столицу, его прежде всего обмыли и одѣли прилично, а затѣмъ передали гувернеру, женевцу, по имени, кажется, Саладэнъ, чтобы онъ его обучилъ манерамъ и грамотѣ. Этотъ гувернеръ часто ходилъ въ церковь и въ его отсутствіе Кирилла предавался невиннымъ забавамъ молодости.

Въ числѣ подарковъ, присланныхъ Фридрихомъ Великимъ для Россійскаго Двора, находилась, между прочимъ, прелестная табакерка, украшенная бриллiантами и предназначенная для младшаго брата фаворита (т. е. для самаго Кириллы). Однажды, когда онъ остался одинъ, Кирилла вынулъ это табакерку изъ шкафа своего гувернера, гдѣ она хранилась, и когда по-

---

Казакъ Разумъ.

Алексѣй Разумовскій, морганатическій супругъ императрицы Елисаветы.	*Кирилла Разумовскій*, гетманъ казаковъ.

Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, министръ народнаго просвѣщенія (1748—1822).

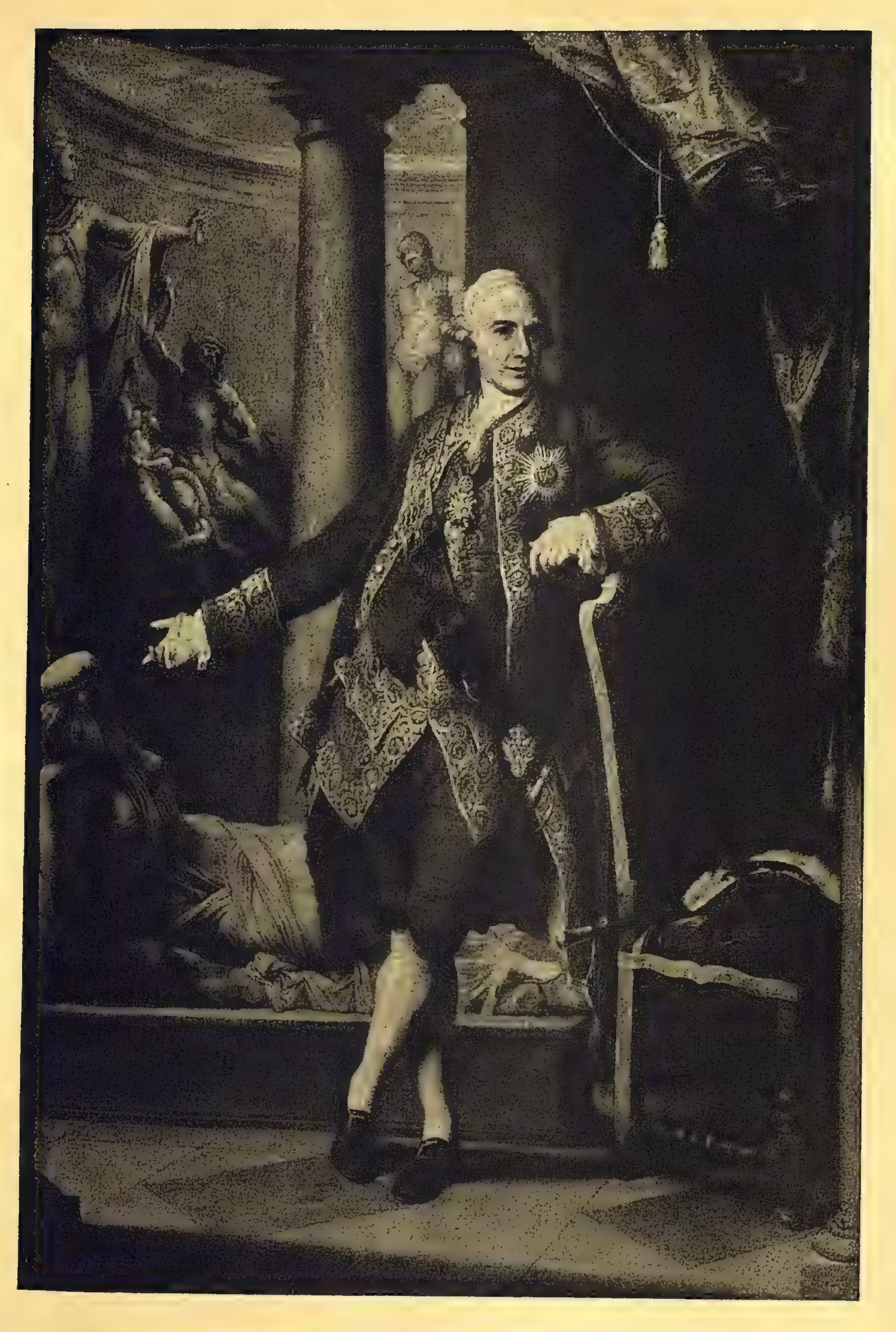
Николай Ивановичъ Перовскій, Таврическій губернаторъ † 1858.

Левъ Николаевичъ Перовскій † 1890.

Софія Перовская, повѣшена 2 апрѣля 1881 г.

слѣдній вернулся домой, онъ къ своему удивленію увидѣлъ, что его ученикъ выломалъ изъ нея щипцами всѣ оправленные алмазы. Можно себѣ представить, въ какомъ видѣ оказалась эта драгоцѣнная вещь! Когда впослѣдствіи фельдмаршалъ Разумовскій замѣчалъ, что сыновья его чванятся, онъ имъ разсказывалъ какой-нибудь подвигъ, въ томъ же родѣ, изъ своей молодости, объясняя его своимъ простымъ происхожденіемъ; и любопытно было наблюдать, какъ люди, занимавшіе высокіе посты, въ вышитыхъ золотомъ мундирахъ, бывали вынуждены смирять свои высокія претензіи передъ многочисленными очевидцами прошлаго.

Кирилла Разумовскій былъ почти саженнаго роста и великолѣпно сложенъ, съ чертами лица болѣе пріятными, чѣмъ красивыми. Въ его манерахъ было нѣчто дикое, а въ его осанкѣ—нѣчто восточное, но въ общемъ онъ производилъ величественное и оригинальное впечатлѣніе. Такъ какъ его образованіе началось съ восемнадцатилѣтняго возраста, то оно не испортило ни его здравый разсудокъ, ни прямоту его характера; и хотя онъ въ общемъ былъ малосвѣдущъ, но его мнѣнія въ Совѣтѣ нерѣдко брали верхъ надъ умомъ и талантами его товарищей. Обстоятельства создали ему огромное состояніе, которое онъ расходовалъ съ большимъ великолѣпіемъ. Его дворцы, его свита, его ливрея, его гостепріимство,—все одно другому соотвѣтствовало. Съ помощью брата онъ былъ избранъ въ гетманы украинскихъ казаковъ, но это званіе, воскресавшее еще свѣжей памяти времена Мезепы не отвѣчало видамъ Екатерины II, которая заставила его принять, вмѣсто того, жезлъ фельдмаршала съ большимъ жалованьемъ и правомъ пользоваться Батуринскимъ дворцомъ, его резиденціей, со всѣми принадлежащими къ этому владѣнію помѣстьями. Онъ удалялся туда, когда продолжительное пребываніе въ С.-Петербургѣ ему надоѣдало и вызывало необходимость нѣкотораго сокращенія расходовъ. Подъ конецъ своей жизни онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ жилъ по-царски.

Графъ КИРИЛЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ.
Писалъ Баттони 1766.

Разумовскій много путешествовалъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, Шуазель объяснилъ Людовику XV, что надо чѣмъ-нибудь отличить столь знатнаго иностранца, и король обѣщалъ это сдѣлать. Его пригласили въ Версаль, чтобы представиться королю съ большею торжественностью, чѣмъ это было принято въ отношеніе другихъ иностранцевъ, которыхъ король не удостоивалъ личнаго разговора. Но король, спѣшившій на кабанью охоту, забылъ свое обѣщаніе, и когда ему назвали фельдмаршала, онъ ограничился ничего незначущимъ возгласомъ: „А!“ „Король принимаетъ меня, вѣроятно, за кабана“—сказалъ Разумовскій немного сконфуженному герцогу Шуазелю. Было рѣшено поправить этотъ промахъ самымъ лестнымъ для фельдмаршала образомъ, но послѣдній не пожелалъ больше вернуться къ Версальскому двору; между тѣмъ въ Парижѣ рукоплескали какъ его отвѣту королю, такъ и вообще его поведенію въ этомъ случаѣ.

У Кириллы Разумовскаго было нѣсколько сыновей: 1) графъ Алексѣй, человѣкъ заслуженный, который былъ впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія; 2) графъ Андрей, возведенный, послѣ Вѣнскаго конгресса, въ княжеское достоинство, блестящій дипломатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ высокомѣрный и тщеславный чиновникъ, прослывшій любовникомъ великой княгини, первой супруги Павла I, и имѣвшій несомнѣнно связь съ королевой Каролиной Неаполитанской; 3) графъ Петръ, военный и человѣкъ незначительный. О немъ разсказываютъ, что когда онъ, послѣ Шведской войны, гдѣ онъ плохо велъ себя, получилъ ленту Бѣлаго Орла, ему замѣтили, что это можетъ вызвать толки; но онъ отвѣтилъ: „Толки прекратятся, а лента у меня останется!“ 4) Графъ Левъ, бравый солдатъ, имѣвшій большой успѣхъ у женщинъ; 5) графъ Григорій [1],

[1]) Онъ вторымъ бракомъ женился на баронессѣ Шенкъ фонъ-Кастель въ то время, когда его первая жена, урожденная баронесса Мальзенъ, была еще жива. Его второй бракъ не былъ признанъ законнымп въ Россіи.

настолько же некрасивый, насколько его братья отличались красотою, былъ извѣстенъ своими работами по минералогіи и нѣсколькими женами, которыхъ онъ взялъ въ разныхъ странахъ, гдѣ путешествовалъ; наконецъ, 6) графъ Иванъ, скончавшійся въ молодые годы, обѣщавшій быть, если и не особенно умнымъ, то по крайней мѣрѣ храбрымъ и обладавшій военными способностями. Изъ дочерей Кириллы Разумовскаго одна была замужемъ за фельдмаршаломъ Гудовичемъ и прослыла хорошей, хотя и очень некрасивой женщиной; другая, извѣстная г-жа Загряжская, была такъ оригинальна, что во всякой другой странѣ показалась бы смѣшной; третья, г-жа Васильчикова, изощрялась во всѣхъ крайностяхъ волокитства и набожности [1]. Всѣ эти дѣти родились у Кириллы Разумовскаго отъ его супруги, урожденной Нарышкиной, но лишь одна изъ его дочерей, Елисавета Кирилловна, графиня Апраксина [2], жила при отцѣ и принимала у него за хозяйку дома. Она была очень нехороша собою, набѣленная и нарумяненая, и черезчуръ вульгарна въ обращеніи. Про нее графъ Сегюръ сказалъ однажды за большимъ обѣдомъ; „Надо сознаться, что эта женщина умѣетъ распоряжаться мясомъ“.

---

[1] Она постриглась въ монахини подъ именемъ Агніи.

[2] Ея мужъ, графъ Апраксинъ, обвинялся въ двоеженствѣ. Онъ увезъ Елисавету Кирилловну Разумовскую и женился на ней, хотя онъ уже былъ женатъ на Аннѣ Павловнѣ Ягужинской. Подобно г-жѣ Васильчиковой, и графиня Апраксина удалилась въ монастырь, гдѣ она скончалась въ 1813 году.

VII.

Характеристика русскаго дворянина конца восемнадцатаго вѣка.

Если бы сила человѣка заключалась въ обаянiи его манеръ и если бы общество и государство могли воспользоваться еще чѣмъ-нибудь, кромѣ его ума, его сердца и его рукъ, русскому дворянину стоило бы только показаться, чтобы оправдать систему Петра I и средства, которыми пользовался этотъ государь, чтобы ее установить. Я полагаю и думаю, что мнѣ не будутъ противорѣчить, что, за исключенiемъ французовъ, никто не можетъ сравниться съ нимъ на свѣтскомъ поприщѣ. Легкiй и пикантный разговоръ, весьма либеральные, съ внѣшней стороны, взгляды, явное отвращенiе ко всему варварскому, расположенiе къ искусствамъ, изящность осанки, изысканность въ одеждѣ, пышность въ привычкахъ, общественные таланты, знанiе языковъ, танцевъ, музыки, театра, самоувѣренность, обѣщающая еще больше, чѣмъ видно снаружи,—вотъ принадлежности знатнаго русскаго дворянина и царедворца, того, кто предназначается для посольствъ, для командованiя и для совѣта. Но не заговаривайте съ нимъ объ исторiи, такъ какъ онъ не изучалъ даже исторiи своего отечества, а если вы спросите его о времени, предшествовавшемъ Петру I, которому онъ считалъ себя обязаннымъ своими успѣхами, вы будете удивлены полнымъ отсутствiемъ у него знанiй; не спрашивайте его также о географiи, ибо кромѣ дороги изъ Москвы въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Па-

рижъ, онъ ничего не знаетъ; о Швейцаріи онъ узналъ только изъ „Новой Элоизы“, о Голландіи—изъ того, что тамъ учился Петръ Великій, объ Италіи — изъ того, что ему постоянно о ней говорятъ, объ Англіи—изъ того, что онъ оттуда выписывалъ свои фраки, сапоги, лошадей и таксъ; не говорите ему ни о классическихъ писателяхъ, если они не были переведены Делилемъ, ни о математикѣ, ни, всего менѣе, о политической экономіи, администраціи, логикѣ или богословіи.

Дворянинъ изъ провинціи тоже не болѣе свѣдущъ и, въ большинствѣ случаевъ, не знаетъ даже того, что извѣстно первому, но у него зато высокія понятія о своей странѣ, о своемъ государѣ, о своей религіи, о своемъ дворянствѣ и о своихъ крѣпостныхъ. Онъ опытенъ въ искусствѣ извлекать пользу изъ своихъ имѣній и управлять крестьянами, а также во внутреннихъ коммерческихъ сношеніяхъ, въ содѣйствіи правительству въ дѣлахъ управленія съ наименьшими затратами и трудами для него и для себя и, такъ какъ его благосостояніе зависитъ отъ хорошей организаціи общей полиціи, то онъ всесторонне знакомъ съ ея дѣятельностью. Онъ не отличается большою нравственностью, но очень способенъ. Онъ не ученъ, но очень ловокъ и, когда случай, выбирающій, при деспотическомъ правленіи, чаще всего того, кто ни на что не расчитывалъ, ставитъ его на мѣсто, онъ приноситъ съ собою опытность и проницательность, которыя другой не пріобрѣтаетъ никогда. Онъ все считаетъ возможнымъ и добивается всего того, что отъ него требуютъ, и, хотя онъ не знакомъ съ общественнымъ мнѣніемъ, но находитъ въ уваженіи самого себя достаточную силу, чтобы имъ руководить.

Я не поручилъ бы ни одному изъ этихъ двухъ типовъ дворянства ни своей жены, ни своей дочери, но я могъ бы совершить съ вторымъ изъ нихъ великія дѣла. Впрочемъ, ни одинъ изъ нихъ не виновенъ ни въ томъ, чего ему недостаетъ, ни въ томъ, что въ немъ есть лишняго.

Главный недостатокъ заключается не въ національной лич-

ности, которая играетъ второстепенную роль, а въ непостоянствѣ учрежденій и въ столь же ужасной, сколь обманчивой системѣ, основывающей общественное спокойствіе на безнравственности и невѣжествѣ перваго класса гражданъ, а также въ способѣ воспитанія, распространяющаго эту систему. Я могъ бы на эту тему исписать толстую книгу, полную прекрасныхъ правилъ, но здѣсь не мѣсто это дѣлать и, къ тому же, это ничему не помогло бы. Поэтому я ограничусь замѣчаніемъ, что тамъ, гдѣ государь тому, кто вышелъ изъ толпы благодаря своему воспитанію, удѣляетъ лишь такое уваженіе, которое напоминаетъ скорѣе страхъ, чѣмъ довѣріе, — подданные перестаютъ видѣть въ воспитаніи главное средство, чтобы достичь чего-нибудь въ жизни, и стараются пріобрѣсти лишь тотъ внѣшній лоскъ, подъ которымъ такъ хорошо укладываются тщеславные замыслы. По достиженіи шестнадцати или восемнадцатилѣтняго возраста, когда начинается общественное образованіе юноши, сыновья нашихъ вельможъ, по примѣру своихъ родителей, думаютъ только о томъ, какъ бы добиться отличій, хотя у нихъ не хватаетъ ни способностей, ни времени, чтобы ихъ заслужить. Въ этотъ возрастъ вѣтренности и безпечности для нихъ уже все становится расчетомъ, и ревность, но не къ женщинамъ и не къ общественнымъ успѣхамъ, а къ чинамъ и къ орденамъ, развращаетъ ихъ сердца и унижаетъ ихъ умы. Ревность эта вызывается не добродѣтелью, не заслугами и не выгодами, достигнутыми рожденіемъ и воспитаніемъ, а исключительно милостями Двора и надеждами, которыя зарождаются отъ нихъ. Вельможи, развращенные изъ рода въ родъ, униженные наслѣдственно, видятъ въ своихъ дѣтяхъ лишь средства къ достиженію тщеславныхъ цѣлей и къ скопленію богатствъ, а воспитаніе, которое они имъ даютъ, только расчитано на то, чтобы ускорить моментъ, когда ими можно будетъ воспользоваться въ этихъ цѣляхъ. Сынъ, который, подъ вліяніемъ внутренняго чувства, даннаго всѣмъ намъ Богомъ вмѣстѣ съ жизнью, остановился

бы на своемъ пути, чтобы пораздумать и поучиться, явился бы, въ глазахъ своихъ родителей и всѣхъ остальныхъ, лишь дуракомъ и безумцемъ и былъ бы для нихъ блуднымъ сыномъ. Оттуда происходитъ неосторожный и часто постыдный выборъ иностранцевъ-гувернеровъ, которые въ Парижѣ были парикмахерами безъ практики или скоморохами безъ успѣха и пріѣзжаютъ въ Россію, чтобы преподавать здѣсь безстыдство и безнравственность.

Не думайте, что я преувеличиваю темныя стороны этой картины. Я не угрюмый и не разбитый судьбою старикъ, а пишу эти строки во цвѣтѣ лѣтъ и могу еще въ жизни расчитывать на многое. Въ то время, когда великая государыня не сочла мой двадцатипятилѣтній возрастъ недостойнымъ своего довѣрія и указала мнѣ въ далекомъ будущемъ, въ царствованіе своего внука, то мѣсто, на которомъ я, умудренный ея совѣтами, могъ бы работать для возрожденія отечества; когда мое честолюбіе, очищенное величіемъ этой цѣли, видѣло передъ собою одно лишь безсмертіе таланта и добродѣтели,—тогда я, сравнивая свои слабыя силы съ Геркулесовыми работами, которыя мнѣ предстояли, часто плакалъ на берегахъ ручья изъ тины, наводняющаго Авгіевы конюшни.

VIII.

Кобенцль [1]).

Это семейство блестящимъ образомъ закончило свою карьеру. Двоюродные братья, графы Филиппъ и Людовикъ, достигли всего, чего только можно достигнуть въ Австріи. Не было ни одного сколько-нибудь важнаго дѣла, въ которомъ одинъ или другой не игралъ бы, въ свое время, роли, а графиня Румбекъ, родная сестра Людовика, съ своей стороны сумѣла обратить вниманіе публики въ Вѣнѣ и за границей своими странностями и обществомъ, которымъ она себя окружала. Внѣшность обоихъ могла ихъ утѣшить за то, что имъ не было суждено имѣть дѣтей. Графъ Филиппъ былъ небольшого роста, худощавъ, съ желтымъ лицомъ и манерами итальянскаго ростовщика. Людовикъ былъ толстъ, съ рыжими волосами, косыми глазами и грязенъ до того, что это было замѣтно, даже когда онъ былъ одѣтъ въ парадный костюмъ; а его жена, урожденная Ля-Ровере де Монтеляботте, была, хотя и не глупа, но одна изъ самыхъ непріятныхъ женщинъ, которыхъ можно было встрѣтить, и такъ неопрятна, что она за столомъ занималась ловлей блохъ. Тѣмъ не менѣе внѣшность этихъ господъ, помимо протекціи, оказываемой имъ императрицей Маріей Терезіей, чувствовавшей большую привя-

---

[1]) Графъ Федоръ, говоря о Кобенцлѣ, имѣлъ осторожность не заимствовать черты его біографіи изъ „Секретныхъ воспоминаній“ *Массона.* Поэтому приводимые имъ анекдоты вполнѣ удачно дополняютъ портретъ, нарисованный Массономъ.

занность къ графу Людовику, не мало способствовала блестящей карьерѣ, къ которой ихъ предназначали ихъ прирожденные и пріобрѣтенные таланты; можно сказать, что они слишкомъ плохо выглядѣли, чтобы возбуждать въ соперникахъ ревность или безпокоить ихъ честолюбіе и это способствовало назначенію ихъ въ самыя блестящія посольства и, наконецъ, на министерскіе посты.

Графъ Людовикъ имѣлъ особенное пристрастіе къ свѣтской жизни и къ тому же столько находился въ движеніи, что нельзя было понять, когда онъ работаетъ. Больше всего онъ любилъ французскую комедію и, къ несчастію для своего положенія, требующаго достоинства, самъ игралъ въ ней въ совершенствѣ, а когда не могъ играть, повсюду говорилъ только о ней. Это ставило его иногда въ весьма неловкое положеніе. Однажды вечеромъ, когда онъ долженъ былъ играть роль „Пандольфа“ въ комедіи „Serva Padrona“, онъ загримировался и переодѣлся до полной неузнаваемости; но внезапно у него такъ заболѣли зубы, что онъ только успѣлъ броситься на кровать, гдѣ въ такомъ видѣ и заснулъ. Ему попеременно прислуживали два камердинера и одинъ изъ нихъ, который долженъ былъ присутствовать утромъ при его вставаніи, не видѣлъ, какъ онъ наканунѣ легъ. Кобенцль, проснувшись на другое утро, позвонилъ; камердинеръ входитъ и, при видѣ этого ужаснаго лица, испуганно убѣгаетъ и кричитъ во весь голосъ, что дьяволъ овладѣлъ кроватью Его Превосходительства. Весь домъ въ ужасѣ сбѣгается и можно себѣ представить гнѣвъ посла и разговоры, которые этотъ инцидентъ возбудилъ въ Петербургѣ. Другой разъ, изъ Вѣны прибылъ важный курьеръ и Кобенцль приказалъ его впустить, забывъ, что онъ въ этотъ моментъ былъ занятъ репетиціей роли, въ костюмѣ жида, съ приставною бородою и пластыремъ на глазу. Курьеръ отступаетъ на два шага и отказывается передать ему депеши. Хотя ему объясняютъ, въ чемъ дѣло, но онъ упорствуетъ и пришлось послать за Тоскан-

скимъ посланникомъ, барономъ Зедделеромъ [1]), который лично зналъ курьера, чтобы убѣдить его, что передъ нимъ дѣйствительно находится посолъ Ея Императорскаго и Королевскаго Апостолическаго Величества.

Я уже нѣкоторое время былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь, когда императрица, однажды, въ Царскомъ Селѣ обратилась ко мнѣ за обѣдомъ со слѣдующими словами, относившимися косвенно къ приглашенному тоже Кобенцлю, которымъ она почему-то была недовольна: „Постарайтесь тамъ понравиться и дѣйствуйте такъ, чтобы вамъ тоже тамъ понравилось. Я ставлю въ ваше распоряженіе всѣ средства и запрещаю вамъ только одну вещь—играть комедію. Тотъ, кому поручено быть моимъ представителемъ, долженъ отказаться разыгрывать другихъ лицъ". Ударъ былъ тяжелъ, но попалъ мѣтко. Кобенцля тогда обвиняли, что онъ игралъ комедію, въ то время, когда у него въ карманѣ было извѣстіе о смерти Маріи Антуанетты, но я этому никогда не вѣрилъ. Онъ былъ готовъ унизиться, чтобы имѣть успѣхъ, но не былъ способенъ на такую подлость. Г-жа Румбекъ, его сестра, которую не любили за ея праздные разговоры и за ея шутки и для которой главной задачей жизни было развлекать своего брата, могла бы много вредить ему, если бы его карьера не сложилась въ видѣ безповоротной судьбы. Во время его перваго посольства въ Петербургѣ ее, къ большому огорченію брата, выслали изъ столицы. Когда онъ впослѣдствіи былъ назначенъ посломъ въ Парижъ, во время Консульства, онъ каждый вечеръ отправлялся къ г-жѣ Бонапартъ, чтобы составить партію втроемъ. При этомъ его нерѣдко заставляли ждать, а иногда отсылали обратно домой, но онъ въ слѣдующій разъ возвра-

[1]) Иммануилъ-Іоаннъ-Непомукъ Зедделеръ, Тосканскій посланникъ при русскомъ Дворѣ, былъ сыномъ барона Людовика Ивановича Зедделера, поступившаго на русскую службу и принявшаго русское подданство. Это предокъ цѣлаго семейства военныхъ, отличившихся въ войнахъ, которыя Россія вела въ XIX вѣкѣ.

щался, покорно перенося презрѣніе, которое онъ вполнѣ заслужилъ. Правда, что ему зато почти вчегда удавались дѣла, но спрашивается, могутъ ли такія средства, если отъ нихъ не зависитъ благо родины, даже въ случаѣ удачи, давать право на славу, и долженъ ли порядочный человѣкъ вообще приносить отечеству такія жертвы?

Кобенцль былъ разслабленъ безсонными ночами и обильною пищею; ибо одна любовь, которую онъ старался проявить къ женщинамъ, считавшимся въ модѣ, не могла быть причиной его смерти въ пятидесятилѣтній возрастъ. Его небольшое состояніе, а также болѣе значительныя средства его брата Филиппа, вмѣстѣ съ ихъ именемъ перешли къ графу Коронини, дворянину изъ Штиріи и Карніоліи, какъ и сами Кобенцли. Память о родителѣ графа Людовика уважается бельгійцами, которыми онъ управлялъ во времена принца Карла Лотарингскаго, брата имепeратора Франца.

Князь де-Линь [1].

Карлъ, князь де-Линь и князь Священной Римской Имперіи, былъ, въ то же время, первымъ грандомъ Испаніи, кавалеромъ ордена Золотого Руна, капитаномъ нѣмецкой гвардіи германскаго императора, фельдмаршаломъ и пр., что, въ связи съ его высокимъ происхожденіемъ, огромнымъ, отчасти уже расточеннымъ богатствомъ, большимъ пронырствомъ и веселостью характера, а также съ многочисленными путешествіями и нравственностью, приспособляющеюся къ случаю, сдѣлало изъ него то, что обыкновенно называютъ большимъ бариномъ, и создало ему знаменитость, которой недоставало лишь таланта и признанія. Его молодость прошла между Вѣнскимъ Дворомъ, политика котораго состояла въ томъ, чтобы оказывать бельгійцамъ отличіе, и Версальскимъ Дворомъ, гдѣ король и принцы его называли фамильярно „Шарло". Іосифъ II, пользовавшійся, большею частью, услугами людей посредственныхъ, считая ихъ болѣе податливыми, а также людей привѣтливыхъ, какъ болѣе вкрадчивыхъ, велъ черезъ его посредство разные переговоры съ Россіей—не безъ задней мысли, отказаться, въ случаѣ надобности, отъ его словъ; но онъ назначалъ его также въ армію, гдѣ Линь проявлялъ храбрость и дѣятельность, не обижаясь тѣмъ, что къ нему потомъ подсылали товарищей по командованію или даже подчиняли его высшему начальнику. Князь де-Линь былъ высо-

[1]) *Викторъ дю-Бледъ* въ своемъ очеркѣ о князѣ де-Линь (*Revue des Deux Mondes* отъ 1-го апрѣля 1889 г.) приводитъ отзывъ графа Головкина, который ему былъ сообщенъ частнымъ путемъ.

каго роста и хорошо сложенъ, съ лицомъ, которое, вѣроятно было когда-то очень красиво, но со временемъ изнѣжилось. Въ двадцатилѣтній возрастъ онъ, должно быть, былъ большимъ щеголемъ и фатовъ́тъ. При первомъ знакомствѣ, его манеры казались необыкновенно изящными, но на другой же день онъ начиналъ проявлять поразительный цинизмъ. Онъ говорилъ и продѣлывалъ такія вещи, которыя совершенно не соотвѣтствовали ни его имени. ни занимаемымъ имъ должностямъ. Его неряшество, повидимому, было преднамѣренпо. Въ его замкѣ близъ Вѣны [1]), его любимомъ мѣстопребываніи, послѣ того, какъ онъ потерялъ Бельэль и владѣнія, расположенныя въ Нидерландахъ, царствовалъ невообразимый безпорядокъ; когда у него не было особенно важныхъ дѣлъ, онъ вставалъ только къ обѣду, и днемъ, пока онъ предоставлялъ свою растрепанную голову искуснымъ рукамъ своего камердинера или вѣрнаго мулата, въ его спальнѣ можно было видѣть осленка или козу. Опрокинутая чернильница, неразборчивыя и покрытыя помарками рукописи указывали на то, что онъ писалъ, при чемъ его произведенія, какъ прозаическія, такъ и поэтическія, были болѣе чѣмъ посредственны. Его любимую дочь, Христину, княгиню Клари, „которую онъ одну изъ всѣхъ своихъ дѣтей считалъ дѣйствительно своимъ ребенкомъ", можно было видѣть сидящей въ углу, занятой разборомъ или перепиской его рукописей, что дополняло эту оригинальную картину, а иногда она сидѣла около него, ѣла фрукты и журила его за его рѣчи. Его сочиненіямъ не было счета, а между тѣмъ г-жѣ Сталь стоило не мало труда извлечь изъ нихъ два тома, потому что даже тѣ анекдоты, которые могли имъ придать пикантность, были плохо разсказаны.

Когда Фридрихъ Великій рѣшилъ послать въ Петербургъ своего наслѣдника, Вѣнскій Дворъ счелъ умѣстнымъ отправить туда князя де-Линь съ порученіемъ помѣшать переговорамъ высокаго гостя, который, будучи отъ природы застѣн-

[1]) На Каленбергѣ.

чивымъ, къ тому же уѣхалъ изъ Берлина съ недугомъ, причиняющимъ ему большія боли, о чемъ онъ не посмѣлъ сказать своему дядѣ, королю. Нѣсколько дней спустя, прусскій принцъ посѣтилъ Академію Наукъ и вслѣдствіе безконечныхъ рѣчей и осмотра минераловъ, оружія и зародышей въ банкахъ такъ утомился, что съ нимъ сдѣлался обморокъ. Князь де-Линь немедленно садится въ карету и летитъ во дворецъ. Екатерина, узнавъ, что онъ пріѣхалъ, проситъ его зайти къ ней и спрашиваетъ его, по какому поводу онъ такъ рано явился. „Увы, Ваше Величество!—воскликнулъ князь;—я послѣдовалъ за прусскимъ принцемъ въ Академію и, когда увидалъ, что онъ лишился чувствъ [1]), поспѣшилъ сюда, чтобы доложить объ этомъ Вашему Величеству“. Эта острота и много другихъ, въ связи съ оригинальностью князя, который впрочемъ лично не особенно понравился въ Петербургѣ, достигли все-же цѣли, намѣченной Вѣнскимъ Дворомъ.

Іосифъ II не такъ быстро улавливалъ смыслъ остротъ, какъ его августѣйшая сосѣдка въ Россіи. Возвратившись изъ Нидерландовъ, крайне недовольный своей поѣздкой, онъ пожаловался князю де-Линь на дурное расположеніе къ нему фламандцевъ. „Вѣдь я, въ концѣ-концовъ, желаю только ихъ *блага*“ [2])—сказалъ онъ.—„Ахъ, Ваше Величество!—отвѣтилъ князь де-Линь,—повѣрьте, что они въ этомъ вполнѣ убѣждены!“ Императоръ не понялъ этой игры словъ, которая три недѣли спустя облетѣла всю Европу.

---

[1]) На французскомъ языкѣ здѣсь выходитъ игра словъ, которая не можетъ быть передана въ переводѣ: „il y etait sans *connaissance*“—значитъ: онъ былъ тамъ (т.-е. въ Академіи наукъ) „безъ чувствъ“ и тоже: „безъ знаній“. Прим. перев.

[2]) Тоже игра словъ, которая по-русски не совсѣмъ выходитъ: „Je ne veux que leur *bien*“—значитъ, я желаю только ихъ блага, въ смыслѣ ихъ пользы, и можетъ тоже значить ихъ блага, или добра въ смыслѣ имущества. Прим. перев.

X.

Прекрасная фанаріотка (г-жа де-Виттъ) [1].

Кто не слыхалъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, объ этой прекрасной гречанкѣ? Кто ее не видѣлъ, когда она путешествовала по всей Европѣ? Что касается меня, то я ее видѣлъ въ 1781 г. въ Берлинѣ. Она раньше была рабыней въ Сералѣ, пока Боскамъ, повѣренный въ дѣлахъ Польши въ Константинополѣ, не увезъ ее оттуда; впослѣдствіи онъ ее уступилъ человѣку неизвѣстнаго происхожденія, по имени де-Виттъ, который возилъ ее по всѣмъ большимъ городамъ [2]. Когда возникла война между Турціей и Россіей, она очутилась въ главной квартирѣ въ Яссахъ, гдѣ она такъ сумѣла опутать Потемкина, что его племянницы ее приревновали. Она пребывала тамъ подъ видомъ его подруги, желающей его цивилизовать, и вложила въ это столько прелести и хитрости, что вполнѣ подчинила себѣ князя. Его племянницы опасались больше за свое вліяніе, чѣмъ за его сердце, но ихъ безпокойство и маленькія интрижки не могли ее сбить съ позиціи. Она послѣдовала въ 1791 г. за княземъ въ Петербургъ и получила тамъ, въ подарокъ, прелестный дворецъ, роскошные экипажи, туалеты, не оставлявшіе желать ничего, лучшаго, и званіе графини

[1]) 1766—1822.

[2]) Словацкій, знаменитый польскій поэтъ, умершій въ Парижѣ въ 1840 г., посвятилъ поэму исторіи послѣднихъ лѣтъ ея жизни, причемъ онъ, въ предисловіи, чуть-ли не извиняется, что касается столь деликатнаго предмета. См. *Валишевскій «Вокругъ трона»*, стр. 152.

Священной Римской Имперіи. Вопреки строгому придворному этикету, князь ее даже лично представилъ государынѣ, которая, на слѣдующій же день, одарила ее прелестнымъ бриліантовымъ ожерельемъ. Весь дворъ лежалъ у ея ногъ и низость льстецовъ дошла до того, что въ то время, какъ Ея Величество принимала въ аудіенціи дипломатическій корпусъ, графъ Кобенцль, австрійскій посолъ, прогуливался въ кабріолетѣ съ г-жей де-Виттъ подъ самыми окнами императорскаго дворца. Послѣ смерти князя Потемкина, ея новаго друга, она удалилась въ помѣстья, которыя онъ ей подарилъ, и разговоры о ней на нѣкоторое время притихли.

Въ одномъ изъ этихъ помѣстій, сосѣднемъ съ знаменитымъ владѣніемъ Тульчинымъ, съ ней познакомился графъ Потоцкій. Его сердце, уже такъ давно свободное отъ увлеченій, воспылало къ ней любовью, которая довела его до самыхъ сумасбродныхъ и непристойныхъ дѣйствій, при чемъ въ числѣ его соперниковъ оказался его старшій сынъ. У поляковъ такого рода дѣла устраиваются быстро; заговорили о разводѣ и было рѣшено принудить графиню Потоцкую дать свое согласіе. Она перестала пользоваться милостью; къ тому же ея языкъ создалъ ей много враговъ, а ея чрезмѣрные расходы—много кредиторовъ, такъ что ни графъ Шуазель-Гуффье, ни я, оставшіеся ей вѣрными, не могли ей ни въ чемъ помочь, ни даже дать ей совѣтъ. Однажды ее спросили о ходѣ ея разводнаго процесса: „Увы!—отвѣтила она—графъ Потоцкій настаиваетъ на томъ, что онъ не отецъ своихъ дѣтей. Но это прибавляетъ лишь несправедливость и злословіе къ роковой печати ихъ законности“.

Павелъ I, который не любилъ г-жу де-Виттъ, отнесся къ ней отрицательно. Несмотря на то, вновь испеченная графиня Потоцкая появилась при Дворѣ. Но насколько она была хороша собою и очаровательна въ греческомъ костюмѣ, настолько она показалась смѣшной въ придворномъ туалетѣ и съ манерами великосвѣтской дамы. Можно было сказать, что

эта комедiантка была восхитительна въ роли горничной-любовницы и некрасива, даже противна, въ роли Нинетты при Дворѣ. Въ то же время, настоящая графиня Потоцкая старалась утѣшиться или отомстить, распуская разныя остроты, которыя окончательно отдалили ее отъ Двора и отъ столицы.

XI.

Графъ Шуазель-Гуффье.

Графъ Шуазель принялъ двойную фамилію послѣ того, какъ онъ женился на послѣдней представительницѣ рода адмирала Бонниве, извѣстнаго сподвижника короля Франциска I [1]). Графъ былъ французскимъ посломъ при Блистательной Портѣ, когда вспыхнула Революція. Онъ совершилъ путешествіе по Турціи, результатомъ котораго явилось прекрасное и общеизвѣстное сочиненіе: „Живописная поѣздка по Греціи". Въ Константинополѣ онъ былъ извѣстенъ своими интригами противъ Россіи, но за то, когда возникла война между Турціей и Россіей, онъ пріобрѣлъ не меньшую извѣстность дѣятельной защитой русскихъ плѣнныхъ и даже выстроилъ для нихъ среди арсенала деревянный госпиталь, гдѣ они пользовались прекраснымъ уходомъ. Когда на его родинѣ Революція восторжествовала, онъ еще нѣкоторое время держался въ Турціи противъ интригъ якобинцевъ Востока, но, въ концѣ-концовъ, все таки былъ вынужденъ искать пріюта у повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи, который, не зная взгляда на него своего Двора,

[1]) Мари-Габріель-Флоранъ-Огюстъ графъ де-Шуазель Бопре (1752-1817) принялъ фамилію Шуазель-Гуффье послѣ женитьбы на послѣдней изъ рода Гуффье. Вторымъ бракомъ онъ былъ женатъ на княжнѣ Еленѣ де Боффрмонъ. Его старшій сынъ Антуанъ-Луи-Октавъ (1773-1840), перъ Франціи и россійскій камергеръ, первымъ бракомъ былъ женатъ на Потоцкой, а послѣ ея смерти вторично женился на урожденной Тизенгаусъ, написавшей впослѣдствіи „Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ". Ея сыновья были уже русскіе подданные.

обошелся съ нимъ сначала довольно пренебрежительно. Но послѣ того, какъ изъ Петербурга было получено на имя бывшаго французскаго посланника весьма любезное приглашеніе, повѣренный въ дѣлахъ понялъ, слишкомъ поздно, какъ ему слѣдовало обращаться съ графомъ.

Въ Петербургѣ никогда никого не возвѣщали съ большимъ шумомъ и не ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ, какъ его. Я помню, какъ въ Царскомъ Селѣ императрица, спускаясь, въ сопровожденіи принца Нассаускаго, по маленькой лѣстницѣ колоннады и завидѣвъ меня, крикнула мнѣ издали: „Отгадайте, кого мы здѣсь черезъ двѣ недѣлѣ увидимъ!“ Шуазель не могъ мнѣ прійти въ голову, такъ какъ я зналъ о немъ лишь изъ его сочиненія, которое я какъ-то перелистывалъ. „Графъ Шуазель!—продолжала императрица—мнѣ доносятъ, что онъ уже вступилъ на нашу территорію и можетъ-быть здѣсь скорѣе, чѣмъ мы думаемъ“. Она произнесла эти слова съ такимъ увлеченіемъ, что я приписалъ это литературной извѣстности Шуазеля, соблазнившей, вѣроятно, фаворита Зубова, а также симпатіямъ, которыя императрица всегда питала къ парижскимъ остроумцамъ. И вотъ, по истеченіи мѣсяца, къ намъ прибыло возвѣщенное чудо и на первый же взглядъ было оцѣнено гораздо ниже своей репутаціи. Пр[illegible] Дворѣ, а особенно при тогдашнемъ Петербургскомъ Дворѣ [illegible] долго ломали голову надъ людьми, и вновь прибывшій че[illegible]вѣкъ быстро подвергался критикѣ, послѣ чего онъ, черезъ какія-нибудь сутки или одобрялся, или же безапелляціонно осуждался.

Графъ Шуазель былъ небольшого роста, широкъ въ плечахъ, съ пріятными жестами и огромными черными бровями, торчашими на лбу, [illegible] конскій волосъ изъ лопнувшаго тюфяка; его маленькій носъ напоминалъ клювъ попугая; его взглядъ казался слишкомъ обдуманнымъ, а лицо было черезчуръ разгоряченно; его черты выдавали болѣе хитрость, чѣмъ умъ, а подъ его размашистыми и простыми манерами скры-

валась нѣкоторая неловкость. На груди ни звѣзды, ни ленты, а лишь маленькій крестикъ св. Людовика въ бутоньеркѣ. Всего этого было достаточно для его осужденія и паденія съ самаго порога. Такъ какъ Шуазель уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ выѣхалъ изъ Франціи, то этотъ главный предметъ для разговоровъ того времени оказался мало интереснымъ въ его устахъ. Онъ, между прочимъ, разсказывалъ, что Отэнскій епископъ Таллейранъ, его близкій другъ и товарищъ дѣтства, не признаетъ долга въ четыреста тысячъ франковъ, которые онъ ему отдалъ на храненіе; это обстоятельство показалось довольно пикантнымъ. Но на слѣдующій день онъ опять объ этомъ заговорилъ и это уже показалось пошлымъ. Въ обществѣ Шуазелю столь-же мало повезло, какъ и при Дворѣ. Смѣшная страсть къ одной великосвѣтской кокеткѣ окончательно лишила его симпатіи. Ея Величество, обѣщавшая ему мѣсто президента Академіи Наукъ, какъ только княгиня Дашкова выйдетъ въ отставку, стала увертываться отъ обѣщанія, отказывая Дашковой въ отставкѣ, и ограничилась тѣмъ, что велѣла купить у Шуазеля его серебряный сервизъ, представлявшій значительную цѣнность. Наконецъ, графъ Эстергази, повѣренный французскихъ принцевъ, обладавшій весьма твердымъ положеніемъ и пользовавшійся, вопреки даннымъ ему инструкціямъ, своимъ вліяніемъ для того, чтобы топить тѣхъ изъ французскихъ подданныхъ, которые могли бы его затмить, нашелъ Шуазеля достойнымъ предметомъ для своихъ интригъ и окончательно погубилъ его въ глазахъ императрицы. Вотъ доказательство тому: однажды вечеромъ, когда я сталъ утверждать, что нельзя болѣе пріятно и поучительно толковать о всемъ, касающемся искусствъ, чѣмъ это дѣлаетъ Шуазель— что была сущая правда—императрица обошлась со мною довольно круто, посовѣтовавъ мнѣ не рѣшать вопросовъ, которыхъ я не понимаю.

Нѣкоторыя лица, изъ чувства ли справедливости, или изъ расчета, старались, въ разное время, возстановить его репу-

танію. Это попробовалъ между прочимъ сдѣлать графъ Марковъ, по просьбѣ своей возлюбленной г-жи Гюсъ, но несмотря на его вліяніе у императрицы, все было тщетно, и Шуазель могъ попасть ко Двору не иначе, какъ въ толпѣ остальныхъ царедворцевъ. Эта опала, повидимому сильно огорчавшая его, при перемѣнѣ царствованія сама собою поставила его въ ряды почетныхъ жертвъ предшествовавшаго режима. Павелъ I допустилъ его въ свою интимную компанію, назначилъ его президентомъ Академіи художествъ, поручилъ ему знаменитую Варшавскую библіотеку и, что лучше всего этого, подарилъ ему помѣстье въ Самогитіи, дающее 50,000 руб. дохода, благодаря чему онъ сталъ гораздо богаче, чѣмъ онъ когда-либо былъ, такъ какъ все, что онъ раньше имѣлъ, принадлежало не ему, а его женѣ. Но легкость, съ которой онъ попадалъ подъ вліяніе первой встрѣчной женщины, оказавшей снисхожденіе къ его безобразной внѣшности, затѣмъ нѣкоторыя ростовщическія дѣла, скомпрометировавшія его имя, а больше всего—ненависть новыхъ министровъ къ эмигрантамъ, низвели его скоро до худшаго состоянія, чѣмъ онъ находился при смерти Екатерины. О немъ еще разъ вспомнили на одинъ моментъ, когда было рѣшено поставить Суворову памятникъ. Его пригласили, спросили его совѣта и онъ могъ подумать, что входитъ опять въ милость; но 21 января 1800 г. онъ былъ высланъ изъ Петербурга за то, что обѣдалъ у графа Кобенцля, австрійскаго посла, которому тогда было запрещено появляться при Дворѣ, а, можетъ быть, и за то, что онъ разговаривалъ съ Дюмурье, относительно котораго Павелъ еще самъ не зналъ, какъ ему быть.

Такъ какъ и я, на слѣдующій день, оказался высланнымъ, то мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться въ маленькомъ трактирѣ, въ двухъ миляхъ отъ столицы, гдѣ онъ, наравнѣ съ многими другими, ожидалъ прибытія своихъ экипажей. Насъ тамъ было около восьмидесяти изгнанниковъ, всѣ изъ того же разряда, между прочимъ престарѣлый маркизъ Ламберъ и

г-жа Жеребцова, сестра Зубова. Бѣдный Шуазель съ грустью разставался съ довольно посредственной женщиной, которую онъ воображалъ любить до безумія, и съ хорошенькой квартирой холостяка, гдѣ онъ насъ нерѣдко угощалъ маленькими обѣдами на шесть приборовъ.

Я уже сказалъ, что съ Шуазелемъ можно было весьма пріятно разговаривать обо всемъ, что касалось искусства, и, дѣйствительно, это было большое удовольствіе. Если онъ вамъ объяснялъ какое-нибудь ремесло, онъ говорилъ весьма ясно и поучительно. Но помимо этихъ предметовъ его разговоръ былъ самый обыкновенный. За то никто въ его положеніи не рисовалъ такъ хорошо карандашомъ. Онъ, впрочемъ, только этимъ и занимался и, ради рисованія, забывалъ о самыхъ важныхъ дѣлахъ. Что же касается нравственной стороны его характера, то находили, что я совершенно правильно обрисовалъ его, сказавъ, что если бы Таллейранъ былъ посломъ при Портѣ, а Шуазель—епископомъ Отэнскимъ, то мы перваго встрѣтили бы въ Петербургѣ, а второго—въ должности министра иностранныхъ дѣлъ Конвента, Директоріи и Бонапарта. Вся разница между ними состояла бы въ внѣшности, ростѣ и талантѣ.

Впослѣдствіи я встрѣтился съ графомъ Шуазель-Гуффье въ Парижѣ, во время Имперіи, и прожилъ нѣсколько лѣтъ, вращаясь съ нимъ въ одномъ и томъ же обществѣ. Онъ проводилъ дни у того же друга молодости, относительно котораго онъ намъ въ Россіи разсказывалъ, что былъ имъ обиженъ на четыреста тысячъ франковъ, ухаживалъ за нимъ, чтобы добиться мѣста префекта, члена Совѣта или сенатора, а затѣмъ каждый вечеръ разсказывалъ мнѣ о немъ разные ужасы. Онъ тогда до смѣшного былъ влюбленъ въ княгиню Елену Боффрмонъ, остроумную даму и подругу г-жи де-Жанлисъ. Мы ихъ называли маленькими учеными, потому что они всегда обо всемъ разсуждали и толковали. Онъ занимался этою любовью у себя дома, въ присутствіи жены и пяти замужнихъ

дочерей, которыя были этимъ возмущены. Когда же его жена умерла, онъ женился на своей обожаемой Еленѣ, тоже незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшей, которой пришлось испытать, со стороны своихъ падчерицъ, довольно плохое обращеніе.

Когда наступила Реставрація, никто не оказался болѣе роялистомъ, чѣмъ графъ Шуазель-Гуффье, за что онъ былъ возведенъ въ перы и получилъ пенсію. Кромѣ того, онъ былъ избранъ членомъ французской Академіи и окончилъ свое сочиненіе „Живописное путешествіе по Греціи". За неимѣніемъ средствъ онъ не могъ достроить свой красивый особнякъ на Авеню Нельи, гдѣ все было устроено по образцамъ Аѳинъ и разработано съ рѣдкимъ совершенствомъ. Послѣ его смерти это хорошенькое владѣніе было превращено въ общественное гуляніе подъ названіемъ „Сада Марбефъ". Мнѣ было стыдно за парижанъ, а въ особенности за королевскихъ принцевъ и принцевъ крови!

XII.

Любомирскій [1]).

Одинъ изъ важнѣйшихъ процессовъ въ царствованіе Екатерины II, какъ по значенію спорнаго объекта, такъ и по положенію спорящихъ сторонъ, былъ процессъ, затѣянный княземъ Любомирскимъ противъ наслѣдниковъ и памяти князя Потемкина. Я это говорю не потому, что я самъ игралъ роль въ этомъ процессѣ, а потому что онъ такъ хорошо показываетъ способъ веденія въ Россіи подобныхъ дѣлъ, не исключая самыхъ важныхъ, даже въ періодъ наиболѣе справедливаго царствованія и, въ то же время, интереснѣйшимъ образомъ рисуетъ характеръ великой государыни, такъ что сохраненіе его подробностей имѣетъ существенное значеніе для исторіи. Князь Потемкинъ, исчерпавъ на своей родинѣ все, что могла ему дать благосклонная судьба, сталъ бросать свои алчные взгляды на пограничныя страны. Польская корона, Курляндское герцогство, верховная власть надъ Молдавіей и Валахіей съ титуломъ короля—вотъ тѣ призраки, за которыми гналось его черезчуръ разыгравшееся честолюбіе, и такъ какъ ему не удалось заставить Екатерину раздѣлить съ нимъ рос-

---

[1]) Князь Францискъ Ксаверій Любомирскій, генералъ-лейтенантъ на русской службѣ, кавалеръ орденовъ Св. Анны и Св. Губерта баварскаго, приходился графу Федору свойственникомъ, такъ какъ онъ, третьимъ бракомъ, былъ женатъ на Марьѣ Львовнѣ Нарышкиной, сестрѣ Екатерины Львовны, вышедшей замужъ за Юрія Головкина, двоюроднаго брата графа Федора.

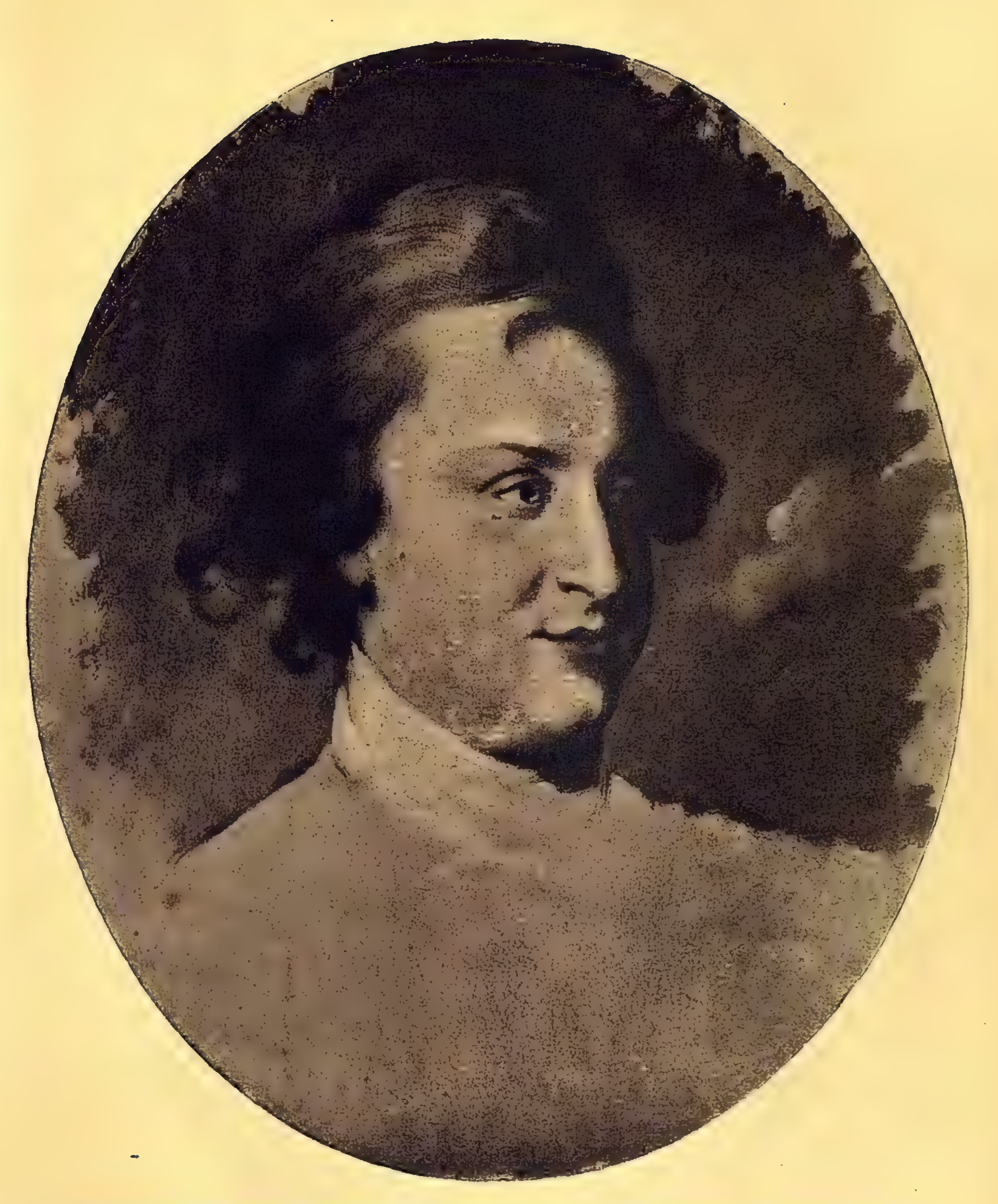
сійскій престолъ, то онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, чтобы она устроила ему царство гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Дѣло, о которомъ я говорю, разыгралось въ то время, когда Польша составляла предметъ его мечты, и весьма возможно, что было бы умнѣе и менѣе безнравственно посадить его туда, чѣмъ раздѣлить ее на части. Какъ бы то ни было, но онъ, съ своей стороны, началъ принимать тѣ мѣры, которыя зависѣли отъ него. Надо было прежде всего пріобрѣсти права польскаго гражданства, а чтобы добиться этого, надо было владѣть землями въ королевствѣ, и это заставило Потемкина купить за шесть милліоновъ, у князя Любомирскаго, графство Смилу. Послѣ того, какъ эта сдѣлка состоялась между обоими князьями на словахъ, Потемкинъ извлекъ изъ нея ту пользу, на которую онъ разсчитывалъ, и былъ провозглашенъ польскимъ магнатомъ. Но будучи слишкомъ занятъ дѣлами имперіи, онъ забылъ довести сдѣлку до конца и не только не заплатилъ за нее, но даже не далъ обезпеченія на значительную сумму, которую онъ задолжалъ Любомирскому. Устроившись въ своей главной квартирѣ въ Яссахъ, поглощенный тщеславными замыслами и дѣлами, недоступный для кого бы то ни было, кромѣ своихъ племянницъ и нѣкоторыхъ любимцевъ, онъ едва зналъ о томъ, что князь Любомирскій находится при его арміи и что самый законный интересъ заставлялъ его день и ночь сторожить у дверей. Съ его стороны въ отношеніи къ Любомирскому не было ни злой воли, ни замѣшательства, ни ложнаго стыда, а была лишь доведенная до крайности и безпримѣрная безпечность. Если кто-нибудь посмѣлъ бы указать ему на безнравственность разыгрываемой имъ роли, то одной его гордости было бы достаточно, чтобы немедленно заставить его расплатиться съ кредиторомъ; но изъ окружавшихъ его клевретовъ одни дрожали, какъ бы не навлечь на себя его недовольство, а другіе сочли бы смѣшнымъ воспользоваться своимъ вліяніемъ въ пользу вельможы, который не сумѣлъ самъ защитить свои интересы, къ тому же

Графиня СОФІЯ АЛЕКСѢЕВНА ПОТОЦКАЯ, 1766-1822.

(Прекрасная Фанаріотка.)

Свѣтлѣйшій Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.

Гр. Александра Васильевна Браницкая.
1754—1838.

Пис. *Рокотовъ.*

еще поляка, который какъ-будто бы попрошайничалъ, когда онъ имѣлъ право требовать. Любомирскій, видя, что ему даже не удастся получить доступа къ Потемкину, выписалъ въ армію свою жену, урожденную графиню Ржевускую, безобразную и глупую, но зато женщину, да къ тому же еще польку, умѣющую пролѣзть въ ушко иголки. Она дала себѣ много труда и такъ старалась, что Потемкинъ ее, наконецъ, замѣтилъ, выслушалъ и нашелъ ея требованія вполнѣ справедливыми. Въ видѣ расплаты, онъ за два милліона уступилъ ей графство Дубровское, а на остальные четыре милліона обѣщалъ ей выдать вполнѣ оформленные векселя.

Это удачное начало ободрило княгиню продолжать дѣло и довести его до конца. Она устроилась въ аванзалѣ своего должника и слѣдовала за нимъ по пятамъ, куда бы дѣла или прихоти его не привели. Она какъ-будто сдѣлалась членомъ главной квартиры арміи и, нисколько не робѣя ни передъ заносчивостью его племянницъ, ни передъ язвительными шутками его любимцевъ, не стѣсняясь ни недостаткомъ помѣщенія, ни даже иногда недостаткомъ въ пищѣ, не отходила ни на шагъ отъ Потемкина. Я не знаю въ точности, достигла ли она этимъ чего-нибудь, но въ самый разгаръ ея стараній князь Потемкинъ скончался. Когда же Любомирскіе обратились къ его наслѣдникамъ, послѣдніе прежде всего желали видѣть обязательства покойнаго князя, а такъ какъ послѣднія существовали только въ совѣсти, а не на бумагѣ, наслѣдники отказались платить. Къ несчастью, этихъ наслѣдниковъ нельзя было прямо привлечь къ суду; это были—графиня Браницкая, супруга великаго маршала Польши, статсъ-дама императрицы и кавалерственная дама ордена Св. Екатерины, графиня Скавронская, статсъ-дама и главный предметъ страсти своего покойнаго дяди; княгиня Голицына, мужъ который пользовался большимъ уваженіемъ за свою честность и свои заслуги; г-жи

Шепелева и Юсупова [1]); затѣмъ графъ Самойловъ, Андреевскій кавалеръ и генералъ-прокуроръ или министръ юстиціи и финансовъ и еще нѣсколько лицъ вполнѣ подходящихъ къ ролямъ главныхъ крикуновъ. Надо было собрать всѣхъ этихъ лицъ, получить отъ нихъ отказы и затѣмъ удостовѣрить эти отказы, а между тѣмъ грозная тѣнь покойнаго и настоящее или притворное горе императрицы вмѣстѣ съ разными другими обстоятельствами составляли непреодолимую преграду вокругъ этихъ четырехъ милліоновъ.

Князь Любомирскій не отличался ни умомъ, ни вліяніемъ, ни сообразительностью; княгиня же растерялась среди мелкихъ чиновниковъ и не могла стряхнуть съ себя пыль передней. Но у нихъ были дѣти и законное право всегда имѣетъ нѣчто внушительное, прикрывающее тѣхъ, кто можетъ имъ облечься; кромѣ того, при Дворѣ были люди, могущіе замолвить слово въ ихъ пользу. Имъ посовѣтовали за недостаткомъ письменныхъ доказательствъ обратиться къ такъ называемому суду совѣсти, нѣчто въ родѣ третейскаго суда, установленнаго императрицей подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, и, къ счастью для нихъ, они послушались этого совѣта.

Мнѣ въ то время минуло двадцать два года [2]) и я былъ только камеръ-юнкеромъ, но былъ принятъ въ ежедневный и интимный кругъ императрицы, которую мои шалости очень забавляли. Графъ Зубовъ, премьеръ-министръ и фаворитъ, тоже какъ-будто не могъ обойтись безъ меня и я, безъ хвастовства—ибо съ тѣхъ поръ прошло уже столько лѣтъ, могу сказать, что въ виду неизвѣстности моей дальнѣйшей

---

[1]) Эти пять племянницъ князя Потемкина, перечисленныя графомъ Федоромъ, происходили отъ брака его сестры Елены съ Василіемъ Андреевичемъ Энгельгардтомъ. Шестая племянница была замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Жуковымъ.

[2]) Графъ Федоръ молодится; онъ родился въ 1766 г., такъ что ему тогда, въ 1794 г., было уже двадцать восемь лѣтъ отъ роду.

участи, большая часть всей Россіи и добрая часть Европы заискивали у меня, въ доказательство чего дальше приведу любопытные факты. И вотъ, однажды утромъ, во время аудіенціи, которыя въ этой странѣ зависятъ болѣе отъ смѣлости, чѣмъ отъ занимаемаго положенія, я изъ разговоровъ услышалъ, что князь Любомирскій, согласно правиламъ суда совѣсти, ищетъ двухъ лицъ, которыя могли бы защищать правоту его дѣла передъ этимъ судомъ, но получилъ уже болѣе двадцати отказовъ. Это была очень серьезная вещь, такъ какъ подобные отказы въ этихъ случаяхъ кладутъ клеймо на того, кто ихъ получаетъ или же кто ихъ даетъ, и я былъ возмущенъ общею трусостью. „Если бы онъ обратился ко мнѣ,— сказалъ я громко,—я не рѣшился бы ему отказать и мнѣ, можетъ быть, удалось бы также найти себѣ товарища". На слѣдующій день, рано утромъ, мнѣ доложили о приходѣ князя. Онъ пришелъ въ парадномъ мундирѣ съ лентою черезъ плечо—ибо поляки изощряются въ вѣжливости—и, послѣ многихъ извиненій за свою смѣлость, сдѣлалъ мнѣ предложеніе защищать его интересы, предоставляя мнѣ назначить себѣ товарища по моему усмотрѣнію. Я сразу постигъ всѣ послѣдствія, которыя могъ имѣть мой отвѣтъ, но я самъ искалъ это осиное гнѣздо и не въ моемъ характерѣ было трусить. Поэтому я принялъ на себя роль третейскаго судьи и объявилъ, что я выбираю своимъ товарищемъ г. Вейдемейера, служившаго раньше у его дяди и состоявшаго въ это время секретаремъ Совѣта. „Я не знаю ни законовъ, ни языка,—сказалъ я князю,— но голосъ чести легко прозвучитъ, а формальностями займется мой коллега". Бѣдный князь, внѣ себя отъ восторга, чуть не обнялъ моихъ колѣнъ и повсюду разсказалъ о своей удачѣ.

Это произвело, поистинѣ огромное впечатлѣніе. Никто не ожидалъ, что я, въ свой юный возрастъ, рѣшусь впутаться въ такое серьезное дѣло, и многіе думали, что я бросаюсь въ этотъ омутъ изъ неосторожности, или что графъ Зубовъ толкаетъ меня туда, какъ блуднаго сына; мнѣ въ тотъ же самый

день пришлось выслушать отъ разныхъ лицъ выраженія недовольства. Наслѣдники, удивленные и возмущенные, но вынужденные принять рѣшеніе, назначили, съ своей стороны, третейскими судьями: своего родственника, престарѣлаго сенатора Жукова, человѣка недалекаго и прославившагося когда-то своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, и нѣкоего Ермолова, отличавшагося такимъ же поведеніемъ и по данное время. Предсѣдателемъ суда совѣсти былъ тогда сенаторъ Ржевскій, но онъ представлялъ изъ себя не болѣе какъ сидящее въ креслѣ чучело или маріонетку, въ то время какъ его сыновья находились въ зависимости отъ графа Самойлова, министра юстиціи и, какъ я уже сказалъ, сонаслѣдника. Мы провѣрили наши правомочія, и засѣданіе началось.

Всякій другой, кромѣ меня, ужаснулся бы той пропасти, надъ которой я добровольно примостился. Императрица, поклоняясь памяти человѣка, котораго она въ теченіе двадцати пяти лѣтъ удостаивала своего довѣрія и своей дружбы, считала себя оскорбленной тѣмъ, что я, единственная опора котораго состояла въ ея милости, посмѣлъ открыто выступить противъ его памяти, и успокоилась лишь при мысли о моемъ невѣжествѣ и о моей неопытности. Графъ Зубовъ, очень довольный тѣмъ, что нашелся человѣкъ, чтобы вырыть изъ могилы исполина, котораго ему лишь съ большимъ трудомъ—и не въ одномъ ли только воображеніи—удалось опрокинуть, но вынужденный тщательно скрывать эти чувства передъ императрицей, дѣлалъ видъ, какъ-будто онъ возмущается мною, считавшимся его близкимъ другомъ и занявшимся столь неумѣстнымъ дѣломъ. Цѣлый легіонъ завистниковъ, сдерживаемыхъ до того моимъ вліяніемъ, не имѣя возможности громко нападать на мои принципы, поднялъ вопль противъ моей дерзости и противъ неосторожности моего поведенія. Я скоро замѣтилъ, что тотъ, для котораго я великодушно рисковалъ своимъ положеніемъ, уже начиналъ опасаться неудачнаго выбора и что мой товарищъ, котораго я привлекъ къ этому дѣлу, же-

натый на камеръ-юнгферѣ императрицы, сталъ руководствоваться чужими совѣтами.

Тѣмъ временемъ жизнь при дворѣ продолжала быть для меня тѣмъ, чѣмъ она при данныхъ обстоятельствахъ всегда бываетъ: пріятнымъ времяпрепровожденіемъ въ безоблачной атмосферѣ, гдѣ ничего не предвѣщаетъ грядущихъ грозъ и гдѣ бываютъ только мелкія непріятности. Съ внѣшней стороны ничего не измѣнилось для меня, послѣ того какъ прошло первое удивленіе моему поступку. Императрица, обращавшаяся со мною, какъ всегда, дѣлала видъ, что ничего не знаетъ. Графъ Зубовъ, который говорилъ со мною объ этомъ лишь какъ о заблужденіи благороднаго сердца и о юношеской шалости, подъ рукою наставлялъ окружавшихъ насъ лицъ, чтобы они меня хвалили за красоту моего поведенія и за величіе моего характера. Ему было безразлично видѣть, какъ я погибаю, ибо въ сердцѣ онъ меня не любилъ, и въ его расчеты входило только позорить память человѣка, который долгое время всѣхъ подавлялъ своимъ презрѣніемъ. Что касается меня, то я не замѣчалъ за собою ни малѣйшей неувѣренности или боязни, и если бы я даже почувствовалъ нѣчто подобное, то стараніе противной стороны подкупить меня вполнѣ успокоило бы меня на этотъ счетъ. Всѣ наслѣдники вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности старались расположить меня въ свою пользу, а графиня Браницкая, главная изъ нихъ, несмотря на свою скупость, предложила мнѣ 180,000 руб. съ тѣмъ, чтобы я отказался отъ моего посредничества.

Между тѣмъ засѣданія третейскаго суда продолжали идти своимъ чередомъ, хотя дѣло не двигалось впередъ; приводились законы, которые не имѣли ничего общаго съ процессомъ и въ которыхъ я тоже ничего не понималъ. Я изображалъ изъ себя собаку того вертельщика, которая, пробѣжавъ десять миль, остается все на одномъ и томъ же мѣстѣ. Ермоловъ позволилъ себѣ однажды утромъ высказать свое соболѣзнованіе по поводу того, что я, будучи такъ молодъ и не-

опытенъ, рѣшаюсь спорить съ нимъ, день и ночь не разстающимся съ законами, ибо этотъ несчастный состоялъ членомъ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. „Не знаю— отвѣтилъ я ему—можетъ быть, вы и спите на законахъ, но это довольно безразлично для суда, признающаго только законы совѣсти; мнѣ во всякомъ случаѣ ясно то, что вы хотите меня усыпить, но этого я никогда не допущу".

Противная сторона хотѣла выиграть время. Я какъ бы для того, чтобы обезпечить себѣ портъ на случай будущихъ ураганов, добился назначенія на мѣсто посланника въ Неаполь, и мои противники расчитывали на какой-нибудь случай, чтобы вынудить меня поскорѣе уѣхать, предоставивъ князя Любомирскаго и его дѣтей ихъ произволу. Замѣтивъ это намѣреніе и желая воспользоваться имъ противъ моихъ враговъ, я испросилъ шестинедѣльный отпускъ, якобы для поѣздки въ Москву и устройства тамъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Это неожиданнное рѣшеніе произвело величайшую сенсацію при Дворѣ и въ обществѣ. Подумали, что я раскаялся и отказываюсь отъ дальнѣйшаго вліянія на этотъ своеобразный процессъ, а поэтому сейчасъ же дали мнѣ просимый отпускъ, и я уѣхалъ въ Москву.

То, что я предвидѣлъ, случилось. Какъ только я пріѣхалъ въ Москву, я получилъ офиціальное извѣщеніе о состоявшемся мнимомъ рѣшеніи суда; я говорю „мнимомъ", ибо оно безъ моего согласія не могло считаться законнымъ. Добродушный Ржевскій храбро сталъ на сторону сильнѣйшихъ, и князь Любомирскій былъ осужденъ къ потери своихъ четырехъ милліоновъ; казалось, такимъ образомъ, что все кончено, наслѣдники торжествуютъ, и императрица, освободившись отъ всякаго безпокойства по этому поводу, посмотрѣла на меня, какъ на вѣтренаго глупца. Но это именно былъ моментъ, когда я могъ развить всю свою находчивость. Я въ тотъ же день отослалъ суду обратно его рѣшеніе, ограничиваясь припиской, что я еще не умеръ и явлюсь ко дню окончанія раз-

рѣшеннаго мнѣ Ея Императорскимъ Величествомъ отпуска. Тѣмъ временемъ я приступилъ къ составленію особаго мнѣнія по этому дѣлу. Для его рѣшенія достаточно было немного честности. Моя записка состояла изъ двухъ столбцовъ, съ одной стороны—изъ подлиннаго текста на французскомъ языкѣ, снабженнаго моею подписью, а съ другой—изъ перевода на русскій языкъ, который я не подписалъ, опасаясь, что противники, не имѣя возможности оспорить мое мнѣніе по существу, могли бы придраться къ буквѣ. Помня это, я выѣхалъ обратно въ Петербургъ.

Часъ спустя по выходѣ изъ коляски, я отправилъ пакетъ къ предсѣдателю съ записочкой, въ которой было сказано, что такъ какъ судъ постановилъ рѣшеніе безъ меня, то я считаю себя въ правѣ разъяснить дѣло безъ него и что, въ виду равнодушнаго отношенія суда къ истинному смыслу своей задачи, я предпочитаю передать мое особое мнѣніе, являющееся окончательнымъ, непосредственно въ руки его предсѣдателя. Дворъ тогда находился въ Царскомъ Селѣ. Ея Императорское Величество встрѣтила меня съ той снисходительной добротой, которую сила такъ охотно оказываетъ разоблаченной посредственности; Зубовъ—съ зубоскальствомъ, говорящимъ много, но не объясняющимъ ничего; его приближенные—съ видомъ укоризны и недовольства, остальные же царедворцы—какъ люди довольные тѣмъ, что совершена непоправимая ошибка. Но приближался моментъ катастрофы. На другой день, утромъ, императрица принимала въ аудіенціи нѣкоторыхъ лицъ, прибывшихъ изъ С.-Петербурга. Не будучи любопытенъ въ мелочахъ, я лишь впослѣдствіи узналъ подробности. Когда мы собрались къ обѣду, я видѣлъ на лицахъ графини Браницкой и графа Самойлова выраженіе торжества и радости, которое меня удивило.

Императрица появилась со всѣми признаками плохо подавленнаго гнѣва, съ краснымъ лицомъ и хриплымъ голосомъ и сѣла за столъ, не сказавъ ни слова лицамъ, мимо которыхъ

она проходила. По праву моей должности, я сидѣлъ напротивъ нея и замѣтилъ, что она нарочно старалась не глядѣть на меня. Я хотѣлъ выяснить это обстоятельство и по старой привычкѣ началъ разговоръ, но она промолчала и лишь покраснѣла. Я сталъ догадываться о причинахъ такого поведенія, когда ко мнѣ подошелъ курьеръ и сказалъ мнѣ на ухо, что, по окончаніи обѣда, меня ждетъ въ своихъ покояхъ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ. Я полагалъ, что онъ, какъ всегда, послѣ Совѣта вернулся къ себѣ на дачу, и это отклоненіе отъ его привычекъ и приглашеніе отъ такого высокопоставленнаго лица, у котораго я вообще не бывалъ и который, подъ предлогомъ, что я отвлекъ отъ него графа Зубова, дѣлалъ видъ, что меня ненавидитъ,—предвѣщали мнѣ нѣчто необыкновенное и недоброе. Какъ только императрица удалилась во внутреннiе покои, я отправился къ фельдмаршалу и засталъ его въ крайнемъ смущеніи, вѣроятно, по причинѣ моей репутаціи,—какъ человѣка очень откровеннаго.

Онъ сталъ извиняться въ причиняемомъ мнѣ безпокойствѣ, сдѣлалъ видъ, что прочитываетъ важныя письма, которыхъ онъ въ дѣйствительности вовсе не читалъ, поднималъ отъ времени до времени, какъ это было его привычкой, нижнюю часть своего костюма, постоянно сползавшую, и, наконецъ, собравъ достаточную долю самоувѣренности и присутствія духа, сказалъ мнѣ своимъ обычнымъ лукавымъ голосомъ:

— На меня нашей августѣйшей государыней возложено относительно васъ, дорогой графъ, ужасное порученіе!

— И какое именно, Ваше Сіятельство?—спросилъ я его.

Новыя извиненія съ его стороны, затѣмъ увѣренія въ его уваженіи и дружбѣ ко мнѣ и выраженія искренняго соболѣзнованія по поводу обычной неосторожности молодыхъ людей, губящихъ себя преувеличеніемъ добродѣтельныхъ чувствъ,—наконецъ, все возможное, чтобы привести въ отчаяніе человѣка, желающаго поскорѣе узнать свою участь.

ПЛАТОНЪ ЗУБОВЪ.

— Будьте такъ любезны, Ваше Сіятельство, объяснить мнѣ подробнѣе, въ чемъ заключается мое несчастіе!

— Итакъ, знайте, если вы желаете поскорѣе узнать вашу судьбу! Знайте, что Ея Императорское Величество поручила мнѣ сказать вамъ, что, будучи даже членомъ Конвента въ Парижѣ или въ Варшавѣ, вы не осмѣлились бы представить такую назойливую записку, какъ та, которую вы послали третейскому суду, но что она сумѣетъ васъ поставить въ должныя рамки уваженія и долга.

— И это все, Ваше Сіятельство?

— Увы, дорогой графъ, это мнѣ, въ виду моей симпатіи къ вамъ, уже кажется слишкомъ много!

— Позвольте, Ваше Сіятельство, поблагодарить васъ за ту деликатность и вѣжливость, которыя вы соблаговолили вложить въ исполненіе даннаго вамъ порученія!—И я хотѣлъ откланяться.—„Оставайтесь, мнѣ приказано также передать отвѣтъ, который вамъ угодно будетъ дать.“—„У меня на это лишь одинъ отвѣтъ, но я думаю, что онъ теперь неумѣстенъ.“—„Ничего, вы можете мнѣ довѣриться.“—„Такъ будьте же столь добры, Ваше Сіятельство, передать императрицѣ, что мое непоколебимое почтеніе и безграничное поклоненіе Ея Величеству заставляютъ меня думать, что она не дала себя труда прочесть мою записку.“—„Но, графъ, какъ же такъ?“—воскликнулъ фельдмаршалъ. „Я не могу вамъ отвѣтить ничего другого“—прибавилъ я и, пользуясь удивленіемъ стараго царедворца, быстро вышелъ.

Пока посылали за моей каретой, одно преданное мнѣ лицо разсказало мнѣ, что Ржевскій въ сопровожденіи Самойлова еще до начала Совѣта бросились императрицѣ въ ноги, прося простить ихъ за ихъ дерзостное обвиненіе человѣка, осыпаннаго ея милостями, въ непочтеніи къ ея священной личности, въ непослушаніи высшимъ законамъ и т. д. и т. д. По дорогѣ въ Петербургъ я составилъ черновое письмо, которое я рѣшилъ написать императрицѣ. Я переписалъ его дома и отпра-

вилъ его въ Царское Село съ такимъ расчетомъ, чтобы императрица получила его на слѣдующій день при вставаніи. Это письмо состояло изъ восьми страницъ большого формата и было раздѣлено на двѣ части: 1) мое мнѣніе по дѣлу Любомирскаго, 2) мое мнѣніе о поведеніи императрицы во все время веденія процесса. Это письмо было писано чистосердечно, съ полнымъ довѣріемъ, и содержало такія истины и разсужденія, какія можно позволить себѣ только съ лицами, обладающими высшимъ разсудкомъ. Я доказывалъ ей, что она одна обезславляетъ память покойнаго князя, выставляя свои сомнѣнія на счетъ его, что общество относится къ нему справедливѣе, и это ей, не менѣе чѣмъ мнѣ, извѣстно, что князь Потемкинъ, будучи всегда обремененъ государственными дѣлами, запускалъ тѣ дѣла, которыя касались лично его, въ томъ числѣ и настоящее дѣло.

Когда я отправилъ это письмо, я поѣхалъ къ себѣ на дачу, чтобы повидаться съ женою и друзьями, которыхъ мнѣ въ то время рѣдко пришлось видѣть, но ничего не сказалъ имъ о происшедшемъ. Я полагалъ, что мое письмо только что получено императрицей, какъ вдругъ ко мнѣ явился курьеръ фельдмаршала, съ просьбою быть на слѣдующій день, въ семь часовъ утра, въ его домѣ у Петергофскихъ воротъ. Это было предвкушеніе моей побѣды. Столь быстрый отвѣтъ и порученіе, данное старику министру, котораго берегли отъ всякихъ утомленій, сдѣлать восемь миль для того, чтобы переговорить со мною,—доказывало, что со мною обращались какъ съ личностью, заслуживающею вниманія и пребывающею въ милости. Дѣйствительно, когда двери фельдмаршала раскрылись передо мною, я замѣтилъ въ его словахъ досаду, которую онъ старался скрыть, но которая говорила мнѣ больше, чѣмъ его слова. Онъ передалъ мнѣ отвѣтъ, написанный императрицей собственноручно на четырехъ страницахъ большого формата. Она входила во всѣ подробности дѣла, останавливаясь также на впечатлѣніи, которое оно могло произвести, и удостоивала

меня даже объясненій въ свое оправданіе. Письмо заканчивалось слѣдующими знаменательными словами: „Возможно, что съ точки зрѣнія законодательства ваши мысли лучше моихъ, но мои мысли—законъ, и ваши должны имъ подчиниться; я, впрочемъ, требую, чтобы вы ими пожертвовали въ знакъ вашей привязанности ко мнѣ, на которую я расчитываю“. Я хотѣлъ положить въ карманъ это драгоцѣнное доказательство одобренія и уваженія, но фельдмаршалъ объявилъ мнѣ, что ему приказано отобрать это письмо и отнести его обратно и что все, что онъ можетъ мнѣ разрѣшить,—это прочесть его еще разъ, что я и сдѣлалъ. Я собирался отвѣтить на письмо, но Салтыковъ сказалъ, что императрица мнѣ это запрещаетъ и что этимъ дѣло для меня вообще кончено. И, дѣйствительно, она отняла у суда совѣсти это дѣло и предоставила себѣ самой рѣшеніе.

Вечеромъ я опять явился ко Двору. Ея Величество обошлась со мною, какъ съ лицомъ, съ которымъ у нея есть секреты, а придворные старались у меня заискивать. Скоро послѣ того я уѣхалъ къ своему посольскому мѣсту въ Неаполь. Но несмотря на мое отсутствіе, а затѣмъ мое заключеніе, императрица никогда не произнесла рѣшенія по этому дѣлу. При воцареніи же Павла I, на письменномъ столѣ покойной императрицы нашли мою записку въ два столбца, которая чуть было не стоила мнѣ дорого. Императоръ ее прочелъ и написалъ внизу подъ моею подписью: „Быть по сему!“ Эти три слова превратили мою записку въ императорскій указъ, послужили руководствомъ для Сената и заставили, наконецъ, наслѣдниковъ князя Потемкина уступить князю Любомирскому.

XIII.

Въ Берлинѣ (1794 г.).

Я выѣхалъ изъ Россіи, огорченный проектомъ предстоящаго окончательнаго раздѣла Польши. Никогда ничего не казалось мнѣ болѣе безнравственнымъ и неполитичнымъ. Но я зналъ тайныя причины этого рѣшенія. Екатерина II нѣсколько разъ заявляла, что она никому ничего не выдѣлитъ изъ государственныхъ имуществъ. Между тѣмъ князю Зубову, фавориту, и Маркову, исполняющему обязанности министра, надо было сколотить себѣ состояніе, окончательный же раздѣлъ сосѣдняго королевства устранялъ препятствія, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда предстоитъ дѣленіе пирога, ихъ враги тоже изъявили молча свое согласіе на столь открытое попираніе славы ихъ государыни. Но въ разговорѣ, который у меня былъ съ императрицей незадолго до моего отъѣзда, я замѣтилъ, что у нея какъ-будто заранѣе явилось нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти по поводу несправедливости, предупредить которую у нея не хватило силы; и что она была бы рада тому, кто почувствовалъ бы въ себѣ достаточно ловкости и смѣлости, чтобы избавить ее отъ рѣшенія противъ ея собственной воли и противъ воли ея министровъ. Берлинъ въ то время былъ центромъ переговоровъ по дѣламъ Польши, гдѣ тогда происходила война, а также по дѣламъ Франціи, съ которой нѣкоторые Дворы уже замышляли войти въ сношеніе; поэтому казалось весьма естественнымъ, что новичокъ въ моемъ возрастѣ, назначенный въ малозначительное посоль-

ство, остановился здѣсь, чтобы изучить общую политику и дѣла того времени. Хаосъ, въ который я былъ тотчасъ же посвященъ и который я постараюсь изложить въ нѣсколькихъ словахъ, скоро предоставилъ мнѣ возможность достичь этой цѣли; чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ, достаточно будетъ объяснить, какъ тогда велись дѣла между Пруссіей и Россіей.

Въ Берлинѣ обязанности полномочнаго посланника Россіи исполнялъ престарѣлый графъ Нессельроде, назначенный туда, какъ бывшій участникъ интимнаго кружка Фридриха Великаго, и основательно знавшій всѣхъ старыхъ министровъ, переживших его, а также всѣ уловки прусской политики. Тогда еще не замѣтили, что способъ веденія политики измѣнился и что въ Европѣ уже не интересовались кабинетными принципами, основанными на интересахъ государства, а руководствовались личными интересами министровъ, что то, что раньше могло стоить головы министру, теперь еле навлекало на него выговоръ. Такъ какъ Нессельроде не имѣлъ успѣха, то къ нему прикомандировали Алопеуса [1]), бывшаго дѣлопроизводителя канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, человѣка причудливой внѣшности и пылкаго характера, но хорошо знакомаго со всѣми подробностями службы. А такъ какъ польскія смуты и послѣдовавшая за ними война въ связи съ слабыми успѣхами пруссаковъ и истощеніемъ финансовъ и пр. нѣсколько умѣрили воинственный пылъ короля, то сочли нуж-

---

[1]) Этотъ Финляндскій шведъ оказалъ Россіи хорошія услуги. Максимъ Максимовичъ Алопеусъ (1748—1822) былъ съ 1790 и 1796 г., (а потомъ еще разъ съ 1802—1808), посломъ въ Берлинѣ. Возведенный въ 1819 г. въ баронское достоинство Финляндіи и въ 1820 въ польское графское достоинство онъ, согласно описанію графа Федора, „имѣлъ внѣшность выскочки изъ мужиковъ и отличался болѣе тонкостью и хитростью, чѣмъ умомъ. Знанія его ограничивались канцелярскимъ формализмомъ и не проникали въ глубь политики“.

нымъ послать въ Берлинъ еще принца Нассау Зигенскаго [1]), рыцарскія манеры, а также придворный лоскъ и почтительная фамильярность котораго достигли большихъ результатовъ, чѣмъ можно было ожидать. Эти три уполномоченныхъ ненавидѣли другъ друга и наперерывъ интриговали одинъ противъ другого. Я пріѣхалъ какъ разъ кстати, чтобы собрать ихъ жалобы и выслушать ихъ секреты. Первый изъ нихъ уже заговаривался, повторяя все одно и то же, и чтобы лучше проявить всю глубину своего ума, считавшагося въ Россіи недостаточнымъ для веденія дѣла, разсказывалъ первому встрѣчному все то, что онъ зналъ. Второй, вспыльчивый отъ природы и къ тому же плохо воспитанный, выдавалъ себя даже, когда молчалъ; по какимъ-то страннымъ соображеніямъ, могущимъ казаться почти преступными, онъ попалъ подъ руководство англійскаго посланника. Третій, наконецъ, своею молчаливостью, къ которой онъ пріучилъ себя съ молодости изъ боязни выдать свое невѣжество и свою посредственность, а также своими притязаніями, какъ принцъ, вести переговоры только съ самимъ королемъ и съ его фаворитами,—бросалъ на своихъ товарищей тѣнь, какъ-будто бы они находились въ немилости у своего правительства, которому они должны были служить всѣ вмѣстѣ.

На противной сторонѣ была такая же путаница, препятствовавшая нормальному ходу дѣлъ. Графъ Финкенштейнъ, представлявшій изъ себя нѣчто въ родѣ премьеръ-министра, былъ не болѣе какъ красивый призракъ старины и самъ признавалъ свое ничтожество, когда его къ тому заставляли. Графъ Альвенслебенъ, представительная личность, и графъ Гаугвитцъ, добившійся министерскаго поста черезъ царедворцевъ, придавали себѣ видъ, какъ-будто они управляютъ дѣлами, но

[1]) Маркизъ *Арагонъ* въ своей книгѣ „*Принцъ Нассау-Зигенскій*“ ничего не упоминаетъ объ этой миссіи, но приводитъ, въ выдержкахъ, письмо принца, адресованное его женѣ изъ Берлина отъ 6-го декабря 1794 г.

отъ нихъ нельзя было ничего добиться и надо было прежде всего заручиться содѣйствіемъ разныхъ кабинетскихъ секретарей; они же сами оставались до такой степени невидимыми и недоступными, что можно было проживать въ Берлинѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, не получивъ матеріальныхъ доказательствъ объ ихъ существованіи. Если даже иногда удавалось ихъ видѣть, а также убѣдить или склонить ихъ въ свою пользу, то это мало помогало, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которыхъ нельзя было ни предвидѣть, ни подготовить, успѣхъ переговоровъ зависѣлъ отъ генерала Бишофсвердера, генералъ-адютанта короля, который, какъ главный жрецъ Иллюминатовъ [1]), тогда исключительно располагалъ волею и властью своего государя.

Когда на прусской сторонѣ замѣтили, что русскіе другъ передъ другомъ стараются овладѣть мною, меня приняли за вліятельную личность и стали съ обѣихъ сторонъ заискивать. Принцъ Нассаускій, который въ Петербургѣ былъ однимъ изъ моихъ самыхъ важныхъ приверженцевъ и которому я рекомендовалъ, въ качествѣ секретаря, одного эльзасца—Апштетта, бывшаго раньше приказчикомъ въ модномъ магазинѣ и сыгравшаго впослѣдствіи, при Александрѣ I, столь видную роль въ дипломатіи, что даже навлекъ на себя личную ненависть Бонапарта—этотъ самый принцъ Нассаускій счелъ какъ-будто своимъ долгомъ предупредить короля и генерала Бишофсвердера, что императрица осыпаетъ меня своими милостями, что она состоитъ со мною въ перепискѣ и что моя миссія въ Неаполь есть не что иное, какъ предлогъ, чтобы присмотрѣться ко многимъ вещамъ и доложить ей впослѣдствіи лично о нихъ. Это имѣло ожидаемое воздѣйствіе, и съ того момента меня стали отличать всякими способами, чтобы привлечь меня на свою сторону.

---

[1]) Иллюминаты — протестантская секта, распространенная въ XVIII столѣтіи главнымъ образомъ среди высшихъ классовъ общества.

Примѣч. перев.

Такъ какъ король пребывалъ тогда въ Потсдамѣ, я еще не имѣлъ случая быть ему представленнымъ. Онъ проживалъ въ маленькомъ дворцѣ Гейлигензе, куда кромѣ его фаворитовъ, фавориток и внѣбрачныхъ дѣтей не допускали никого, не исключая самихъ членовъ королевской семьи. Въ обществѣ полагали, что воспоминаніе о неудачахъ, испытанныхъ въ Польшѣ, непріятное впечатлѣніе, произведенное ими на армію и на всю націю, а также боязнь оппозиціи на случай, если бы онъ вздумалъ продолжать войну съ удвоенной энергіей,—надолго удержитъ его въ своемъ убѣжищѣ. Но вдругъ принцъ Нассаускій увѣдомилъ меня письмомъ, что Его Величество желаетъ меня видѣть и приглашаетъ меня съ женой провести съ нимъ послѣзавтрашній день въ Гейлигензе, гдѣ насъ встрѣтитъ г-жа Бишофсвердеръ, и что придворные экипажи насъ будутъ ожидать у Потсдамской заставы. Такъ какъ было вполнѣ ясно, что такая милость, которой никто не удостоивался, выпала на мою долю помимо моей просьбы, я счелъ долгомъ предупредить объ этомъ графа Финкенштейна, и старикъ былъ мнѣ весьма благодаренъ за эту внимательность. Все, что только можно было придумать, чтобы придать этому небывалому отличію пріятность, было тутъ пущено въ ходъ. Общество состояло изъ семи лицъ: короля, пажей и генерала Бишофсвердера, принца Нассаускаго, графа Люзи, бывшаго посланника Фридриха Великаго въ Англіи, моей жены и меня. Мы позавтракали на русскій манеръ, потомъ ловили рыбу на озерѣ; послѣ великолѣпнаго по своей роскоши обѣда, состоялась иллюминація оранжереи, затѣмъ первыми артистами былъ данъ концертъ и празднество закончилось ужиномъ. Въ видѣ особенной любезности было удовлетворено любопытство моей жены и насъ повели во внутренніе аппартаменты, гдѣ мы были поражены и тронуты, увидѣвъ надъ письменнымъ столомъ портретъ бѣднаго маленькаго Людовика XVII. Наконецъ, послѣ полуночи мы откланялись Его Величеству.

Послѣ обѣда король повелъ меня въ сторону и откровенно

Графиня АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА БРАНИЦКАЯ.
1754—1838
Писалъ Бромптонъ, 1781.

призналcя мнѣ въ тайнѣ такой милости къ намъ. Онъ сказалъ мнѣ безъ обиняковъ, что зная двѣ вещи: особеное довѣріе, которымъ я пользуюсь у императрицы, и привязанность, которую я, въ силу моего воспитанія, сохранилъ къ Пруссіи, онъ расчитываетъ на меня, чтобы устранить нѣкоторыя затрудненія, возникшія и разрастающіяся вслѣдствіе запутанности интересовъ, а главное вслѣдствіе разногласій среди уполномоченныхъ; что онъ ничего больше не желаетъ, какъ угодить Ея Императорскому Величеству, но не можетъ сдѣлать больше, чѣмъ позволяютъ его средства; и что, въ остальномъ генералу Бишофсвердеру приказано дать мнѣ всѣ необходимыя объясненія. Я ему на это отвѣтилъ, что отнюдь не уполномоченъ къ вмѣшательству въ столь важные переговоры, но что глубокая благодарность, внушенная мнѣ довѣріемъ Его Величества, дастъ мнѣ, можетъ быть, хорошую мысль къ удовлетворительному разъясненію интересовъ обоихъ Дворовъ. Затѣмъ, какъ только король присоединился къ дамамъ, ген. Бишофсвердеръ и принцъ Нассаускій сразу овладѣли мною и повторили мнѣ болѣе подробно то, что я слышалъ изъ устъ короля. Они долго пережевывали все, что мнѣ, по ихъ мнѣнію, надо было знать и о чемъ я долженъ былъ писать въ Россію; но я пріѣхалъ въ Берлинъ вовсе не для того, чтобы служить орудіемъ для чужихъ проектовъ, а для того, чтобы соблюсти свои собственные интересы, и настоящій случай былъ слишкомъ удобенъ, чтобы не воспользоваться имъ. Поэтому я сталъ отговариваться тѣми же мотивами, какіе я выставлялъ королю,— т. е. невозможностью вмѣшаться безъ спеціальнаго на то приказанія въ такія дѣла, въ которыхъ и безъ того участвовало слишкомъ много посредниковъ, при чемъ я повторилъ обѣщаніе, данное королю, заняться этими дѣлами лишь изъ чувства преданности къ обоимъ Дворамъ. Въ то же время я рѣшилъ какъ можно больше затянуть сообщеніе тѣхъ мыслей, которыя я хотѣлъ провести, желая придать имъ такимъ образомъ больше вѣсу.

Само собою разумѣется, что все это время не упускали случая, чтобы поддержать во мнѣ благопріятное расположеніе. Я приведу лишь одинъ примѣръ, потому что онъ крайне поразилъ публику, которая не могла догадаться о его причинахъ, и что всѣ дипломатическіе агенты сообщили объ этомъ своимъ Дворамъ, не исключая гг. Нессельроде и Алопеуса, замѣтно охладѣвшихъ ко мнѣ со времени Потсдамскаго праздника. Въ то время самой модной оперой бала „Волшебная флейта" Моцарта. Ее много разъ повторяли, но я пріѣхалъ въ Берлинъ слишкомъ поздно, чтобы ею насладиться. Въ разговорѣ съ директоромъ театра барономъ фонъ Рекке я скромно промолвился, нельзя ли намъ доставить удовольствіе послушать эту оперу. Онъ отвѣтилъ мнѣ, нѣсколько надменно, что это невозможно, такъ какъ стоило бы слишкомъ дорого, и что послѣ этого всякій иностранецъ счелъ бы себя въ правѣ просить о такой милости. Не знаю, какъ объ этомъ узналъ король, но два дня спустя г. фонъ-Рекке получилъ изъ Потсдама предписаніе поставить эту оперу въ теченіе недѣли, а королевѣ была передана просьба короля присутствовать на этомъ спектаклѣ и пригласить насъ въ королевскую ложу. Это надѣлало много шуму. Королева сказала мнѣ смѣясь, что ее, кажется, хотятъ заставить сыграть политическую роль, и что она поэтому не рѣшается меня спрашивать.

Но время шло и польскій вопросъ все больше запутывался, а я несмотря на нетерпѣніе принца Нассаускаго, у котораго уже появились новые проекты, все не испрашивалъ ни аудіенціи у короля, ни свиданія съ Бишофсвердеромъ. Любопытство ихъ дошло до того, что они, вѣроятно, въ надеждѣ что-нибудь узнать, не придумали ничего лучшаго, какъ уговорить короля пріѣхать въ Берлинъ, хотя они еще за два дня до этого объявили, что онъ такъ скоро не разстанется съ своимъ уединеніемъ. Послѣ этого перваго шага, пришлось сдѣлать остальные и на другой же день мы обѣдали съ королемъ въ самой близкой интимности.

Этимъ моментомъ я воспользовался для объясненій и, въ присутствіи Бишофсвердера и принца Нассаускаго, обратился къ королю съ слѣдующею рѣчью:

— Пруссія и Россія уже давно ведутъ съ Польшей безуспѣшную войну. Французская революція еще усугубила политическія хлопоты всякаго рода, вызываемыя этимъ вѣчно, снова разгорающимся очагомъ. Надо, стало быть, его потушить навсегда. Но что же остается дѣлать? Раздѣлить въ послѣдній разъ это несчастное королевство? Но что можетъ быть ужаснѣе съ нравственной точки зрѣнія, какъ видѣть трехъ монарховъ, считающихъ необходимымъ приступить къ этому раздѣлу и разсуждающихъ въ то же время о безкорыстіи и честности въ веденіи дѣлъ! Что можетъ быть неосторожнѣе, какъ сближать границы трехъ державъ, которымъ и безъ того представляется достаточно поводовъ къ ссорѣ! Это только измѣнило бы сущность опасности, постоянно грозящей имъ. Но вотъ довольно простая мысль, которая могла бы всѣмъ помочь: Слѣдуетъ раздѣлить Польшу, ничего не отнимая у нея, а именно, выкроить изъ ея провинцій три великихъ герцогства: Польское, передавъ наслѣдственное управленіе его семейству Понятовскихъ, небогатому, не особенно знатному, не имѣющему связей и лишенному средствъ къ заключенію опасныхъ союзовъ; Литовское, посадивъ въ немъ Бироновъ, обнадеженныхъ протекціею императрицы, въ виду того, что возобновляющіяся постоянно съ Швеціею войны не даютъ возможности сохранить за ними Курляндію съ своими портами; и Волынское, которое можно бы передать одному изъ второстепенныхъ германскихъ принцевъ. При этомъ слѣдуетъ поставить условіе, что эти три трона никогда не могутъ быть соединены ни посредствомъ брачныхъ союзовъ, ни путемъ наслѣдства, и что они еще того менѣе могутъ перейти подъ господство одной изъ трехъ пограничныхъ великихъ державъ, основавшихъ ихъ и гарантировавшихъ имъ навсегда неприкосновенность“.

Я замолчалъ и встрѣтилъ въ глазахъ всѣхъ присутствовав-

шихъ полнѣйшее одобреніе. Но генералъ, желая быть вѣрнымъ слугою и, въ то же время, ловкимъ дипломатомъ, сказалъ мнѣ, какъ-будто съ нѣкоторою досадою:

— Ваше Превосходительство слишкомъ легко располагаете Курляндіей въ пользу вашей государыни.

— А король, — отвѣтилъ я ему, — слишкомъ свѣдущъ въ вопросахъ приличія и политики, чтобы допустить сомнѣніе или дѣлать затрудненія въ вопросѣ, разрѣшающемся само собою, и я настолько расчитываю на мудрость и справедливость Его Величества, чтобы высказать вамъ, въ его же присутствіи, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится теперь Европа, императрица возьметъ Курляндію, когда ей будетъ угодно и оставитъ ее за собою. А впрочемъ, я вѣдь говорю отъ своего имени. Его Величеству угодно было узнать мой частный взглядъ и я имѣлъ честь изложить его съ полною откровенностью. Вотъ и все.

Король, почувствовавшій облегченіе, какъ государь и какъ честный человѣкъ, осыпалъ меня похвалами и выраженіями благодарности и закончилъ бесѣду, сказавъ, что я черезъ нѣсколько дней узнаю его мнѣніе. Принцъ Нассаускій былъ въ восторгѣ, чувствуя себя уже на волынскомъ тронѣ, и эта мысль, которую я и теперь, спустя тридцать лѣтъ, нахожу красивой и полезной, можетъ быть восторжествовала бы въ Петербургѣ, если бы я могъ и посмѣлъ довести ее немедленно, помимо министровъ, до свѣдѣнія императрицы; надо полагать, что моя мысль не встрѣтила бы препятствій и со стороны Австріи, такъ какъ я черезъ два мѣсяца нашелъ къ ней полное сочувствіе у австрійскаго кабинета. Но я засталъ въ Вѣнѣ графа, впослѣдствіи князя, Разумовскаго, россійскаго посла, который сообщилъ объ этомъ русскому министерству, ибо, желая скрыть до какой степени онъ находился въ зависимости отъ барона Тугута и сэра Эдена, англійскаго посла, онъ всѣми средствами старался услужить своему министерству. Побѣды фельдмаршала Суворова, увѣнчавшіяся взятіемъ Варшавы, измѣнили

манеру и тонъ Екатерины въ отношенiи Фридриха-Вильгельма. Меня же обвинили за то, что могло составить мою славу и мое счастье, и посольство въ Неаполѣ, которое дало мнѣ возможность сдѣлать первые шаги на дипломатическомъ поприщѣ, скоро послужило предлогомъ, чтобы погубить человѣка, казавшагося министрамъ, можетъ быть, слишкомъ сильнымъ для подчиненiя его себѣ.

Я выѣхалъ изъ Берлина, ежедневно осыпаемый милостями короля.

XIV.

Въ Вѣнѣ. (1794 г.).

Мнѣ кажется, что я навсегда сохраню воспоминаніе объ удивленіи, въ которое меня привелъ Вѣнскій Дворъ. Занимая въ Европѣ первенствующее мѣсто, находясь во главѣ цѣлаго сонма государей и бывшій такъ долго вершителемъ войны и мира всего свѣта, этотъ Дворъ уже издали внушалъ мнѣ двоякаго рода уваженіе: одно, основанное на большомъ и законномъ могуществѣ, и другое, происходящее отъ древности владѣнія. Но каково было мое удивленіе, когда я, послѣ нескончаемыхъ пригородовъ, въѣхалъ въ этотъ маленькій городъ съ узкими улицами и увидѣлъ это убогое и закоптѣлое жилище—дворецъ императора и столькихъ эрцгерцоговъ! То же самое я почувствовалъ, когда я очутился передъ этимъ монархомъ[1]), который, хотя ему было уже двадцать семь лѣтъ, при каждомъ движеніи проявлялъ юношеское смущеніе, выдававшее его небрежное воспитаніе; и, несмотря на то, что онъ обладалъ здравымъ смысломъ и образованіемъ, всегда подчинялся мнѣнію другихъ. А затѣмъ, этотъ пустынный Дворъ съ барономъ Тугута, въ качествѣ перваго министра, манеры и поведеніе котораго указывали на неудовлетворенное честолюбіе; съ графомъ Коллоредо, бывшимъ гувернеромъ императора, продолжавшимъ быть его руководителемъ, но болѣе способнымъ

[1]) Францъ II, императоръ Священной Римской Имперіи германской націи, а съ 1801 г. Францъ I императоръ австрійскій. (Прим. перев.).

управлять духовной семинаріей, чѣмъ государствомъ или даже маленькимъ Дворомъ. Наконецъ, этотъ безалаберный образъ жизни, эти маленькія публичныя аудіенціи по утрамъ, обѣды вдвоемъ съ честолюбивой императрицей, которой недоставало величія; эти комнатные фейерверки, зажигаемые каждый вечеръ на свѣчкѣ горничными, чтобы развеселить Ихъ Величества, и эти горшечки съ капустой, разводимой на балконахъ дворца. А бѣдный старикъ, баронъ фонъ-Свитенъ, лишившійся своей квартиры, гдѣ онъ проживалъ въ продолженіе трехъ царствованій, потому что онъ изъ своихъ оконъ могъ наблюдать все это... воспоминаніе объ этомъ я сохраню навсегда!

И какая тамъ была публика, въ этой столицѣ! Принцы, князья, графы, бывшіе раньше самостоятельными царьками, богатыми и гордыми, и проводящіе теперь свою жизнь съ публичными женщинами, лакеями и лошадьми; красивыя и жизнерадостныя женщины, вынужденныя предаваться пошлой любви и вульгарнымъ удовольствіямъ; посредственные спектакли; скучныя ассамблеи, посѣщаемыя разными субъектами изъ всевозможныхъ странъ; полное отсутствіе ученыхъ и остроумныхъ людей, которые могли бы разнообразить длинные и плохо приготовленные званые обѣды... Я повторяю въ сотый разъ, я никогда не забуду это, и если бы не общественныя гулянья, нѣсколько интересныхъ полекъ и князь де-Линь, которые меня удерживали въ Вѣнѣ, я на другой же день послѣ офиціальныхъ пріемовъ уѣхалъ бы оттуда.

XV.

Д'Аварэ.

Людовикъ XVIII долгое время, особенно пока онъ жилъ въ Веронѣ, удостаивалъ графа д'Аварэ, капитана гвардіи, своимъ полнымъ довѣріемъ. Д'Аварэ сумѣлъ умно распорядиться перемѣной лошадей, когда этотъ принцъ бѣжалъ изъ Франціи, и Людовикъ, довольный тѣмъ, что у него есть предлогъ, чтобы оправдать милость, которая не имѣла другихъ основаній, не переставалъ повторять, что онъ ему обязанъ своею жизнью. Онъ позволилъ ему по этому поводу помѣстить гербъ Франціи посреди своего собственнаго герба (семейства Безьядъ) и прибавить къ нему, вмѣсто девиза, число дня, когда они оба вмѣстѣ перебрались черезъ французскую границу. Я позволилъ себѣ спросить, что могъ бы еще сдѣлать король Людовикъ XVI для маркиза де-Буллье, если бы поѣздка въ Вареннъ увѣнчалась успѣхомъ? Но ослѣпленіе Людовика XVIII въ этомъ отношеніи могло только сравниться съ назойливостью этого маленькаго человѣчка, который часто обращался съ нимъ такъ, что ставилъ присутствующихъ въ неловкое положеніе и съ чрезвычайной самоувѣренностью вмѣшивался во все, вліяя нерѣдко роковымъ образомъ на дѣла.

Однажды, когда это меньше всего можно было ожидать, въ Верону прибылъ, проѣхавъ съ большою опасностью для жизни черезъ всю Францію, довѣренный адъютантъ генерала Шаретта, начальника Вандеи. Онъ привезъ новости и предложенія величайшей вѣрности и мудрые проекты, тогда какъ предполо-

женія Веронскаго Совѣта не отличались мудростью. Какъ только этотъ храбрецъ былъ введенъ въ кабинетъ короля, въ противоположную дверь вошелъ д'Аварэ и, не стѣсняясь нисколько, бросился въ кресло.

— Ваше Величество, кто же этотъ господинъ? — спросилъ пораженный вандеецъ.

— Это, — сказалъ король, крайне сконфуженный назойливостью своего любимца и вопросомъ возмущеннаго воина, — это — графъ д'Аварэ, который спасъ мнѣ жизнь и доставилъ меня обратно во Францію.

— Странно, Ваше Величество, — продолжалъ вандеецъ, — что мы никогда не слыхали о немъ. Человѣкъ столь достойный вашей милости долженъ бы присоединиться къ генералу Шаретту!

Разговоръ принялъ неловкій оборотъ и, въ довершеніе общаго смущенія, фаворитъ, желая положить конецъ этой сценѣ, вынулъ часы и сказалъ, какъ-будто бы короля вовсе тамъ не было:

— Уже шесть часовъ, я васъ сопровожу въ оперу.

— Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ хорошіе французы не ходятъ въ оперу, — воскликнулъ вандеецъ, окинувъ маленькаго человѣка взглядомъ презрѣнія, и вышелъ изъ кабинета, не дождавшись приказаній короля, а затѣмъ выѣхалъ изъ Вероны, не испросивъ на го его разрѣшенія. А графу д'Андтрэгъ и мнѣ онъ сказалъ:

— Предупредите короля, что если онъ когда-либо приведетъ къ намъ въ Вандею такихъ п...., мы начнемъ съ того, что повѣсимъ ихъ.

Такъ какъ въ мои инструкціи между прочимъ входило быть въ распоряженіи французскихъ принцевъ, насколько я сочту удобнымъ для ихъ интересовъ и для принциповъ русскаго Двора, то я во время моего пребыванія въ Италіи велъ постоянно переписку съ королемъ и съ его совѣтниками. Д'Аварэ примѣшивалъ къ этому свою прозу и, чтобы судить о его

остроуміи, достаточно напомнить, какъ онъ мнѣ однажды прислалъ пространную записку, въ которой предлагалъ убѣдить неаполитанскаго короля продать всѣ свои охотничьи выѣзды и пожертвовать вырученную отъ нихъ сумму, а также ассигнованныя на ихъ содержаніе деньги, своимъ родственникамъ, французскимъ принцамъ, для осуществленія ихъ плановъ. Это было тоже, что предложить Фердинанду пожертвовать своею жизнью!

Здоровье д'Аварэ, и такъ ужъ плохое, ухудшилось отъ пребыванія въ Митавѣ и заставило его переходить изъ одного климата въ другой, до самаго острова Мадеры, гдѣ онъ и умеръ. Король, чтобы подтвердить мнѣніе, которое онъ всегда старался высказывать о его заслугахъ, хотя онъ его уже давно не переносилъ, возвелъ его отца въ герцоги, назначивъ гардеробмейстеромъ съ огромнымъ окладомъ и, что еще хуже, съ утвержденіемъ упомянутаго выше герба. Д'Аварэ происходилъ отъ семейства Безьядъ и не принадлежалъ къ знати, но отецъ графа д'Аварэ, впослѣдствіи герцогъ, женился на урожденной принцессѣ Нассауской, сестрѣ княгини Монбаррэ и знаменитой графини Куолэнъ и, такимъ образомъ, получилъ доступъ ко Двору.

Король былъ слишкомъ уменъ, чтобы стараться убѣдить меня въ мнимыхъ заслугахъ и услугахъ графа д'Аварэ. Но не зная, насколько всѣ мои свѣдѣнія о немъ были точны, онъ вздумалъ посвятить меня въ якобы дѣйствительную причину его привязанности къ нему, а именно, во время ихъ пребыванія въ Кобленцѣ, король увлекся графиней Бальби[1]), а его почтенный и достойный другъ д'Аварэ, видя до какой степени доходитъ его страсть, открылъ ему глаза на эту опасную женщину и спасъ, такимъ образомъ, его репутацію, въ смыслѣ какъ его нравственности, такъ и его личной безопасности.

---

[1]) Урожденной Комонъ-Ляфорсъ (1753—1842). Графъ Воронцовъ, который ее видѣлъ въ Англіи, называетъ ее „нахальной интриганкой“ (Архивъ кн. Воронцова т. IX стр. 310).

Я разсказалъ эту исторію герцогу Вогюіону и графу Сэнъ-При, и оба были того мнѣнія, что Его Величество хотѣлъ меня, какъ иностранца, провести. Впослѣдствіи, на примѣрѣ г-жи дю-Кэйля [1]), можно было видѣть, что король вообще любилъ, когда его подозрѣвали въ какомъ-нибудь увлеченіи къ прекрасному полу. Но, какъ извѣстно, онъ отъ рожденія былъ совершенно лишенъ нѣжныхъ чувствъ, и ничто не могло ихъ въ немъ развить.

---

[1]) Зоя-Катонъ, графиня дю Кэйля (1784—1850) см. книгу, которую написалъ о ней Капфигъ (1866 г.).

XVI.

Королева Каролина[1]).

У королевы Каролины были характерныя черты лица австрійскаго царствующаго дома, но гораздо менѣе пріятныя, чѣмъ у ея сестеръ, герцогини Тешенской и у французской королевы. Она обладала граціозной таліей, ослѣпительно бѣлою шеей, такими же руками и манерами, вполнѣ достойными ея высокаго положенія; она хорошо говорила на многихъ языкахъ, но была слишкомъ словоохотлива. Что же касается ея качествъ, то я, желая говорить только одну правду, не могу ихъ особенно хвалить. Она была щедра, но только ради тщеславія, и ея благотворительность, о которой участвовавшіе въ ней говорили съ большимъ увлеченіемъ, происходила больше отъ желанія привлечь къ себѣ приверженцевъ и создать глашатаевъ ея славы, чѣмъ отъ чего-либо другого. Во всѣхъ ея благотворительныхъ дѣлахъ я никогда не могъ усмотрѣть ничего, кромѣ расчета и хвастовства, и доказательствомъ этого можетъ служить то, что она осыпала своими благодѣяніями однихъ только интригановъ мужского и женскаго пола.

У нея было много ума, но онъ до того подчинялся ея страстямъ и даже впечатлѣніямъ момента, что помогалъ ей лишь въ совершеніи самыхъ непростительныхъ ошибокъ. Я полагаю,

---

[1]) Марія Каролина, Неаполитанская королева (1752—1814), дочь Маріи Терезіи, Австрійской императрицы, и сестра Маріи Антуанетты, королевы Франціи.

что никогда еще не было особы, говорившей и дѣйствовавшей съ большею поспѣшностью, чѣмъ эта королева, и какого бы вы ни были мнѣнія о результатахъ ея дѣятельности, вы не могли бы видѣть безъ удивленія, сколько дѣлъ она, въ теченіе дня, успѣвала сдѣлать, при чемъ всѣ эти дѣла касались разныхъ интригъ и требовали подробныхъ разъясненій и подробной обработки.

Легко можно себѣ представить, что, обладая такимъ характеромъ, Неаполитанская королева старалась окружить себя интриганами и людьми, готовыми приспособиться къ самымъ безразсуднымъ мыслямъ. Въ первое время моего пребыванія въ Неаполѣ, она часто присылала ко мнѣ одного изъ самыхъ безсовѣстныхъ среди этихъ людей, кавалера де-Брессакъ [1]), который будто бы былъ изгнанъ изъ Франціи съ клеймомъ палача на плечѣ. Другой господинъ, въ этомъ же родѣ, услугами котораго Ея Величество пользовалась очень часто, былъ нѣкто Маріалезе, солдатъ изъ гарнизона Палермо, который, въ тотъ моментъ, когда его хотѣли казнить, не знаю за что, заявилъ, что онъ обладаетъ чудесною, но секретною способностью и что онъ откроетъ ее лишь тогда, когда его помилуютъ. И дѣйствительно, я сомнѣваюсь, чтобы человѣчество когда-либо произвело на свѣтъ человѣка съ такими дьявольскими способностями. Достаточно было ему показать одну или двѣ строки любого почерка и дать ему нѣкоторое время для его подробнаго изслѣдованія, и онъ потомъ могъ написать этимъ же самымъ почеркомъ все, что угодно, въ видѣ копіи или подъ диктовку. Кавалеръ Азара, котораго королева хотѣла погубить въ глазахъ Испанскаго Двора, получилъ изъ Мадрида, гдѣ онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ, восемь длинныхъ писемъ, наполненныхъ мерзостями и преступными вещами, и эти письма такъ хорошо были поддѣланы подъ его руку, что ему временами самому казалось, что онъ

---

[1]) См. *Gorani* т. I стр. 218

ихъ написалъ. Онъ сохранилъ эти письма и, чтобы меня предостеречь, показалъ ихъ мнѣ. Если это ужасное средство впослѣдствіи было тоже примѣнено ко мнѣ [1]), какъ ко многимъ другимъ, которымъ оно стоило чести и жизни, я, должно быть, не былъ такъ счастливъ, какъ кавалеръ Азара, или, можетъ быть, мой Дворъ посовѣстился раскрыть такую тайну!

Королева имѣла большое и весьма естественное желаніе выдать замужъ своихъ старшихъ дочерей, очень некрасивыхъ и противныхъ, особенно вторую, которая впослѣдствіи была великой герцогиней Тосканской и представляла изъ себя, по внѣшности, настоящаго урода.

Для старшей дочери, принцессы Маріи Терезіи, она намѣтила жениха въ лицѣ наслѣдника Пармскаго престола, но герцогъ Пармскій и слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ. Тогда она завела разговоръ о герцогѣ Аостскомъ, и Сардинскій король прислалъ маркиза Брэма для веденія брачныхъ переговоровъ. Благодаря характеру его порученія, онъ получилъ доступъ къ малымъ пріемамъ. Однажды, онъ пришелъ съ письмомъ своего короля и не засталъ никого въ аванзалѣ, кромѣ будущей невѣсты своего принца.

— Ваше Королевское Высочество, не могу ли я имѣть честь увидѣть королеву?—спросилъ онъ ее.

— Я полагаю, что да,—отвѣтила она,—но вамъ придется подождать.

— Я, конечно, подожду--сказалъ онъ.

— Да, но я должна васъ предупредить, что вамъ, можетъ быть, придется ждать очень долго—продолжала она—я посмотрѣла въ замочную скважину и видѣла, что королева занята съ г... а эти вещи происходятъ у нея всегда очень долго.

Посланникъ, крайне смущенный этимъ сообщеніемъ, удаляется и, обдумавъ хорошенько всѣ обстоятельства, не пере-

---

1) Это намекъ на тѣ несчастные куплеты, которые погубили его дипломатическую карьеру.

давая письма короля, посылаетъ ему курьера съ докладомъ о томъ, что онъ только что слышалъ. Курьеръ скоро возвратился съ приказаніемъ, во что бы ни стало, прервать переговоры. Бѣдная принцесса казалась пропащей, но судьба распорядилась иначе и посадила ее впослѣдствіи на первый тронъ Европы [1]), куда она перенесла отъ своей матери одно лишь желаніе управлять, а также необыкновенную плодовитость—но внѣ всякихъ подозрѣній на счетъ ея поведенія.

Когда обѣ старшія дочери королевы вышли замужъ, онѣ сдѣлались ея злѣйшими врагами и нисколько не скрывали этого. Проѣзжая черезъ Вѣну, по пути въ Неаполь, я былъ представленъ старшей дочери королевы Каролины, тогда уже императрицы; послѣ офиціальной аудіенціи она отозвала меня въ сторону и спросила:

— Вы уже знаете мою мать?

— Не имѣю чести—отвѣтилъ я.

— Ну, вы ее узнаете!—разсмѣялась она во все горло и вышла.

Затѣмъ, когда я проѣзжалъ черезъ Флоренцію, я пошелъ осматривать дворецъ Питти и замѣтилъ, что всѣ портреты и бюсты Неаполитанской королевы были собраны въ одномъ коридорѣ, ведущемъ къ... уборнымъ, устроеннымъ на англійскій ладъ въ первомъ этажѣ. Королева объ этомъ знала и потребовала однажды отъ меня, чтобы я признался, что я ихъ тамъ видѣлъ. Она мнѣ сказала: „Эти бѣдные люди болѣе глупы, чѣмъ скверны“.

Регентъ Швеціи, герцогъ Зюдерманландскій, впослѣдствіи король Карлъ XIII, поссорился съ Неаполитанской королевой, по поводу протекціи, которую она оказала барону Армфельту, шведскому посланнику въ Италіи, замѣшанному въ заговорѣ противъ этого принца, который сдѣлалъ попытку аресто-

---

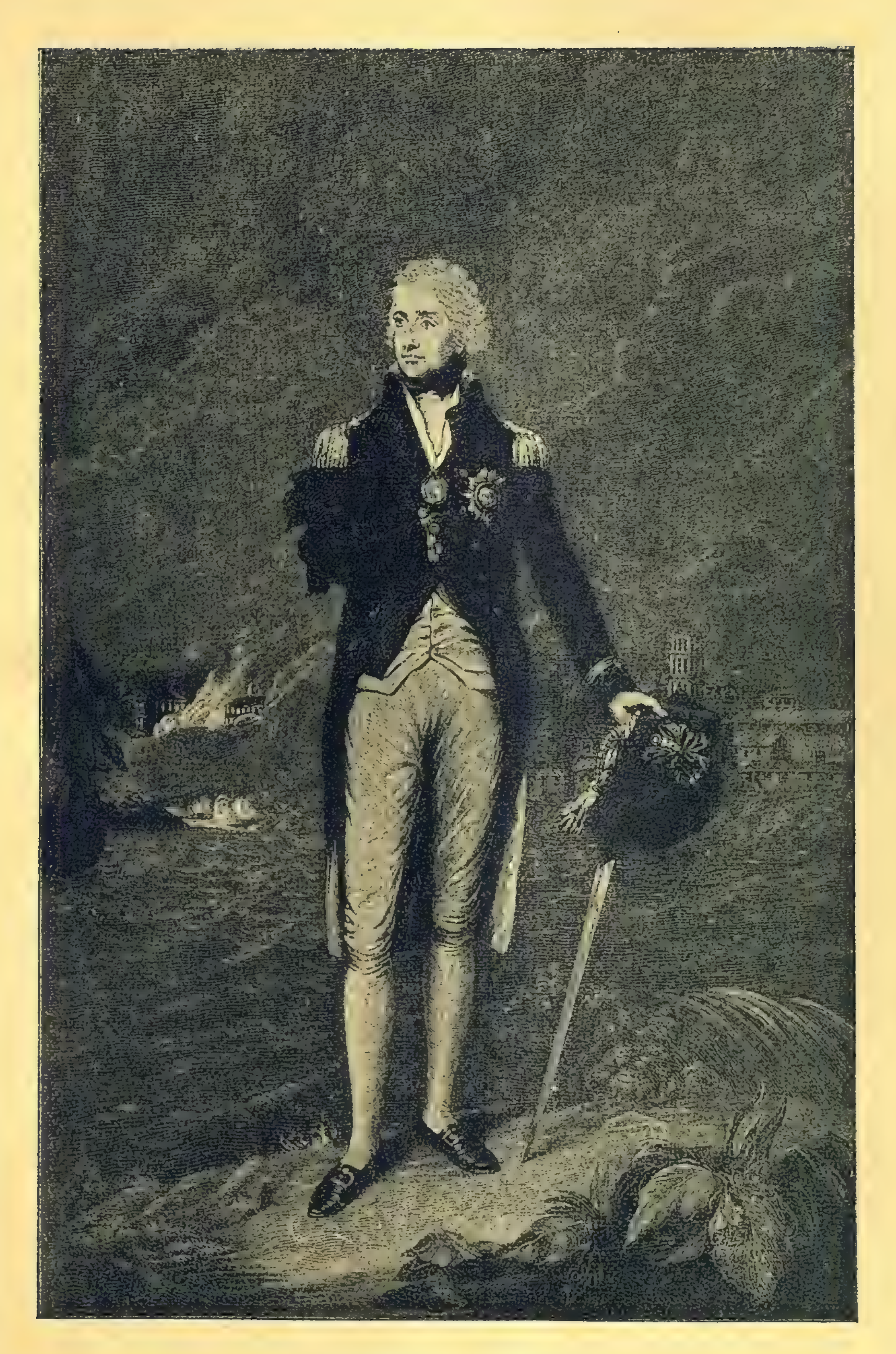
[1]) Она вышла замужъ за императора Франца II, (впослѣдствіи Франца I, императора австрійскаго).

вать его въ самомъ Неаполѣ. Вслѣдствіе этого, шведскій Дворъ объявилъ Неаполитанскому войну, что было довольно неосторожно, въ виду коммерческихъ сношеній Швеціи съ Востокомъ. Но такъ какъ, въ дѣйствительности, воюющія стороны не могли достичь другъ друга, онѣ прибѣгали къ содѣйствію самыхъ низкихъ памфлетистовъ. Королева, опасаясь публикаціи новаго пасквиля, готовившагося противъ нея и ея любимца Актона, шведскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Римѣ Піранези, подѣлилась со мною своими страхами. Я убѣждалъ ее отвѣтить на это коварное оскорбленіе презрѣніемъ, но она, отклонивъ этотъ мудрый совѣтъ, умоляла меня спасти ее отъ новаго срама, мысль о которомъ ей не давала спать. Я обѣщалъ объ этомъ подумать. На другой день она снова стала приставать ко мнѣ съ тѣмъ же. Тогда я ей сказалъ, что имѣю лишь одинъ способъ ей помочь, но что онъ ею будетъ непріемлемъ, и что я не рѣшаюсь его предложить. Она все-таки пожелала узнать этотъ способъ. Я ей назвалъ кавалера Азара [1]), который одинъ располагалъ въ Римѣ достаточнымъ авторитетомъ, чтобы запретить и конфисковать этотъ пасквиль. Что же касается меня, то я былъ настолько увѣренъ въ немъ, что навѣрно расчитывалъ получить отъ него согласіе на мѣропріятіе, отвѣчающее желаніямъ Ея Величества. Королева сначала не хотѣла ничего слышать объ этомъ, но опасность была такъ велика, что она, въ концѣ концовъ, согласилась на все. А такъ какъ при этомъ Дворѣ надо было всегда соблюдать побольше осторожности, то я поставилъ услугу, которую отъ меня ждали, въ зависимость отъ одного условія, а именно, чтобы мнѣ было разрѣшено написать требуемое для этого письмо въ кабинетѣ королевы и чтобы она сама распорядилась отправленіемъ его по адресу. Она прочла письмо, ея секретарь его запечаталъ и отправилъ.

Нѣсколько дней спустя, изъ Рима прибыла огромная по-

---

[1]) Испанскій посланникъ въ Римѣ.

АДМИРАЛЪ НЕЛЬСОНЪ.

273

сылка. Это была рукопись и все изданіе пасквиля. Письмо, сопровождавшее посылку, было открыто въ присутствіи королевы, у которой явилось жалкое любопытство его прочесть. Азари, между прочимъ, писалъ мнѣ: „Я прошу Васъ настоящему доказательству моего расположенія къ Вамъ придать особенное значеніе, такъ какъ для того, чтобы пощадить корону на челѣ столь недостойномъ ее носить, потребовалось именно Ваше посредничество. Повѣрьте моему честному слову, что отъ этого пасквиля не осталось ни одного листка, ни въ рукописи, ни печатнаго. Но въ то же время, позвольте Вамъ посовѣтпвать не расточать Вашихъ услугъ для лицъ, неспособныхъ дать имъ надлежащую оцѣнку“. И дѣйствительно, когда королева захотѣла меня погубить, она въ числѣ причинъ, выставленныхъ ею въ жалобѣ противъ меня, упомянула также и о томъ, что, будучи акредитованъ при ея Дворѣ, я въ то же время поддерживалъ съ ея смертельными врагами столь близкія сношенія, что они готовы были приносить для меня величайшія жертвы.

XVII.

Фердинандъ I.

Фердинандъ IV, превратившійся, послѣ цѣлаго ряда революцій, въ Фердинанда I, былъ высокаго, почти саженнаго роста, и, при благообразной фигурѣ, довольно некрасивъ лицомъ. Испанскій Дворъ, вынужденный уступить Королевство Обѣихъ Сицилій одному изъ младшихъ принцевъ королевской семьи, вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ князю Санъ-Никандро и Бернардо-Тануччи позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать молодого короля неспособнымъ самостоятельно управлять; и, дѣйствительно, ко времени своей женитьбы, онъ едва могъ подписать свою фамилію и вся энергія его характера истрачивалась на преодолѣніе трудностей охоты и рыболовства. Но его душа оставалась благородной, а его умъ сохранилъ столько здраваго смысла, что королевѣ, его супругѣ, нерѣдко приходилось жалѣть о томъ, особенно, когда она, чтобы удалить его отъ вліянія старыхъ министровъ, принялась по своему за его воспитаніе. Онъ былъ очень любознателенъ и, если съ одной стороны легко было отвлечь его отъ своихъ обязанностей приманкой удовольствій, то съ другой стороны, онъ умѣлъ прекрасно исполнять и обязанности, занявшись ими серьезно. Онъ тогда снималъ свой сюртукъ, заворачивалъ рукава своей рубашки выше локтей, и, взявшись за перо, кончалъ въ одно утро всѣ залежавшіяся дѣла, при чемъ тѣ, которые ему, въ эти рѣдкіе дни усиленной работы, казались въ чемъ-нибудь виновными, угощались здоровыми пинками. Самой королевѣ иногда приходилось

испытывать такое запоздалое наказаніе за дѣйствія, противныя справедливости и общественному благу.

Если бы Фердинандъ получилъ воспитаніе, соотвѣтствующее его положенію и достойное его душевной красоты, изъ него вышелъ бы одинъ изъ потомковъ Генриха IV, наиболѣе напоминающихъ послѣдняго.

— Я не болѣе какъ дуракъ,—сказалъ онъ великому герцогу Тосканскому—и не умѣю, какъ ты, во всякое время сочинять законы; но я прошу тебя обратить вниманіе на одно обстоятельство, а именно, что еще ни одинъ неаполитанецъ не просилъ твоей защиты, тогда какъ меня постоянно окружаютъ тосканцы!

Нельзя было не любить его и, если бы не интриги королевы, то ни одинъ монархъ никогда не пользовался бы такою популярностью. У него была та легкость обращенія и то добродушіе, которыя доставили Генриху IV такую любовь и обезпечивали ему, въ моменты слабости, полное снисхожденіе. Учредивъ въ Санта-Лючіи шелковыя мануфактуры подъ руководствомъ кардинала Руффо, онъ устраивалъ тамъ празднества для крестьянокъ и забавлялся ихъ фамильярностями. Однажды онѣ позволили себѣ даже обыскать карманы короля и отобрать золотыя монеты, которыя въ нихъ оказались. Но такъ какъ Фердинандъ былъ расчетливъ и не любилъ подобныхъ шутокъ, то онъ въ слѣдующій разъ, на случай возобновленія атаки, наполнилъ свои карманы мѣдными марками. Крестьянки не преминули снова наброситься на него, но онъ надъ ними посмѣялся. Что же изъ этого вышло? Не зная значенія этихъ марокъ, онѣ поспѣшили отправиться въ Неаполь и потребовали отъ купцовъ размѣна ихъ на золотыя монеты. Когда же имъ отвѣтили, что это фальшивыя монеты, онѣ настаивали на ихъ полноцѣнности, говоря что онѣ ихъ получили отъ короля, и обозвали купцовъ обманщиками. Такъ какъ ихъ было много и онѣ подняли крикъ, перешедшій въ общую сумятицу, купцы испугались и размѣняли ихъ марки

на золото. Но послѣ этого они пошли къ королю и требовали возмѣщенія своихъ убытковъ. Это не трудно было сдѣлать и купцамъ заплатили за марки то, что они на нихъ израсходовали. По этому поводу король намъ сказалъ: „Во всемъ этомъ единственный виновникъ я самъ; впредь я буду осторожнѣе!"

Неудивительно, что въ странѣ, гдѣ царствуетъ безнравственность, у короля тоже являются странныя понятія о семейной добродѣтели и о приличіяхъ [1]). Такъ, онъ нисколько не бывалъ удивленъ, когда днемъ посторонніе лица попадали туда, гдѣ онъ, ночью, былъ неограниченнымъ властелиномъ. Онъ объ этомъ ничего не высказывалъ королевѣ, но когда ему представляли новаго фаворита, что обыкновенно дѣлалось во время партіи на бильярдѣ, онъ, одинъ моментъ, осматривалъ его съ головы до ногъ, потомъ обращался къ нему съ какою-нибудь ничего не значущею фразой, называя его, въ шутку, королевскимъ высочествомъ и, послѣ этого, уже не обращалъ на него никакого вниманія и даже не разговаривалъ съ нимъ. Такой философскій взглядъ на брачныя отношенія не раздѣлялся королевой и примѣръ короля не имѣлъ на нее никакого дѣйствія. Съ увеличеніемъ числа собственныхъ грѣховъ, росла ея ревность. Это происходило отъ того, что король на эти вещи смотрѣлъ съ точки зрѣнія собственнаго удовольствія, тогда какъ королева соображалась только съ ихъ вліяніемъ на дѣла. Король полагалъ, что необыкновенная забота его супруги о государственныхъ дѣлахъ должна быть вознаграждена безграничной свободой и что въ виду столь крупныхъ заслугъ

---

[1]) Когда шведскій король его спросилъ, женатъ ли генералъ Актонъ (фаворитъ королевы), Фердинандъ ему отвѣтилъ, что нѣтъ, но что онъ любитъ женъ своихъ друзей, и при этомъ засмѣялся... Иногда онъ говорилъ, что королевская корона дѣлаетъ болѣе замѣтными рога украшающіе чела королей, но что лучше смотрѣть сквозь пальцы на поведеніе королевъ, чѣмъ доводить дѣло до скандала, компрометирующаго достоинство трона. См. *Gorani „Mémoires secrets"*.

съ ея стороны, не слѣдуетъ быть слишкомъ строгимъ. Королевѣ, напротивъ, казалось, что если она никого не допускаетъ къ управленію государствомъ и, ради блага страны и ея монарха, беретъ на себя все это бремя, то она имѣетъ право на исключительную любовь и вѣрность короля [1]).

---

[1]) По поводу Фердинанда и Каролины Неаполитанскихъ см. также: „Souvenirs de la baronne du Montet (Парижъ у Plon); стр. 98, 109, 245 и 250.

XVIII.

Гамильтонъ.

Сэръ Вильямъ Гамильтонъ былъ уже въ теченіе тридцати одного года англійскимъ посланникомъ въ Неаполѣ, когда я туда пріѣхалъ въ томъ же званіи. Онъ въ Европѣ, и даже у себя дома, считался ученымъ, хотя онъ вовсе не былъ особенно свѣдущъ. Его вкусъ или вѣрнѣе страсть къ охотѣ дали ему, въ продолженіе многихъ лѣтъ, преимущественное положеніе, съ которымъ политическая система Неаполитанскаго Двора не шла въ разрѣзъ. Неаполитанцы всегда обращаютъ свои взоры на восходящую звѣзду и такъ какъ между ними попадаются весьма ученые люди, при чемъ наука не исключаетъ низости характера, они со всѣхъ сторонъ старались присылать сэру Гамильтону открытія и изслѣдованія, для которыхъ эта столь богатая явленіями природы страна представляла много случаевъ и посредствомъ которыхъ провинціальное тщеславіе старалось обратить на себя вниманіе Двора. Секретарь посольства, бѣдный голландецъ, не имѣлъ другихъ занятій, какъ переводить на англійскій языкъ всѣ эти записки и, когда ихъ накопилось изрядное количество, посланнику пришло въ голову послать ихъ Сэру Джосефу Бэнксу, президенту Королевскаго общества въ Лондонѣ. Послѣдній, изъ благодарности, публиковалъ ихъ подъ именемъ Сэра Гамильтона. Успѣхъ этого перваго тома вызвалъ появленіе втораго и, если я не ошибаюсь, третьяго, подъ названіемъ „Campi Phlegrei“ (Флегрейндскія поля) и мнимный авторъ съ тѣхъ

поръ казался достойнымъ всѣхъ академическихъ креселъ. Это имѣло большое значеніе для репутаціи человѣка, не могущаго претендовать на какія-либо заслуги, но вмѣстѣ съ тѣмъ Гамильтонъ принадлежалъ къ разряду людей, ставящихъ выше славы другого рода успѣхъ, которымъ онъ никогда не брезгалъ, а именно—деньги.

Жена г. Тануччи, бывшаго гувернера короля, ставшаго его главнымъ министромъ, облюбовала какъ-то старинные эмалированные часы, принадлежавшіе Сэру Вильяму и казавшіеся диковинкой въ этой странѣ, гдѣ подобныя вещи рѣдки. Онъ преподнесъ ей эти часы, но она отказалась ихъ принять. Обѣ стороны настаивали на своемъ. Наконецъ, онъ ей сказалъ:

— Возьмите эти часы и дайте мнѣ, взамѣнъ ихъ, тѣ старыя вазы, покрытыя пылью, которыя стоятъ въ первой комнатѣ канцеляріи министерства на шкапахъ.

Это были не болѣе и не менѣе какъ старинныя этрурскія вазы, открытыя въ предшествующее царствованіе, которыя Карлъ VII, отправляясь въ Испанію, приказалъ выслать въ Мадридъ. Когда добродушный Тануччи узналъ объ этой сдѣлкѣ, онъ страшно разсердился, назвалъ свою жену негодяйкой за то, что она приняла столь драгоцѣнный подарокъ, вознося до небесъ деликатность англійскаго посланника, довольствующагося старыми горшками, годными только въ ломъ; въ тотъ же вечеръ онъ велѣлъ перенести эти вазы во дворецъ посланника. Королевское общество въ Лондонѣ поспѣшило пріобрѣсти у Гамильтона эту великолѣпную колекцію вазъ и заплатила ему за нихъ большую сумму. Счастливый посредникъ разсказывалъ мнѣ эту исторію двадцать разъ, какъ доказательство глубокаго невѣжества неаполитанцевъ, даже наиболѣе извѣстныхъ своими талантами, и его собственнаго умѣнія, некрасивую сторону котораго онъ скрывалъ подъ именемъ патріотизма.

Онъ, первымъ бракомъ, былъ женатъ на дочери лорда Кэскарта, женщинѣ высокаго ума. Его вторая жена такъ различалась отъ первой своимъ происхожденіемъ, нравами и сред-

ствами, и сыграла столь различныя и публичныя роли, что она заслуживаетъ спеціальнаго упоминанія.

Она въ молодости была проституткой въ Лондонѣ, называлась Гартъ и попала въ Италію благодаря молодому Гревиллю, племяннику Сэра Гамильтона. Когда влюбленнымъ, вслѣдствіе разразившагося надъ молодымъ человѣкомъ негодованія его семьи, нечего было ѣсть, дѣвушка, въ расцвѣтѣ молодости и красоты, стала служить въ Римской Академіи моделью художникамъ, получая полчервонца за каждую позировку и, такимъ образомъ, поддерживала хозяйство. Тѣмъ временемъ дядя не переставалъ писать племяннику грозныя письма, на которыя послѣдній всегда отвѣчалъ, что достаточно взглянуть на предметъ его страсти, чтобы простить ему. Наконецъ, у дяди любопытство преодолѣло гнѣвъ, онъ пріѣхалъ въ Римъ и увидѣлъ эту диковину. Скоро между ними состоялся торгъ. Дядя заплатилъ всѣ долги племянника, который возвратился въ Англію, а дѣвица послѣдовала за дядей въ Неаполь и осталась тамъ подъ его покровительствомъ. Какая-то почтенная старушка, подъ видомъ матери или тети, руководила ея воспитаніемъ, сама нуждаясь въ немъ не менѣе молодой дѣвушки. Миссъ Гартъ выучилась итальянскому языку и музыкѣ. Ея покровитель заставилъ ее повторять академическія позы, которыя впослѣдствіи доставили ей знаменитость. Сначала на эти представленія допускались только интимные друзья, но успѣхъ этихъ позъ подзадорилъ страсть дяди, и желаніе навсегда обладать этой дѣвушкой заставило его на ней жениться.

Неаполитанская королева подняла скандалъ, и англійскій посланникъ попалъ временно въ немилость, на которую онъ, впрочемъ, не обратилъ вниманія. Время, столь благопріятствующее нѣкоторымъ вещамъ, сгладило первыя впечатлѣнія, и скоро стали говорить только о красотѣ и талантахъ леди Гамильтонъ. Она была представлена ко Двору, Актонъ сдѣлалъ изъ нея орудіе для своихъ интригъ, королева подружилась съ ней, а низость общества возвела ее чуть ли не въ первые ми-

Леди Эмма Гамильтонъ.

нистры. Но прелестная англичанка не опьянѣла отъ этихъ успѣховъ и продолжала заниматься академическими позировками[1]). Она въ своихъ позахъ довольствовалась бѣлой туникой и вуалью, на которую ниспадали ея прелестные распущенные волосы, увѣнчанные цвѣтами. Съ удивительнымъ совершенствомъ она воспроизводила всѣ душевныя волненія и изъ всевозможныхъ передаваемыхъ ею оттѣнковъ страстей исключала одну лишь любовь. Ея старикъ-мужъ всегда при этомъ присутствовалъ, объяснялъ ея позы и рукоплескалъ ей, представляя изъ себя, рядомъ съ этимъ прелестнымъ созданіемъ, самую смѣшную и отвратительную карикатуру. Когда я его зналъ, онъ былъ разбитъ параличемъ, глухъ, скупъ, развратенъ и скученъ. Одинъ англійскій вельможа сказалъ мнѣ про него: „Король воображаетъ, что онъ содержитъ здѣсь повѣреннаго, а народъ видитъ въ немъ только торгаша старыми вазами“. Когда для него представлялась необходимость произвести какой-нибудь расходъ, онъ уѣзжалъ изъ Неаполя и взваливалъ расходъ на своихъ коллегъ. Такъ, онъ въ 1795 г. оставилъ у меня на шеѣ адмирала Тотгема и офицеровъ флота, состоявшаго изъ тридцати линейныхъ кораблей, которые превратили мой домъ въ трактиръ. Когда французы появились передъ Неаполемъ, королева послала за сэромъ Гамильтономъ, чтобы съ нимъ посовѣтоваться. Но онъ нашелся только сказать Ихъ Величествамъ: „Мои вазы находятся въ безопасности, а все остальное я предоставляю непріятелю“. Ему никогда не простили этого отвѣта, но вліянія его жены хватило на обоихъ.

Эта женщина кончила свое поприще тѣмъ, что сдѣлалась любовницей адмирала Нельсона, была предметомъ самыхъ грубыхъ карикатуръ и стала опекуншей единственной дочери этого морского Донъ-Кихота. Она пополнѣла до безобразія и умерла въ 1815 г., отъ удара, въ Канѣ, въ Нормандіи.

---

[1]) Англійскій живописецъ Ромней увѣковѣчилъ эти позы въ замѣчательной серіи картинъ.

XIX.

Въ Перновѣ.

Перновъ былъ такъ мало извѣстенъ при Дворѣ, что, когда графъ Паленъ [1]), генералъ-губернаторъ Курляндіи, которому было поручено арестовать меня при возвращеніи изъ Неаполя, объявилъ мнѣ приказъ о моемъ заключеніи въ этой крѣпости, я еле припоминалъ ея названіе.

— Что такое Перновъ?—спросилъ я его.

— Это,—отвѣтилъ онъ, смѣясь,—маленькій городокъ, который по внѣшности, по зданіямъ, по окружающимъ его горамъ, по роскоши, по видамъ, по обществу, по удовольствіямъ, а также приблизительно по своимъ средствамъ очень напоминаетъ Неаполь. Онъ расположенъ въ глубинѣ небольшого залива, образуемаго двумя выдающимися мысами, съ островомъ посреди нихъ. Словомъ, вы сами увидите, что императрица не желаетъ, чтобы вы забыли мѣста вашего посольства.

Но затѣмъ онъ принялъ серьезный видъ и передалъ мнѣ приказъ о моемъ арестѣ. Онъ былъ составленъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ и такъ странно мотивированъ, что можно было легко усмотрѣть недостаточность приведенныхъ мотивовъ для оправданія подобнаго безпримѣрнаго у насъ обращенія съ

---

[1]) Баронъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ (1745—1826) былъ въ то время генералъ-губернаторомъ Курляндіи, Лифляндіи, Эстляндіи; позднѣе Павломъ I возведенъ въ графы, былъ его фаворитомъ и, въ то же время, главою заговора, положившаго конецъ царствованію и жизни этого государя.

человѣкомъ въ моемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что противъ меня даже не было возбуждено судебнаго дѣла.

Меня, давшаго столь явныя доказательства моей привязанности къ дому Бурбоновъ и навлекшаго на себя ненависть Неаполитанской королевы лишь за то, что я хотѣлъ ее спасти отъ гибели,—меня обвиняли въ приверженности якобинскимъ принципамъ, недостойнымъ моего происхожденія и несовмѣстимымъ съ уваженіемъ ко всему законному, которое императрица требовала отъ своихъ министровъ. Приводимые мотивы возбуждали во мнѣ чувство жалости, а ихъ выводы вызвали мое глубочайшее возмущеніе. Екатерина казалась мнѣ унижавшей себя тѣмъ, что она жертвовала людямъ такого пошиба, какъ гг. Зубовы и Марковы,—меня, наиболѣе преданнаго изъ ея подданныхъ и наиболѣе безкорыстнаго изъ ея слугъ! Тѣмъ не менѣе я ограничился отвѣтомъ:

— Хорошо, милостивый государь, прикажите меня везти въ Перновъ.

— Я исполнилъ свой долгъ, какъ генералъ-губернаторъ,— отвѣтилъ графъ Паленъ, — а теперь настать моментъ, чтобы показать графу Головкину хорошую память, которую я сохранилъ о его прежнихъ любезностяхъ ко мнѣ. Прочтите и держите это въ секретѣ.

Съ этими словами онъ мнѣ передалъ частное письмо императрицы, составленное приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Постарайтесь напугать этого сумасброда—Головкина. Это случайно экзальтированная голова, которую нѣкоторыя строгости скоро охладятъ. Сообщите генералу Келхену, Перновскому коменданту, что это плѣнникъ, окруженный моею милостью, и что я требую, чтобы ему оказывали величайшее уваженіе. Надо постараться его веселить и развлекать. Если въ числѣ проживающихъ по сосѣдству дворянъ найдутся такіе, которые охотятся и бываютъ въ обществѣ, то надо имъ дать понять, что вы ожидаете отъ нихъ самое вѣжливое обраще-

ніе съ Головкинымъ. Но главное, онъ не долженъ знать, что я имъ интересуюсь. Это человѣкъ, котораго я не хочу лишиться, и нѣсколькихъ мѣсяцевъ будетъ достаточно, чтобы сдѣлать его такимъ, какимъ онъ долженъ быть“.

Императрица меня плохо знала. Если бы она отнеслась ко мнѣ справедливо, какъ я это заслужилъ, я пожертвовалъ бы ей, безъ заднихъ мыслей, моимъ недовольствомъ министрами; но подвергнуться, имъ въ угоду, такой громкой и безпримѣрной у насъ опалѣ, способной лишить меня уваженія всей Европы,—это должно было меня только возстановить противъ какого бы то ни было обращенія со мною. Я поблагодарилъ графа Палена за оказанное мнѣ довѣріе и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы подтвердить ему свою первую мысль, состоявшую въ томъ, что я никогда ничего не предприму для того, чтобы снова войти въ милость. Онъ хотѣлъ меня удержать къ обѣду, но я предпочелъ немедленно тронуться въ путь.

Въ Ригѣ у меня никто не былъ, кромѣ коменданта, генерала Бенкендорфа [1]), и всѣ его просьбы, чтобы я принялъ еще визиты, были мною отклонены; у меня было только одно желаніе—поскорѣе доѣхать до Пернова. Дорога туда изъ Риги была продолжительна, тяжела и пустынна. Съ каждымъ шагомъ мѣстность становилась печальнѣе. Провизія состояла изъ плохого чернаго хлѣба, скверно выкопченной лососины и отвратительнаго пива. Одинъ казакъ, которому была поручена доставка приказовъ, опередилъ меня, такъ что я былъ принятъ въ Перновѣ съ величайшимъ почетомъ и мнѣ стоило большого труда отвязаться отъ коменданта и мѣстнаго бургомистра. Зная, что императрица велѣла представить ей самые подробные отчеты обо мнѣ и что я ее этимъ очень огорчу, я держалъ себя какъ человѣкъ, съ которымъ обращаются съ вели-

---

[1]) Христофоръ Ивановичъ Бенкендорфъ, отецъ знаменитаго шефа жандармовъ.

чайшей суровостью. Я дѣлалъ видъ, что не могу просить ни бумаги, ни перьевъ, ни книгъ, что я не имѣю права ни гулять, ни бывать въ обществѣ, но въ то же время не обнаруживалъ ни горя, ни досады. Когда меня хотѣли заставить говорить, я отвѣчалъ, что не могу принять другихъ мѣръ, кромѣ просьбы о преданіи меня суду, но что, такъ какъ послѣдній могъ бы кончиться только моимъ оправданіемъ, то я предпочитаю пожертвовать собою Ея Императорскому Величеству и никогда не разстанусь съ Перновымъ. Мнѣ пришлось вспоминать извѣстную остроту канцлера де-л'Опиталь: „Если бы меня обвиняли въ томъ, что я спряталъ въ своемъ карманѣ башни с бора Нотръ-Дамъ, я началъ бы съ того, что бѣжалъ бы". Я велѣлъ купить полотна и сталъ заниматься шитьемъ, какъ-будто для того, чтобы не возбуждать подозрѣнія какимъ-нибудь другимъ болѣе серьезнымъ занятіемъ; словомъ, я старался самыми изысканными способами вывести изъ терпѣнія государыню, отнюдь не позволяя себѣ ничего противнаго почтительному и вѣрноподданническому отношенію къ ней; я дѣйствовалъ такъ съ полною увѣренностью въ успѣхъ, ибо хорошо зналъ характеръ императрицы. И дѣйствительно — она не выдержала.

Въ концѣ второго мѣсяца въ Перновъ, какъ-будто случайно, пріѣхалъ г. Колычевъ [1]), хотя было совершенно неправдоподобно, чтобы случай могъ занести туда такую личность какъ онъ, камергера Ея Величества и, благодаря своему необыкновенному таланту къ скрипкѣ,—интимнаго друга Зубова. Онъ зашелъ ко мнѣ, проявилъ большой интересъ ко мнѣ, хотѣлъ меня увѣрить въ томъ, что министръ былъ недоволенъ и даже оскорбленъ моею ссылкою и сдѣлалъ императрицѣ представленіе о томъ, что она относится съ неслыханною въ ея царствованіе строгостью къ человѣку, который считался однимъ

---

[1]) Состоялъ впослѣдствіи министромъ по дѣламъ Мальтійскаго Ордена и въ 1800—1801 г. былъ посланникомъ въ Вѣнѣ.

изъ ея наиболѣе интимныхъ приближенныхъ, на что Ея Величество, отвѣтила: „Честолюбіе Головкина отъ этого не страдаетъ; онъ знаетъ, что я ему одному изъ всѣхъ моихъ подданныхъ сдѣлала честь такого обращенія“.

Онъ хотѣлъ уговорить меня, чтобы я написалъ и просилъ о томъ, что онъ, какъ царедворецъ, называлъ моимъ помилованіемъ; онъ обѣщался доставить мое письмо и ручался за успѣхъ; но онъ потерпѣлъ у меня полнѣйшую неудачу, и его поѣздка имѣла лишь то послѣдствіе, что я сталъ предметомъ непріятнаго разговора императрицы съ ея фаворитомъ.

Два мѣсяца спустя ко мнѣ пріѣхалъ, тоже какъ-будто бы случайно, болѣе ловкій господинъ, постоянно усердствовавшій въ щепетильныхъ дѣлахъ и привычный къ интригамъ, хотя онъ, проживъ болѣе шестидесяти лѣтъ, не замѣтилъ, что еще никто не былъ обманутъ его кажущимся добродушіемъ, это былъ графъ Карлъ Ивановичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ [1]), бывшій гувернеромъ великаго князя Константина Павловича, а передъ этимъ гувернеромъ его отца. Онъ жилъ въ провинціи и пріѣхалъ въ Перновъ, якобы для того, чтобы купить по сосѣдству имѣніе; и это вполнѣ объяснило бы его появленіе на этихъ пустынныхъ берегахъ, если бы потребность подѣлиться со мною высокимъ довѣріемъ, котораго онъ удостоился, не заставила его въ первую же четверть часа разболтать мнѣ все. Онъ засталъ меня столь героически спокойнымъ и стоически, покорнымъ судьбѣ, что проболтавъ, противъ своей привычки два дня безъ всякаго успѣха, онъ уѣхалъ въ сердцахъ, почти не скрывая отъ меня, что, по его мнѣнію, съ такимъ упрямымъ преступникомъ, какъ я, обращаются слишкомъ хорошо.

Моя жена [2]), которую я оставилъ въ Берлинѣ у моего отца,

---

[1]) 1733—1808.

[2]) Наталія Петровна, урожденная Измайлова (1769—1849). Въ письмѣ графа Федора отъ 3-го іюня 1809 г. изъ Монталлегре (Парижъ) мы читаемъ: „Романы такъ и сыпались; одинъ изъ нихъ былъ написанъ моею женою *„Alphonse de Lodève“*; но какъ все это бѣдно и скучно!

такъ какъ я не зналъ, какую участь мнѣ готовятъ гг. Зубовы и Марковы, и не желалъ, чтобы она отъ этого страдала, присоединилась ко мнѣ; отъ этого мое положенiе значительно смягчилось бы, если бы она обладала немного философiей. Но Перновъ и мелкота моего образа жизни показались ей ужасными. Напрасно я, ради нея, рѣшился измѣнить свои привычки: я съ ней гулялъ, читалъ и рѣшился даже повести, или, вѣрнѣе, по случаю грязи, перенести ее до одного сарая, гдѣ ярморочные актеры давали представленiя; но ея здоровье ухудшалось, ея настроенiе портилось, она не захотѣла ѣхать въ Москву къ своей семьѣ, а ея горничная изъ Парижа, мало подготовленнная къ плѣненiямъ и ссылкамъ, своими истерическими припадками окончательно превратила наше жилье, напоминающее немного казематъ, въ возмутившуюся Ѳиваиду.

Эти ежедневныя домашнiя муки заставили меня постепенно спускаться съ высоты, на которой я держался до того. Въ одинъ прекрасный день я пришелъ къ заключенiю, что мое поведенiе заключало въ себѣ неумѣстную неблагодарность; что послѣ столькихъ доказательствъ довѣрiя, которыми императрица осыпала мою молодость, она должна была почувствовать себя оскорбленной, не находя въ моемъ сердцѣ довѣрiя къ себѣ; что зная, благодаря нескромности, можетъ быть заранѣе предусмотрѣнной, графа Палена о добрыхъ чувствахъ, которыя она питала ко мнѣ, я дѣйствовалъ предосудительно и даже смѣшно, не стараясь извлечь изъ этого пользу, какъ для себя лично, такъ и для того, чтобы доказать безсилiе моихъ враговъ. Но все же было не безопасно перемѣнить, по истеченiи семи мѣсяцевъ, тактику и надо было поступить

Вотъ, по крайней мѣрѣ, то что мнѣ разсказываютъ, ибо я самъ остерегаюсь проливать слезы въ этомъ лабиринтѣ". Это не единственный романъ, который г-жа Головкина имѣетъ на своей совѣсти. Она еще публиковала повѣсть *„Елисавета С... исторiя одной русской"*, изданную одной изъ ея соотечественницъ въ 1802 г., въ Парижѣ.

такъ, чтобы не уронить своего достоинства. Поэтому я сознавалъ необходимость, или восторжествовать со славою, или же, въ случаѣ неудачи,—потерпѣть ее въ секретѣ.

Я, наконецъ, принялъ рѣшеніе, которое покажется довольно страннымъ и можетъ быть объяснено лишь тою связью, если я смѣю такъ выразиться, которая существовала раньше между императрицей и мною. Результатъ этой попытки казался мнѣ совершенно безопаснымъ: моя жена привезла изъ Италіи кожи для выдѣлки вѣеровъ; Перновскій врачъ выписалъ изъ Риги художника, и я приступилъ къ этой необычайной продѣлкѣ. Вѣеръ былъ раздѣленъ на три картины: на первой—молодой человѣкъ, одѣтый по античному, гуляя въ ясный солнечный день по большой дорогѣ, приближался къ виднѣющемуся вдали храму, посвященному Екатеринѣ, на что указывали сплетенныя буквы на фронтонѣ храма. На второй картинѣ тотъ же молодой человѣкъ, дошелъ до храма, и жрица, которой художникъ, по удачной случайности и безъ всякаго намѣренія, придалъ черты императрицы, подавала ему руку, чтобы ввести его во храмъ. На горизонтѣ показывались нѣкоторыя тучи. На третьей картинѣ—фуріи, среди ужасной грозы, гнали молодого человѣка изъ храма. Онъ, въ страхѣ, бѣжалъ, но буря, поднимая полы его плаща, раскрывала маленькій якорь, скромный символъ надежды, который онъ держитъ подъ рукой. Когда вѣеръ былъ готовъ, я прибавилъ къ картинамъ нѣсколько объяснительныхъ стиховъ, безъ подписи, и поручилъ довѣренному лицу отправить его изъ сосѣдняго города по почтѣ, въ посылкѣ, адресованной, какъ принято, въ собственныя руки Ея Императорскаго Величества.

О, божественная мудрость, какъ ты издѣваешься надъ нашими проектами! Я былъ самъ собою доволенъ, такъ какъ я въ одинъ пріемъ исполнилъ двѣ задачи: уступилъ голосу совѣсти, внушившему мнѣ эту попытку сближенія, и сдѣлалъ это, не отказываясь отъ благороднаго положенія, которое я занялъ въ самый моментъ полученія мною въ Митавѣ моего

Пис. Ертъ — Peint par Ertt

Императрица Елисавета Алексѣевна, 1779-1826

L'Impératrice Elisabeth Alexéewna, 1779-1826

289

приговора. Какое бы впечатлѣніе ни произвела моя попытка,— я могъ быть спокоенъ. Я часто, по приказанію Екатерины, рисовалъ и сочинялъ плохіе стихи и то, что содержала въ себѣ эта посылка, безъ подписи, достаточно ясно указывало на ея отправителя; мое довѣріе было безконечно, мое средство остроумно, прошлое и настоящее говорили въ мою пользу, а будущность зависѣла отъ императрицы. Для того чтобы узнать результатъ моей попытки, требовалось не менѣе недѣли, и я далъ себѣ слово до истеченія этого срока какъ можно меньше объ этомъ думать и добиться также отъ жены и отъ Жюстины, у которой возродились самыя розовыя надежды, обуздать свое блестящее воображеніе и всегдашнее краснорѣчіе.

На третій день послѣ отправки посылки, въ два часа утра, я услышалъ неистовый стукъ въ мою дверь; отъ имени коменданта требовали открыть ее, и я едва успѣлъ накинуть на себя халатъ, какъ самъ комендантъ очутился передо мною, блѣдный, съ искривленнымъ лицомъ и безпорядочнымъ видомъ:

— Не знаю, покажется ли вамъ новость, которую я долженъ вамъ сообщить, хорошей или плохой,—сказалъ онъ мнѣ,—но для меня все кончено; наша великая императрица скончалась!

— Для меня тоже все кончено!—воскликнулъ я и побѣжалъ въ комнату, въ которой я устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ кабинета, гдѣ и заперся; и лишь подъ вечеръ второго дня просьбамъ моей жены удалось меня оттуда извлечь. Теперь, когда я думаю объ этомъ хладнокровно, я въ этомъ нахожу лучшую похвалу той, которая меня велѣла заключить въ этомъ мѣстѣ. Великая государыня скончалась 6/17 ноября. До 10 го мы ждали подробностей этого происшествія, какъ вдругъ прибылъ курьеръ и привезъ мнѣ приказъ отправиться ко Двору. Пришлось немедленно выѣхать; погода была ужасная и мнѣ предстояло ѣхать по проселочнымъ дорогамъ; волки нѣсколько разъ нападали на несчастныхъ клячъ, которыя меня везли.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ весь разбитый и нашелъ, что тамъ уже все перемѣнилось до неузнаваемости. Моя посылка была первой вещью, попавшей въ руки новаго императора, и когда онъ ее открылъ, вѣеръ оказался первымъ предметомъ, представившимся глазамъ этого государя, который всегда такъ пристрастно бранилъ царство женщинъ! Я всѣми средствами старался вернуть себѣ вѣеръ, но при Дворѣ притворялись, что не могутъ его найти, а впослѣдствіи сказали мнѣ, что онъ былъ брошенъ въ огонь. Добродушный генералъ Кельхенъ вскорѣ потерялъ мѣсто перновскаго коменданта, а мнѣ пришлось пожалѣть, что я не остался его плѣнникомъ.

XX.

Императрица Елисавета Алексѣевна[1])

(СУПРУГА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I).

[1]) Императрица Елисавета Алексѣевна (1776—1826) была третьей дочерью маркграфа Карла-Людовика Баденскаго. Въ 1793 г. она вышла замужъ за великаго князя Александра Павловича. Она занимаетъ мѣсто въ коллекціи 39 портретовъ, нарисованныхъ Луи де-Сентъ-Обэномъ и изданныхъ въ фототипическихъ воспроизведеніяхъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ.

Помолвка.

Хотя эта принцесса еще не достигла возмужалости для брака, свадьба была назначена на октябрь мѣсяцъ, объ остальномъ же не безпокоились. Тотчасъ же приступили къ урокамъ Закона Божія и русскаго языка, а также къ всевозможнымъ приготовленіямъ. Начали, между прочимъ, приспособлять часть Зимняго дворца, образующую уголъ, обращенный съ одной стороны къ набережной рѣки Невы, а съ другой — къ Адмиралтейству. Въ этихъ покояхъ поставили зеркала и повѣсили драгоцѣннѣйшіе обои. Опочивальня представляла изъ себя образецъ изящества и роскоши. Обои были изъ Ліонской бѣлой матеріи съ каймой, вышитой большими розами; колонны алькова, двери и обшивки стѣнъ были изъ розоваго стекла, оправленнаго въ позолоченную бронзу, и подъ ними просвѣчивали бѣлые барельефы изъ рѣзного камня, простирающіеся какъ-будто бы въ пространство за предѣлы комнаты. Кромѣ Ея Величества, Зубова, генерала Турчанинова, кабинетъ-секретаря и меня никто не былъ допущенъ къ обозрѣнію этихъ волшебствъ до самой свадьбы.

Церемонія перехода въ православную вѣру принцессы и помолвка произошли 20 и 21 мая 1793 г. Принцесса, посреди дворцовой церкви, громко произнесла символъ вѣры. Она была хороша собою, какъ ангелъ, одѣта въ розовое платье, вышитое большими бѣлыми розами, съ бѣлой юбкой, вышитой такимъ же образомъ розовыми цвѣтами; ни одного брилліанта

въ распущенныхъ русыхъ волосахъ. Это была Психея! Великій князь, которому передѣлали его дѣтскую прическу, былъ одѣтъ въ костюмъ изъ серебряной парчи, вышитый серебромъ. Принцесса была наречена именемъ Елисаветы, въ память императрицы, избравшей Екатерину, и провозглашена великою княгинею, ибо съ этого всегда начинаются брачныя церемоніи русскихъ великихъ князей, которые могутъ жениться лишь послѣ того, какъ ихъ невѣсты во всемъ сравнялись съ ними. Это было поистинѣ великолѣпное зрѣлище—когда великая государыня поднялась на эстраду, въ сопровожденіи прелестной молодой четы, чтобы посвятить ее Богу и народу. Я былъ тронутъ до слезъ. Какъ только вновь нареченная великая княгиня перешла въ свои покои, Ея Величество прислала ей великолѣпные подарки, состоящіе изъ драгоцѣнностей. Въ числѣ ихъ выдѣлялось ожерелье, состоявшее изъ семи солитеровъ, взятыхъ изъ знаменитыхъ эполетъ Потемкина, возвращенныхъ, вмѣстѣ съ другими принадлежавшими ему драгоцѣнностями, казнѣ. Новая великая княгиня такъ утомилась отъ длинной церемоніи, что у нея едва хватило силъ, чтобы подняться съ кровати, на которую она бросилась, и принять эти подарки. Впрочемъ, брилліанты и ожерелья ее вообще не особенно интересовали.

Свадьба

Возмужалость принцессы все заставляла себя ждать, природа не поддавалась нетерпѣнію императрицы и, казалось, потѣшалась надъ приготовленіями всякаго рода, которыя старались по возможности ускорить. Одно лишь занятіе безчисленными мелочами будущей свадьбы могло еще развлечь императрицу, воображавшую, что женихъ и невѣста въ восторгѣ другъ отъ друга. Ея разговоры по этому поводу были для меня мученіемъ, ибо я не хотѣлъ ни ее разочаровывать, ни выводить ее изъ заблужденія, а мое хладнокровіе казалось ей то недостаткомъ привязанности съ моей стороны, то порочностью моего характера. Истина же заключалась въ томъ, что эти два ребенка не могли подойти другъ къ другу. Великій князь, будучи только на годъ старше своей невѣсты, еще не обладалъ выработанностью ума и характера; его манерамъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это требовалось представительствомъ, не доставало граціи и достоинства, хотя онъ былъ очень красивъ и образованъ. Принцесса, къ ея несчастью, была воспитана при Дворѣ, гдѣ достоинство маперъ обосновывалось только душевными качествами, а ея умъ, подъ вліяніемъ нѣжныхъ заботъ высокопросвѣщенной матери, опередилъ ея возрастъ, и, къ тому же, развиваясь, подвергся воздѣйствію французской эмиграціи, благодаря чему онъ пріобрѣлъ гибкость и хорошій вкусъ, составляющій прелесть домашней жизни. Поэтому великій князь, питая къ ней уваженіе, былъ немного обиженъ ея превосходствомъ, тогда какъ его невѣста, которая не могла его ни въ чемъ упрекнуть,

испытывала нѣкоторую неловкость при мысли о предстоящей связи съ ребенкомъ.

Наконецъ наступилъ давно желанный срокъ для брачнаго союза, и императрица поспѣшила имъ воспользоваться, но такъ неосторожно, что, какъ оказалось впослѣдствіи, это разрушило ея лучшія надежды. Великаго князя поручили на нѣсколько часовъ г-жѣ Торсуковой, женѣ одного изъ его дядекъ, и племянницѣ г-жи Перекусихиной, камерфрау Ея Величества, а затѣмъ, 9-го октября (по новому стилю) 1793 г., была отпразднована свадьба. Я долженъ сознаться, что это было большимъ облегченіемъ для меня. Нѣтъ ничего непріятнѣе и тягостнѣе, какъ обязанность придавать большое значеніе дѣламъ, которыя этого не заслуживаютъ, изощряя свое честолюбіе безъ опредѣленной цѣли, а также замѣчать всякія мелочи въ широкихъ рамкахъ событій и терять свое время на пустяки, которые для насъ унизительны. Когда я теперь объ этомъ думаю, мнѣ кажется, что въ томъ возрастѣ, въ которомъ я тогда находился, я къ лучшему и не былъ пригоденъ и долженъ былъ почитать себя счастливымъ, что я, такъ или иначе, участвовалъ въ интимныхъ дѣлахъ Двора; но тогда я смотрѣлъ на это иначе, мнѣ ничего не казалось недоступнымъ, и я считалъ возможнымъ расчитывать на все. Скоро послѣ этой свадьбы я былъ назначенъ посланникомъ въ Неаполь и потерялъ изъ виду этотъ молодой Дворъ, такъ что могъ о немъ судить только по разсказамъ другихъ, чего я однако въ такихъ вопросахъ не допускаю. Но все же то, что, во время моего отсутствія тамъ произошло, требуетъ, хотя бы вкратцѣ передачи того, что мнѣ разсказали.

До сихъ поръ думали, будто бы императрица, отчаиваясь дождаться дѣтей отъ великаго князя Александра Павловича, поручила князю Зубову, съ которымъ она въ то время уже не поддерживала связи, кромѣ дѣловой и основанной на довѣріи, помочь этой бѣдѣ; что благо государства подсказывало ей эту странную мысль и что г-жа Шувалова содѣйствовала

Екатерина Васильевна Торсукова.
1772—1842.

Пис. Боровиковскій.

этому проекту, въ силу котораго счастливый фаворитъ позволилъ себѣ проявить къ молодой великой княгинѣ особое усердіе, глубоко оскорбившее ее, а также и другихъ членовъ императорской фамиліи [1]). Я не знаю, сколько во всемъ этомъ истины, и вообще не вѣрю въ эту исторію, въ виду неправдоподобности, чтобы Екатерина на сей разъ пренебрегла осторожностью, которую она соблюдала во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, къ тому же еще въ такомъ случаѣ, когда это вовсе не требовалось обстоятельствами и когда изъ многихъ способовъ, ведущихъ къ цѣли, именно этотъ способъ, какъ одинаково гнусный и смѣшной, не могъ быть ею избранъ. Но я знаю, что когда я вернулся въ Россію, Ихъ Императорскія Высочества ненавидѣли какъ г-жу Шувалову, такъ и князя Зубова, и что императоръ Павелъ I выражался на счетъ первой очень пренебрежительно. При Дворѣ это впрочемъ не имѣетъ особеннаго значенія. Мнѣ вообще кажется, что императрица должна была достаточно знать характеръ великой княгини, не вступающей никогда въ пререканія или споры и дѣлающей только то, что она хотѣла, чтобы не пробовать такой неслыханной вещи, особенно послѣ того, какъ ей приходилось терпѣть неудачу даже въ самыхъ мелкихъ вещахъ.

Я приведу, для характеристики великой княгини, лишь одну черту: она не переносила румянъ, а императрица, какъ она говорила шутя г-жѣ Шуваловой, не терпѣла, чтобы молодая женщина появлялась въ обществѣ „съ исторіей ея болѣзни на лицѣ". Послѣ безчисленныхъ увѣщаній по этому поводу, Ея Величество, полагая, что у г-жи Шуваловой не достаетъ на это энергіи, поручила фельдмаршалу графу Салтыкову объяснить ея волю великой княгинѣ. Онъ велѣлъ ей доложить, что желаетъ ее видѣть по дѣламъ туалета и по порученію императрицы. Такъ какъ великая княгиня отгадывала, въ чемъ дѣ-

---

[1]) См. по этому поводу главу V въ *„Мемуарахъ графини Головиной"* (Изд. «Сфинксъ» 1912 г.).

ло, она заставила его ждать до тѣхъ поръ, пока она не приготовилась къ выходу. Выйдя къ нему навстрѣчу съ свѣчей въ рукахъ, она сказала: „Посмотрите-ка хорошенько на меня, милостивый государь, и скажите, какъ вы меня находите, говорите безъ комплиментовъ?“—„Вы очень хорошо выглядите“—отвѣтилъ Салтыковъ.—„Слушайте,—обратилась она къ сопровождавшимъ ее придворнымъ дамамъ, — фельдмаршалъ мною доволенъ; значитъ, мнѣ нечего къ этому прибавлять“. И, оставивъ его въ недоумѣнiи, она удалилась такъ быстро, что онъ не могъ ее догнать. Императрица сначала немного удивилась, а потомъ посмѣялась надъ жалобами фельдмаршала и, видя, что онъ возмущается легкостью, съ которою она относится къ этому вопросу, сказала: „Она права, вѣдь она такая хорошенькая, пусть ей не говорятъ больше объ этомъ“.

Слѣдующее царствованiе доставило великой княгинѣ, какъ и всѣмъ другимъ, очень непрiятные моменты. Императоръ Павелъ I, подъ предлогомъ, что она ему напоминаетъ его первую жену, питалъ къ ней болѣе чѣмъ отеческiя чувства и въ минуты досады на сына высказывалъ ему слишкомъ ясно, что онъ не достоенъ столь совершенной жены. Но это какъ разъ было время, когда молодая чета жила въ наибольшемъ согласiи. Принужденiе, скука, чувство какой-то опасности, грозящей ихъ положенiю,—сближали два сердца, вынужденныхъ относиться ко всѣмъ съ подозрѣнiемъ. По поводу женитьбы Шведскаго короля который, вмѣсто того, чтобы жениться на сестрѣ великаго князя, женился на сестрѣ великой княгини, послѣдняя вынесла весьма непрiятныя сцены отъ императрицы Марiи Ѳеодоровны, ея свекрови, старавшейся доказать императору, что она уже давно подготовляла это дѣло и что, только благодаря ей, принцесса Фридерика Баденская взяла верхъ надъ великою княжною Александрой Павловной. Какъ-будто не было достаточно другихъ политическихъ и религiозныхъ препятствiй, чтобы устранить подобныя подозрѣнiя!

Шведскій король, будучи убѣжденъ въ выгодности интимнаго союза съ Россіей, но не сумѣвшій сдѣлаться шуриномъ великаго князя наслѣдника черезъ его сестру, сдѣлался имъ чрезъ его свояченицу, баденскую принцессу. Ничего не могло быть проще, и эта гроза прошла сама собою. Болѣе серьезными были послѣдовавшія скоро послѣ этого между императоромъ и великимъ княземъ сцены, сдѣлавшія положеніе великой княгини весьма труднымъ и даже невыносимымъ. Графъ Головинъ, гофмейстеръ Двора великаго князя и близкій другъ графа Ростопчина, любимаго министра Павла, вздумалъ сдѣлать карьеру, объявивъ себя врагомъ великаго князя, которому онъ долженъ былъ служить. Тогда начались самыя гнусныя интриги. Начали рыться во внутренней жизни малаго Двора, чтобы отыскать въ ней что-нибудь предосудительное или смѣшное въ глазахъ большого Двора. Дошли наконецъ до такого нахальства, что стали утверждать, будто бы великая княгиня позволяетъ за собою ухаживать князю Адаму Чарторижскому, адъютанту и близкому другу великаго князя [1]); что послѣдній ничего противъ этого не имѣетъ и даже покровительствуетъ ихъ любви; когда же она, наконецъ, родила великую княжну Марію, которую, несмотря на то, что ея родители имѣли совсѣмъ бѣлокурые волосы, природа надѣлила очень темными волосами,—сплетни стали невыносимыми, тѣмъ болѣе, что ихъ распространеніе было очень вѣрнымъ средствомъ нравиться при Дворѣ. Великій князь въ этомъ случаѣ проявилъ удивительное и крайне неумѣстное равнодушіе. Что же касается великой княгини, то она сосредоточилась на своихъ обязанностяхъ супруги и матери и утѣшилась по поводу несправедливости Двора, неспособнаго ее оцѣнить.

Разъ, что эта система преслѣдованія была заведена, враги Ихъ Высочествъ могли остальное предоставить безпокойному ха-

---

[1]) См. по этому поводу *Мемуары графини Головиной*, глав IX. (Изд. „Сфинксъ" 1911 г.).

рактеру императора, который не пощадилъ ни своего авторитета, ни чести своего дома. Онъ вмѣнилъ своей невѣсткѣ въ обязанность каждый день освѣдомляться у г-жи Лопухиной, его фаворитки, о томъ, какой на этотъ день полагается туалетъ; но великая княгиня не послушалась этого приказанія, за что у ея дверей поставили часового.

Г-жа Шувалова и князь Чарторижскій, который получилъ посольство въ Туринѣ, были удалены отъ Двора; княгинѣ Шаховской, компаньонкѣ и подругѣ великой княгини, грозила та же участь, и невозмутимое хладнокровіе, которое она противоставляла такимъ оскорбленіямъ, а также слезы великаго князя едва смягчили разгнѣваннаго государя. Хорошо освѣдомленныя лица увѣряли меня, — ибо я самъ держался какъ можно дальше отъ всего этого,—что государь, находясь подъ вліяніемъ лакеевъ, которыхъ онъ произвелъ въ министры, и отказавшись публично отъ нравственной чистоты, отличавшей до тѣхъ поръ его жизнь, ничего не имѣлъ противъ безпорядковъ въ своемъ семействѣ, которыя могли бы оправдать его поведеніе или, по крайней мѣрѣ, прикрыть его собственное распутство; что это же соображеніе заставило его смотрѣть сквозь пальцына поведеніе великаго князя Константина Павловича, предоставивъ его произволу великую княгиню, его супругу, и, наконецъ, даже заподозрить добродѣтель императрицы, которая, въ этомъ отношеніи, была самая строгая и безупречная женщина въ мірѣ.

Начала императрицы.

Лейбъ-медикъ Роджерсонъ разсказалъ мнѣ, что когда онъ однажды, послѣ катострофы, вошелъ въ кабинетъ молодого государя, онъ нашелъ его съ супругой, сидящими вмѣстѣ въ углу, лицомъ къ лицу, крѣпко обнявшимися и такъ горько плачущими, что они не замѣтили его входа. Императрицѣ, которую Богъ надѣлилъ умомъ и характеромъ, недостававшими ея мужу, слѣдовало овладѣть его наклонностями и его довѣріемъ, такъ какъ онъ самъ, обладая честною душою, былъ испуганъ своимъ собственнымъ величіемъ, а она его слишкомъ хорошо изучила, чтобы не знать, что онъ часто нуждается въ руководствѣ. Но она упустила этотъ моментъ, какъ и всѣ послѣдующіе, и по расчету ли, или по причинѣ безпечности, обрекла себя на полное бездѣйствіе, въ чемъ ея просвѣщенный и правдивый умъ, а также ея чуткое сердце впослѣдствіи, навѣрно, раскаивались. Маркграфиня, ея мать, которая, вскорѣ послѣ ея восшествія на престолъ, пріѣхала къ ней въ гости, и для которой она—будь сказано между прочимъ,—не сумѣла или не захотѣла добиться приличнаго пріема, сдѣлала ей по этому поводу весьма серьезныя представленія. Она указала ей на то, что религія, привязанность къ мужу, личная безопасность, однимъ словомъ — все, обязываетъ ее пріобрѣсти довѣріе, дружбу и уваженіе Императора, но всѣ ея доводы, совѣты и просьбы были тщетны. Императрица Елисавета Алексѣевна, видя что ея свекровь занята обезпеченіемъ себѣ вліянія и приверженцевъ, подумала, что если она будетъ домогаться той же цѣли, то это создастъ соперниче-

ство интригъ и интересовъ, которое претило ея принципамъ. Ей казалось, что, такъ какъ она не родила наслѣдника престола, то, въ случаѣ если бы она пережила императора, она въ моментъ его смерти не должна облечь себя незаконною властью, которую всякій членъ императорскаго дома могъ бы оспорить; а между тѣмъ она боялась, что ей въ такомъ случаѣ, пожалуй, не захочется уступить. Вотъ тѣ благородные, но невѣрные принципы, которые довели ее до уединенія и до самаго прискорбнаго бездѣйствія. Императоръ, съ своей стороны, предполагавшій въ ней сначала высшіе порывы и чувствовавшій себя этимъ даже нѣсколько униженнымъ, теперь сталъ смотрѣть на нее, какъ на самую обыкновенную женщину, на которую мужъ можетъ не обращать вниманія и которая не заслуживаетъ быть предметомъ особенныхъ заботъ для государя.

Дворъ, замѣтивъ, что о ней мало заботятся, постарался тоже пренебречь ею, а нація, привыкшая къ дѣятельнымъ и интригантнымъ государынямъ, скоро убѣдилась въ томъ, что эта государыня даже не дастъ ей возможности оправдать честолюбіе, направленное къ тому, чтобы управлять ею. Если бы она послѣдовала хотя бы примѣру вдовствующей императрицы и сохранила бы внѣшнюю торжественность, къ которой нація привыкла и которая производитъ на нее больше впечатлѣнія, чѣмъ добродѣтель и таланты! Но она предпочла слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру государя, открыто подтрунивавшаго надъ обычаями своихъ родителей, которые его многочисленные фавориты называли „готическими“ или „нѣмецкими“. Ее можно было видѣть быстрыми шагами проходящею по набережнымъ и по улицамъ столицы и появляющеюся на гуляньяхъ въ обыкновенной коляскѣ четверней, или даже пѣшкомъ, въ сопровожденіи лишь одной дамы и одного лакея. Однажды утромъ, въ Лѣтнемъ Саду, молодой армейскій офицеръ, прибывшій изъ провинціи и не имѣвшій счастья знать императрицу въ лицо, присталъ къ ней съ дерзкою фа-

мильярностью, а когда ему сказали, кого онъ имѣетъ передъ собой, онъ не повѣрилъ и удвоилъ свою дерзость. Пришлось, кажется, вызвать дворцовый караулъ. Императрица и публика были одинаково возмущены этимъ происшествіемъ. Ея Величество была удивлена и оскорблена, но императоръ нашелъ это очень смѣшнымъ и, несмотря на такой внушительный урокъ, въ обычаяхъ Двора ничего не было измѣнено.

Характеръ императрицы.

Она болѣе талантлива, чѣмъ умна, и вслѣдствіе этого ей за исключеніемъ особенно важныхъ и необычайныхъ случаевъ, не хочется утруждать себя разсужденіями о своемъ поведеніи, а такъ какъ недостатокъ опытности и хорошихъ совѣтовъ мѣшаютъ ей узнать то, чего требуетъ ея положеніе, то она не можетъ судить о немъ трезво и продолжаетъ слѣдовать по тому невѣрному пути, который она избрала. У нея много такта и проницательности и она лучше знаетъ человѣческое сердце, чѣмъ можно бы думать, но недостатокъ честолюбія или невѣрный расчетъ дѣлаютъ эти качества излишними. Она образована и продолжаетъ учиться съ удивительной легкостью. Она лучше всѣхъ русскихъ женщинъ знаетъ языкъ, религію, исторію и обычаи Россіи. Въ обществѣ она проявляетъ грацію, умѣренность, умѣнье выражаться, но нежеланіе отличиться придаетъ ей нерѣдко беззаботный видъ, который ей не къ лицу. Она осторожна, потому что она вообще скрытна, холодна, потому что ей все надоѣдаетъ и, имѣя полную возможность достичь всякихъ успѣховъ, она пренебрегаетъ ими до такой степени, что это вредитъ ея сердцу и ея уму. Однимъ словомъ, она ведетъ себя какъ жертва политики, для которой жизнь и смерть одинаково милы. И можетъ ли быть иначе? Ей недостаетъ славы общественной и счастья частной жизни. Ея дѣти умерли, ея мужъ ею не занимается, съ сво-

Императрица Елисавета Алексѣевна.
(Супруга Императора Александра I).

Вел. Кн. АЛЕКСАНДРЪ.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I.

305(2)

имъ семействомъ она навсегда разлучена. При Дворѣ ея не видно, нація не чувствуетъ къ ней привязанности, всѣ интересы жизни для нея перестали существовать. Но, какъ я уже сказалъ выше, за этимъ прелестнымъ лицомъ, безъ выраженія и безъ цвѣта, скрываются таланты, которые когда-нибудь, при удобномъ случаѣ, могутъ сразу проявиться. Тогда можно будетъ увидать въ ней женщину высшаго разряда, чѣмъ она, вѣроятно, сама была бы не менѣе удивлена, нежели другіе.

Острота Императрицы

(тогда еще великой княгини).

Когда Елисавета Алексѣевна однажды увидѣла оберъ-церемонiймейстера Валуева [1]), личность весьма комичную и сдѣлавшую при Дворѣ карьеру только благодаря умѣнiю устраивать похороны и погребальныя процессiи, она сказала императору Павлу: „Кто изъ насъ, по вашему мнѣнiю, долженъ раньше умереть, чтобы онъ могъ получить голубую ленту?“ Такъ какъ ея разговоры всегда отличались большою сдержанностью, то подобныя слова, произнесенныя во время такого деспотическаго царствованiя, показались особенно знаменательными.

---

[1]) Петръ Степановичъ Валуевъ. Семейство Валуевыхъ впослѣдствiи дало Россiи замѣчательнаго человѣка, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ при Императорѣ Александрѣ II.

XXI.

Нессельроде.

Это старинная фамилія владѣтельныхъ графовъ Священной Римской Имперіи изъ Юлихской области [1]), гдѣ она по наслѣдству занимала высокую должность. Одинъ изъ младшихъ членовъ этого семейства, обладавшій небольшими средствами, пріѣхалъ въ Россію и, пользуясь неизвѣстно чьей протекціей, занималъ послѣдовательно мѣсто посланника въ Лиссабонѣ и въ Берлинѣ; онъ былъ также, короткое время, фаворитомъ Павла I [2]), но такъ какъ онъ любилъ отпускать очень колкія остроты, то его милость продолжалась не долго. Его выслали въ Германію за то, что онъ началъ разговоръ словами: „Я буду имѣть честь расказать одну вещь, о которой ни Ваше Императорское Величество, ни ваши министры ничего не знаютъ". Ему запретили выдумывать и распространять новости и онъ удалился во Франкфуртъ, гдѣ онъ скончался въ очень преклонномъ возрастѣ. Когда онъ, еще раньше, проѣзжалъ черезъ этотъ городъ въ Лиссабонъ, онъ, уже въ пожилые годы, женился на дѣвицѣ Гонтаръ, происходившей изъ буржуазно-коммерческой фамиліи, особѣ весьма пріятной и умной [3]).

---

[1]) Входящей нынѣ въ составъ Прирейнской провинціи (Пруссія).

[2]) Это былъ Максимиліанъ-Юрій-Карпъ, графъ Нессельроде (1724—1810), отецъ знаменитаго министра.

[3]) Она была гугенотскаго происхожденія. *Кн. Долгоруковъ (Россійская родословная книга* т. III стр. 203), приписываетъ Гонтарамъ еврейское происхожденіе.

Отъ этого брака между старикомъ и женщиной среднихъ лѣтъ родился сынъ, который всю свою жизнь имѣлъ видъ зародыша, выскочившаго изъ банки со спиртомъ [1]).

Его карьера весьма замѣчательна. Онъ мнѣ былъ представленъ его отцомъ въ 1794 г., когда я проѣзжалъ въ Италію черезъ Берлинъ. Онъ его тамъ обучалъ, какъ могъ, и одѣвалъ его въ гардемаринскую форму, такъ какъ у этого маленькаго человѣка была наклонность болѣе къ плаванію, чѣмъ къ маршировкѣ, и не было другихъ шансовъ устроиться въ Россіи, какъ именно во флотѣ. Потомъ я его потерялъ изъ виду, до воцаренія императора Павла, который, чувствуя особенное пристрастіе къ нѣмцамъ, сдѣлалъ маленькаго Нессельроде своимъ адъютантомъ и, нарядивъ его въ огромную шляпу и въ черезчуръ широкій костюмъ, посадилъ его на большую лошадь. Это была уморительная картина. Смерть императора, который его страшно мучалъ, спасла ему, можетъ быть, жизнь. Но что ему теперь оставалось дѣлать? Я, будучи самъ тогда въ немилости, взялъ на себя устроить его судьбу, не думая, правду сказать, что онъ пойдетъ такъ далеко. Я посовѣтовалъ ему поступить на дипломатическую службу, на которую заслуги его отца давали ему, до нѣкоторой степени, право, и повелъ его къ графу Панину, министру иностранныхъ дѣлъ и моему открытому врагу. Сюрпризъ Его Превосходительства, когда ему доложили обо мнѣ, былъ великъ, но я ужъ приготовилъ вступленіе: „Мы не любимъ другъ друга, но это не должно намъ препятствовать дѣлать добро. Я привелъ къ вамъ способнаго молодого человѣка, безъ карьеры и безъ протекціи. Возьмите на себя его будущность. Онъ не думаетъ домогаться тщеславныхъ отличій, но желалъ бы ихъ заслужить.

---

[1]) Это былъ будущій министръ иностранныхъ дѣлъ и государственный канцлеръ Россійской Имперіи; онъ родился въ 1780 г. и умеръ въ 1862 г. о немъ разсказываютъ что Наполеонъ I, во время параднаго обѣда, сказалъ: „Вотъ маленькій человѣкъ, изъ котораго выйдетъ великій человѣкъ“.

Подумайте, что вы, въ вашемъ положенiи, можете для него сдѣлать, и что ваше сердце вамъ укажетъ“, и съ этими словами я ихъ оставилъ вдвоемъ [1]). Послѣдствiемъ этого оригинальнаго свиданiя была изумительная карьера Нессельроде. Его послали на службу къ искуснымъ и строгимъ дипломатамъ: къ старику Алопеусу въ Берлинъ и къ графу Штакельбергу въ Гагу. Затѣмъ обстоятельства и служебныя перемѣны вызвали переводъ его въ Парижъ на мѣсто секретаря посольства при князѣ Александрѣ Куракинѣ, этомъ благороднѣйшемъ и лучшемъ изъ людей, но ничтожнѣйшемъ изъ пословъ, гдѣ Нессельроде оказался весьма полезнымъ и выдвинулся своимъ умомъ. Бонапартъ, желавшiй имѣть Куракина посломъ именно потому, что онъ былъ глупъ, сталъ коситься на его секретаря, мѣшавшаго ему дѣлать глупости. Многочисленные войны и трактаты того времени еще больше выдвинули этого маленькаго человѣка, и императоръ Александръ I, любившiй окружать себя людьми, которые не имѣли связей и хорошо знали канцелярскую сноровку, назначилъ его, къ общему удивленiю, стасъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ. Тогда онъ женился на дочери Гурьева [2]), всемогущаго министра финансовъ, и всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, покрыли его въ скоромъ времени орденскими лентами и потоками золота. Добравшись до высшей ступени,

---

[1]) Канцлеръ графъ Нессельроде неоднократно упоминаетъ въ перепискѣ, опубликованной недавно его внукомъ (Парижъ, 1904 г., два тома) о дружескихъ отношенiяхъ, существовавшихъ между нимъ и графомъ Федоромъ; впрочемъ, долгъ благодарности къ Головкину его, кажется, не особенно озабочивалъ.

[2]) Гурьевъ, не менѣе какъ Нессельроде, обезсмертилъ себя по части высшей гастрономiи. Въ то время, какъ зять изобрѣталъ пудингъ и мороженое „à la Nesselrode“, тесть обогатилъ московское кулинарное искусство гастрономическимъ шед’эвромъ, извѣстнымъ до сихъ поръ подъ названiемъ „гурьевской каши“. Она состоитъ изъ составныхъ частей, для переваривания которыхъ надо имѣть русскiй желудокъ (!).

онъ высказалъ недостатки, благодаря которымъ онъ, главнымъ образомъ, и остался на своемъ мѣстѣ, а именно застѣнчивость въ обращенiи съ государемъ и нѣкоторую неувѣренность въ переговорахъ, которая его погубила бы, если бъ Александръ I не любилъ подавать вида, что онъ все дѣлаетъ самъ. Въ 1831 г. Нессельроде былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. О его застѣнчивости я могу привести поразительный прьмѣръ.

Когда Бонопартъ возвратился въ Парижъ въ 1815 г., весь дипломатическiй корпусъ оттуда удалился, и мнѣ пришлось, благодаря именно моему ничтожеству, оказать Европѣ, государю и министрамъ, которые еще были собраны въ Вѣнѣ, безцѣнную услугу тѣмъ, что я остался въ Парижѣ и выѣхалъ оттуда лишь послѣ того, какъ я собралъ всѣ политическiя и военныя свѣдѣнiя, которыя могли ихъ просвѣтить на счетъ возвращенiя самозванца. Я такъ хорошо выполнилъ эту задачу, что на двадцать второй день уѣхалъ въ Базель, вполнѣ выяснивъ все, что имъ нужно было знать, и увозя къ тому же съ собою кабинетъ секретаря короля, котораго хотѣли разстрѣлять, и одного бѣглеца-драгуна, котораго меня просили спасти. Изъ Базеля я отправилъ въ Вѣну весьма обстоятельную записку, совѣтуя, прежде всего, не терять ни минуты времени и напасть на врага со всѣми свободными силами. Князь Меттернихъ и графъ Мерси лишь впослѣдствiи разсказали, что моя депеша прибыла въ одиннадцать часовъ вечера, что тотчасъ же былъ собранъ конгрессъ и что въ два часа ночи курьеры повезли лорду Веллингтону и генералу Блюхеру приказы немедленно тронуться въ путь. Я не расчитывалъ получить благодарность, а еще менѣе награду со стороны государя, недовольнаго тѣмъ, что онъ мнѣ, въ глазахъ всей Европы, былъ такъ многимъ обязанъ, ибо услуга оказалась весьма важной и всѣ другiе монархи ждали только его почина, чтобы высказать мнѣ свою благодарность. Я надѣялся, по крайней мѣрѣ, что Нессельроде, на котораго я

смотрѣлъ, какъ на свою креатуру, и который тогда исполнялъ обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, найдетъ нужнымъ подтвердить мнѣ полученіе моей депеши; но съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ и я все еще напрасно жду этого подтвержденія. Онъ зналъ, что государь не захочетъ мнѣ выказать свое удовольствіе, и съ того момента считалъ своимъ долгомъ пренебречь даже внѣшними формами вѣжливости, принятыми въ кругу воспитанныхъ людей. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Александръ I рѣшилъ, чтобы арміи не двигались впередъ, пока его войска не подоспѣютъ; что по прочтеніи моей депеши, надо было отказаться отъ этихъ соображеній и что онъ не могъ простить одному изъ своихъ подданныхъ почина къ сраженію при Ватерлоо. Человѣкъ съ характеромъ, несмотря на то, почувствовалъ бы долгъ, который обстоятельства на него возлагаютъ, и не постѣснялся бы высказать свое мнѣніе какъ честный человѣкъ и какъ министръ, но у этого маленькаго человѣчка не было столько характера, а душа его уходила въ пятки, какъ только онъ являлся передъ государемъ.

Его отецъ грѣшилъ противоположною крайностью. Онъ всегда говорилъ все, что ему хотѣлось, смотря по настроенію, въ которомъ онъ находился, а такъ какъ онъ съ комическою внѣшностью соединялъ тонкую иронію, то его зубоскальство и колкости оставляли иногда глубокіе слѣды. Павелъ I, которому императрица всегда надоѣдала просьбами, касавшимися Вюртембергскаго дома, приказалъ старику Нессельроде устроить дѣла принца Людовика, своего тестя, который состоялъ на прусской службѣ и задолжалъ на всѣхъ концахъ Берлина. Когда Нессельроде собралъ всѣ счета принца, онъ поспѣшилъ прибавить въ депешѣ свой собственный счетъ. Его первая депеша по этому поводу начиналась слѣдующей статьей: „За пирожное и конфеты—2000 червонцевъ“. Можно себѣ представить смѣхъ императора и министра, а также гнѣвъ императрицы; и было дѣйствительно неприлично увѣковѣчить

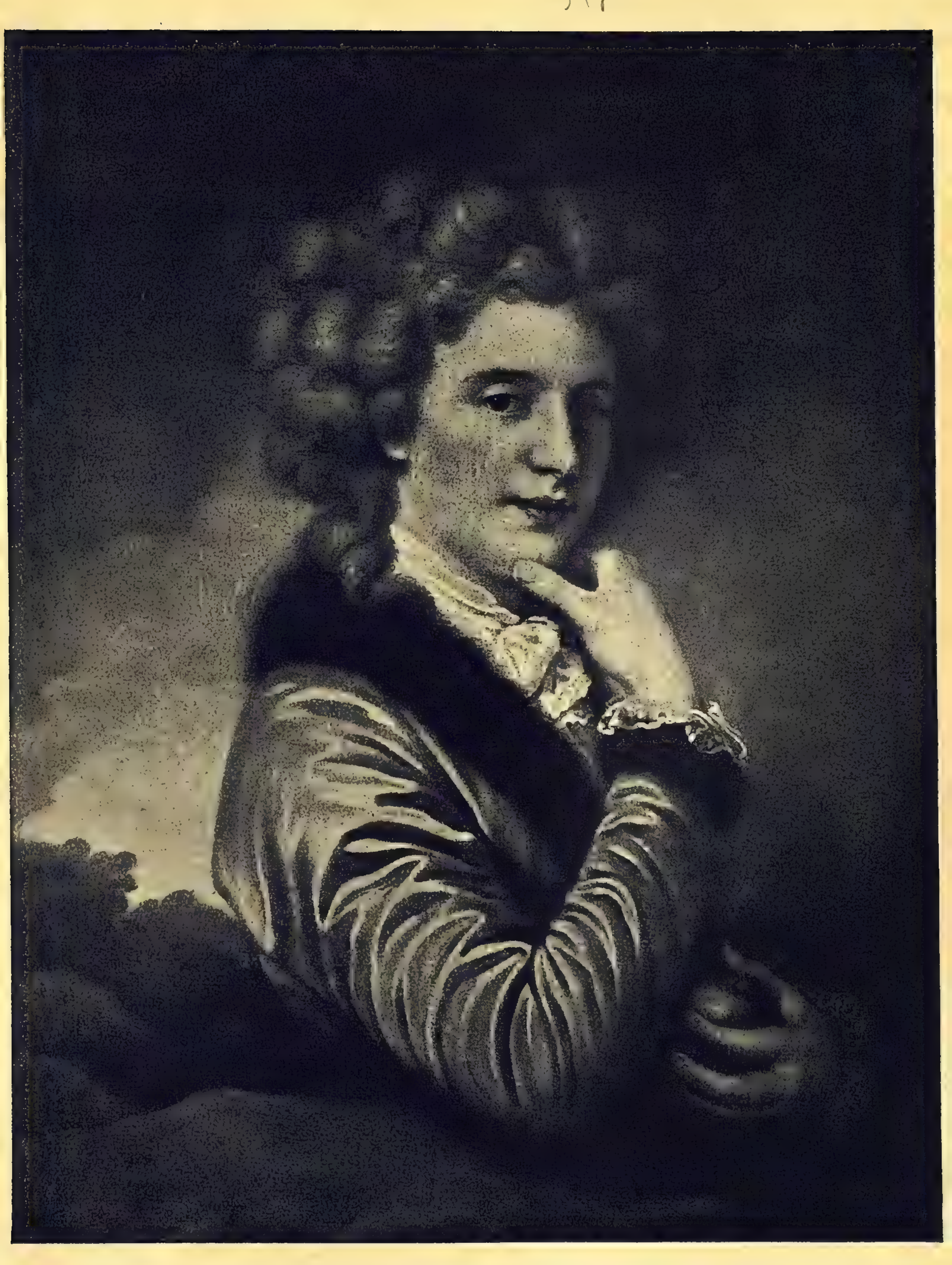
въ счетахъ, представляемыхъ правительству, такого рода расходы, которые позволялъ себѣ принцъ, генералъ и человѣкъ въ сорокалѣтнемъ возрастѣ! Императрица ему этого никогда не простила. Такъ какъ этотъ злой старикъ въ своей молодости служилъ во Франціи, долго жилъ въ Парижѣ, а потомъ нѣсколько лѣтъ вращался въ обществѣ Фридриха Великаго и остроумныхъ людей, окружавшихъ короля, то онъ умѣлъ направлять свои колкости такъ вѣрно, что трудно было отъ нихъ уклониться. Онъ меня очень любилъ, и я увѣренъ, что онъ со мною посмѣялся бы отъ всего сердца надъ блэстящимъ, но запутанннымъ положеніемъ своего сына, но послѣдній родился, когда онъ былъ уже настолько старъ, что не могъ долго радоваться его успѣхамъ.

Г-жа Нессельроде, его невѣстка [1]), была высокаго роста и полна, что придавало ея мужу видъ какъ-будто онъ выпалъ изъ ея кармана. Она была умна, поворотлива и хорошо умѣла обращаться съ императоромъ Александромъ I, придавая себѣ важную осанку, которая была бы не къ лицу худенькой внѣшности ея мужа, смахивающаго на карикатуру, между большой женой, высокимъ ростомъ государя и громаднымъ счастьемъ, выпавшимъ на его долю.

Я чуть было не забылъ одну остроту старика Нессельроде. Въ своихъ разговорахъ съ Павломъ I онъ бывалъ очень нескроменъ; его въ этомъ открыто обвиняли и дѣлали видъ, что отъ него бѣгутъ. „Меня обвиняютъ,—сказалъ онъ однажды громко,—въ томъ, что я повторяю Его Императорскому Величеству все, что слышу, но я могу поклясться, что въ этой странѣ я никогда ничего не слышалъ, что заслуживало бы повторенія“.

---

[1]) Графъ Фаллу въ своей книгѣ о *г-жѣ Свѣчиной* даетъ весьма симпатичную характеристику г-жѣ Нессельроде, подругѣ его героини.

Графиня СОФІЯ АЛЕКСѢЕВНА ПОТОЦКАЯ. 1766-1822.

(Съ картины Лампи).

XXII.

Баронъ д'Анштеттъ [1]).

Принцъ Нассау-Зигенскій, будучи посланъ императрицей къ графу Артуа, который тогда находился въ Нимвегенѣ, просилъ меня рекомендовать ему надежнаго секретаря. Я вспомнилъ молодого эльзасца, состоявшаго первымъ приказчикомъ и бывшаго на содержаніи у старой француженки-интриганки, превратившейся, послѣ разныхъ приключеній, въ содержательницу моднаго магазина, которая просила меня какъ-нибудь его устроить. Принцъ, не колеблясь, принялъ его и нашелъ въ немъ массу талантовъ. Но ихъ отношенія отличались отъ другихъ подобныхъ же: обыкновенно начальникъ составляетъ черновые, а секретарь переписываетъ ихъ дословно; въ этомъ же случаѣ напротивъ, принцъ диктовалъ, секретарь исправлялъ импровизированную редакцію, и тогда ужъ принцъ,

---

[1]) Въ „*Семействѣ Разумовскихъ*" князя *Васильчикова*, III т., стр. 441, находится разсказъ о происхожденіи семейства д'Анштеттъ, который мы приводимъ здѣсь для сравненія: „Иванъ Осиповичъ Анштеттъ, родомъ изъ Страсбурга, былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, хотя немного циниченъ. Въ 1789 г. онъ поступилъ на русскую службу въ чинѣ офицера и былъ опредѣленъ на галерный флотъ, находившійся подъ начальствомъ принца Нассау-Зигенскаго. Послѣ шведской войны онъ былъ переведенъ на дипломатическую службу, оставаясь при этомъ подъ начальствомъ принца Нассау-Зигенскаго. Ему поручили тайные переговоры въ Берлинѣ и въ Польшѣ. Въ 1801 г. онъ былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Вѣнѣ. Разумовскій оцѣнилъ его блестящія способности. Въ Вѣнѣ Анштеттъ сумѣлъ сблизиться со

съ большимъ трудомъ, переписывалъ черновой, который онъ часто даже не умѣлъ прочесть. Секретарь, взятый изъ-за прилавка и казавшійся мнѣ не болѣе, какъ толстымъ нѣмцемъ, почти еще мальчикомъ, сдѣлался г. д'Анштеттъ, уполномоченнымъ посланникомъ императора Александра I въ самыхъ важныхъ случаяхъ [1]), кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени, наконецъ, во всѣхъ отношеніяхъ „особой", котораго Бонапартъ смертельно ненавидѣлъ и требовалъ его выдачи, какъ своего подданнаго. У него былъ лишь тотъ недостатокъ, что онъ любилъ выпивать, и это однажды обнаружилось при довольно необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Будучи пьянъ и присутствуя на церемоніи передачи императору Александру I лордомъ Абердиномъ ордена Подвязки, онъ позволилъ себѣ, въ моментъ благочестиваго молчанія, сказать громко: „Какая... комедія!" Императоръ, который въ душѣ, можетъ быть, былъ того же мнѣнія, ограничилъ свой гнѣвъ тѣмъ, что велѣлъ помѣстить въ приказѣ, чтобы съ тайнымъ совѣтникомъ д'Анштеттъ не долго говорили о дѣлахъ послѣ обѣда. Тогда любили выскочекъ. Вельможа за подобную выходку потерялъ бы свое мѣсто.

всѣми выдающимися людьми. Онъ подружился съ Поццо ди Борго и съ Гентцомъ и способствовалъ вѣроятно сближенію посла съ этими политическими метеорами. Анштеттъ принадлежалъ къ числу тѣхъ космополитическихъ дипломатовъ, которыхъ тогда было такъ много и которыхъ добродушная Россія принимала съ распростертыми объятіями. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что Анштеттъ, благодаря своему уму и своимъ широкимъ знаніямъ, сильно отличался отъ массы другихъ авантюристовъ, которымъ поручали, съ столь характерной для нашей родины безпечностью, самые важные дипломатическіе секреты". Анштеттъ впослѣдствіи былъ вознагражденъ за оказанныя имъ услуги мѣстомъ русскаго посланника во Франкфуртѣ на М.

[1]) Напримѣръ, на Вѣнскомъ Конгрессѣ.

XXIII.

Фридрихъ-Вильгельмъ III король прусскій.

Король хорошо сложенъ; его лицо безъ выраженія. Вначалѣ онъ бываетъ застѣнчивъ; разговоръ у него простой и смышленый; послѣдовательный, когда онъ касается простыхъ или серьезныхъ вещей, и отрывистый, смущенный, когда становится остроумнымъ и веселымъ; съ внѣшней стороны король какъ будто врагъ почестей и низкопоклонничества, но въ душѣ — крайне взыскателенъ; стремится къ добру, но лѣнивъ до крайности и придерживается опредѣленной системы, изъ боязни работы. Вмѣсто характера, который онъ воображаетъ имѣть, въ дѣйствительности же не имѣетъ, у него много упрямства, замѣняющаго ему необходимость размышлять. Онъ все дѣлаетъ только для того, чтобы избавиться отъ министровъ и угодить королевѣ; никогда ничего не читаетъ, не пишетъ и не рисуетъ; ходитъ въ церковь и на смотры только въ высокоторжественные дни; въ театрѣ всегда засыпаетъ, танцуетъ только ради этикета, къ искусствамъ и наукамъ относится безучастно; ѣздитъ верхомъ только для упражненія; любитъ женщинъ только въ силу своего темперамента, свою жену—въ силу привычки, своихъ дѣтей — инстинктивно, а королевстую власть — потому что она даетъ ему возможность дѣлать то, что онъ хочетъ.

XXIV.

Королева Луиза Прусская (1804 г.).

Вошедши на престолъ, королева Луиза наложила на дворъ и на общество печать своихъ строгихъ принциповъ добродѣтели, своего пристрастія къ празднествамъ и удовольствіямъ, а также нѣкоторой вѣтренности, къ которой ведетъ недостатокъ серьезныхъ данныхъ; и дѣйствительно, въ Берлинѣ тогда можно было видѣть самыя неприличныя вещи, совершаемыя подъ покровомъ благопристойности. Дикость короля и ничтожество королевы ограждали ихъ отъ соблазновъ умственной жизни, а ихъ семейная жизнь была слишкомъ печальна и монотонна, чтобы молодая женщина, какъ королева Луиза, желавшая блистать и задавать тонъ, могла ею удовольствоваться. Она сначала пожелала собрать вокругъ себя общество, но какъ только король встрѣчалъ у своей жены кого-нибудь, кромѣ оберъ-гофмейстерши, дежурной камеръ-фрейлины, вѣчнаго камергера и своего личнаго адъютанта, его недовольство становилось очевиднымъ и постепенно росло. Онъ позволялъ вести себя въ церковь и въ театръ, но какъ только онъ садился въ кресло, немедленно засыпалъ, такъ что бѣдная королева видѣла только одно средство къ достиженію цѣли, а именно, устранивъ всѣ препятствія, взять на себя представительство; ея красота, изящество и желаніе нравиться и блистать дали ей, въ короткое время, несмотря на отсутствіе разговорчивости, полную возможность это сдѣлать. Тогда стали думать только о балахъ и балетахъ и со всѣхъ сторонъ въ Берлинъ стали стекаться ино-

странцы, принося съ собою свое любопытство и свои деньги. Король, при всей своей любви и предупредительности къ женѣ, имѣлъ однако иногда приступы личнаго достоинства, вполнѣ неожиданные для окружающихъ и весьма забавные для посторонниxъ, допускавшихся, какъ я, къ секретнымъ совѣщаніямъ о праздникахъ. По этому поводу я могу привести два примѣра: когда ставили балетъ „Свадьба Филиппа Испанскаго и Маріи Англійской“, онъ не разрѣшилъ королевѣ нарядиться въ коронные бриллiанты. „Эти вещи существуютъ не для комедіи“, говорилъ онъ. Его никакъ нельзя было разубѣдить и даже горькія слезы королевы не тронули его. Такимъ образомъ, у нея для торжественной роли королевы Маріи, имѣлись лишь ея собственные бриллiанты, довольно незначительные, а также тѣ, которые ей могли на этотъ случай уступить принцы крови и придворныя дамы. Герцогу Кембриджскому пришлось понизить до уровня прусскаго короля свои понятія о пышности Филиппа II, который не могъ предугадать существованія такого короля.

По случаю же балета „Свадьба Александра и Статиры“, въ которомъ мы, къ величайшему скандалу города, страны и Европы, танцовали на публичной сценѣ, въ присутствіи двадцати пяти тысячъ человѣкъ, вышло еще во время репетиціи, что новобрачные, уже утомленные отъ ихъ предшествующаго выступленія въ танцахъ, должны были еще выстоять цѣлый часъ, пока мимо нихъ прослѣдовали и протанцовали депутаціи отъ покоренныхъ народовъ. Это было само по себѣ невыносимо и къ тому же противорѣчило достоинству завоевателя Индіи и его супруги. Предлагали поставить имъ тронъ, кресла, положить подушки, но король оставался при своей дилеммѣ: „Если вы хотите изобразить танцовщицу, то надо начать съ испытанія своихъ силъ“. Такъ какъ всѣ средства убѣжденія потерпѣли неудачу, то королева трогательно просила меня вступиться за нее, и я принялъ на себя деликатное порученіе смягчить столь упрямаго въ мелочахъ монарха.

Я воспользовался репетиціей въ старомъ замкѣ и уединенной прогулкой короля въ одной изъ смежныхъ залъ, чтобы испытать на немъ свое краснорѣчіе и свою логику. Король выслушалъ меня милостиво.

— Я до сихъ поръ считалъ всѣ мотивы, выставляемые королевою, фантастическими, но вы меня убѣдили, что справедливость требуетъ уступить,—сказалъ онъ мнѣ.

— И Ваше Величество позволите мнѣ приказать отъ Вашего имени принести красныя бархатныя подушки, обшитыя золотою бахромою, которыя можно будетъ взять изъ кладовой, гдѣ хранятся коронныя принадлежности?—спросилъ я.

— Хорошо!—отвѣтилъ онъ.

И я побѣжалъ ликующій, чтобы отдать соотвѣтствующія приказанія.

Статира была въ восторгѣ, а Александръ Великій—принцъ Генрихъ, меньшой братъ короля,—сдѣлалъ мнѣ честь расцѣловать меня отъ всей души. Насталъ, наконецъ, великій день и великое „па соло“ королевы, которое впослѣдствіи былъ надлежащимъ образомъ раскритиковано; настала брачная церемонія; подошли индійскіе народы. Королева хочетъ сѣсть,—а подушекъ нѣтъ; всѣ удивленно смотрятъ другъ на друга; посылаютъ одного статиста за другимъ, а подушекъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Королева чуть не упала въ обморокъ отъ усталости и досады. Какъ только мы въ процессіи вышли изъ театра и спустились въ танцовальный залъ, я пошелъ освѣдомиться о причинахъ этого упущенія. Король, какъ мнѣ передали, сказалъ оберъ-гофмаршалу:

— Не надо подушекъ, вы скажете, что о нихъ позабыли. Если же королева почувствуетъ себя слишкомъ усталой, то она сама будетъ въ этомъ виновата.

Но этимъ не ограничивались огорченія, причиняемыя этой очаровательной женщинѣ мелочностью ея мужа. Въ обществѣ свѣтскихъ дамъ уваженіе считается иногда дешевымъ товаромъ. Въ ту же зиму произошли два случая до того незначительные

сами по себѣ, что мнѣ было бы совѣстно о нихъ упоминать, если бы тѣ, которые привыкли къ придворной жизни, не знали, какое вліяніе имѣютъ на нее, нерѣдко, самыя ничтожныя мелочи, болѣе обрисовывающія характеры людей, чѣмъ крупныя событія.

Когда королева объявила, что къ карнавалу (1804 г.) на ней будетъ платье такой замѣчательной красоты, что его нельзя ни съ чѣмъ сравнить, всѣ присутствовавшія при этомъ дамы стали изощрять свои умы и опустошать свои кошельки не для того, чтобы соперничать съ королевой, а чтобы достойнымъ образомъ показаться рядомъ съ Ея Величествомъ. Моя жена, къ сожалѣнію, взяла полетъ выше. Не желая сдѣлать меня участникомъ если и не оскорбленія величества, то все же оскорбленія разума, она, потихоньку отъ меня, купила кашемировую шаль такой цѣнности, что сама королева и принцессы не сочли возможнымъ позволить себѣ эту фантазію. Эту шаль она разрѣзала на полосы, которыя укрѣпила на платьѣ изъ бѣлаго крепа. Когда насталъ день бала, коимъ предполагалось открытіе карнавала, моя жена прибыла туда съ такимъ расчетомъ, чтобы застать уже тамъ королеву и уловить какъ разъ моментъ высшаго торжества ея туалета; издали платье жены выдавалось только своею скромностью, но когда она подошла ближе и на ней увидѣли знаменитую шаль, послышался общій шопотъ, и горизонтъ покрылся густыми тучами, которыя хотя и не разразились грозой, но зато остались навсегда нависшими надъ головой моей жены. Напрасно она, немного спустя, устроила для королевы французскій спектакль, удовольствіе весьма рѣдкое и высоко цѣнимое въ этой странѣ, каковое празднество меня чуть было не разорило, такъ какъ Лихтенаускій театръ въ слѣдующую ночь сгорѣлъ; это обстоятельство тоже не способствовало проясненію горизонта.

Бонапартъ, который въ это время ужъ началъ распредѣлять милости между коронованными особами, послалъ въ Берлинъ къ праздникамъ два кружевныхъ платья, одно для королевы,

а другое для супруги довѣреннаго секретаря короля. Такого рода равенство, уже довольно оскорбительное само по себѣ, могло быть сглажено большою разницею въ цѣнѣ обоихъ платьевъ. Дѣйствительно, одно было во всѣхъ отношеніяхъ лучше другого. Но къ вящшей досадѣ королевы генералу Бурнонвиллю было поручено передать королевѣ менѣе красивое платье. Одинъ моментъ колебались, слѣдуетъ ли принять и носить это платье, но нѣмецкіе Дворы въ то время уже находились на покатой и скользкой плоскости презрительнаго къ нимъ отношенія.

Королева ЛУИЗА ПРУССКАЯ

(Съ карт. Іосифа Грасси).

Королева ЛУИЗА ПРУССКАЯ,
прозванная „ПРУССКОЙ МАДОННОЙ“

(Съ портр. Густава Рихтера).

XXV.

Меттернихъ.

Я познакомился съ графомъ Клементіемъ Меттернихомъ—такъ онъ тогда назывался—въ Дрезденѣ, въ началѣ этого столѣтія. Онъ былъ сыномъ весьма посредственнаго человѣка, можетъ-быть, какъ разъ благодаря этому достигшаго высшаго положенія въ странѣ, которая вовсе не была его родиной [1]); его мать, напротивъ, была очень умная и ловкая женщина. Онъ тогда лишь недавно кончилъ университетъ, но былъ уже чрезвычайнымъ посланникомъ императора Австрійскаго при Саксонскомъ Дворѣ. Будучи хорошо сложенъ, онъ умѣлъ также хорошо одѣваться. Его лицо, съ бѣлокурыми волосами, было очень блѣдно, а его разсѣянный видъ считался у женщинъ признакомъ романтизма, тогда какъ мужчины его находили смышленнымъ. Нѣсколько русскихъ и польскихъ дамъ, бросившихся ему на шею, увлекли его по пути романа, вмѣсто исторіи, на который, казалось, его предназначала его карьера. Его манеры были величавы и вполнѣ подходили къ высокимъ должностямъ, а непоколебимая сдержанность указывала на его призваніе къ дипломатіи. Впрочемъ, нѣкоторыя признаки чванства, появившіеся вслѣдъ за первыми любовными приключеніями умаляли хорошее мнѣніе, внушаемое

---

[1]) Семейство Меттернихъ происходитъ изъ области Нижняго Рейна.

имъ вначалѣ. Можно было подумать, что онъ больше всего будетъ домогаться репутаціи человѣка, пользующагося успѣхомъ у дамъ. Не будь его жены, внучки князя Каунитца, женщины достойной по уму своего знаменитаго дѣда и не столько красивой и любезной, сколько разсудительной, на которой онъ женился ради приличія и съ которой жилъ на условіяхъ снисходительности къ себѣ,—онъ, въ погонѣ за столь призрачной славой, упустилъ бы изъ виду свое истинное назначеніе. Его жена, изъ дружбы къ нему, указывала ему на неудобства его поведенія, что она не рѣшилась бы сдѣлать изъ любви. Это была единственная слабая сторона, подмѣченная мною въ то время у него, и онъ, несмотря на занятія, отвлекавшія его отъ подобныхъ мыслей, долго и тщетно противъ этого боролся.

Во всемъ остальномъ онъ съ ранней молодости проявлялъ прилежаніе и мудрость, вполнѣ владѣя какъ своими чувствами, такъ и своею внѣшностью. Холодный и сдержанный въ разговорѣ, несмотря на лежащее въ основаніи его характера тщеславіе, онъ умѣлъ управлять своими взглядами, жестами и выраженіями—вопреки нѣкоторой раздражительности. Онъ легко и быстро работалъ съ желаніемъ усовершенствоваться и былъ болѣе расположенъ къ наукамъ и къ искусствамъ, чѣмъ къ литературѣ. Будучи съ внѣшней стороны одинаково невоспріимчивымъ къ похваламъ и къ критикѣ, онъ въ душѣ былъ къ нимъ очень чувствителенъ. Однимъ словомъ—это былъ настоящій дипломатъ, благодаря счастливой наружности, гибкой натурѣ и тщательному воспитанію.

Я легко къ нему привязался. Откровенность и живость въ моемъ обращеніи слишкомъ отличались отъ его холодности и сдержанности, чтобы не обратить его вниманія, а такъ какъ насъ плѣняетъ то, что насъ поражаетъ, не досаждая намъ, то мы скоро сблизились. Онъ чувствовалъ, что у меня умъ живѣе и что я обладаю болѣе пылкимъ воображеніемъ, но въ то же время сознавалъ, что у него больше мудрости и разсу-

дительности, чѣмъ у меня, благодаря чему онъ былъ менѣе сдержанъ со мною, чѣмъ можно было ожидать вначалѣ въ виду его положенія и его характера. Однажды онъ зашелъ ко мнѣ, чтобы сказать мнѣ, что ему хотятъ поручить посольство въ Пруссіи и что его мать очень желаетъ, чтобы онъ его принялъ, но что онъ чувствуетъ себя не достаточно способнымъ, чтобы взять на себя это порученіе. Берлинское мѣсто считалось очень скользкимъ, и, хотя оба Двора тогда были связаны общею опасностью, грозящею имъ со стороны Франціи, требовался все-таки болѣе чѣмъ обыкновенный талантъ, чтобы поддержать столь новыя для обоихъ Дворовъ отношенія. Такъ какъ я основательно зналъ и страну, и человѣка, о которомъ шла рѣчь, то совѣтовалъ ему принять. Онъ послѣдовалъ моему совѣту, и его назначеніе не заставило себя ждать. Онъ тотчасъ же отправился на новое мѣсто служенія, и такъ какъ я могъ встрѣтиться съ нимъ лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то далъ ему теперь же необходимыя для начала инструкціи [1],— не въ смыслѣ политики, ибо онъ по этой части зналъ больше меня и я побоялся бы дать ему въ этомъ отношеніи совѣты, которые могли противорѣчить намѣреніямъ моего правительства, а для характеристики тѣхъ лицъ, съ которыми ему пришлось бы имѣть дѣло съ первыхъ же дней. Онъ остался доволенъ этими инструкціями и помимо той страсти, отъ которой онъ еще далеко не исправился, т.-е. ухаживанія за женщинами, которыя были въ модѣ, онъ велъ себя въ Берлинѣ какъ образцовый дипломатъ; въ упомянутой же страсти онъ дошелъ до того, что даже королева Луиза заподозрила его въ томъ, что онъ относился къ ней не достаточно почтительно. Его домъ въ Берлинѣ считался весьма пріятнымъ и долженъ былъ имѣть эту репутацію въ странѣ, гдѣ не было подобнаго дома, всегда открытаго для пріѣзжихъ иностранцевъ.

---

[1]) Изъ этихъ „инструкцій“ впослѣдствіи вышла характеристика, данная графомъ Федоромъ о королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ III (см. выше).

Наша дружба укрѣпилась вслѣдствіе одинаковыхъ привычекъ. Но Европа приближалась къ событіямъ, которыя должны были потрясти ее въ основаніи и на столь продолжительное время. Я скоро послѣ этого вернулся въ Россію и встрѣтился съ Меттернихомъ лишь въ 1807 году, въ Парижѣ, гдѣ онъ тогда былъ посломъ. Онъ принялъ меня по-дружески, чему я очень обрадовался. Онъ, правда, прибавилъ къ этому нѣкоторое величіе, но я ему это легко простилъ, ибо понялъ, что онъ хотѣлъ показаться мнѣ во всей своей славѣ.

Я зналъ его раньше, когда онъ, на менѣе важномъ посту, чувствовалъ себя немного неловко; теперь же онъ не боялся большого плаванія, и я остался имъ менѣе доволенъ. Но наше положеніе въ обществѣ рѣзко измѣнилось и это зависѣло отъ общественныхъ успѣховъ, имѣющихъ во Франціи рѣшающее значеніе. Я имѣлъ огромный успѣхъ въ обществѣ, потому что я, благодаря моимъ манерамъ, моей рѣчи и даже благодаря моимъ недостаткамъ, чувствовалъ себя кореннымъ французомъ, и что мое политическое ничтожество лишало любезности, коими меня осыпали, всякой остроты. Попавъ съ самаго начала въ высшее общество, я имѣлъ тамъ видъ оранжерейнаго растенія, разведеннаго въ лучшіе дни стараго режима. Мнѣ не платили, съ тѣмъ, чтобы я принималъ черное за бѣлое, или чтобы я бранилъ сегодня то, что я хвалилъ вчера; я громко возвышалъ свой голосъ тамъ, гдѣ никто не рѣшался высказывать свое мнѣніе и слово оставалось за мною по той простой причинѣ, что никто не смѣлъ его выговорить. Меттернихъ не могъ видѣть никого, кромѣ Двора и правительства, и долженъ былъ дружиться съ приверженцами новаго порядка вещей, когда же ему случайно приходилось бывать въ другихъ кругахъ, его тамъ боялись, и онъ ихъ боялся. Онъ былъ хорошо сложенъ, хорошо одѣтъ, довольно любезенъ, но все это носило нѣмецкій отпечатокъ. Онъ вѣдь былъ посломъ и могъ собирать свѣдѣнія только за деньги и имѣть успѣхъ только цѣною угожденія, тогда какъ я, не представляя изъ себя ни-

чего и пользуясь даже репутаціей быть слегка въ опалѣ у своего Двора, могъ войти въ интимныя сношенія со всѣми партіями и безъ всякихъ съ моей стороны расходовъ, все видѣть и все знать.

Въ положеніи моего стараго друга ничего не могло быть болѣе выгоднымъ и полезнымъ, какъ наша близкая дружба; но по причинѣ ли самолюбія, или по своей недовѣрчивости— онъ предпочелъ запереться въ величіи своего посольства и окружить себя таинственностью. Онъ дѣлалъ видъ, что уже знаетъ то, чего онъ не могъ опровергнуть; и то, что онъ считалъ возможнымъ еще скрывать отъ меня, онъ высокомѣрно оспаривалъ. Впрочемъ, мы не могли согласиться съ нимъ на счетъ принциповъ поведенія. Система раболѣпства и двуличности, которую европейскіе дипломаты приняли въ отношеніи Бонапарта, казалась мнѣ столь же унизительной, сколь безполезной. Этотъ завоеватель, который, говоря откровенно, былъ обязанъ своимъ величіемъ мелкотѣ своихъ современниковъ, могъ легко быть приведенъ въ смущеніе откровенностью и уважалъ твердость характера; это надо было знать и этимъ пользоваться. Но этого какъ разъ никто изъ лицъ, приставленныхъ къ нему, не зналъ и этимъ не руководствовался. Меттернихъ правильно говорилъ, что каждый посолъ, аккредитованный при Бонапартѣ, само собою становился премьеръ-министромъ Двора, представляемаго имъ, и что онъ долженъ былъ имѣть соотвѣтствующія полномочія. Но это была лишь посылка, изъ которой слѣдовало сдѣлать весьма важный выводъ, не приходившій въ голову ни ему, ни другимъ, а именно, что этотъ полномочный премьеръ-министръ никогда не долженъ отступать отъ принциповъ, которые онъ провозгласилъ, и не долженъ стараться усыпить пошлыми фразами и истрепанной лестью наиболѣе внимательнаго изъ всѣхъ монарховъ. Сколько разъ я ни умолялъ князя Куракина, русскаго посла, разъяснить своему Двору, что первый изъ государей, который скажетъ „нѣтъ", безъ дальнѣйшихъ разгово-

ровъ, на какое-нибудь предложеніе тюйлерійскаго кабинета, заставитъ Бонапарта отступить! Но страхъ обуялъ весь свѣтъ. Монархи, первые министры, послы лишились какъ-будто зрѣнія, слуха и, что главное, храбрости. Имя Бонапарта имѣло на кабинеты и на войска такое же дѣйствіе, какъ имя Ибудакали въ оперѣ „Багдадскій Калифъ“.

Я стоялъ за Меттернихомъ во время знаменитой сцены, происшедшей въ Сенъ-Клу въ 1808 г., и я не былъ имъ доволенъ, хотя онъ тогда говорилъ очень хорошо; но надо было говорить громче или заставить молчать Бонапарта, который громкимъ и отчетливымъ голосомъ изрыгалъ потоки ругательствъ по адресу австрійскаго императора, но было ясно, что они относились ко всей Европѣ. Посолъ отвѣчалъ правильно, но по привычкѣ, или изъ чувства почтенія, такъ тихо, что на два шага нельзя было его разслышать. А поэтому публика видѣла въ этой, единственной въ своемъ родѣ, сценѣ только деспота, который бранитъ своего раба, затруднявшагося сказать что-либо въ свое оправданіе. Какъ только эта сцена кончилась, шпіоны, увѣшанные орденами, стали шнырять по всему собранію, чтобы собрать мнѣнія присутствующихъ. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе настойчивый, зная мою откровенность, подошелъ ко мнѣ и сталъ, подъ предлогомъ участія къ Меттерниху, высказывать свое сожалѣніе по поводу ужаснаго положенія, въ которомъ онъ очутился во время этой сцены. Большое число лицъ, окружавшихъ насъ, не помѣшало мнѣ отвѣтить, что г. Меттернихъ велъ себя очень нехорошо, что ему за это досталось по заслугамъ и что, несмотря на почтеніе, которое я питаю къ монархамъ, я бы не далъ себя такимъ образомъ въ обиду. „А что же вы бы сдѣлали?“—спросилъ онъ.—„Я заставилъ бы императора вдуматься въ свое достоинство и обратился бы къ нему такъ громко, чтобы меня можно было слышать на самомъ концѣ галлереи, съ слѣдующими словами: „Ваше Величество, такъ какъ мой августѣйшій государь не уполномочилъ меня гово-

рить о подобныхъ вещахъ при свидѣтеляхъ, то Ваше Величество признаете правильнымъ, если я Вамъ на это не отвѣчу". Мои слова тотчасъ же были переданы по назначенію. Всѣ думали, что Бонапартъ велитъ мнѣ передать выраженіе своего неудовольствія, но онъ, подумавъ немного, сказалъ холодно: „Это былъ бы правильный отвѣтъ, но люди, которые умѣютъ такъ отвѣчать, теперь не у дѣлъ". Впослѣдствіи будетъ видно какое воспоминаніе онъ сохранилъ объ этомъ инцидентѣ.

Вскорѣ послѣ этого вспыхнула война и, надо сознаться, что подобныя сцены вызываются тогда, когда существуетъ намѣреніе порвать сношенія. Долго Меттерниху пришлось просить о выдачѣ паспортовъ, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, явился жандармскій офицеръ, которому было поручено проводить его до австрійскихъ передовыхъ постовъ, уже весьма отдаленныхъ отъ границъ Франціи. Тогда его жена и дѣти остались на моемъ попеченіи. Несмотря на кажущуюся опасность, сопряженную съ такою привязанностью, выставленною на показъ, я посвятилъ себя всецѣло семейству моего друга, такъ какъ всегда былъ убѣжденъ, что прямой путь — единственный, по которому можно идти съ нѣкоторою безопасностью. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, поневолѣ проведенныхъ графиней Меттернихъ въ Парижѣ, она видѣла у себя только меня и еще одно лицо, которое она удостоила своего особаго вниманія.

Фуше сказалъ мнѣ однажды:

— Не боитесь ли вы лишиться того хорошаго мнѣнія, которое императоръ имѣетъ о васъ? Возможно, что Его Величество выскажетъ вамъ по этому поводу свое мнѣніе, чтобы указать иностранцамъ тѣ предѣлы, которыхъ они должны придерживаться въ такихъ случаяхъ, какъ настоящій!—„Я считаю это такъ же возможнымъ, какъ и вы, милостивый государь,—отвѣтилъ я ему,—но императоръ, я надѣюсь, увѣренъ, что я этимъ воспользуюсь, чтобы указать иностранцамъ предѣ-

лы того, что можно въ подобныхъ случаяхъ отвѣтить". Сцена, которою мнѣ грозилъ министръ, не имѣла мѣста, и Бонапартъ обошелся со мною весьма вѣжливо, какъ онъ это всегда дѣлалъ и раньше.

За это время мы имѣли случай убѣдиться въ томъ, какое неудобство представляютъ для политическаго дѣятеля любовныя интриги. Однажды утромъ графиня Меттернихъ получила отъ герцогини Абрантесъ (г-жи Жюно) записку съ настоятельною просьбою немедленно зайти къ ней. Графиня тотчасъ же отправилась къ герцогинѣ, но каковъ былъ ея ужасъ, когда она очутилась лицомъ къ лицу съ герцогомъ, крайне разгнѣваннымъ, который, заперевъ за ней дверь на замокъ, воскликнулъ: „Мы оба обмануты! Я только что перехватилъ письма вашего мужа къ моей женѣ и пригласилъ васъ, чтобы вы были свидѣтельницей удовлетворенія, которое я намѣренъ вамъ дать. Наше дѣло общее, и наша месть тоже должна быть общею". Можно себѣ представить положеніе маленькой, худощавой и вовсе не краснорѣчивой особы, тяжко оскорбленной въ своихъ чувствахъ, въ присутствіи взбѣшеннаго человѣка, безъ принциповъ и безъ воспитанія, который кричалъ на весь кварталъ. Она все же нашла средство его успокоить, добилась его позволенія переговорить сначала съ его женой, опасавшейся за свою жизнь, и, наконецъ, убѣжала домой. Ей послѣ этого слѣдовало пойти прямо въ Тюйлерійскій дворецъ, разсказать всю эту исторію императору и потребовать отъ него удовлетворенія за поступокъ Жюно, а также защиты для его жены, но графиня Меттернихъ посмотрѣла на это иначе, и, испугавшись скандала, начала вести переговоры съ Жюно, свела дружбу съ своей соперницей и въ результатѣ устроила дѣло такъ хорошо, что когда Бонапартъ опять съ ней встрѣтился, онъ ее обнялъ и сказалъ ей: „Вы добрая маленькая бабенка, сумѣвшая избавить меня отъ большой непріятности съ этимъ дуракомъ Жюно".

Я долженъ признаться, что этотъ комплиментъ не утѣ-

шилъ бы меня послѣ такого оскорбленія, которое усугубилось обстоятельствами, сдѣлавшими его для супруги посла особенно чувствительнымъ.

Когда былъ заключенъ миръ, Меттернихъ велъ переговоры по поводу женитьбы Бонапарта на старшей изъ эрцгерцогинь, чѣмъ предполагалось на сей разъ запечатлѣть миръ. Я тогда пересталъ посѣщать Тюйлерійскій дворецъ и сталъ лишь изрѣдка встрѣчаться съ Меттернихомъ. Не могло быть интимности сношеній тамъ, гдѣ было столь большое разногласіе въ принципахъ, и каждое изъ моихъ словъ, каждый изъ моихъ взглядовъ, по необходимости, заключали бы въ себѣ упрекъ или эпиграмму; а что касается благодарности за мои заботы о его семействѣ, то мнѣ нельзя было расчитывать на нее послѣ того, какъ Бонапартъ такъ вскружилъ голову графинѣ Меттернихъ, что она ожидала отъ него величайшихъ благъ, и что мое поведеніе, во время ея плѣненія, казалось почти что дерзостью передъ героемъ, которому она поклонялась. Событія слѣдовали одно за другимъ съ невѣроятною быстротою, Меттернихъ скоро сталъ премьеръ-министромъ и превратился для меня въ газетную знаменитость, интересующую меня только потому, что я долженъ былъ признать въ немъ качества и таланты, которые я могъ скорѣе оцѣнить, чѣмъ кто-либо другой, хотя его узкая и лживая политика меня тѣмъ болѣе раздражала, что вызываемыя ею соображенія большею частью относились ко мнѣ. [1]).

---

[1]) Они снова встрѣтились лишь въ 1817 г. во Флоренціи. Когда Меттернихъ впервые увидалъ Головкина въ столицѣ Тосканы, онъ вскрикнулъ, бросился въ его объятія и остался нѣкоторое время въ такомъ положеніи, подъ вліяніемъ сильнѣйшаго волненія. „Зная, что я провожу вечера у г-жи д'Альбани,—разсказываетъ графъ Федоръ—онъ въ этотъ же день представился ей. Онъ вошелъ, присѣлъ на одинъ моментъ съ хозяйкой, а затѣмъ, со словами: „Надо мнѣ поухаживать за графомъ Головкинымъ" вышелъ изъ ея круга, сѣлъ рядомъ съ моимъ кресломъ и больше не вставалъ съ своего мѣста въ теченіе всего вечера. Столь теплая и явная дружба озадачила дипломатическій корпусъ и министерство Тос-

XXVI.

Императрица Марія-Луиза.

Императрица Марія-Луиза была довольно большого роста, хорошо сложена, блондинка, но не такая бѣлая и розовая, какъ во время ея пріѣзда во Францію; она одѣвалась изящно и проявляла такую легкость и граціозность движеній, которыя были бы болѣе къ лицу хорошенькой женщинѣ, чѣмъ великой государынѣ. Она ни чуть не сожалѣла ни о тронѣ, ни о мужѣ, которыхъ потеряла, и испытанное ею горе не оставило слѣдовъ въ ея чувствахъ. Она не хотѣла вѣрить тому, что ее когда-либо могли заподозрить въ желаніи встрѣтиться снова съ Бонапартомъ, или вернуться во Францію, и манера, съ которою она говорила о своемъ сынѣ, подтверждала мысль, пришедшую мнѣ въ голову съ самаго дня его рожденія,—что она вовсе не была его матерью. Когда я ей передалъ о тѣхъ опа-

---

каны. Я сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Такъ какъ Меттернихъ никогда не упускалъ титуловать меня въ обществѣ превосходительнымъ, то ко мнѣ стали примѣнять и внѣшнія формы глубокаго почтенія, такъ что моя роль мнѣ скоро опротивѣла до крайности".

Впечатлѣніе Головкина, что Меттернихъ играетъ съ нимъ комедію, не изгладилось также послѣ великолѣпнаго пріема, оказаннаго ему со стороны князя Меттерниха во время его двухнедѣльнаго пребыванія на водахъ въ Луккѣ. И это впечатлѣніе подтвердилось злою шуткой, которую сыгралъ съ нимъ его пріятель, когда онъ его представилъ Двору, весьма щепетильному въ вопросахъ этикета, въ дорожномъ костюмѣ: „въ сѣрой пляпѣ, бѣломъ жилетѣ и легкихъ нанковыхъ панталонахъ" (см. ниже „Ливорнскія празднества").

сеніяхъ, которыя можно было имѣть по поводу этого ребенка, она дала мнѣ замѣчательный отвѣтъ:

— Поведеніе Вѣнскаго Двора относительно его легко опредѣлить: онъ никогда не долженъ быть такъ богатъ, чтобы сдѣлаться опаснымъ, ни такъ бѣденъ, чтобы вызвать состраданіе.

— Посвятивъ его церкви?..—замѣтилъ я.

Она прервала меня:

— Да, надо будетъ его къ тому готовить, но безъ принужденія.

Я былъ такъ доволенъ ея мнѣніемъ, что просилъ у нея разрѣшенія сообщить объ этомъ французскому королю, что она и разрѣшила мнѣ:

— Это очень добрый человѣкъ, котораго я только могу хвалить и которому я искренне желаю счастья,—сказала она.

Свое положеніе въ Парижѣ Марія-Луиза описала мнѣ, какъ не особенно пріятное: разоренная страна, истощенные финансы, отсутствіе общества и средствъ, коими можно бы его замѣнить. „Все что я желаю и очень прошу—это, чтобы меня не оставили въ этомъ одиночествѣ и позволили бы мнѣ, отъ поры до времени, съѣздить въ Вѣну, чтобы убѣдиться, что у меня еще есть родители“. При этомъ слеза заблестѣла въ ея глазахъ. Эта принцесса была рождена для тихаго домашняго счастья. Легкій и ровный характеръ, вкусъ къ простымъ удовольствіямъ, способности къ музыкѣ и къ ручной работѣ, любовь къ тѣлеснымъ упражненіямъ, къ лошадямъ, къ танцамъ и къ гулянью—всѣ эти качества составляютъ счастье въ обыкновенной сферѣ; но она узнала величіе и роскошь и ея сферу не слѣдовало суживать отъ недостатка средствъ къ ея пополненію и украшенію [1]).

---

[1]) Эти впечатлѣнія графа Федора объ императрицѣ Маріи Луизѣ относятся къ 1817 году, когда онъ встрѣтилъ ее въ Ливорно, на палубѣ корабля, который долженъ былъ везти въ Бразилію ея сестру Леопольдину (супругу Дона Педро, наслѣднаго принца Бразиліи). Нѣсколько дней спустя онъ опять встрѣтился съ императрицей на водахъ въ Луккѣ.

XXVII.

Нарбоннъ.

Графъ Людовикъ Нарбоннъ-Лара родился въ 1750 или 1751 г. отъ принцессы Аделаиды [1]). Неизвѣстно въ точности, кто былъ виновникомъ этого кровосмѣшенія, Людовикъ XV или дофинъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ одинъ изъ нихъ. На этомъ основаніи говорили, что поведеніе Нарбонна во время революціи является тѣмъ болѣе непростительнымъ, что никто въ такой степени не принадлежалъ къ семейству Бурбоновъ, какъ онъ. Какъ только беременность его матери стала извѣстной, изъ Пармы пригласили нѣкую г-жу Нарбоннъ, очень честолюбивую даму, которая губила свой талантъ къ интригамъ въ кабинетахъ инфантины. Она пріѣхала въ положеніи беременности, была назначена статсъ-дамой къ принцессѣ и родила, когда это оказалось нужнымъ. Ее возвели въ герцогини, что болѣе подходило къ ея имени, весьма почтенному, чѣмъ къ роли, которую она согласилась сыграть. Ея мужъ и въ роли герцога сохранилъ болѣе благородныя чувства,—оставался вдали отъ Двора и передъ смертью лишилъ своего мнимаго сына наслѣдства. Изъ этого сына вышелъ красивый, умный и любезный въ своихъ манерахъ и въ разговорѣ молодой человѣкъ, такъ что принцесса Аделаида съ трудомъ сохраняла секретъ, который она постоянно нарушала своими

---

[1]) Дочери Людовика XV. Головкинъ выдаетъ за фактъ слухъ, о которомъ часто упоминалось, но который все же остался гипотезой.

заботами о немъ. Она назначила его кавалеромъ своего Двора, и вся Францiя была свидѣтельницей его чрезмѣрныхъ и нескромныхъ расходовъ. Достаточно сказать, что каждый разъ, когда онъ давалъ ужинъ у г-жи Конта, артистки французской комедiи и его любовницы, онъ посылалъ въ Версаль къ принцессѣ Аделаидѣ за ея посудой.

Революцiя сняла маску съ этого героя салоновъ. Онъ сдѣлался военнымъ министромъ короля, котораго ограбилъ до чиста и котораго онъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, долженъ былъ защищать до послѣдней капли крови. Противъ воли добродушнаго короля онъ былъ назначенъ на это мѣсто, гдѣ онъ сталъ преступнымъ, и первый надѣлъ на себя фригiйскiй колпакъ. Спустя нѣсколько недѣль онъ, по неспособности, долженъ былъ оставить это мѣсто, но что его окончательно лишило уваженiя порядочныхъ людей, было письмо, которое онъ заставилъ написать принцессъ, чтобы добиться отъ президента нацiональнаго собранiя разрѣшенiя выѣхать изъ Францiи. Письмо это кончалось словами: „Мы имѣемъ честь, господинъ президентъ, быть съ почтенiемъ Вашими всепокорнѣйшими служительницами Аделаида и Викторiя французскiя". Графа Луи—такъ его называли по причинѣ успѣха, которымъ онъ пользовался у дамъ,—женили на дочери и наслѣдницѣ перваго призидента Нормандинскаго парламента [1]) Монталона. Г-жа Нарбоннъ послѣдовала за принцессами въ Италiю, вмѣстѣ съ своей мнимой свекровью, герцогиней, а графъ Луи сталъ путаться въ любовныхъ интригахъ эмиграцiи, то въ Англiи, то въ Швейцарiи.

Я долженъ разсказать здѣсь анекдотъ, хотя мало интересный самъ по себѣ, но довольно пикантный благодаря замѣшаннымъ въ немъ личностямъ. Революцiя разбросала на поверхности земли мужей, любовниковъ, друзей. Г-жа Сталь,

---

[1]) Приблизительно то-же самое, что старшiй предсѣдатель судебной палаты.

Прим. перев.

вынужденная искать убѣжища въ своемъ замкѣ Коппе, вспомнила прелестныя минуты, которыя она провела въ Парижѣ съ графомъ Луи. Онъ тогда былъ въ Лондонѣ. Г-жа Сталь послала ему необходимыя на дорогу деньги, умоляя его, во имя любви и дружбы, скорѣй пріѣхать къ ней. Получивъ это нѣжное приказаніе онъ сталъ думать только о томъ, какъ бы скорѣе преодолѣть препятствія, отдѣлявшія его отъ береговъ Женевскаго озера. Но тѣмъ временемъ въ Коппе появляется шведъ такой замѣчательной красоты, что было бы безполезно и смѣшно оказать ему сопротивленіе [1]). Г-жа Сталь, потому ли, что она думала, что у нея довольно времени для начала новаго романа, или же потому, что она не расчитывала на такое усердіе Нарбонна, отдалась побѣдителю безъ сопротивленія; но какъ только она начала изучать силу любви надъ сердцемъ Сѣвера, она получила изъ Женевы записку отъ руки графа Луи. Какое ужасное замѣшательство! Какъ она противопоставитъ другъ другу двухъ столь ревнивыхъ соперниковъ, изъ коихъ каждый не сомнѣвается въ нераздѣльности своей любви? Но ея умъ пришелъ на выручку ея сердцу. Она потребовала отъ Нарбонна, чтобы онъ ждалъ ея пріѣзда въ Женевѣ.

Три дня прошли съ шведомъ въ разныхъ приготовленіяхъ, въ сообщеніяхъ мнимыхъ секретовъ и клятвъ въ томъ, что не будутъ добиваться объясненій или жертвъ. Наконецъ, она все предусмотрѣла, все сообразила, и пріемныя въ Коппэ сдѣлались свидѣтельницами первой встрѣчи между гордымъ шведомъ и пылкимъ французомъ.

День проходитъ вполнѣ удачно: соперники очень холодны другъ къ другу, но заученная вѣжливость все покрываетъ, и дочь знаменитаго Неккера ложится спать въ восторгѣ отъ такого успѣха. Но когда, на другой день утромъ, въ часъ не особенно ранній, всѣ собрались къ завтраку, двухъ интересныхъ иностранцевъ не оказалось, за ними посылаютъ, чтобы

[1]) Этотъ шведъ по всей вѣроятности былъ нѣкто Риббингъ. См. письмо госпожи Сталь Мейстеру отъ 18 мая 1744 г. (*Letlres inédites* стр. 113).

просить ихъ къ столу, но ихъ нигдѣ нѣтъ. Ихъ ищутъ по всему саду, но не находятъ; начинаютъ удивляться, а скоро и безпокоиться. Г-жа Сталь сохраняетъ все еще остатокъ хладнокровія; всѣ принимаются искать и дѣлать предположенія, но все остается тщетнымъ. Наконецъ, одинъ изъ обитателей города заявляетъ, что онъ рано утромъ, около четырехъ часовъ, видѣлъ двухъ мужчинъ, которыхъ можно было легко распознать по его описанію, и что они шли молча какъ-будто по направленію къ Швейцаріи. Какой ударъ молніи и проблескъ свѣта для г-жи Сталь! Она уже видитъ какъ течетъ кровь ея друзей и какъ однимъ ударомъ судьба лишитъ ее обоихъ! Ея отчаяніе не знаетъ предѣловъ, ей нечего больше скрывать, она сама хочетъ умереть. Первому встрѣчному она признается въ своихъ чувствахъ. Довѣренные люди разсылаются по всѣмъ дорогамъ. Мѣстный врачъ получаетъ приказаніе держаться наготовѣ, на всякій случай. Краснорѣчивыя и нравоучительныя увѣщанія Неккера не имѣютъ никакого дѣйствія на его умирающую дочь. Двѣ трети дня проходятъ такимъ образомъ, какъ вдругъ является Куэндэ, секретарь почтеннаго отца, и разсказываетъ, что онъ видѣлъ причалившую къ берегу лодку, изъ которой вышли два господина, нагруженные рыбой. Дѣйствительно, Нарбоннъ, отправляясь спать, наткнулся на шведа, который приготовлялъ лесы: „Вы любите удить рыбу?“—спросилъ онъ его—„Да, люблю“—„И часто это дѣлаете?“—„Я собираюсь сдѣлать это нынче, рано утромъ.“—„Вы мнѣ позволите сопровождать васъ,—ибо я это тоже страстно люблю?“—„Съ величайшимъ удовольствіемъ“. И они отправились на рыбную ловлю, которая оказалась весьма удачной; но сильный вѣтеръ долго препятствовалъ ихъ возвращенію. Послѣ этого, въ замкѣ Коппэ два дня не рѣшались глядѣть другъ на друга.

Когда эмигранты стали возвращаться, и Нарбоннъ въ числѣ ихъ вернулся во Францію; и такъ какъ у него не оказалось никакого имущества, онъ былъ очень радъ занять двѣ малень-

кія комнаты у виконтессы Лаваль, въ самомъ дальнемъ углу предмѣстья Сентъ-Оноре, въ Парижѣ.

Онъ немного расчитывалъ на свое давнишнее знакомство съ бывшимъ Отэнскимъ епископомъ. Но Талейранъ, министръ при Директоріи и при Консульствѣ, а затѣмъ первый сановникъ Имперіи и князь Беневентскій, не считалъ удобнымъ выдвигать, при Бонапартѣ графа Луи. Изящныя манеры, образованіе, скорѣе блестящее, чѣмъ основательное, и чрезвычайная вѣтрянность характера казались ему слишкомъ неподходящими для почвы, гдѣ разводились положительные таланты и дурныя манеры, какъ главныя условія карьеры. Нарбоннъ горько жаловался на Талейрана и этимъ возстановилъ противъ себя того, отъ котораго онъ все ожидалъ, а такъ какъ все его честолюбіе ограничивалось желаніемъ получить подпрефектуру или какое-нибудь другое скромное мѣстечко, какъ средство къ существованію, то Талейранъ отговаривался тѣмъ, что онъ не можетъ согласиться на такое уничиженіе своего стараго друга или содѣйствовать ему въ этомъ.

Но когда испанскія дѣла бросили нѣкоторую тѣнь на звѣзду князя Беневентскаго, графъ Луи сталъ громче трубить о своемъ недовольствѣ и сблизился съ врагами своего пріятеля. Вдругъ, въ то время, какъ императоръ воевалъ въ Австріи, распространилось извѣстіе, встрѣченное величайшимъ изумленіемъ, что Нарбоннъ призванъ въ армію, въ чинѣ дивизіоннаго генерала, а позднѣе узнали, что онъ назначенъ комендантомъ крѣпости Раабъ.

Незначительное обстоятельство предрѣшило тогда его судьбу. Когда ему понадобилось представить императору рапортъ, онъ вмѣсто того, чтобы передать его изъ рукъ въ руки, какъ дѣлали другіе, положилъ его въ шляпу и въ такомъ видѣ поднесъ его удивленному императору.

Монарху, жадному къ почестямъ, сказали, что такъ было принято подавать рапорты королямъ, и съ тѣхъ поръ карьера Нарбонна не встрѣчала болѣе препятствій.

Великій Князь Павелъ Петровичъ. 1754-1801,
и Великая Княгиня Марія Θеодоровна, 1759-1828

Le Grand Duc Paul Pétrowitch. 1754-1801,
et la Grande Duchesse Marie Féodorowna, 1759-1828

Вскорѣ послѣ того Нарбоннъ былъ назначенъ полномочнымъ посланникомъ въ Баварію; но онъ скучалъ въ Мюнхенѣ и просилъ меня выхлопотать ему посольство въ Вѣнѣ. Это было довольно легко сдѣлать, въ виду довѣрія, которымъ я пользовался у австрійскаго кабинета, и предупредительности, которую я встрѣтилъ бы со стороны Тюйлерійскаго двора, но мнѣ казалось, что для этого еще не насталъ удобный моментъ, и я со дня на день откладывалъ разговоръ объ этомъ съ княземъ Шварценбергомъ, который только что пріѣхалъ въ Парижъ, въ качествѣ австрійскаго посла; а тѣмъ временемъ ему предложили г. Отто, противъ котораго онъ не возражалъ, такъ какъ онъ не имѣлъ приказанія вмѣшиваться въ это назначеніе. Но вотъ изъ Мюнхена прибылъ Нарбоннъ, украшенный лентой Св. Губерта, и съ вполнѣ опредѣленнымъ планомъ расположить въ свою пользу общество и Дворъ. Мнимая откровенность въ связи съ ловкою лестью обезпечили ему благосклонность Бонапарта. „Ваша мать только что пріѣхала?“— спросилъ онъ его однажды—„Да, Ваше Величество“.—„Говорятъ, что она меня не любитъ!“—„Я не могу скрыть отъ Вашего Величества, что она еще больше Вами восхищается, чѣмъ Васъ любитъ“-

Другой разъ, когда Талейранъ не безъ ироніи разсказывалъ императору, который плохо зналъ французскій языкъ, что англійскій король правильно говоритъ на четырехъ языкахъ, Нарбоннъ замѣтилъ: „На четырехъ языкахъ! А я не знаю въ Германіи ни одного наемнаго лакея, который не зналъ бы по крайней мѣрѣ шести языковъ“. А затѣмъ еще, когда императоръ однажды сердито сказалъ, что онъ не понимаетъ, почему вѣнскій Дворъ отказывается выслать князей Ламбеска и Вадемонъ, Нарбоннъ воскликнулъ: „Ахъ, Ваше Величество, подарите ихъ вѣнскому Двору, маленькіе подарки поддерживаютъ дружбу!“ Можно бы привести еще много подобныхъ случаевъ, но я полагаю, что и приведенныхъ доста-

точно, чтобы выяснить образъ дѣйствій, принятый престарѣлымъ версальскимъ царедворцемъ.

У Наполеона вдругъ явилась симпатія къ представителямъ стараго режима, это очень огорчало его товарищей по счастью. Онъ хотѣлъ назначить Нарбонна почетнымъ ковалеромъ новой императрицы, но герцогиня Монтебелло, не желавшая имѣть при себѣ такого кавалера, который могъ найти нужнымъ указать ей каждый реверансъ, и находившая, что графъ Богарнэ, надъ которымъ она много трунила, болѣе способенъ къ подчиненію, котораго она требовала отъ всѣхъ окружающихъ,— заставила Его Величество отказаться отъ этой кандидатуры. Зато онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ при императорѣ, должность, на которой онъ игралъ роль старой куклы, предназначенной поддерживать почти забытыя традиціи. Ему тогда уже было около шестидесяти лѣтъ; двадцать пять лѣтъ онъ не садился на лошадь и всякому другому подобное положеніе показалось бы унизительнымъ, но онъ такъ хорошо поддержалъ свою роль, что, во время несчастнаго бѣгства изъ Россіи въ 1812 г., онъ одинъ сохранилъ человѣческій обликъ и достаточно бодрости духа, чтобы доказать императору, до какой степени онъ самъ и всѣ остальные впадали въ ошибки. Тогда онъ, наконецъ, достигъ желанной цѣли, получивъ посольство въ Вѣнѣ. Его друзья—а у него ихъ было много—высказали при этомъ необыкновенную радость, но ни они, ни онъ самъ тогда не знали, куда это назначеніе его поведетъ.

Посольство было непродолжительно. Европейскія дѣла запутались. Австрія вернулась къ приличной и отвѣчающей ея безопастноси политикѣ, отъ которой ей никогда не слѣдовало отказываться. Нарбоннъ, совмѣстно съ герцогомъ Вюченскимъ, былъ назначенъ уполномоченнымъ на Пражскомъ конгрессѣ, кончившемся тѣмъ, что былъ организованъ общій крестовый походъ 1813 года. Вернувшись въ главную квартиру въ Дрезденъ, онъ засталь тамъ Наполеона въ тотъ моментъ, когда

побѣда его покинула. Военная казна, состоящая изъ двадцати пяти милліоновъ, была помѣщена въ Торгау, и императоръ, расчитывая вполнѣ справедливо на честность Нарбонна въ вопросахъ, касающихся денегъ, и на его постоянство, когда затрагивалась честь, назначилъ его комендантомъ этой крѣпости, пріобрѣвшей впослѣдствіи двойной интересъ. Онъ удержался въ ней и послѣ того, какъ французы были вытѣснены изъ Германіи, но вскорѣ умеръ отъ какой-то болѣзни, похожей на чуму, которая тамъ свирѣпствовала. Его преемникъ, не желая увеличить тревогу и безъ того тревожнаго времени, объявилъ, что онъ умеръ вслѣдствіе паденія съ лошади, и его друзья, оплакивая его кончину, должны были себя поздравить съ тѣмъ, что онъ не дожилъ до сдачи крѣпости и не испыталъ презрѣнія, неминуемаго для человѣка, какъ онъ, забывшаго до такой степени приличія и уваженіе, которыя должны были ему внушить его происхожденіе и благорасположеніе его законныхъ государей.

XXVIII.

Русская колонія во Флоренціи.

(1816—1817 гг.)

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недостатокъ справедливости, испытанный мною въ Россіи со стороны Двора и націи, заставилъ меня уже много лѣтъ отказаться отъ службы въ этой странѣ, климатъ которой оказался бы, впрочемъ, достаточнымъ, чтобы меня оттуда изгнать. Повсюду въ другихъ странахъ меня хорошо принимали, въ особенности монархи. Самъ не зная почему, я пользовался нѣкоторымъ личнымъ почетомъ, совершенно достаточнымъ, чтобы удовлетворить мое самолюбіе и который, какъ я замѣтилъ съ тѣхъ поръ, достигается легко, когда къ удачнымъ мыслямъ присоединяются привѣтливыя манеры; то, что у себя дома возбуждаетъ безпокойство, составляетъ успѣхъ внѣ дома. Но сколько я ни старался держаться вдали отъ сцены, къ которой я принадлежалъ,—я не былъ вознагражденъ спокойствіемъ духа за эту жертву, если мое удаленіе вообще можно было назвать жертвой. Мой Дворъ находилъ, что я слишкомъ счастливъ, или что съ моей стороны слишкомъ смѣло обходиться безъ его милостей и чувствовать себя выше его благосклонности. Министры иностранныхъ дворовъ и состоящіе при нихъ послы, въ особенности представители Россіи, стали безпокоиться при видѣ тѣхъ милостей, которыхъ я тамъ удостоивался, и, чтобы узнать причину этого явленія и

присмотрѣться къ его результату, заставляли меня раздѣлять всѣ удобства, испытываемыя тѣми, которые призваны играть блестящую роль,—въ то время какъ я, не имѣя основанія и, прежде всего, не располагая достаточными средствами, чтобы играть такую роль, не желалъ ничего другого, какъ только просвѣщаться и веселиться.

Утомленный глупою судьбою, выпавшею на мою долю, я рѣшилъ пуститься, очертя голову, въ тотъ лабиринтъ, въ которомъ исчезаютъ столько людей, болѣе достойныхъ, чѣмъ я, и который, подъ плѣнительнымъ названіемъ Парижа, предоставляетъ празднымъ людямъ столько средствъ развлеченія. Но и тамъ Бонапартъ скоро меня откопалъ и приблизилъ къ себѣ, желая впутать меня въ свои политическія сплетни. Моя откровенность и молчаливое прямодушіе его обезоруживали, и я былъ единственнымъ представителемъ противной ему партіи, т. е. партіи хорошаго общества, которому онъ прощалъ нѣкоторые общественные успѣхи. Онъ потерялъ тронъ, который при нѣкоторой умѣренности и меньшемъ самообольщеніи легко могъ сохранить своему отдаленнѣйшему потомству. Бурбоны снова взошли на этотъ тронъ. Это было торжество для моихъ принциповъ и для моего сердца. Но ихъ такъ плохо посадили на престолъ и они вели себя на немъ до того вопреки своимъ собственнымъ интересамъ и счастью Франціи, что то, что должно было составить миръ и счастье моей жизни, сдѣлалось ея мученіемъ. Поэтому я, наконецъ, рѣшилъ удалиться въ страну, гдѣ я не рисковалъ найти ни двора, ни дипломатовъ, ни интригановъ, т. е. уѣхать въ Швейцарію.

Но Лозанна, гдѣ я хотѣлъ поселиться, въ виду нѣкоторыхъ родственныхъ и дружескихъ связей, оказалась для меня черезчуръ маленькимъ городомъ. Много неумѣстныхъ претензій на знатность происхожденія и на богатство, отсталость въ вопросахъ просвѣщенія, казавшаяся непоправимой, мелочность взглядовъ, возведенная въ принципы, революціонное

правительство, которое вѣчно жалующіеся на него крупные землевладѣльцы не умѣли ни перенести, ни свергнуть, — всѣ эти мелкія волненія вселили въ меня страхъ за мое новое положеніе. Я чувствовалъ, какъ мой умъ сокращается до размѣровъ сферы, въ которую я самъ его заперъ, и что отъ нравственной апатіи мое здоровье пошатнулось, такъ что бѣгство показалось мнѣ единственнымъ исходомъ.

Желая въ одно и то же время перемѣнить мѣстожительство, развлечься, выздоровѣть и остаться наединѣ, я отправился прямо во Флоренцію. Черезъ этотъ городъ я проѣзжалъ еще въ 1795 г., когда на меня было возложено Неаполитанское посольство. Красота страны, добродушіе ея жителей, умѣренность климата, простота придворной жизни и незначительныя политическія связи двора—дѣлали для меня изъ этого города мѣстопребываніе, совершенно свободное отъ непріятностей и являющееся этапомъ по дорогѣ, по которой неизбѣжно должны слѣдовать всѣ путешественники. Вмѣстѣ съ тѣмъ Флоренція обѣщала мнѣ цѣлый рядъ наблюденій, безразличныхъ для чувствъ, но весьма интересныхъ для ума и для изученія людей.

По пріѣздѣ во Флоренцію я пожелалъ видѣть одну только графиню д'Альбани [1]), вдову претендента, которая тамъ поселилась. Я имѣлъ честь познакомиться съ ней еще въ Парижѣ, куда Бонапартъ ее сослалъ, чтобы угодить своей сестрѣ Элизѣ, которая, сдѣлавшись великой герцогиней Тосканской, считала себя оскорбленной уваженіемъ, коимъ графиня пользовалась во Флоренціи. Я предполагалъ въ ней всѣ тѣ качества, которыя могутъ меня привязать, и скоро увидѣлъ, что не ошибся. Она меня приняла какъ человѣка, котораго встрѣчаютъ въ пустынѣ, ибо она любила и великолѣпно умѣла бесѣдовать, а добродушные флорентійцы не отличались

[1]) Луиза графиня д'Альбани (1753—1824), урожденная княжна Штольбергъ-Гедернъ, была вдовой претендента на англійскій престолъ Карла Стюарта († 1788) и подругой поэта Альфіери.

по части разговоровъ. Она просила меня смотрѣть на ея салонъ, какъ на свой собственный, и намѣтить себѣ въ немъ мѣсто, которое не могло бы быть занято никѣмъ другимъ. Съ перваго же дня тамъ мимо меня стали проходить типы изъ всей Европы; мнѣ это понравилось, и я объявилъ, что, такъ какъ закономъ для меня были только мое здоровье и мой капризъ, то я только тамъ желаю видѣть Дворъ и публику. Это показалось очень страннымъ до тѣхъ поръ, пока со мною не познакомились ближе; когда же меня вдоль разглядѣли, то нашли, что я довольно вѣжливъ, а такъ какъ одобреніе общества зависитъ отчасти отъ странностей и противорѣчій и можно всего добиться, когда ни къ чему не стремишься, я скоро сталъ предметомъ ухаживанія со стороны разныхъ лицъ, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ едвали бы даже замѣтили меня. Великій герцогъ, къ которому я не пошелъ на поклоненіе, имѣлъ любезность открыть мнѣ доступъ въ свои частные сады и въ свою библіотеку—одну изъ прелестнѣйшихъ, когда-либо существовавшихъ какъ по количеству, такъ и по выбору сочиненій. Министры, которые знали, что я ими пренебрегаю лишь изъ антипатіи къ новымъ лицамъ, къ визитамъ и къ торжественнымъ обѣдамъ, старались меня соблазнить маленькими интимными обѣдами и, чтобы не встрѣчать отказа, являлись ко мнѣ лично съ приглашеніями.

Наконецъ, всѣ тѣ двери, въ которыя я не хотѣлъ стучаться, открылись сами собою, и приглашенія поступали такъ запросто и безъ претензій, что я незамѣтно втянулся повсюду, гдѣ я не замѣчалъ стремленія сдѣлать изъ знакомства со мною вопросъ этикета.

Русская колонія во Флоренціи.

II.

Письма графа Федора, писанныя имъ изъ Италіи своей двоюродной сестрѣ г-жѣ Местраль д'Аррюфонъ.

ВЪ ДОРОГѢ.

Лозанна, 10 сентября 1816 г.

... Вчера я еще лежалъ въ постели, какъ вдругъ раздался шумъ, и какое-то явленіе, какой-то призракъ меня душитъ въ своихъ объятіяхъ, приговаривая: „Ѣдемъ вмѣстѣ въ Италію“. То былъ знаменитый адмиралъ Чичаговъ, тотъ самый, котораго обвиняли, что онъ Бонапарту далъ прорваться у Березины. Это доставило мнѣ пятичасовой разговоръ, замѣчательный по своимъ подробностямъ и доказавшій мнѣ, что такое исторія—эта первая изъ наукъ цивилизованныхъ людей! Я не согласился ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Храбрый адмиралъ, пожалуй, принялъ бы меня за флотъ или за армію, а я люблю быть господиномъ самому себѣ; но я назначилъ ему свиданіе въ Миланѣ, а онъ мнѣ посовѣтовалъ провести зиму во Флоренціи или въ Пизѣ. Это немного надосадитъ Сѣверу, ибо у Чичагова есть языкъ, а у меня — перо, но мнѣ это безразлично.

Миланъ, 21 сентября.

... Если исторія о разбойникахъ дошла бы до Васъ, Вы могли бы считать меня въ числѣ ограбленныхъ. Шайка разбойниковъ устроилась на Симплонѣ, но въ пятницу до моего отъѣзда пятерыхъ изъ этихъ господъ привели въ Бригъ, а другихъ пятерыхъ въ Домъ д'Оссоля. Въ понедѣльникъ, въ

Гр. Николай Александровичъ и гр. Анна Ивановна Толстые.
(Онъ 1765—1816. Она 1777—1825).

десять часовъ утра, было совершено нападеніе на три экипажа, въ разстояніи получаса отъ Сесто Календе; но грабители — три обитателя Ароны, — убѣдившись въ томъ, что въ экипажахъ ѣхали только женщины и дѣти, ограничились тѣмъ, что ограбили ихъ. Послѣ этого они перешли черезъ Тессинъ, ниже города, и весело отправились къ себѣ домой ужинать. Но нескромный свидѣтель ихъ замѣтилъ и побѣжалъ въ Сесто, чтобы предупредить о нихъ кого слѣдуетъ, и имъ отрѣзали путь. Лэди Баресфордъ, выѣхавшая изъ Милана три дня тому назадъ, тоже подверглась нападенію...

Піаченца, 26 сентября 1861 г.

... Кажется, что всѣ шайки Италіи собрались въ Пьемонтѣ. Повсюду васъ предупреждаютъ трогаться въ путь лишь послѣ „Ave Maria", самый моментъ разбоевъ, и останавливаться на ночь до „Angelus" [1]). Сегодня утромъ въ пять часовъ насъ у воротъ Милана собралось девять экипажей и насъ все-таки еще не хотѣли пропустить. По дорогѣ мы встрѣтили жандармовъ, патрули и задержанныхъ. Случайно одинъ изъ жандармовъ шелъ вмѣстѣ со мною на протяженіи четырехъ миль, и меня забавляло видѣть, какъ онъ присматривался къ людямъ съ подозрительными физіономіями. Всѣми этими непріятностями мы обязаны англичанамъ, ибо разбойники мѣтятъ на нихъ. Трое изъ нападавшихъ на лэди Бересфордъ должны были сегодня предстать передъ судомъ и затѣмъ быть повѣшенными.

Въ пути, 30 сентября.

... Сколько бѣдняковъ въ Апенинахъ! Это возбуждаетъ ужасъ и жалость. Они встрѣчаются по сорока и по пятидесяти, съ дикими воплями. Два дня тому назадъ у дверей того

«Ave Maria» и «Angelus»—у католиковъ молитвы къ Богородицѣ.
Прим. перев.

заѣзжаго дома, гдѣ я ночевалъ, было найдено два человѣка умершихъ съ голоду. Урожай въ этомъ году былъ богатѣйшій, но церковную область разоряютъ эти ужасныя монополіи. Вообще, въ Италіи всѣ народы жалуются на своихъ монарховъ. При моей точки зрѣнія я нахожусь иногда въ неловкомъ положеніи, когда мнѣ приходится слышать, что они говорятъ; когда же я начинаю оправдывать князей, мнѣ на это отвѣчаютъ: „Пусть будетъ такъ, но всѣ эти бѣдствія дѣйствительно существуютъ и въ нихъ, стало-быть, виноваты министры, которыхъ надо прогнать!“

Я только удивляюсь, какъ все населеніе не переходитъ въ станъ разбойниковъ; между тѣмъ отъ Болоньи до Флоренціи не слыхать про нападенія. Всѣ разбои сосредоточиваются въ Ломбардіи, гдѣ нынче мудрено проѣхать безъ какого-нибудь приключенія.

Русская колонія во Флоренціи.

III.

ФЛОРЕНЦІЯ.

(1816—1817).

Флоренція, 10 ноября 1816.

Сегодня мнѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ, и я хочу съ вами, мой дорогой другъ, вторично пережить жизнь; это принесетъ счастье всему остальному. Какая погода! Какая страна! Какой красивый городъ! Какіе хорошіе люди! Какое мирное правительство! Какая свобода! Какъ я хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ сюда, въ эту переднюю рая, когда мнѣ нельзя было дольше остаться съ Вами! Но надо разсказъ мой упорядочить. Какъ только я немного пообчистился, здѣшніе русскіе и дипломатическій корпусъ стали осыпать меня любезностями. Никто не выждалъ моего визита. „Приходите обѣдать, приходите погулять, приходите въ нашу ложу!“ Въ театрѣ меня представили первому министру и другимъ; мои карты разослали безъ моего вѣдома. Наконецъ, я еще самъ не успѣлъ очнуться отъ пріѣзда, какъ уже былъ вполнѣ устроенъ. Эйнары [1]), цвѣтъ здѣшняго общества, не отстали отъ другихъ. Французскій посланникъ [2]) навѣстилъ меня спустя нѣсколько часовъ послѣ моего пріѣзда, когда я только что всталъ съ постели, и сказалъ мнѣ, „что онъ проситъ дать ему возможность исполнить

---

[1]) Жанъ-Габріэль Эйнаръ (1775—1863), женевскій банкиръ, употребилъ свое вліяніе и свое огромное состояніе на помощь грекамъ въ ихъ борьбѣ за независимость. Онъ былъ избранъ національнымъ собраніемъ представителемъ Греціи при всѣхъ дворянахъ Европы. Впослѣдствіи онъ жилъ въ Женевѣ и въ Больё.

[2]) Ла-Мэзанфоръ, который раньше жилъ въ Россіи. Онъ извѣстенъ своей „*Одой*“ (къ русскимъ) (С.-Петербургъ 1842 г.) и сочиненіемъ „Tableau politique de l'Europe (Лейпцигъ 1813 г.).

то, что онъ считаетъ своимъ долгомъ". Наконецъ, у меня оставались на свѣтѣ только двѣ заботы: не быть вынужденнымъ представиться ко Двору, что было противно моей лѣни и моимъ финансамъ, и подыскать себѣ подходящую квартиру. Мнѣ въ обоихъ случаяхъ необыкновенно повезло: вопросъ о представленіи уладился самъ собою, не оставляя тѣни сомнѣнія на счетъ моего благоговѣнія къ Ихъ Императорскимъ и Королевскимъ Высочествамъ, а квартирный вопросъ кончился тѣмъ, что мнѣ удалось раздобыть одну изъ самыхъ хорошенькихъ квартиръ въ городѣ, а именно въ дворцѣ Аччіаджоли, между Троицкимъ и Старымъ мостами, первый этажъ съ парадною лѣстницею для меня одного. Огромный залъ въ два свѣта со стѣнами изъ бѣлаго порфира съ золотыми украшеніями, мраморными скульптурами и большимъ балкономъ; уютная гостиная съ большой террасой надъ рѣкой Арно; спальня въ сторонѣ отъ всякаго шума, уборная, хорошая комната для Юліана—все это изящно обставлено и—вмѣстѣ съ конюшней—за семнадцать цехиновъ [1]), или восемь съ половиною луидоровъ въ мѣсяцъ, при чемъ за три мѣсяца уплачено впередъ. Содержатель французскаго ресторана посылаетъ мнѣ карту въ двѣнадцать часовъ, а избранныя мною блюда—въ четыре часа, такъ что я могу свободно располагать моимъ вкусомъ и моимъ кошелькомъ.

Россійскій посланникъ генералъ Хитрово, оберъ-камергеръ Нарышкинъ [2]) и моя племянница [3]), супруга оберъ-гофмарша-

---

[1]) Одинъ цехинъ (золотая монета) равняется 3 рублямъ серебромъ. *Прим. перев.*

[2]) Алексанръ Львовичъ Нарышкинъ (1760—1826) сынъ Льва Нарышкина, развлекавшаго великую Екатерину своими каламбурами; его братъ, оберъ-егермейстеръ Дмитрій Львовичъ женился на прелестной Маріи Антоновнѣ Четвертинской, знаменитой вниманіемъ, которое ей расточалъ Александръ I. Ихъ сестра Наталія Львовна была супругой Юрія Головкина, двоюроднаго брата графа Федора.

[3]) Анна Ивановна, урожденная княжна Барятинская; ея прабабка, графиня Наталья Гавриловна Головкина, была сестрой дѣда графа Федора.

ла[1]), заняли у меня не менѣе одного дня въ недѣлю, согласно моему выбору, и еще другой день по ихъ выбору, а Луккезини[2]), котораго я, ради его краснорѣчія, былъ очень радъ застать во Флоренціи, и посланники захватили у меня другіе свободные дни. И такъ это выходитъ—какъ въ Парижѣ, и я буду обѣдать дома лишь изрѣдка, по своему особому желанію или капризу.

За мною уже обезпечено кресло у графини д'Альбани; оно стоитъ отдѣльно отъ другихъ, противъ маленькаго столика, рядомъ съ ея кресломъ. Она меня приняла со словами: „Какое мы сдѣлали хорошее пріобрѣтеніе!" А затѣмъ слѣдовали общія воспоминанія...

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ подробностяхъ, касаю-

---

[1]) Оберъ-гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой (1761—1816).

[2]) „Онъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ, когда восходила звѣзда Бонапарта, и погубилъ себя съ самаго начала удивительной неловкостью, состоявшей въ томъ, что къ Бонапарту, во время аудіенціи, обратился на итальянскомъ языкѣ. Этотъ человѣкъ, который былъ готовъ все отдать, чтобы быть французомъ, счелъ себя оскорбленнымъ, и сколько потомъ стоило униженій, чтобы ослабить этотъ недостатокъ такта, который онъ никогда не могъ забыть! Въ то время Луккезани въ компаніи съ Таллейраномъ и Марковымъ набралъ сокровища. Несчастные нѣмецкіе князья пріѣзжали въ Парижъ, опасаясь потерять остатокъ ихъ владѣній. Послѣ того какъ они устраивали свои дѣла съ Таллейраномъ, послѣдній посылалъ ихъ къ Маркову, а Марковъ, покончивъ съ ними торгъ, направлялъ ихъ къ Луккезани. Наконецъ, Бонапарту представился случай удовлетворить свою ненависть. Онъ послалъ прусскому посланнику къ подписи договоръ, отъ котораго послѣдній отказался съ негодованіемъ. Тогда онъ показалъ ему доказательства, что его жена стащила у герцога Корсуэренъ брилліанты и предоставилъ ему выборъ или подписать договоръ, или же быть, вмѣстѣ съ женою, отправленнымъ до границы какъ воры. Несчастный подписалъ и выѣхалъ на курьерскихъ лошадяхъ въ Берлинъ, чтобы покаяться въ своемъ жалкомъ поступкѣ, что его и погубило (Примѣчаніе графа Федора).

щихся лицъ и событій. Русскій посланникъ [1]) уменъ и пріятенъ въ обращеніи, но онъ большею частью бываетъ боленъ, а страшный безпорядокъ въ его личныхъ дѣлахъ налагаетъ на него отпечатокъ меланхоліи и грусти, которыхъ онъ не можетъ скрыть. Его образъ жизни лишенъ здраваго смысла. По вторникамъ и субботамъ у него бываетъ весь городъ, и вечера заканчиваются баломъ или спектаклемъ. По поводу каждаго придворнаго событія онъ устраиваетъ праздникъ, изъ коихъ послѣдній ему стоилъ тысячу червонцевъ. При такомъ образѣ жизни онъ задолжалъ Шнейдеру за свою квартиру и во все время своего пребыванія во Флоренціи беретъ въ долгъ картины, гравюры, разные камни и пр. Его жена скорѣе некрасива, чѣмъ красива, но она романически настроена, не мажется, въ модѣ, хорошо играетъ трагедію и горюетъ о своемъ первомъ мужѣ, покойномъ графѣ Тизенгаузенѣ [2]), этой нѣмецкой дылдѣ, а также о своемъ славномъ старикѣ-отцѣ Кутузовѣ. Она не можетъ на меня глядѣть, потому что мои изящныя манеры напоминаютъ ей этого героя, о которомъ она не перестаетъ думать и гордиться, что она его дочь. Словомъ, все въ этомъ открытомъ домѣ преувеличено, хотя и вполнѣ прилично. У нихъ есть дочь отъ перваго брака—ей пятнадцать лѣтъ, она хорошо сложена, весела, желаетъ нравиться и является самымъ лучшимъ украшеніемъ гостиной. Любительскіе спектакли, которые меня здѣсь преслѣдуютъ,—своеобразны; даютъ хорошую или плохую пьесу, въ которой играютъ княгиня Суворова, графиня Тизингаузенъ, г. Фонтенэ отъ французской миссіи и нѣсколько другихъ, еще похуже. Ихъ окружаетъ все одна и та же рамка: толстый князь Шаховской [3]), помощ-

---

[1]) Генералъ Николай Федоровичъ Хитрово, женатый на дочери знаменитаго фельдмаршала Кутузова.

[2]) Графъ Тизенгаузенъ былъ убитъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ.

[3]) Онъ еще во время Консульства пріѣзжалъ въ Парижъ, чтобы выбирать артистовъ.

никъ директора французскаго театра въ Петербургѣ, садится за столъ, какъ будто для того, чтобы образовать труппу. Г-жа Хитрово поочередно должна изображать то г-жу Жоржъ, то г-жу Дюшэнуа [1]), и послѣ впечатлѣнія, которое она производитъ своимъ талантомъ, публикѣ приходится не меньше удивляться перемѣнамъ ея костюмовъ для каждой сцены, а также силѣ ея легкихъ...

Другого рода спектакль, гдѣ присутствую въ ложѣ, дается здѣсь въ домѣ оберъ-камергера Нарышкина, котораго, по случаю его роскошнаго образа жизни и его огромныхъ расходовъ, величаютъ здѣсь княземъ и свѣтлостью. У него большой дворецъ близъ Перголы, маленькій дворецъ на Арно и для отдыха чудная дача близъ Фіезолы. Управляющимъ у него состоитъ какой-то нѣмецкій баронъ, секретарями служатъ три кавалера съ орденами въ петлицахъ; одному художнику, состоящему на жалованьи, поручено наблюдать спеціально за покупками; его супругу сопровождаютъ двѣ дамы; наконецъ, большая свита ливрейной прислуги и лошадей, о которыхъ нигдѣ не имѣютъ понятія. Мнѣ все это показали въ городѣ и на дачѣ, и я хочу съ Вами подѣлиться моими впечатлѣніями.

Первый обѣдъ былъ данъ спеціально для меня, но насъ было въ гостиной тринадцать человѣкъ. Въ четыре часа было доложено, что обѣдъ поданъ, и меня помѣстили между хозяиномъ и хозяйкой. Княгиня Суворова, дочь Нарышкина [2]), была единственная дама, которая могла сѣсть съ нами безъ особаго приглашенія. Пять минутъ спустя, когда подали супъ, самъ Нарышкинъ провозгласилъ имена тѣхъ изъ присутству-

---

[1]) Знаменитыя трагическія артистки.

[2]) Елена Александровна Нарышкина въ 1800 году вышла замужъ за князя Аркадія Александровича Суворова (1750—1811), единственнаго сына знаменитаго фельдмаршала. Ея мужъ утонулъ, когда переправлялся вплавь черезъ Рымникъ, рѣку, на берегахъ которой его отецъ одержалъ славную побѣду, увѣковѣченную въ его титулѣ.

ющихъ, которые удостоились сѣсть за нашъ столъ, остальнымъ же пришлось обѣдать за другимъ столомъ. Подавали три различныхъ обѣда, по-русски, по-французски и по-итальянски, съ неимовѣрнымъ изобиліемъ напитковъ, цвѣтовъ и фруктовъ. Въ то время какъ мы сидѣли за столомъ, намъ были представлены художники; они цѣловали руку у хозяина и подносили ему свои произведенія, а за это свертки, по 30 цехиновъ каждый, переходили изъ рукъ казначея въ ихъ руки.

Но не то еще намъ пришлось видѣть на дачѣ, нѣсколько дней спустя. Насъ пригласили къ тремъ часамъ: г-жъ Луниныхъ [1]), моихъ сосѣдокъ, адмирала Чичагова, нѣсколькихъ итальянцевъ и меня. На террасѣ, вблизи гостиной, были размѣщены сорокъ музыкантовъ, игра которыхъ привлекла всѣхъ окрестныхъ жителей, бросившихъ свои сельскія работы, чтобы послушать музыку. Но все это казалось мнѣ лишь живописнымъ украшеніемъ дивнаго мѣстоположенія и прелестнаго дня. Когда мы садились за столъ, былъ соблюденъ тотъ же этикетъ, какъ въ городѣ, и за вторымъ столомъ пришлось сидѣть лицамъ, которыя вполнѣ могли расчитывать на мѣсто за нашимъ столомъ. Сервировка изобиловала деликатесами и рѣдкостями всѣхъ странъ. Наконецъ, когда встали изъ-за стола, насъ пригласили на большую террасу, гдѣ все было приготовлено къ нашему восхищенію—вы думаете, красотами прелестнѣйшей въ мірѣ природы?—отнюдь нѣтъ! — чтобы мы восхищались фокусами знаменитаго фигляра! Наступала ночь и этотъ молодецъ хотѣлъ намъ какъ разъ показать свои лучшіе номера, какъ было доложено о началѣ фейерверка, и сколько онъ ни протестовалъ, на него не обратили вниманія и перешли на другую террасу, гдѣ уже собралась масса зрителей, цѣлые монастыри и деревни. Когда фейерверкъ кон-

[1]) Сергѣй Михайловичъ Лунинъ, московскій богачъ, сынъ котораго впослѣдствіи былъ замѣшанъ въ военный бунтъ декабристовъ, въ то время находился съ своимъ семействомъ во Флоренціи.

Князь КОНСТАНТИНЪ КСАВЕРЬЕВИЧЪ ЛЮБОМИРСКІЙ.

МАРІЯ АЛЕКСѢЕВНА НАРЫШКИНА.

1762-1822.

353

чился, Нарышкина три раза поклонилась своимъ гостямъ и всѣ отправились въ экипажахъ на Перголу. Я былъ такъ пресыщенъ удовольствіями, что не имѣлъ никакого желанія слушать новую музыку, сочиненную на „Севильскаго Цирюльника“, это мастерское произведеніе Паизьелло [1]).

Но вернемся къ этой квинтъ-эссенціи Россіи, къ этому Востоку, перевезенному въ шести берлинахъ на Западъ — къ семейству Луниныхъ. Барышня со мною немного кокетничаетъ, но въ общемъ это люди довольно благородные, довольно богатые и довольно воспитанные. Такъ какъ самъ г. Лунинъ слишкомъ глупъ, чтобы добиться какой-нибудь славы, то они прилагаютъ всѣ старанія, чтобы раскритиковать какую-нибудь знаменитость или чью-нибудь репутацію. Обѣ дамы до того безобразны, что могутъ обратить въ бѣгство кого угодно, но у дочери, можетъ быть, одинъ изъ лучшихъ голосовъ Европы, а мать до того окружаетъ себя цвѣтами и алебастровыми вазами, что вмѣстѣ съ ними тоже представляетъ нѣчто въ родѣ волшебной сказки.

Вчера мы присутствовали на прелестнѣйшемъ концертѣ: Инфантина, знаменитый Маргелли, графиня Аппони и г-жа Эйнаръ, которая, несмотря на свою ограниченность, вела себя прекрасно. Вы увидите изъ письма къ Вашей матушкѣ, какую роль она и ея мужъ здѣсь играютъ. Общество было избранное и опять таки преобладали русскіе. Здѣсь еще ожидаютъ Кочубеевъ, Паниныхъ и др. Я съ своимъ умѣреннымъ характеромъ удовольствовался бы тѣми, которыхъ я засталъ здѣсь. Когда я хочу отдохнуть отъ всѣхъ этихъ величій, я удаляюсь къ Толстымъ. Они устроились на окраинахъ Флоренціи, подъ самыми пушками цитадели, въ глубинѣ роскош-

[1]) Итальянскій композиторъ 18-го столѣтія (1741—1816), сочинившій первую оперу на эту тему.—„Севильскій Цирюльникъ“ Россини впервые былъ сыгранъ въ Римѣ въ 1816 г. Повидимому, графъ Федоръ говоритъ здѣсь именно объ этой новой оперѣ Россини, которая въ ноябрѣ 1816 г. уже могла дойти до Флоренціи.

наго сада, откуда видны всѣ окрестности. Ихъ домомъ управляетъ Веле, мой бывшій дворецкій. Графиня живетъ тамъ съ своимъ сыномъ. У нихъ можно найти простой и вкусный столъ, разумную бесѣду, и я могу тамъ обѣдать каждый день. Графиня все еще очень хороша собою, а ея сынъ, въ возрастѣ тринадцати лѣтъ, красивъ, какъ картинка [1]). Какъ-будто для контраста, они держатъ у себя очень безобразную, но забавную обезьяну.

...Но вотъ пріѣхала герцогиня Нарбоннъ и прислала за мною.

Флоренція, 6-го ноября 1816 г.

...Отъ графини Аппони я пошелъ къ г-жѣ Нарышкиной [2]). Она какъ разъ писала и жаловалась на перья. Что перья! Я вынужденъ писать безъ пюпитра—ибо нельзя все тащить съ собою—и никогда не привыкну къ этому. Пока я восторгаюсь ихъ фазанами, является камердинеръ, ставитъ на столъ большой четырехугольный свертокъ и уходитъ. Я срываю оберточную бумагу и нахожу подъ ней прехорошенькую англійскую шкатулку, которая раскрывается и преобразовывается въ пюпитръ со всѣми необходимыми отдѣленіями для письменныхъ принадлежностей! На этой красивой подставкѣ я имѣю честь Вамъ теперь писать, сударыня. На другой день я разсказываю объ этомъ подаркѣ Лунинымъ, у которыхъ какъ разъ была въ гостяхъ наша посланница. „А что вы охотнѣе всего выпросили бы у г-жи Нарышкиной, если бы знали впередъ о ея страсти дѣлать подарки—спросила она меня.—Вѣдь у нея столько вещей, которыя можно дарить!“—„Ахъ! я попросилъ бы у нея старую шаль, чтобы сдѣлать себѣ изъ нея теплый жилетъ на зиму, а также Португальскую воду, ибо во

---

[1]) Онъ умеръ въ 1825 г., въ Петербургѣ, скоро послѣ своей матери, которая похоронена на кладбищѣ подъ Монъ-Валерьеномъ, близъ Парижа.

[2]) Марья Алексѣевна Нарышкина, урожд. Сенявина (1769—1822).

Флоренціи нельзя раздобыть сносныхъ духовъ"—отвѣтилъ я. Послѣ этого я, какъ всегда, отправляюсь домой, чтобы переодѣться къ обѣду. И что же я вижу? прелестную шаль, распростертую на бѣльѣ, и большой флаконъ Португальской воды парижскаго произведенія на столѣ. Я одѣваюсь и являюсь къ этимъ дамамъ съ грознымъ выговоромъ. Я предупреждаю ихъ, что потребую скоро луны и солнца. Послѣ разныхъ шутокъ я говорю г-жѣ Хитрово, что нельзя подвергаться такому риску, что я могъ бы захотѣть ея маленькую печатку, которую она такъ любитъ, и поймать ее на этомъ. Затѣмъ я иду обѣдать къ графинѣ Толстой. Я сажусь и чувствую, что меня что-то давитъ въ карманѣ; я его ощупываю и что же оказывается?—въ карманѣ—печатка! На сей разъ я рѣшилъ молчать и даже не говорить объ этомъ моей племянницѣ, такъ какъ дѣло принимало ужасающіе размѣры. Съ тѣхъ поръ онѣ забавляются тѣмъ, что стараются меня ловить, освѣдомляясь о моемъ вкусѣ насчетъ той или другой вещи. Вы, конечно, поймете, что я все нахожу отвратительнымъ, мерзкимъ и что это вызываетъ безконечный хохотъ. Генералъ Хитрово хотѣлъ препроводить ко мнѣ прелестно оправленную луну, которую я еще раньше облюбовалъ, но я ему замѣтилъ, что я назойливость прощаю только дамамъ, а отъ него требую больше уваженія къ себѣ.

Флоренція, 13 ноября 1816 г.

...У насъ теперь гостятъ князь и княгиня Гагарины, очень милые люди, но которые здѣсь только проѣздомъ. Онъ, до нѣкоторой степени, знаменитость [1]). Красавица Нарышкина въ него влюбилась, и любовь ихъ была настолько неосторожна, что ей посовѣтовали отправиться въ путешествіе, а статсъ-секретарь получилъ отставку. Благодаря этому, онъ помирился съ своей женой [2]), съ которой ради этой страсти расходился,

[1]) Григорій Ивановичъ Гагаринъ (1782—1837), посланникъ въ Римѣ 1828—1833) и въ Мюнхенѣ (1833—1837).

[2]) Екатерина Петревна Гагарина, урожд. Соймонова, сестра Софьи

и они теперь казались совершенно счастливыми... Княгиня Гагарина близкая подруга моей племянницы Толстой [1]), и ихъ связываетъ католицизмъ. Онѣ находились во главѣ свѣтскихъ дамъ, отступившихъ отъ православной церкви, и ихъ неосторожный пылъ былъ причиною изгнанія изъ Россіи іезуитовъ. Здѣсь, гдѣ онѣ свободны поклоняться Римскому Богу, онѣ соблюдаютъ чрезвычайную сдержанность, а въ Петербургѣ онѣ мечтали о мученичествѣ, какъ итальянки мечтаютъ о любовникѣ. Мужъ графини теперь умираетъ въ Карлсбадѣ и должно быть уже умеръ, что насъ заставляетъ не пускать ее къ нему. Ея здоровье не перенесло бы путешествія зимою, и она все равно опоздала бы или оказалась бы излишней. При немъ, впрочемъ, неотлучно находится его дочь, княгиня Любомирская, съ мужемъ, такъ что въ уходѣ нѣтъ недостатка...

Что касается Россіи, то я долженъ Вамъ разсказать забавную вещь. Никто не знаетъ такъ мало толку въ ѣдѣ и никто такъ плохо не кушаетъ, какъ Лунины, мои сосѣдки. Онѣ на это жертвуютъ четвертую часть своихъ доходовъ, но ничего въ этомъ не понимаютъ и, въ концѣ-концовъ, умрутъ отъ разстройства желудка, какое получается въ кухмистерскихъ. И вотъ я однажды сталъ имъ разсказывать, какъ посланникъ, у котораго одинъ изъ лучшихъ поваровъ Европы, угостилъ меня паштетомъ изъ фазановъ съ трюфелями — такимъ вкуснымъ, что когда я шесть дней спустя опять у него обѣдалъ, я настоятельно просилъ дать мнѣ хотя бы остатки этого паштета. Отъ этого разсказа у моихъ сосѣдокъ потекли слюнки. Онѣ устроили совѣтъ и пригласили къ себѣ этого знаменитаго повара, стараясь его всѣми мѣрами задобрить и, на-

---

Свѣчиной, перешедшей въ католицизмъ, автора „Христіанскихъ Мыслей“. Ея племянникъ Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ (патеръ Гагаринъ) родился въ Москвѣ въ 1814 г., сдѣлался въ 1843 г. іезуитомъ и умеръ въ Парижѣ въ 1882.

[1]) Екатерина Николаевна Толстая (1789—1870) вышла замужъ за Константина Ксаверьевича Любомирскаго.

конецъ, заказали ему такой же точно паштетъ, какъ я описалъ. Вчера Гагарины и я были по этому случаю приглашены къ обѣду. Онъ былъ великолѣпенъ. Но знаете ли Вы сколько онъ стоитъ? 168 паоли! [1]) Я это разсказалъ Хитрово, который замѣтилъ: „Эти сумасшедшія бабы не знаютъ, что мой поваръ величайшій воръ на свѣтѣ, и что когда моя жена заказала прошлый вторникъ четыре тарелки сладкихъ пирожныхъ, онъ ей подалъ за нихъ сверхсмѣтный счетъ въ 200 паоли“ [2])—Вы совершенно правы, называя подобное расточительство ужаснымъ. Когда этотъ генералъ, котораго я, впрочемъ, люблю отъ всего сердца, былъ здѣсь еще безъ жены и обѣдалъ вдвоемъ съ своимъ секретаремъ, ежемѣсячный расходъ на столъ, не считая винъ и дессерта, былъ опредѣленъ въ 500 червонцевъ (400 луидоровъ); замѣтьте при этомъ, что жизнь здѣсь вообще дешево стоитъ; Луккезини мнѣ еще вчера сказали, что если бы не опасеніе вызвать напрасную болтовню, они каждый день звали бы къ себѣ обѣдать не менѣе десяти человѣкъ.

Флоренція, 16 ноября 1816 г.

Умеръ Виртембергскій король [3]). Смерть одного тирана,—какая это будетъ радость для многихъ!

Но помните, что настанетъ время, когда о немъ будутъ жалѣть. Это былъ единственный благонадежный оплотъ противъ либеральныхъ идей, которыя погубятъ Германію. Теперь глава оппозиціи сдѣлался монархомъ. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ для страны! Вашъ братъ [4]) будетъ сначала очень доволенъ, но скоро положеніе покажется ему нестерпимымъ. Пока что, Растопчинъ шныряетъ тамъ, чтобы примириться,

---

[1]) 168 паоли равняется 90 франкамъ.

[2]) 200 паоли равняется 107 франкамъ.

[3]) Фридрихъ 1, по милости Наполеона 1, король Виртембергскій.

[4]) Юрій Головкинъ, русскій посланникъ въ Штутгартѣ.

съ помощью сестры [1]), съ братомъ, но онъ обманется въ своихъ надеждахъ, ибо сестра потеряла всякое вліяніе. Мнѣ дали прочесть этотъ великій секретъ въ письмѣ, полученномъ съ Сѣвера и писанномъ офиціальнымъ лицомъ.

Флоренція 24 ноября 1816 г.

...Со мною случилась довольно странная вещь, и Васъ, можетъ быть, заинтересуетъ узнать объ этомъ нѣкоторыя подробности. Это касается письма посланника, съ которымъ я велъ переписку, въ то время, когда онъ былъ на Вашемъ сеймѣ [2]). Оказывается, что Бернодоттъ пожаловался по поводу моего сочиненія, и меня просятъ пощадить въ будущемъ союзниковъ того, кому я обязанъ величайшимъ благоговѣніемъ. Мнѣ не запрещаютъ писать, нѣтъ; мнѣ даже кажется, что хотятъ немного польстить моему писательскому самолюбію, какъ доказываетъ слѣдующая фраза: „Желательно, чтобы имя, окруженное такимъ почетомъ, какъ Ваше, не было замѣшано въ офиціальныхъ жалобахъ, столь правильно мотивированныхъ“. А вотъ мой буквальный отвѣтъ; онъ такъ коротокъ, что я рѣшаюсь его здѣсь привести: „Не пользуясь извѣстностью, ни какъ писатель, ни какъ государственный дѣятель, я могъ бы удивиться, что мнѣ приписываютъ сочиненіе: „Разсужденія и пр.“, которое даже не носитъ моего имени. Но если энергичная защита дѣла религіи, нравственности и законныхъ монарховъ составляетъ тотъ признакъ, по которому думаютъ узнать меня, то я не имѣю основанія на это жаловаться. Я сожалѣю, что причинилъ безпокойство шведскому Двору, но если онъ такъ хорошо освѣдомленъ, то какъ же онъ не знаетъ, какъ давно и насколько я удалился отъ всего, что называютъ службой и вліяніемъ, и что не мнѣ, повидимому, будетъ по-

---

[1]) Екатерина Павловна, сестра Александра 1 и супруга Вильгельма, короля Виртембергскаго (1816—1864).

[2]) См. ниже въ отдѣлѣ *переписки Головкина* письма графа Каподистрія.

ручено защищать интересы племянника Е. И. Величества, моего августѣйшаго государя. Если же на этотъ счетъ еще существовало бы сомнѣніе, то я просилъ бы Ваше Превосходительство его разсѣять.

„Моя жизнь такъ ничтожна, такъ безобидна, что я въ этомъ отношеніи увѣренъ въ протекціи того, кто можетъ оказать таковую“...

Русская колонія увеличилась съ пріѣздомъ графа Кочубея [1]), бывшаго министра внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, съ женою, дѣтьми, свитой, въ общемъ, съ девятью дорожными постелями. Затрудненіе размѣстить ихъ всѣхъ и разговоры на этотъ счетъ были безконечны. Онъ потерялъ пятерыхъ дѣтей, но столько же у него еще осталось. У насъ, кромѣ того, гостятъ гг. Гурьевы [2]), отецъ и сынъ, возвращающіеся изъ Неаполя и чувствующіе себя настолько превосходными, по части знаній, надъ всѣми другими дворянчиками, что въ ихъ присутствіи нельзя даже говорить о днѣ и ночи.

Надъ всѣмъ этимъ можно бы смѣяться, но что заставляетъ плакать отъ грусти, это сплетни между госпожами Хитрово, Луниными, матерью и дочкою, и княгиней Суворовой. Это превосходитъ все, что Вы могли бы себѣ представить, и пьеса изъ девятнадцати дѣйствій была бы недостаточна, чтобы изобразить все это. Болтовня о мужчинахъ всѣхъ націй, ложныя утвержденія, дерзости всякаго рода—все это могло бы меня заставить бѣжать до самой Сициліи, если бы я узналъ объ этомъ другимъ путемъ, а не черезъ г-жу д'Альбани, которая всегда все знаетъ.

Флоренція, 13 января 1817 г.

...Сегодня Новый годъ по русскому стилю, и я, дорогой

---

[1]) Викторъ Павловичъ Кочубей, возведенный впослѣдствіи въ княжеское достоинство.

[2]) Здѣсь, вѣроятно, идетъ рѣчь о министрѣ финансовъ и его сынѣ.

другъ, хочу воспользоваться этимъ праздникомъ для того, чтобы повторить тѣ пожеланія, которыя я для Васъ возобновляю каждый день. По поводу этого праздника я Вамъ разскажу наивный анекдотъ. На Рождествѣ графиня Апраксина почувствовала себя дурно; она легла въ темной комнатѣ при открытыхъ дверяхъ. И вотъ какой разговоръ она услышала между двумя русскими изъ ея свиты: „Вотъ что мнѣ кружитъ голову—почему у насъ Рождество на двѣнадцать дней позднѣе, чѣмъ у итальянцевъ!“—„Какъ ты глупъ, что путешествуя такъ много, ставишь такіе вопросы! Тебѣ слѣдовало бы понять, что когда Господь родился въ Палестинѣ, курьеру, привезшему извѣстіе объ этомъ папѣ въ Римъ, потребовалось потомъ двѣнадцать сутокъ, чтобы доѣхать до Москвы и доложить о томъ царю! Обѣ церкви празднуютъ не день рожденія, а день прибытія курьера, привезшаго вѣсть объ этомъ“.—„А, теперь я понимаю, и нѣтъ ничего проще“. Эта исторія вызвала много смѣха, но надо согласиться, что разныя объясненія, которыя намъ даютъ по этому поводу историки, немногимъ лучше.

Флоренція, 25 марта 1817 г.

Госпожи Лунины, мои сосѣдки, выѣхали въ Римъ послѣ безконечныхъ непріятностей съ прислугою—самою отвратительною, какую можно себѣ представить:

Горничная, непозволительная рожа, которой вдругъ пришло въ голову лѣчить свой ревматизмъ въ Россіи, беретъ тридцать луидоровъ, чтобы поѣхать туда моремъ, но возвращается черезъ нѣсколько дней, объявивъ, что она рѣшила ѣхать сухимъ путемъ; другая горничная, собирающаяся рожать, утверждаетъ, что она не можетъ перенести дилижанса; нѣмецкій камердинеръ, слѣдуя примѣру этихъ горничныхъ, требуетъ денегъ, чтобы совершить путешествіе одному, и доводитъ дѣло до того, что вызываетъ этихъ беззащитныхъ дамъ въ судъ. Наше посольство, подъ вліяніемъ либеральныхъ идей, прини-

маетъ сторону прислуги и доводитъ дамъ до отчаянія. Въ концѣ-концовъ, пришлось мнѣ заняться этимъ дѣломъ. Дамы не явились, прислугѣ было отказано въ искѣ и ей пришлось обратиться къ милости своихъ господъ. Дамы уѣхали довольныя мною, находя что я широко расплатился за ихъ обѣды.

Какъ только эта исторія кончилась, въ одинъ прекрасный день, рано утромъ, ко мнѣ является генералъ Хитрово, въ страшно разстроенномъ видѣ, и приноситъ мнѣ толстый пакетъ съ придворною печатью. Я подумалъ, что онъ получилъ приказъ посадить меня въ лодку и потопить меня, до того его лицо было мрачно и до того я привыкъ къ большимъ катастрофамъ. Когда жъ я распечаталъ пакетъ и не нашелъ въ немъ ничего трагическаго, я полюбопытствовалъ узнать, откуда у него явилось это мелодраматическое выраженіе, и онъ сознался, что въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ находятся его дѣла, и въ тотъ моментъ, когда онъ ожидалъ помощи, ставшей для него необходимой, онъ получилъ ошеломляющее извѣстіе о потерѣ своего мѣста; что это мѣсто совсѣмъ упраздняется, и что ему отказываютъ въ какой-либо помощи; и, наконецъ, что немилость эта, повидимому, рѣшена безповоротно, такъ какъ ему предлагаютъ маленькую пенсію, но съ условіемъ, чтобы онъ остался жить въ Тосканѣ. Я былъ удрученъ, такъ какъ я его сердечно люблю, и онъ для меня всегда былъ очень милъ. Надо было проявить хладнокровіе и осторожность, ибо вопросъ шелъ о чести и о свободѣ. Мы рѣшили соблюдать строжайшую тайну и тотчасъ же отправить секретаря въ Римъ, чтобы просить Италинскаго, которому было поручено на будущее время исполнять также обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ при тосканскомъ Дворѣ, не предъявлять своихъ ввѣрительныхъ грамотъ до тѣхъ поръ, пока ему не дадутъ знать отсюда. Тѣмъ временемъ я собралъ всѣхъ кредиторовъ у одного изъ здѣшнихъ адвокатовъ, чтобы выяснить ихъ претензіи и доказать нашу добросовѣстность. Далѣе было рѣшено, что г-жа Хитрово поѣдетъ въ Петербургъ,

чтобы отыскать какія-нибудь средства и предотвратить полное разореніе; что хозяйство будетъ распущено и все будетъ продано; что необходимо нанять маленькую квартиру и вывѣдать настроеніе Двора, дабы, въ рѣшительный моментъ, когда придется сдѣлать роковое сообщеніе, публика могла говорить только о несчастіи, постигшемъ посланника. Все удалось какъ нельзя лучше, и когда третьяго дня было произнесено рѣшительное слово, Дворъ и общество высказали еще больше участія, чѣмъ могъ ожидать этотъ бѣдняга [1]). Для меня это было большое утѣшеніе...

Я чувствую себя теперь очень хорошо, но мое лѣченіе было бы еще успѣшнѣе, если бы не пріѣздъ графа Маркова, который прибылъ изъ Неаполя ко мнѣ, какъ пріѣзжаютъ на свиданіе съ невѣстой. Онъ старъ, въ опалѣ, и я напоминаю ему хорошія времена. Указывая на насъ обоихъ, онъ всѣмъ повторяетъ: „Вы видите двухъ старыхъ служакъ безсмертной Екатерины“. По утрамъ онъ приходилъ болтать, по вечерамъ— играть въ карты, и его удавалось выпроводить не ранѣе какъ въ два или въ три часа утра. Наконецъ, онъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобы заготовить тамъ приданое для своей дочери, довольно пріятной, но болѣзненной барышни и чтобы сдѣлать удовольствіе г-жѣ Гюсъ, своей старой любовницѣ. Счастливый путь! [2])...

Но я чувствую, что Вы съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы я Вамъ сказалъ, что было въ пакетѣ, присланномъ мнѣ отъ Двора. Но не сердитесь, если это будетъ длинная исторія. Надо Вамъ знать, что пробывъ нѣсколько недѣль въ Флоренціи, я не могъ равнодушно смотрѣть на обоихъ внуковъ вели-

---

[1]) Хитрово скоро послѣ того (въ 1819 г.) умеръ.

[2]) Аркадій Ивановичъ Марковъ (онъ же Морковъ) былъ посломъ въ Парижѣ съ 1801 по 1803 г., гдѣ имѣлъ дочь отъ связи съ г-жей Гюсъ, Варвару Аркадьевну, вышедшую замужъ за князя Сергѣя Яковлевича Голицына. Узаконенная указомъ императора Александра 1, она унаслѣдовала графскій титулъ и состояніе своего отца.

каго Суворова, предоставленныхъ на улицахъ и въ конюшняхъ самимъ себѣ и нуждающихся нерѣдко во всемъ необходимомъ, благодаря тому, что ихъ мать думала только о любовныхъ приключеніяхъ и собиралась родить въ третій разъ, уже послѣ смерти мужа. Дѣти были такіе милыя, особенно старшій сынъ [1]), что такое поведеніе матери должно было вызвать возмущеніе, и что ихъ дѣдъ и бабушка Нарышкины мнѣ ради этого опротивѣли; наконецъ, я принялъ довольно странное рѣшеніе, будучи, какъ всегда, убѣжденъ, что хорошій, самъ по себѣ, поступокъ и прямой путь всегда ведутъ къ цѣли того, кто не даетъ себя сбить съ толку. Я поэтому рѣшился написать государю и просить его, чтобы онъ довѣрилъ мнѣ этихъ двухъ дѣтей съ небольшой долей пенсіи, которая была имъ назначена, послѣ того какъ ихъ сумасшедшій отецъ, растративъ огромное состояніе ихъ дѣда, имѣлъ несчастіе утонуть въ Рымникѣ. Я до отсылки письма не говорилъ объ этомъ никому, изъ опасенія, что мнѣ могли бы помѣшать, и хорошо сдѣлалъ, ибо всѣ подняли по этому поводу крикъ. Нарышкины, которыхъ я предупредилъ въ исполненіи самой священной обязанности, были внѣ себя отъ бѣшенства; генералъ Хитрово, бывшій фаворитъ, говоритъ, что императоръ терпѣть не можетъ людей, которые, какъ я, въ извѣстныхъ случаяхъ разыгрываютъ изъ себя Сюлли; княгиня-мать пришла ко мнѣ, упрекая меня со слезами на глазахъ въ непослѣдовательности моего поведенія,—но я не отвѣчалъ ни на что и выжидалъ, чтобы надъ этими дѣтьми свершилось Божье милосердіе.

Наконецъ, этотъ роковой для Хитрово курьеръ привезъ толстый пакетъ на мое имя. Императоръ повелѣвалъ благодарить

---

[1]) Александръ Аркадьевичъ Суворовъ (1804—1882) былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ русскихъ людей прошлаго столѣтія. Этотъ прекрасный человѣкъ оставилъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ память справедливаго и просвѣщеннаго правителя. Будучи, съ 1861 по 1863 г., генералъ-губернаторомъ С.-Петербурга, онъ дѣйствовалъ наперекоръ страшному Муравьеву, Виленскому диктатору.

меня за высказанную мною столь почетную для меня и для внуковъ италійскаго героя заботливость. А графъ Каподистрія, съ своей стороны, присовокупилъ, что онъ счастливъ быть органомъ высочайшей воли въ такомъ случаѣ, когда онъ обстоятельствами призванъ быть ея выразителемъ, и благодаритъ меня за то, что я ему доставилъ этотъ случай. Министерство получило приказаніе руководствоваться моими указаніями относительно расходовъ, которыхъ потребуетъ переѣздъ и устройство двухъ молодыхъ князей. Не правда ли, какъ все это мило? Я сейчасъ же написалъ въ Гофвиль [1]) и уже намѣтилъ одного добродушнаго нѣмецкаго барона, чтобы проводить туда въ маѣ мѣсяцѣ моихъ мальчиковъ. Я исторгну ихъ, такимъ образомъ, изъ невѣжественной среды и спасу отъ угрожающей имъ нравственной и физической опасности; ихъ счастье вознаградитъ меня за мою смѣлость. Мать привела мнѣ своихъ сыновей, заливаясь слезами и прося меня повергнуть къ стопамъ императора ея вѣчную благодарность. Старшій, которому 12 лѣтъ, очень милъ со мною. Я съ нимъ бесѣдую и гуляю и обращаюсь съ нимъ немного на нѣмецкій манеръ, въ ожиданіи отвѣта отъ г-на Фелленберга [2]). Длинное письмо Каподистрія комично со стороны человѣка, который не сумѣлъ обойтись со мною единственный разъ, когда онъ могъ это сдѣлать.

. . . .

Мнѣ пишутъ изъ Россіи, что моя тетя продаетъ 4000 крестьянъ для того, чтобы заплатить долги своего сына [3]).

---

[1]) Гофвиль—знаменитое въ свое время учебное и воспитательное заведеніе въ Швейцаріи—въ кантонѣ Бернъ. См. ниже переписку съ графомъ Каподистрія письмо № 3.

[2]) Фелленбергъ былъ тогда директоромъ учебнаго заведенія въ Гофвилѣ.

[3]) Тетя графа Федора—Екатерина Александровна Головкина, урожденная Шувалова (1733—1821), и ея сынъ графъ Алексѣй Гавриловичъ, извѣстный коллекціонеръ, скончавшійся въ 1823 г.

Флоренція, 21 апрѣля 1817 г.

Генералъ Хитрово переноситъ свое несчастье очень мужественно. Онъ не ожидалъ такого исхода, а все надѣялся на помощь отъ государя, который всегда былъ его другомъ. Такъ какъ онъ самъ былъ простъ въ обращеніи и безъ претензій, то его любили въ обществѣ, и такъ какъ онъ разстроилъ свои дѣла, чтобы увеселять другихъ, то къ нему относятся съ величайшимъ сочувствіемъ. Онъ все продаетъ и расчитывается съ своими кредиторами; свое хозяйство онъ упразднилъ и нанялъ маленькую квартиру.

Флоренція, 18 апрѣля 1817 г.

Этому письму пришлось долго вылежаться. Дѣла этого бѣднаго Хитрово поглощаютъ меня всецѣло. Всѣ эти русскіе не только разстроили свои дѣла, но вообще не имѣютъ самыхъ элементарныхъ понятій о порядкѣ и, когда катастрофа разражается, у нихъ нѣтъ ни счетовъ, ни квитанцій, и чтобы какъ-нибудь выйти изъ затрудненій, они готовы подписать все, что имъ подсунутъ. Такъ какъ я очень интересуюсь Хитрово и нахожу, что съ нимъ обращаются ужасно, а онъ противопоставляетъ всему этому бодрость и хладнокровіе, я принялъ на себя — не выводить его изъ этого лабиринта, но, по крайней мѣрѣ, подготовить тѣ нити, по которымъ онъ могъ бы изъ него выйти. Онъ находится теперь между двумя сортами людей: купцами, которые его надували, и аферистами, желающими воспользоваться случаемъ, чтобы сдѣлать то же самое. Его жена—сумасшедшая, и ничто не можетъ ее остановить въ ея расточительствѣ. Она еще сама не знаетъ откуда взять деньги, чтобы поѣхать въ Россію для спасенія семьи и чтобы на это время обезпечить жизнь своего мужа и своей дочери, а между тѣмъ она занимаетъ въ театрѣ двѣ ложи и зажигаетъ вечеромъ въ своемъ будуарѣ по десяти свѣчей, не говоря о всемъ остальномъ. Какъ только она уѣдетъ я надѣюсь поставить все

на приличную ногу, а пока я ее тороплю, какъ-будто я боюсь заразиться отъ нея чумою...

Флоренція, 21 апрѣля 1817 г.

... Я получилъ доказательство памяти обо мнѣ, доставившее мнѣ большое удовольствіе; а именно отъ добродушнаго неаполитанскаго короля, не принимавшаго никакого участія въ преслѣдованіяхъ, жертвою которыхъ я сдѣлался со стороны покойной королевы. Онъ поручилъ Нарышкину выразить мнѣ свое благоволеніе и много обо мнѣ разспрашивалъ... Я думаю, что Юрій долженъ втайнѣ радоваться приключеніямъ лорда Амгерста въ Китаѣ. Статьи газетъ по этому поводу являются для него какъ бы оправдательными документами, на публикацію которыхъ онъ получилъ разрѣшеніе [1]).

Флоренція, 23 апрѣля 1817 г.

... Я получилъ изъ Петербурга очень странное извѣстіе. Вы знаете, какъ мой братъ[2]) разстроилъ свои дѣла, какъ онъ навлекъ на себя немилость за то, что взялъ отпускъ, какъ онъ запутался въ этомъ ужасномъ водочномъ процессѣ, стоившемъ состоянія столькимъ лицамъ. 7-го марта вечеромъ онъ сидѣлъ съ своей женой, оплакивая свои потерянныя помѣстья, которыя были назначены въ продажу съ публичныхъ торговъ на другой день, какъ вдругъ отворяется дверь, и курьеръ приноситъ ему, отъ имени государя, необходимую для его спасенія сумму. Это—заемъ, но безсрочный и безпроцентный. Вотъ—чудо, съ какой стороны ни смотрѣть на это происшествіе, и милость весьма солидная. Оберъ-камергеръ Нарышкинъ, профессоръ въ придворныхъ дѣлахъ, объяснилъ мнѣ это чудо.

---

[1]) Это намекъ на неудачу графа Юрія Александровича Головкина въ своей катайской экспедиціи въ 1805 году.

[2]) Графъ Петръ Гавриловичъ Головкинъ, оберъ-егермейстеръ, былъ женатъ на Софьѣ Александровнѣ Демидовой.

Дѣло въ томъ, что приближается день свадьбы[1]) и что некому на ней предводительствовать; самое подходящеэ лицо для этого — мой братъ, но полагаютъ не безъ основанія, что онъ обиженъ за то, что его не назначили по смерти Толстого оберъ-гофмаршаломъ, и вотъ хотятъ его поставить въ такое положеніе, чтобы онъ не могъ отказаться отъ обязанностей, въ которыхъ онъ достигъ совершенства. А послѣ свадьбы его назначатъ на эту высокую должность, принадлежащую ему по старшинству! Да благословитъ Господь государя и его слугъ! Что касается меня, то я предпочитаю быть главнымъ надзирателемъ дворцовъ и садовъ г-на д'Аррюфана!..

Флоренція, 12-го.

Я когда-то былъ въ дружбѣ съ супругой президента парламента въ Бордо, которая начинала всѣ свои разговоры словами: „Я вамъ заявляю!"—что заставляло герцога Лаваля спрашивать меня, до какой степени заявленій я дошелъ съ моей президентшей. Я долженъ Вамъ сегодня заявить, мой другъ, что я не могу дольше переносить тоски по родинѣ! . . . .

Не потому, что мнѣ здѣсь не нравится—напротивъ. Мѣстность прелестна. Г-жа д'Альбани попрежнему относится ко мнѣ благосклонно, общество — снисходительно, великій герцогъ — милостиво; англичане попрежнему смѣшны, но все это безъ Васъ и не въ Вашей странѣ, а потому я не могу больше перенести ничего другого. Къ тому же, у меня на шеѣ огромное хозяйство Нарышкиныхъ. Они должны были уѣхать еще восемь дней тому назадъ, но Каффила, вторая калмычка г-жи Нарышкиной, захворала разстройствомъ желудка, и на этомъ основаніи отмѣнили заказъ сорока лошадей и развязали тысячу узловъ, и я всему этому не предвижу конца!

То, что Вы мнѣ пишете по поводу князей Суворовыхъ —

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о свадьбѣ великаго князя Николая Павловича, брата Александра 1, съ принцессой Шарлоттой прусской, которая была отпразднована 1/13 іюля 1817 г.

совершенно вѣрно, но если бы хорошія дѣла дѣлались инымъ путемъ, чѣмъ въ силу долга, они вовсе не дѣлались бы. Эти мальчики, носители великаго имени, обладаютъ самыми лучшими данными, но имѣютъ передъ собою только то богатство, которое имъ самимъ удастся составить, казались почти что предоставленными на большой дорогѣ самимъ себѣ; стало быть, ихъ надо было оттуда взять, но никто объ этомъ не думалъ; надо было напомнить о нихъ императору, но никто не посмѣлъ это сдѣлать; надо было имъ замѣнить отца и я нашелся, чтобы исполнить этотъ долгъ. Всякій сдѣлалъ бы то же самое, и я не нуждаюсь въ ихъ благодарности. Это дѣло останется между Небомъ и мною.

Но я сдѣлалъ еще худшую вещь, чѣмъ та, въ которой Вы меня упрекаете. Я отнялъ у матери ея дочь и передалъ ее бабушкѣ, чтобы она увезла ее въ Россію. Я не могъ перенести мысли, что эта молодая дѣвушка четырнадцати лѣтъ догадается о предстоящихъ родахъ своей матери, и благодаря моему краснорѣчію и моей находчивости все произойдетъ безъ свидѣтелей, безъ скандала, и если только большой караванъ снимется отсюда 20-го числа, то Нарышкины тоже ничего не будутъ знать объ этомъ.

Къ тому же приблизительно времени я собираюсь отправить моихъ питомцевъ, въ сопровожденіи этого добродушнаго голландца, который въ пути будетъ считаться ихъ отцомъ. Я не желаю, чтобы эти маленькіе люди сдѣлались въ какомъ-нибудь итальянскомъ городѣ предметомъ поклоненія, которое ихъ громкое имя могло бы вызвать, и хочу, чтобы они вышли изъ моихъ рукъ такими же простыми и милыми и прибыли въ Гофвиль безъ спеси и дури. Не могу Вамъ сказать — ибо я справедливъ—до какой степени я въ этомъ дѣлѣ доволенъ императоромъ Александромъ. Онъ меня отлично понялъ, и это преклоненіе всемогущества передъ здравымъ смысломъ дѣлаетъ ему честь. Г. Фелленбергъ, директоръ Гофвильскаго заведенія, былъ тоже въ высшей степени корректенъ. Я не скрылъ

отъ него небольшихъ средствъ этихъ дѣтей и своего сожалѣнія по поводу того, что я не могу предоставить имъ всѣхъ преимуществъ блестящаго воспитанія, которое дается его пансіономъ. Онъ мнѣ на это отвѣтилъ, что предоставитъ имъ всѣ преимущества и что условія будутъ вполнѣ зависѣть отъ меня. Такимъ образомъ, въ силу полномочія, даннаго мнѣ съ обѣихъ сторонъ, я могъ рѣшить это дѣло по своему усмотрѣнію, и оно мнѣ вполнѣ удалось. Я буду ужъ очень старъ, когда эти дѣти сумѣютъ оцѣнить все значеніе оказываемаго имъ благодѣянія, но я умру съ сознаніемъ, что я не былъ совсѣмъ безполезенъ и болѣе счастливымъ, чѣмъ если бы этотъ случай не отдалъ ихъ въ мои руки.

Моя переписка съ Каподистрія одна изъ самыхъ оригинальныхъ, какія можно себѣ представить. Онъ меня осыпаетъ любезностями по приказанію свыше, а также за свой собственный счетъ, а я все остаюсь при своей прежней манерѣ. Въ своемъ сегодняшнемъ письмѣ я ему пишу: „Сколько Вы ни старайтесь, Вы не заставите меня полюбить либеральное просвѣщеніе и либеральныя мысли. Эти слова только талисманы, съ которыми считаютъ все дозволеннымъ“. А затѣмъ я еще присовокупляю по поводу его любезностей: „Я сожалѣю, что Вы не подумали меня навѣстить, когда были въ послѣдній разъ въ Швейцаріи; но Вы этого не хотѣли, а я никому не навязываюсь. Вы меня скоро оцѣнили и узнали бы, что я стою гораздо меньше и въ то же время гораздо больше, чѣмъ моя репутація; тогда Вы лучше поняли бы свободу, которую я позволяю себѣ въ общеніи съ Вами и которую вы, вѣроятно, прощаете мнѣ только въ силу Вашего ума“.

. . . .

Я полагаю, что Вы уже прочли рукописи съ острова Св. Елены[1]). Мы получили ихъ здѣсь изъ Лондона съ курьеромъ.

[1]) Головкинъ, какъ и многіе и другіе, въ данномъ случаѣ былъ введенъ въ заблужденіе очень ловкой поддѣлкой женевскаго писателя Люлленъ де-Шатовье (1772-1842) подъ названіемъ: *„Рукопись, полу-*

Нѣтъ ничего болѣе интереснаго и, по моему мнѣнію, болѣе подлиннаго. Если это не писано Бонапартомъ, то и „Кандидъ" не писанъ Вольтеромъ. Усомниться въ этомъ можетъ только тотъ, кто его не изучалъ и никогда съ нимъ не говорилъ. Это именно его безпорядочныя и вмѣстѣ съ тѣмъ исполинскія мысли, его громкія слова, его ужасныя признанія, его привычная смѣлость и независимость; его ловкость щадить нѣкоторыхъ лицъ и нѣкоторыя мнѣнія; это маленькое сочиненіе, кажущееся результатомъ скучнаго досуга, полно намѣреній и проектовъ. Я очень доволенъ, что прочелъ его, ибо весьма пріятно видѣть, какъ подобный человѣкъ самъ себя изобличаетъ и говоритъ то же самое, что говорю я, хотя мое мнѣніе оспариваютъ; впрочемъ, я не понимаю, съ какой стати извлекли на свѣтъ Божій это произведеніе тьмы и что могло заставить англійскаго министра позволить или приказать публиковать его. Это сочиненіе запрещено во Франціи, но Вы увидите, что оно вовсе не тамъ можетъ быть опаснымъ.

У меня въ настоящее время имѣется на лицо доказательство злосчастной звѣзды, преслѣдующей меня; это нѣкто шевалье О'Ара [1]), скучнѣйшій изъ людей, который ко мнѣ пристаетъ, что онъ, впрочемъ, дѣлалъ уже два раза, въ Петербургѣ и Теплитцѣ. Онъ такъ многорѣчивъ въ своихъ разсказахъ, что когда онъ входитъ въ комнату, надо отказаться отъ

ченная неизвѣстнымъ путемъ съ острова Св. Елены", Женева 1817 г. Это сочиненіе, между прочимъ, приписывали Бенжамену Констану, а затѣмъ г-жѣ Сталь. Завѣса анонимнаго писателя была приподнята гораздо позже, послѣ выхода этого сочиненія.

[1]) Шевалье О'Ара (О'Нага) проживалъ въ Петербургѣ въ теченіе послѣднихъ годовъ восемнадцатаго столѣтія. Будучи эмигрантомъ и не имѣя никакихъ средствъ онъ, благодаря графу Шуазель-Гуффье, получилъ мѣсто въ императорской публичной библіотекѣ. Графиня Головкина, у которой онъ въ Петербургѣ бывалъ запросто отзывается о немъ въ своихъ „Мемуарахъ" только съ хорошей стороны. См. *Léonce Pingand „Les Français en Russie* стр. 311—313, гдѣ имѣются о немъ нѣкоторыя подробности.

всякихъ другихъ проектовъ на этотъ день. Онъ такъ отклоняется отъ предмета разговора, что, по удачному сравненію Нарышкина, напоминаетъ механизмъ тѣхъ бочекъ, которыя предназначены орошать улицы на возможно большемъ пространствѣ; онъ сдѣлался такимъ пугаломъ для всѣхъ своихъ знакомыхъ, и послѣдніе такъ жестоко къ нему относятся, что у меня не хватаетъ смѣлости уклоняться отъ его разговоровъ. Г-жа д'Альбани сказала мнѣ разъ: „Вы увидите, что онъ васъ попроситъ привести его ко мнѣ“.—„Никогда,—отвѣтилъ я,—онъ слишкомъ церемонный, пожелаетъ быть вамъ представленнымъ самимъ посланникомъ“.—„Все равно, въ данномъ случаѣ онъ предпочтетъ васъ!“ И дѣйствительно, онъ не замедлилъ обратиться ко мнѣ по этому поводу. Но она дорого заплатитъ за свое предчувствіе. Онъ ей разскажетъ всю исторію Стюартовъ и всѣ жертвы, которыя имъ принесло семейство О'Ара и будетъ настаивать на томъ, чтобы она прослезилась изъ-за участи Претендента и кардинала Іорка, о которыхъ онъ упоминаетъ не иначе, какъ опуская свои большіе глаза. Можетъ быть, что въ концѣ-концовъ это начнетъ меня забавлять...

Флоренція, 31 мая 1817 г.

Знаете ли Вы, что я получаю теперь извѣстія изъ Парижа только отъ Васъ? Я такъ отсталъ отъ большей части моихъ друзей, а тѣ, отъ которыхъ я не отсталъ бы, такъ давно умерли, что, глядя на мою переписку, можно подумать, что я никогда не бывалъ въ этой странѣ. У меня тамъ остались только связи съ государственной полиціей. Меня предупреждаютъ о вещахъ, относительно которыхъ думаютъ, что я ихъ будутъ хвалить и желаютъ знать мое мнѣніе о всѣхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ посланниками короля за границею, для безопасности правительства. Мнѣ, напримѣръ, не отказали въ удовольствіи извѣстить меня, что Савари[1]) будетъ пойманъ

[1]) Въ то время, когда Головкинъ писалъ это письмо, Савари (герцогъ Ровиго) переѣхалъ изъ Смирны въ Австрію. При бѣгствѣ съ

и заключенъ въ Тріестѣ, что дѣйствительно произошло такъ, какъ мнѣ было обѣщано; что будутъ преслѣдовать Сантини [1]) и возьмутъ его за горло и т. д. А я, съ своей стороны, хлопочу о томъ, чтобы отправить въ Америку эту негодяйку Реньо, связанную по рукамъ, по ногамъ и по зубамъ [2]).

Флоренція, 23 іюня 1817 г.

... Каподистрія тяжко боленъ и проситъ уволить его въ отставку, или разрѣшить ему отправиться въ путешествіе. Это удобный случай сказать: „врачъ, лечи себя самъ", ибо онъ въ теченіе пяти лѣтъ изучалъ медицину въ Падуѣ и въ Пизѣ и удостоился, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами родомъ изъ Флоренціи, степени доктора медицины. Его здѣсь всѣ знаютъ и всѣ сходятся во мнѣніи, что это умный человѣкъ, притомъ свѣдущій и обладающій добрымъ сердцемъ; но онъ никогда не былъ дворяниномъ, даже на своей родинѣ, гдѣ легко быть имъ. Это, конечно, не имѣетъ значенія, разъ что онъ полезный и честный человѣкъ, но зачѣмъ же тогда претендовать на такую ничтожную вещь, какъ графскій титулъ, на который онъ не имѣетъ права? Но какъ всѣ христіане, онъ будетъ имѣть свой романъ и захочетъ украсить имъ исторію.

острова Мальты у него не оставалось другого выбора, какъ искать защиты на турецкой территоріи. Въ Италіи онъ не чувствовалъ себя въ безопасности, а во Франціи онъ былъ приговоренъ къ смерти.

[1]) Сантини былъ камерфурьеромъ при императорѣ Наполеонѣ I. Англичане его прогнали съ острова Св. Елены, куда онъ послѣдовалъ за Наполеономъ. О приключеніяхъ Сантини, по возвращеніи его въ Европу, на послѣсловіе изъ „*Mémorial de Sainte-Hélène. Ласъ Казаса.* (Брюссельское изданіе 1824 г.).

[2]) Г-жа Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели, урожденная Боннель. Ея мужъ, статсъ-секретарь императорской фамиліи, былъ изгнанъ приказомъ отъ 17 января 1816 г. и долженъ былъ скоро послѣ того бѣжать въ Америку. Въ „*Мемуарахъ*" генерала Тьебо находятся нѣсколько страницъ, оправдывающихъ названіе ея „негодяйкой".

Флоренція, 28 іюня 1817 г.

Со мною только что произошла такая необыкновенная вещь, что если бы Вы, вмѣсто того чтобы прочесть ее въ этомъ письмѣ, нашли ее въ Библіи, Вы не усомнились бы въ наличности чуда. Но для начала мнѣ нужно вернуться къ прошлому. Уже два года мнѣ въ Россіи не удается довести до конца ни одного дѣла и вотъ почему. Когда меня отозвали изъ Неаполя, моя опала показалась всѣмъ столь неожиданной, что г. Бержье, мой банкиръ, и г. Віоццоли, австрійскій генеральный консулъ, сочли нужнымъ, въ нашихъ общихъ интересахъ, наложить арестъ на мои вещи. Послѣ годичнаго заключенія, покончивъ съ ними расчеты, я добился отмѣны этого ареста и не думалъ больше объ этомъ. Спустя двадцать лѣтъ, желая окончательно распорядиться своимъ имуществомъ, я не могъ этого сдѣлать по той причинѣ, что я въ свое время не заявилъ правительству о снятіи ареста. Но гдѣ отыскать составленный о томъ документъ? Находился ли онъ въ одномъ изъ сундуковъ, сгорѣвшихъ во время пожара Москвы, или же въ одномъ изъ старыхъ ящиковъ, оставленныхъ въ Берлинѣ и припрятанныхъ неизвѣстно гдѣ г-жей Брюжъ? Г. Берже любезно согласился возобновить этотъ документъ, но г. Віоццоли обанкрутился и исчезъ неизвѣстно куда. Всѣ поиски оказались тщетными, и я считалъ его мертвымъ или скрывшимся, отчаявался когда-либо имѣть возможность распорядиться своимъ имуществомъ. Подумайте, какое это для меня было несносное стѣсненіе!

И вотъ я полчаса тому назадъ собрался Вамъ писать, какъ мнѣ вдругъ докладываютъ о приходѣ главнаго директора государственныхъ имуществъ Ломбардскаго Королевства. Такъ какъ ради князя Меттерниха, вся австрійская монархія за мною ухаживаетъ, и я уже имѣлъ случай воспользоваться любезностями мѣстной администраціи, я счелъ долгомъ его принять. Его впустили. Никогда, дорогой другъ, я не испытывалъ подобной столь неожиданной радости! Это былъ г. Віоццоли! Онъ былъ

такъ удивленъ моимъ радостнымъ пріемомъ, что даже смутился: „Знайте, милостивый государь, что ангелъ, сидящій верхомъ на голубовато-золотистомъ облакѣ, показался бы мнѣ теперь менѣе прекраснымъ и достойнымъ любви, чѣмъ Вы!“ И я сталъ его цѣловать, такъ что онъ, вѣроятно, подумалъ, что я сошелъ съ ума, пока я, наконецъ, не объяснилъ ему причину моей пылкой любви. Завтра онъ мнѣ принесетъ надлежащій документъ, и мои сѣдые волосы, наконецъ, освободятся изъ-подъ этой опеки. Согласитесь, что это одна изъ тѣхъ милостей Провидѣнія, которыя превосходятъ всякія человѣческія ожиданія. И подумать, что мнѣ стоило только поѣхать въ Миланъ, гдѣ находился этотъ господинъ, и остановиться у него въ замкѣ, гдѣ онъ проживаетъ, чтобы освободиться отъ томленія, въ которомъ я находился восемь мѣсяцевъ! а я думалъ, что онъ уже на томъ свѣтѣ и просилъ Господа оказать мнѣ благодѣяніе и отыскать хотя бы его книги, чтобы найти этотъ документъ, который я не зналъ, гдѣ искать. Я до сихъ поръ не могу прійти въ себя и не знаю откуда я почерпнулъ силу, чтобы Вамъ разсказать это происшествіе.

Флоренція, 18 іюля 1817 г.

... Я хотѣлъ вознаградить барышню Лунину за то, что она распространила слухъ о моемъ краснорѣчіи[1]). Несмотря на стотысячный годовой доходъ, составляющій ея приданое въ день ея свадьбы, ей еще не удалось выйти замужъ. Двадцать три раза ей дѣлали предложеніе, но ни разу ея отецъ (сумасшедшій), ея мать (дура) и она сама не могли прійти къ соглашенію; недавно еще отказали князю Кампасса, испанскому гранду и красавцу мужчинѣ. Поэтому я взялъ ее подъ свое спеціальное покровительство. Замѣтивъ, что она влюблена въ одного молодого человѣка[2]), который, не обладая ничѣмъ кромѣ кра-

---

[1]) См. письмо отъ 16 октября 1816 г.

[2]) Т. Риччи.

сивой внѣшности и крупнаго таланта къ пѣнію, не рѣшался представиться Лунинымъ, я просилъ г-жу д'Альбани сдѣлать отъ его имени предложеніе; оно было принято, и все кончилось благополучно. Сегодня я, въ качествѣ довѣреннаго жениха, установилъ всѣ условія, и черезъ три недѣли будетъ отпразднована свадьба, кажется, на водахъ въ Луккѣ.

Отъ этого неожиданнаго счастья бѣдная дѣвушка такъ охрипла, что я дрожу при мысли, что она вчера вечеромъ могла имѣть меньше успѣха, чѣмъ обыкновенно. „Ахъ! въ какое ужасное осиное гнѣздо вы меня толкнули",—сказала вчера вечеромъ г-жа д'Альбини — „до чего эти люди глупы. Какъ вы это можете перенести при вашемъ не особенно терпѣливомъ характерѣ! У меня закружилась голова и я, наконецъ, сама не знала, что говорю". Я не стану утверждать, что моя голова тоже не закружится сегодня утромъ, ибо отецъ въ одно и то же время расточителенъ и скупъ, нескроменъ и лживъ, низокъ и противенъ; но я запасся храбростью, а мое общественное положеніе тоже окажется не вреднымъ при переговорахъ съ съ нимъ, ибо для того чтобы повліять на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лунина требуется только поставить его лицомъ къ лицу съ величіемъ и властью. Онъ мнѣ вчера сказалъ: „Дорогой графъ, устройте такъ, чтобы князь у меня пообѣдалъ, и я готовъ на все, что вы хотите". Что Вы на это скажете, дорогая кузина, развѣ онъ не благороденъ?

Флоренція, 24 іюля 1817 г.

Сегодня утромъ я имѣлъ большую радость. Я писалъ Вамъ о бракѣ, готовящемся между Луниной и Риччи. Отецъ невѣсты требовалъ непремѣнно, чтобы его зять былъ титулованъ, а женихъ принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ старинныхъ аристократическихъ фамилій, которыя никогда не желали имѣть титула. Но я рѣшилъ устроить это дѣло, и только что получаю извѣстіе, что великій герцогъ Таманскій былъ настолько добръ, что возвелъ жениха въ графское достоинство. Его Император-

ское и Королевское Высочество выказалъ при этомъ такую милость и быстроту, которыя меня глубоко тронули. Я пользуюсь отъѣздомъ Меттерниха, чтобы сообщить черезъ него это счастливое извѣстіе въ Лукку, такъ что г. Лунинъ узнаетъ объ этомъ завтра утромъ при вставаніи съ постели.

Флоренція, 26 іюля 1817 г.

...Принцесса Уэльская [1]) болѣе сумасбродна, чѣмъ когда-либо; она не даетъ покоя папѣ и кардиналу Консальви, чтобы они пожаловали Бергами Мальтійскій крестъ. Въ памятной запискѣ, которую она представила по этому поводу, она ссылается на довольно оригинальные примѣры: на Риччіо, любимца Маріи Стюартъ, и на князя Мира [2]). Нельзя было найти, ни среди живыхъ, ни среди мертвыхъ никого менѣе подходящаго!

Мнѣ сообщили нѣкоторыя любопытныя подробности о ея связи съ Бергами. Она просила генерала Пино рекомендовать ей хорошаго курьера. Онъ прислалъ ей этого человѣка, присовокупивъ, что несмотря на его умъ и храбрость, онъ считаетъ своимъ долгомъ предупредить ее, что этотъ человѣкъ два раза судился и что во второй разъ онъ его съ трудомъ спасъ отъ висѣлицы. Это, однако, не послужило препятствіемъ, и четыре небольшихъ путешествія порѣшили его счастье. При первомъ онъ былъ только курьеромъ; при второмъ онъ сидѣлъ рядомъ съ кучеромъ; при третьемъ—въ каретѣ и былъ допущенъ къ столу; а при четвертомъ онъ уже очутился въ постели [3]) — и къ тому же публично. Онъ любилъ играть на

---

[1]) Каролина принцесса Брауншвейгская (1768—1821) вышла замужъ за наслѣдника англійскаго престола, впослѣдствіи короля Георгія IV.

[2]) Князь мира — Prince de la Paix—такъ звали извѣстнаго Годой, перваго министра въ Италіи при Королѣ Карлѣ IV (1788—1808) и любимца королевы.

Прим. перев.

[3]) Тутъ подразумѣвается постель въ каретѣ, какія устраивались въ тѣ времена въ дормезахъ. *Прим. перев.*

сценѣ, и на дачѣ, гдѣ принцесса имѣетъ свое пребываніе, былъ сооруженъ театръ и была составлена труппа, въ которой приняла участіе сама Ея Королевское Высочество. Весь Миланъ и Комо получили приглашенія на это представленіе и тамъ можно было видѣть то, чего никогда никто раньше не видалъ, а именно: каждый разъ, когда являлась принцесса, въ сопровожденіи Бергами, имъ неистово рукоплескали, а всѣхъ остальныхъ освистывали съ остервенѣніемъ. Это было до того смѣшно, что въ слѣдующіе раза никто изъ знати не счелъ возможнымъ прійти, и пришлось удовольствоваться зрителями изъ простого народа.

Луккскія воды, 6 августа 1817 г.

...Хотите, чтобы я Вамъ разсказалъ анекдотъ, который меня очень развесилилъ? Вы, конечно, слыхали про принципы курфюрста Гессенскаго, который смотритъ на всѣ двадцать пять лѣтъ Революціи какъ на вещь не существующую. Онъ возстановилъ все то, что ему раньше принадлежало въ смыслѣ правъ и имуществъ и предоставилъ всякому дѣлать то же самое. При этомъ онъ нисколько не горячится, а дѣйствуетъ съ точнымъ спокойствіемъ и твердою рѣшительностью. Къ одному генералъ-лейтенанту, который достигъ этого чина не при немъ, онъ любезно обратился со словами: „Здравствуйте, господинъ капитанъ!“ Больше всего досады ему причинила отмѣна косъ въ войскахъ, и онъ приказалъ, чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ каждый опять заплелъ себѣ косу, длиною не менѣе трехъ футовъ. Такъ какъ это невозможно было исполнить, то прибѣгли къ двумъ способамъ, чтобы не ослушаться его приказанія: одни привязывали искусственную косу къ отросшимъ за это время собственнымъ волосамъ, а другіе прикрѣпляли косу къ своимъ шляпамъ. Когда недавно стояла очень жаркая погода всѣ старались прохладиться, и занимавшіе караулъ во Дворцѣ сняли свои шляпы. Вдругъ ихъ предупреждаютъ о приближеніи курфюрста; каждый хватаетъ пер-

вую попавшуюся шляпу и всѣ становятся въ рядъ, но въ замѣшательствѣ фланговый, у котораго уже была коса, взялъ шляпу, на которой была прикрѣплена другая коса, такъ что у него оказались двѣ косы. Курфюрстъ это скоро замѣтилъ. Распустивъ караулъ онъ подзываетъ къ себѣ флангового и, вынимая изъ своего кармана луидоръ, говоритъ ему со слезами на глазахъ: „Я знаю, что ты всегда мнѣ былъ преданъ, я очень доволенъ твоею вѣрною службою, но постарайся всетаки не преступать моихъ приказаній!“ Это какъ-будто сочиненная, ради потѣхи, сказка, но я могу Васъ увѣрить, что это взято изъ офиціальнаго рапорта и совершенно достовѣрно. Согласьтесь, что это новый родъ помѣшательства, который могъ появиться только у нѣмецкаго князька, или у батальоннаго адъютанта...

Лукксків воды, 9 августа 1817 г.

...У насъ здѣсь гоститъ этотъ маленькій Бартольди [1]), прусскій генеральный консулъ при всѣхъ итальянскихъ Дворахъ, что вынуждаетъ его быть въ вѣчномъ движеніи, которое онъ любитъ, какъ свой элементъ. Онъ все видитъ и все знаетъ, ко всему прислуживается и старается быть полезнымъ; словомъ, по моему мнѣнію онъ несносенъ, но люди съ положеніемъ щадятъ его на всякій случай... Это еврей изъ Берлина, который, будучи въ Римѣ, крестился, но, ради оригинальности, насмѣялся надъ Св. Коллегіей и сдѣлался реформатомъ. Объ этомъ обращеніи зашла рѣчь въ большомъ обществѣ „Что это за обращеніе:—сказалъ одинъ старикъ кардиналъ—господинъ Бартольди только перемѣнилъ комнату въ обиталищѣ дьявола“—сказалъ одинъ старикъ кардиналъ. Вы, конечно, будете очень возмущены подобнымъ изреченіемъ, моя

---

[1]) Іосифъ Соломонъ Бартольди былъ извѣстенъ въ Римѣ какъ меценатъ художниковъ. Знаменитый композиторъ Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди былъ его племянникомъ.

дорогая кузина, но потомъ вы надъ этимъ посмѣетесь, ибо въ устахъ кардинала эти слова звучатъ очень красиво!

Флоренція, 2 сентября 1817 г.

...Я не знаю, что дѣлаетъ мой братъ. Его обошли при назначеніи на мѣсто оберъ-гофмаршала къ великому скандалу всей Россіи... Ваши свѣдѣнія о свадьбѣ Луниныхъ совершенно невѣрны. Господинъ Риччи, благодаря мнѣ, уже графъ и камергеръ Австрійскаго императора и ему это ничего не стоило. Я жду его сегодня изъ Рима съ надлежащими разрѣшеніями церковныхъ властей. Генералъ Хитрово исчислилъ мнѣ сегодня все, что я сдѣлалъ для русскихъ за время моего пребыванія здѣсь, и я самъ этому удивился.

Празднества въ Ливорно [1]).

...Слѣдующій день былъ кануномъ нашего отъѣзда изъ Ливорно и мы рѣшили, что послѣ посѣщенія г-жи д'Альбани, я вечеромъ у графини Аппони встрѣчусь съ Меттернихомъ Всѣ были въ восторгѣ, что предстоитъ моментъ отдыха, и великій герцогъ не могъ воздержаться, чтобы не сказать, потирая себѣ руки: „Наконецъ-то завтра все будетъ сказано и сдѣлано и не придется такъ скоро увидѣть другъ друга".

Отъ г-жи Аппони я узналъ, что Его Императорское Величество дѣйствительно на другой день уѣдетъ, но что другіе Дворы еще останутся одинъ день и что я, такимъ образомъ, побуду еще сутки на берегу Средиземнаго моря. Мы мирно разговаривали вдвоемъ, какъ вдругъ докладываютъ о приходѣ человѣка, имѣющаго мнѣ что-то передать отъ имени Бразильской принцессы. „А! это вѣрно шутка нашего дорогого князя,—сказалъ я,—вы позволите его впустить, графиня"? Въ комнату входитъ господинъ, одѣтый въ черный костюмъ со шпагой, имѣющій видъ камерфурьера и обращается ко мнѣ со словами: „Ея Императорское и Королевское Высочество не хочетъ покинуть Европу, не познакомившись раньше съ такимъ извѣстнымъ своими достоинствами лицомъ, какъ Ваше Сіятельство, и проситъ васъ пожаловать завтра въ десять ча-

---

[1]) Прежде чѣмъ покинуть Флоренцію, графъ Феодоръ, по приглашенію князя Меттерниха, отправился въ Ливорно, чтобы присутствовать тамъ на празднествахъ, устроенныхъ по поводу бракосочетанія донъ Педро, наслѣднаго принца Бразиліи съ Леопольдиной Эрцгерцогиней Австрійской (1817 г.).

совъ утра на палубу корабля „Жуанъ VI“, куда маркизъ Маріальва будетъ имѣть честь васъ проводить“.

— „Но знаете ли вы, съ кѣмъ вы говорите“?—спросилъ я удивленно. — „Съ Его Сіятельствомъ графомъ Головкинымъ, бывшимъ россійскимъ посланникомъ въ Неаполѣ“.—„Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, я прошу васъ повергнуть къ стопамъ Ея Императорскаго и Королевскаго Высочества мой отвѣтъ, что я не премину явиться завтра въ десять часовъ“. Я не могъ удержаться отъ хохота, но графиня Аппони не смѣялась. Меттернихъ казался ей слишкомъ сдержаннымъ и дипломатичнымъ, чтобы впутать имя эрцгерцогини въ такую шутку. Тѣмъ временемъ подошелъ ея мужъ, и мы просили его разрѣшить наше недоумѣніе. Онъ присоединился къ своей женѣ.

Мы еще спорили объ этомъ, какъ доложили о приходѣ комердинера эрцгерцогини Маріи Луизы [1]): „Ея Императорское Величество, узнавъ, что Ваше Сіятельство завтра пожалуетъ на палубу судна португальской эскадры, и желая раздѣлить съ Бразильской принцессой удовольствіе вашего знакомства, сами желаютъ васъ проводить туда и будутъ ждать Ваше Сіятельство въ своихъ покояхъ ровно въ девять часовъ утра“.—„Но знаете ли вы съ кѣмъ вы говорите“?—повторилъ я ему свой вопросъ и получилъ тотъ же отвѣтъ. Дѣло принимало трагическій оборотъ. Я какъ-то неловко сдѣлалъ большой реверансъ и просилъ доложить Ея Величеству, что я повинуюсь ея приказанію, а затѣмъ опустился въ кресло. „А что!“ поддразнивала меня графиня Аппони. „Ну что же!“—замѣтилъ графъ, поглядывая на меня съ любопытствомъ, ибо онъ съ трудомъ привыкалъ видѣть меня на почвѣ, которую онъ считалъ своею, находя что онъ дѣлаетъ мнѣ много чести, что вообще замѣчаетъ меня; а тутъ я оказался стоящимъ такъ высоко надъ нимъ и надъ всѣми другими! Я ничего не отвѣ-

[1]) Бывшей императрицы и супруги Наполеона I.

чалъ и углубился въ мысль объ этомъ досадномъ приключеніи, все еще надѣясь какимъ-нибудь способомъ отдѣлаться отъ него, какъ въ комнату вошелъ князь Меттернихъ.

Къ счастью, онъ пришелъ одинъ, ибо между нами произошла очень бурная сцена. Я жаловался на то, что онъ злоупотребляетъ относительно меня своимъ положеніемъ и обстоятельствами, и настаивалъ на томъ, что я никому не далъ права распоряжаться моей свободой, даже самому государю; я напомнилъ ему также, что у меня съ собою нѣтъ другой одежды, кромѣ той, что на мнѣ. „Эрцгерцогинямъ все это извѣстно, но онѣ все-таки желаютъ васъ видѣть, чтобы съ вами познакомиться и побесѣдовать“. — „Я не принадлежу къ такимъ людямъ, съ которыми можно себѣ позволить играть комедію—продолжалъ я протестовать.—Если я бываю любезенъ, то для своихъ друзей, а не для принцессъ, которыхъ я, конечно, глубоко уважаю, но которыя, вѣроятно, и не подумали бы обо мнѣ, если бы онѣ знали что дѣлать со своимъ временемъ“.—„Говорите, что хотите,—отвѣтилъ Меттернихъ,—но я полагалъ, что имѣю право отвѣчать за васъ, какъ за своего друга, и вы, надѣюсь, не поставите меня въ неловкое положеніе, ибо такой отказъ не переносятъ даже отъ родного брата!“ И онъ вмѣстѣ съ Аппони, который разыгрывалъ возмущеннаго, сталъ мнѣ восхвалять чрезвычайное значеніе лестнаго отличія, выпавшаго на мою долю. Они старались выставить безпримѣрную милость, заключающуюся именно въ томъ, что меня приводило въ бѣшенство. Наконецъ, я схватилъ свою шляпу и выбѣжалъ.

Но утро мудренѣе вечера, и за ночь я передумалъ. Безсонница дала мнѣ время сообразить, что мнѣ придется видѣть много интереснаго и это я все увижу лучше чѣмъ кто-либо другой; а что если при этомъ выйдутъ неловкости, то онѣ отразятся на самомъ Меттернихѣ или на эрцгерцогиняхъ; поэтому я рѣшилъ, что самое умное—предоставить этому дѣлу свой ходъ. Я приказалъ моему камердинеру почи-

стить мой жалкій костюмъ, состоявшій изъ фрака, сѣрой шляпы и легкихъ нанковыхъ панталонъ, и ровно въ девять часовъ явился во дворецъ Ея Императорскаго Величества, прося доложить обо мнѣ оберъ-гофмейстеру императрицы графу Нейппергу. Эрцгерцогиня тотчасъ же вышла сама въ сопровожденіи князя Меттерниха, привѣтствовала меня нѣсколькими лестными словами, и мы сквозь громадную толпу народа поѣхали въ портъ. Тамъ насъ ждала большая гондола, бѣлая съ бронзовыми украшеніями, съ возвышающимся посреди шатромъ изъ малиновой камки, надъ которымъ развивался большой тосканскій флагъ, съ матросами, одѣтыми въ ярко красный цвѣтъ съ золотыми галунами. Ее Императорское Высочество вошла въ гондолу съ графиней Капріани, ея статсъ-дамой, графомъ Нейппергомъ, княземъ Меттернихомъ и мною.

Когда мы вышли изъ порта, море оказалось очень бурнымъ. Ея Величество поблѣднѣли, и это мнѣ тоже дало возможность обнаружить, что я чувствую себя скверно. Мнѣ всегда казалось, что самая страшная смерть — утонуть, и такое волненіе, какъ то которое намъ тогда пришлось испытать, было для меня несноснымъ. Въ одинъ моментъ, когда вѣтеръ еще усилился, Марія Луиза мнѣ сказала: „Старайтесь разсѣяться, а главное не смотрите на море. Дѣлайте какъ я, восхищайтесь прекрасно навакшенными сапогами князя“.

„Ваше Величество, мои глаза заняты только однимъ предметомъ, и стихія, на которой мы находимся, даже не доходитъ до моего сознанія. Если бы намъ грозила хотя бы малѣйшая опасность я зналъ бы чѣмъ заняться, помимо сапогъ“. Мои слова произвели хорошее впечатлѣніе. Она не даромъ была во Франціи и отлично знала, что оттѣнокъ волокитства не мѣшаетъ почтительности.

Намъ пришлось проплыть три мили, пока мы добрались до эскадры; вѣтеръ не только былъ очень силенъ, но дулъ намъ навстрѣчу, такъ что переѣздъ былъ продолжителенъ и труденъ. Причаливаніе къ „Жуану VI“ оказалось по истинѣ ужас-

нымъ. Гондола то находилась на воздухѣ, а корабль погружался въ пропасть; то эта пропасть разверзалась передъ нею, и корабль уходилъ туда вмѣстѣ съ нею. Когда мы собирались броситься къ трапу, насъ удерживали матросы; и когда мы въ слѣдующій моментъ хотѣли выжидать болѣе благопріятнаго случая, насъ заставляли выходить, однимъ словомъ, я не могу себѣ представить и не припомню всѣхъ этихъ переходовъ съ одного судна на другое, которое мнѣ пришлось пережить въ этотъ день. Бразильская принцесса встрѣтила императрицу на верхной площадкѣ трапа. Я замѣтилъ, что мое присутствіе сильно отвлекаетъ Дворъ отъ установленнаго церемоніала. Испанцы и португальцы еще не пріучились терпѣть, чтобы къ ихъ принцамъ относились съ неуваженіемъ. Но князь Меттернихъ, который, благодаря своему положенію, привыкъ не стѣсняться ничѣмъ, взялъ меня за руку и представилъ меня принцессѣ передъ фронтомъ гвардіи, которая въ это время била походъ и производила, вмѣстѣ съ музыкой, поставленной на кормѣ, ужаснѣйшій шумъ. Онъ привелъ дикаря и это для него было своего рода торжество; но португальскій оберъ-гофмейстеръ, который хорошо зналъ свое дѣло, сказалъ очень громко: „Я надѣюсь, что князь Меттернихъ сдѣлаетъ мнѣ честь сказать мнѣ, кто этотъ иностранецъ, котораго онъ представляетъ Ея Императорскому и Королевскому Высочеству“. Князь, нисколько не смущаясь, отвѣтилъ такъ же громко: „Это русскій вельможа, мой попутчикъ, мой гость, и я желалъ, чтобы Ея Императорское и Королевское Высочество съ нимъ познакомилась, прежде чѣмъ разстаться съ Европой“. Когда же принцессы отошли, онъ меня представилъ ему, извиняясь нѣсколькими словами въ видѣ объясненія.

Этотъ оберъ-гофмейстеръ—графъ Кастель-Мельоръ, внукъ того, который употребилъ, въ качествѣ фаворита, во зло сумасшествіе короля Альфонса; это очень важный баринъ, котораго въ своихъ помѣстьяхъ засталъ ордеръ изъ Ріо де-

Peint par Angelique Kauffman.

Княгиня Екатерина Петровна Барятинская. 1750–1811.
съ семействомъ

La Princesse Catherine Petrowna Bariatinsky. 1750–1811.
avec sa famille

Жанейро сопровождать эрцгерцогиню въ Бразилію, что заставило его немедленно сѣсть на корабль вмѣстѣ съ женою, произведенною въ статсъ-дамы принцессы, довольно хорошенькою, но вѣчно заплаканною, пятью маленькими вѣчно больными дѣтьми и прислугою, состоящею изъ сорока человѣкъ. Оберъшталмейстеръ, маркизъ Пенафьель, высокій мужчина съ довольно красивымъ лицомъ, что рѣдко встрѣчается среди вельможъ его страны, получилъ приказаніе показать мнѣ каюты принцессы, куда, строго говоря, ни одинъ иностранецъ не имѣетъ доступа; но на морѣ—много вольностей, а мое ничтожество имѣло свои преимущества. Я никогда не видѣлъ ничего болѣе изящнаго. У входа, вмѣсто дверей, опускалась тяжелая бархатная портьера малиноваго цвѣта съ вышитыми на ней португальскими гербами. Гостиная была изъ индійской кисеи, вышитой золотомъ на голубомъ фонѣ; вдоль стѣнъ стояли диваны, покрытые такою же матеріею. Направо, надъ клавикордами, висѣлъ портретъ Бразильскаго принца въ натуральную величину, представляющій его въ видѣ очень красиваго, но плохо нарисованнаго мужчины; налѣво была размѣщена избранная библіотека, которую Маріальва выписалъ изъ Парижа. Съ той же стороны была дверь, ведущая въ спальню, обитую кисеей, вышитой серебромъ на розовомъ фонѣ. Кровать, стоящая посреди комнаты, напоминала большую золотую колыбель; въ тихую погоду она покоилась на бронзовыхъ ногахъ, а въ бурную — подвѣшивалась на золотыхъ канатахъ: она была покрыта драгоцѣннѣйшими кружевами, какія только существуютъ. Золотой туалетъ превосходнѣйшей работы украшалъ глубину этой каюты. Другая каюта, по ту сторону гостиной, служила гардеробомъ, и мнѣ ее показали только издали. По сю сторону гостиной находилась столовая, освѣщаемая сверху и очень красиво разукрашенная арабесками.

Когда я на все насмотрѣлся и всѣмъ восхитился, оберъшталмейстеръ подвелъ меня къ Ея Императорскому и Королевскому Высочеству, чтобы я могъ поблагодарить ее за ту

исключительную милость, которой я удостоился. Она съ императрицей сидѣла на палубѣ, на возвышенности—въ родѣ эстрады—вокругъ которой размѣстились придворные. На эту эстраду надо было мнѣ при всѣхъ подняться. Такъ какъ корабль сильно покачивало, что придавало неувѣренность моему шагу и придавало моему костюму еще больше оригинальности, я воспользовался общимъ пораженіемъ, чтобы сказать принцессѣ, какъ только я очутился на послѣдней ступенькѣ, что мнѣ пришла въ голову одна мысль, которая, въ связи съ приказаніемъ, полученнымъ мною отъ Ея Высочества, успокоила меня насчетъ неблагопристойности, въ ея присутствіи, моего костюма и моей сѣрой шляпы. „А что именно?"—спросила она. „Португальцы подумаютъ, что я назначенъ сопровождать Васъ въ Бразилію и привезти туда одно изъ вашихъ благодѣяній—вѣтряныя мельницы". Это всѣмъ показалось очень весело и въ то же время очень почтительно, а адмиралъ такъ расхохотался, что всѣ лица его земляковъ прояснились. Принцессы, которымъ только и хотѣлось поболтать, были очень довольны, и такъ какъ я видѣлъ, что разговоръ затянулся на долго и что мнѣ не придется сѣсть, я просилъ разрѣшенія опереться о мачту, около которой возвышалась эстрада. Я увѣренъ, что я издали походилъ на Іосифа, истолковывающаго фараону его сны.

По этому поводу я скажу пару словъ о внѣшности эрцгерцогини. Императрица Марія Луиза довольно высокаго роста, хорошо сложена, блондинка, но цвѣтъ ея лица не такой бѣлый, какъ послѣ ея пріѣзда во Францію; она изящно одѣта, обладаетъ пріятными и граціозными манерами и представляетъ изъ себя скорѣе хорошенькую женщину, чѣмъ великую государыню. Ея сестра [1])—гораздо меньшаго роста, полнѣе, съ болѣе короткой шеей и очень свѣтлыми волосами, но прелест-

---

[1]) См. по поводу эрцгерцогини Леопольдины:

„Воспоминанія баронессы дю-Монтэ", глава объ Императрицѣ Бразильской (Парижъ, Плонъ).

нымъ цвѣтомъ лица; она говоритъ обдуманно, движенія ея исполнены достоинства и болѣе соотвѣтствуютъ представленію о женщинѣ, которой суждено занять тронъ. Трудно себѣ представить тѣ крайности этикета, которымъ она должна подвергать себя, вслѣдствіе ея брака съ бразильскимъ принцемъ, тогда какъ она у императора, своего отца, привыкла къ патріархальнымъ и буржуазнымъ манерамъ! Она можетъ обѣдать только съ равными себѣ и ей прислуживаютъ не иначе, какъ на колѣняхъ!

Въ тотъ день императрица обѣдала на кораблѣ. Духовникъ и докторъ стояли напротивъ принцессъ, а за ихъ креслами размѣщались лица, имѣвшія ходъ ко Двору. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ стоялъ графъ Кастель-Мельоръ, имѣя передъ собой маленькій столикъ, на который ставили блюда. Онъ накладывалъ ихъ на тарелки и затѣмъ подавалъ ихъ принцессамъ, опускаясь передъ ними на одно колѣно. Наканунѣ вышло недоразумѣніе; графъ Нейппергъ отказался отъ колѣнопреклоненія, какъ несогласнаго съ австрійскимъ и пармскимъ придворнымъ этикетомъ, и португальскій оберъ-гофмейстеръ вслѣдствіе этого передалъ одному изъ лакеевъ тарелку, предназначенную для императрицы, что уже было совсѣмъ неприлично. Князь Меттернихъ посовѣтовалъ обратиться за разъясненіемъ этихъ вопросовъ ко мнѣ, придавая моему мнѣнію рѣшающее значеніе. Я испросилъ на это приказаніе императрицы и призналъ Нейпперга неправымъ на томъ основаніи, что сущность высокой придворной должности заключается въ томъ, чтобы предупредить всякое умаленіе достоинства государя; а такъ какъ Нейппергъ продолжалъ упорствовать, я рѣшилъ, что графъ Кастель-Мельоръ будетъ прислуживать, на манеръ своей страны, только своей принцессѣ, и что послѣдняя каждый разъ сама будетъ передавать императрицѣ, какъ особѣ коронованной, первую тарелку, которую ей подадутъ и оставитъ себѣ вторую. Этимъ моимъ рѣшеніемъ много восхищались, но португальскій оберъ-гофмейстеръ счелъ вдругъ

нужнымъ проявить свое усердіе и объявилъ, что онъ самъ будетъ прислуживать, какъ Ея Величеству, такъ и Ея Императорскому Высочеству, что мнѣ показалось хорошимъ урокомъ для пармскаго оберъ-гофмейстера.

По окончаніи обѣда, бразильская принцесса разсказала мнѣ по этому поводу весьма любопытныя вещи. Наканунѣ вечеромъ ей вдругъ сильно захотѣлось пить. Графинъ съ водою находился въ ея гостиной, но она не смѣла до него дотронуться, а кромѣ оберъ-гофмейстера никто не имѣлъ права подать ей воду. Въ это время оберъ-гофмейстеръ, сильно измученный, какъ разъ заснулъ, и принцесса не хотѣла нарушать его сна, что ее заставило переносить въ теченіе трехъ часовъ мученія жажды. Въ тотъ же день она, желая быть любезной, стала разговаривать съ придворными дамами, которыхъ прислали къ ней навстрѣчу, но оберъ-гофмейстеръ подошелъ къ ней и сказалъ: „Ваше Императорское и Королевское Высочество можете лишь одинъ разъ въ день говорить съ г-жей Кастель-Мельоръ, вашей статсъ-дамой, а къ другимъ можете обращаться только во время аудіенціи или по какому-нибудь дѣлу. Это вызвало объясненіе, при чемъ оказалось, что для того, чтобы воспользоваться обществомъ графинь Кюнбургъ, Лодронъ и Зарентгеймъ, которыя изъ чувства привязанности сопровождали принцессу въ Бразилію, имъ надо предоставить входъ наравнѣ съ камеристками или камерфрау. Мнѣ почудилось, что я переживаю времена Фердинанда и Изабеллы. Какая разница между почестями, по установленному самимъ королемъ регламенту, и милостями, которыя принцесса въ правѣ оказать только низшимъ чинамъ! а между тѣмъ она не можетъ измѣнить этого этикета, и для того, чтобы оказать милость дамамъ высшаго ранга, ей приходится приравнять ихъ къ прислугѣ, имѣющей право входа только благодаря гардеробу. Это хотя и противорѣчитъ здравому смыслу, но, надо полагать, входитъ въ искусство царствовать.

Столь неудобное величіе все же имѣетъ тоже свои хоро-

шія стороны. На другой день послѣ посадки на корабль оберъ-гофмейстеръ испросилъ у принцессы спеціальную аудіенцію и, опустившись на одно колѣно, передалъ ей одинъ ключъ со словами: „Король, мой повелитель, приказалъ мнѣ передать этотъ ключъ Вашему Императорскому и Королевскому Высочеству. Если бы вамъ случайно понравилась какая-нибудь вещь, не предусмотрѣнная заботами вашихъ вѣрныхъ подданныхъ, вы найдете въ ларцѣ, подъ туалетомъ, то, что дастъ вамъ возможность удовлетворить ваши желанія“. Приложенный къ ключу реестръ, который она показала Меттерниху, пояснилъ ей, что въ этомъ ларцѣ находились двѣсти тысячъ луидоровъ, что составляетъ около пяти милліоновъ франковъ. Я вспомнилъ, что обратилъ вниманіе на этотъ ларецъ, весь покрытый стальными обручами.

Императрица, старавшаяся, видимо, оказать мнѣ, изъ любезности къ моему знаменитому другу, свое вниманіе, сказала вдругъ въ присутствіи принцессы и всего Двора: „Хватило ли бы у васъ смѣлости проводить мою сестру въ Америку?“

— „Ахъ, Ваше Величество!“ — „Отвѣчайте прямо!“—„Я никогда не позволилъ бы себѣ любить ее настолько!“

Тѣмъ временемъ принцессы удалились съ Меттернихомъ въ внутренніе покои, чтобы проститься съ нимъ, такъ какъ онъ собирался ѣхать, и я воспользовался этимъ моментомъ, чтобы осмотрѣть корабль и сравнить его съ судами другихъ націй; но тутъ меня ждало большое разочарованіе. Такъ какъ вспыхнувшія въ Бразиліи смуты вызвали необходимость послать туда войска на тѣхъ транспортныхъ судахъ, которыя первоначально были предназначены для поѣздки принцессы, то пришлось собрать на „Жуанѣ VI“ и на „Сенъ-Себастіанѣ“, на которомъ за принцессой слѣдовалъ австрійскій посолъ, графъ Эльтцъ съ своею свитою, все то, что было необходимо для столь продолжительнаго путешествія. Первый изъ этихъ кораблей былъ раздѣленъ на три части. Корма была разукра-

шена такимъ образомъ, чтобы ласкать чувства высочайшей путешественницы; она была вся покрыта прелестнѣйшими цвѣтами; множество пѣвчихъ птицъ были спрятаны въ зелени; куреніе благовонными эссенціями Стараго и Новаго Свѣта наполняло воздухъ благоуханіемъ. Зато остальныя двѣ трети корабля представляли изъ себя живой образъ Ноева ковчега и содержались до крайности грязно, распространяя отвратительный запахъ. Тамъ было слышно мычаніе коровъ, хрюканье свиней и блеяніе овецъ, а восемь тысячъ куръ и четыре тысячи голубей одновременно кудахтали и ворковали о потерѣ своей свободы. Я никогда въ жизни не видалъ и не нюхалъ ничего подобнаго, и если съ одной стороны корма „Жуана VI“ осталась въ моей памяти какъ чудный сонъ, то носъ этого корабля запечатлѣлся въ ней какъ ужасающая помойная яма.

Наконецъ, въ два часа мы распростились съ этимъ храмомъ и этою конюшнею.

Анекдоты.

Императрица Марія Терезія очень строго относилась къ самой себѣ и не менѣе строго слѣдила за эрцгерцогинями, своими дочерьми. Она была очень скандализована тѣмъ, что принцъ Людовикъ Виртембергскій, очень красивый и любезный мужчина, но младшій членъ дома, который въ ея глазахъ занималъ второстепенное мѣсто, осмѣлился поднять свои взоры къ принцессѣ Христинѣ, впослѣдствіи герцогини Саксенъ-Тешенской. Узнавъ, что онъ, во время представленія въ театрѣ, позволилъ себя даже опустить записку въ открытый ридикюль Ея Высочества, она въ своемъ возмущеніи послала за оберъ-гофмейстеромъ графомъ Ульфельдомъ.

— Знаете ли вы, что произошло между Христиной и Людовикомъ Виртембергскимъ?

— Нѣтъ, Ваше Величество.

— Вы не повѣрите такой дерзости съ его стороны.

— Неужели Ея Королевское Высочество?..

— А что вы думаете?

— Забеременѣла?

Пощечина отрѣзала дальнѣйшія слова, и эта государыня, всегда сдержанная и преисполненная достоинства, прогнала его изъ своей комнаты. Этотъ эпизодъ мнѣ разсказала королева Неаполитанская, дочь Маріи Терезіи.

Главные чиновники австрійскаго министерства не всегда выбирались изъ числа наиболѣе образованныхъ. Въ началѣ 1800 г. Тріестскому губернатору было предписано отправить

корветъ. Вслѣдъ за тѣмъ губернаторъ донесъ, что корветъ готовъ къ отплытію, но что „сирокко“ [1]) этому препятствуетъ. На это послѣдовало подтвержденіе приказа немедленно отправить корветъ. Второе донесеніе губернатора—„сирокко проявляетъ такое упорство, что нѣтъ возможности исполнить приказаніе“. Тогда въ Тріестъ былъ отправленъ приказъ, безъ всякаго замедленія и на законномъ основаніи предать „сирокко“ суду, какъ бунтовщика, а постановленное по всей строгости военныхъ законовъ рѣшеніе суда представить на утвержденіе Его Императорскаго Величества.

Въ то же время въ Тріестѣ было получено запрещеніе вывоза хлѣбныхъ злаковъ, тѣмъ болѣе разорительное, что наступалъ ноябрь мѣсяцъ, т.-е. время, когда обыкновенно приступаютъ къ исполненію совершенныхъ раньше сдѣлокъ. На посланное по этому поводу мѣстною экспортною фирмою Гагенауеръ настоятельное и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное представленіе на счетъ грозящей отъ такой мѣры опасности, Вѣнская канцелярія, въ концѣ длиннаго и дурацки мотивированнаго отказа, прибавила слѣдующую замѣчательную фразу: „что, впрочемъ, отмѣна запрещенія все равно ничему не поможетъ, такъ какъ приближается время, когда покрывающій Адріатическое море ледъ препятствуетъ всякому судоходству“. Какъ этотъ анекдотъ, такъ и слѣдующій я слышалъ отъ человѣка, достойнаго довѣрія и служившаго въ то время въ Тріестскихъ канцеляріяхъ.

***

Когда князь Талейранъ возвратился изъ Польши, гдѣ Бонапартъ заставилъ его нѣкоторое время управлять страной, герцогиня Люинъ пожелала имѣть понятіе о характерѣ поляковъ. „Это люди, у которыхъ всегда на готовѣ плошки и которые довольны, когда имъ позволяютъ ихъ зажигать каждый

---

[1]) Сильный юго-восточный вѣтеръ, свирѣпствующій въ Средиземномъ и Адріатическомъ моряхъ.

вечеръ, въ чью бы ни было честь". Это на первый взглядъ столь поверхностное опредѣленіе заключаетъ въ себѣ глубокій смыслъ.

Маршалъ Бриссакъ, столь извѣстный своими рыцарскими добродѣтелями, а также стариннымъ покроемъ своего костюма и оригинальностью своихъ изреченій, провожая однажды графиню Потоцкую [1]) до кареты, сказалъ ей слѣдующее: „Сударыня, Ваша красота напоминаетъ Клеопатру и сдѣлала изъ меня Марка-Антонія" [2]).

Та же графиня Потоцкая, урожденная графиня Минзехъ, часто бывала у польскаго короля, который прощалъ ей многое за ея остроты. Однажды, когда онъ хотѣлъ ей сказать какую-то очень пикантную фразу, желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, смягчить ея колкость, онъ началъ ее словами: „Моя кузина...„—" Ваше Величество удостоиваете меня слишкомъ большой чести, но между царемъ Давидомъ и семействомъ Минзехъ никогда не было родства"—прервала графиня короля. Чтобы понять дерзость этого замѣчанія, надо знать, что Понятовскимъ многіе приписывали еврейское происхожденіе. Другой разъ, когда она, во время великаго поста, вмѣстѣ съ дипломатическимъ

---

[1]) Графиня Потоцкая, (урожденная графиня Минзехъ 1752—1798), была извѣстна своими остроумными разговорами, въ которыхъ она не всегда солбюдала должную мѣру приличія. Въ своей странѣ она принадлежала къ русской партіи, поэтому пользовалась милостью Екатерины II. Изъ ея многочисленныхъ дѣтей „произведеній лѣтъ и досуга" какъ она выразилась передъ Головкинымъ, нѣкоторые вступили въ брачные союзы съ знаменитыми русскими родами. Ея дочь Викторина вышла замужъ за графа Октавія Шуазель-Гуффье, пера Франціи. Когда она въ 1798 г. скончалась, ея мужъ, графъ Феликсъ Станиславъ Потоцкій (1752—1805) скоро утѣшился, женившись на „прекрасной Фанаріоткѣ" (г-жѣ де Виттъ, см. выше статью о ней

[2]) Непереводимый на русскій языкъ французскій каламбуръ: „Vos beautés cléopatriques m'ont marc—antonifié.

Прим. перев.

корпусомъ обѣдала у этого бѣднаго короля, она воспользовалась моментомъ всеобщаго молчанія, чтобы сказать своимъ пѣвучимъ голосомъ: „Мнѣ кажется, что я нахожусь въ Римѣ, въ великую пятницу“—“Отчего?“—спросилъ король. „Оттого что я какъ-будто вижу передъ собою пословъ великихъ державъ и поклоненіе гробу Господню“.

Престарѣлая графиня Панина, мать первыхъ представителей этого имени, пріобрѣтшаго благодаря имъ извѣстность—воспитателя и министра Павла I и его брата, генерала—всегда говорила, что она знаетъ только одну молитву: „Господи! отними все у всѣхъ и дай все моимъ сыновьямъ!“

Въ то время, когда мелодрама „Сорока-воровка“ имѣла большой успѣхъ, много говорили о г-жѣ Сталь и о ея пылкихъ рѣчахъ, повторяемыхъ во всѣхъ гостиныхъ. „Это сорока-бунтовщица“—сказалъ про нея графъ Растопчинъ, слишкомъ знаменитый Московскій генералъ-губернаторъ.

Ньютону было предписано его врачемъ Мидомъ совершать ежедневно въ теченіе двухъ часовъ прогулки верхомъ. Однажды утромъ онъ проѣзжалъ мимо человѣка, сторожившаго коровъ. Пастухъ посовѣтовалъ ему не затягивать слишкомъ долго свою прогулку, такъ какъ его могла бы захватить непогода. Между тѣмъ погода стояла прекрасная. Ньютонъ посмотрѣлъ на небо и, не замѣтивъ на немъ ни одной тучки, подумалъ, что этотъ человѣкъ не въ своемъ умѣ, и продолжалъ свой путь. Полчаса спустя небо вдругъ покрылось тучами и разразился ливень. Всякій другой постарался бы гдѣнибудь укрыться, но Ньютонъ пустилъ лошадь въ галопъ, чтобы разыскать пастуха. Онъ засталъ его прижавшимся къ

дереву и просилъ его сказать по какому признаку онъ могъ предсказать такую дурную погоду. „Ахъ баринъ, да это совсѣмъ не трудно. Каждый разъ, когда предстоитъ перемѣна погоды къ худшему, мои коровы не перестаютъ тереться задомъ о дерево“. Ньютонъ, немного изумленный, вернулся домой и сказалъ Миду: „стоитъ ли въ теченіе пятидесяти лѣтъ заниматься изученіемъ неба, чтобы въ концѣ-концовъ найти настоящій барометръ въ такомъ мѣстѣ!“

Маркизъ Веранъ, прибывшій въ Петербургъ слишкомъ поздно, чтобы представиться въ аудіенціи еще до великолѣпнаго празднества, устраиваемаго въ Петергофѣ, получилъ разрѣшеніе присутствовать на немъ инкогнито; представленіе же императрицѣ было назначено на слѣдующій день. Но послѣ того, какъ онъ увидалъ эти сады, эти фонтаны, этотъ иллюминованный флотъ, эту игру государыни въ макао, гдѣ ставили только одни бриліанты, словомъ, все величіе и могущество, окружающія эту волшебницу, онъ во время аудіенціи потерялъ нить своей рѣчи. „Король, мой государь, поручилъ мнѣ...“—началъ онъ въ третій разъ. „Я знаю—подхватила императрица—онъ поручилъ вамъ сказать, что онъ преисполненъ дружбою ко мнѣ, и я вамъ на это скажу, милостивый государь, что я очень рада, что онъ именно вамъ далъ это порученіе“—и этимъ все было сказано.

Графъ Водрёль, эмигрантъ, лишившись всего, женился въ Англіи на своей племянницѣ, дочери маркиза Водрёль. Она была очень хорошенькая, очень пылкаго нрава и чрезвычайно нравилась герцогу Бурбонскому. Какъ у большинства женщинъ, выходящихъ замужъ, у нея былъ сынъ, который сталъ такимъ красавцемъ, что всѣ имъ восхищались, а мать любила его до безумія. Однажды, когда она его держала за руку и

замѣтила, что одна дама съ восхищеніемъ на него глядѣла, она ей сказала: „Сознайтесь, что онъ красивъ!"—„Ахъ, сударыня,—отвѣтила та,—вѣдь это лиліи и розы!" [1]).

На коронаціи Александра I можно было видѣть представителей всѣхъ государствъ и соучастниковъ всѣхъ революцій. Французская полиція въ Вѣнѣ перехватила письмо г-жи де Ноасевиль, эмигрантки, оставшейся въ Россіи, къ графу О'Доннелль, камергеру Австрійскаго императора. Въ этомъ письмѣ между прочимъ находилась очень смѣлая фраза, достойная Тацита, которую Тюлерійскій кабинетъ пустилъ въ обращеніе:

„Я видѣлъ, какъ этотъ молодой государь шелъ въ соборъ, предшествуемый убійцами своего дѣда, окруженный убійцами своего отца и сопровождаемый, по всей вѣроятности, своими собственными убійцами".

Графъ Эстергази, уполномоченный французскихъ принцевъ въ Россіи, представлялъ изъ себя не что иное, какъ корыстолюбиваго царедворца. Онъ выписалъ туда свою жену и дѣтей. Старшій сынъ Валентинъ [2]) былъ спеціально выученъ попрошайничать, и милость, которой онъ удостоился, провожать императрицу во время ея прогулокъ, очень способствовала осуществленію этой части его воспитанія. Однажды, когда онъ находился въ непосредственной близости Ея Величества, онъ громко п...... Всѣ придворные опустили глаза, а императрица сказала спокойно: „Вотъ его первый экспромтъ!"

---

[1]) Намекъ на три лиліи въ гербѣ Бурбоновъ и розу въ гербѣ графовъ Водрель.

[2]) Графъ Валентинъ Эстергази (1787—1838). Его сынъ Валентинъ (родившійся въ 1814 г.) былъ въ серединѣ послѣдняго столѣтія австрійскимъ посломъ; его братъ Владиславъ унаслѣдовалъ Волынскія имѣнія, которыя Екатерина II подарила его отцу, и принялъ русское подданство.

Ермоловъ [1]),—единственный фаворитъ Екатерины, который не былъ удаленъ за дурное поведеніе, отличался зато такою непозволительною глупостью, что не было никакой возможности терпѣть его въ такомъ привилегированномъ положеніи. Графъ Чернышевъ, морской министръ и большой интриганъ, взявшій этого молодого человѣка подъ свое покровительство, очень не любилъ, когда о немъ дурно говорили. По этому поводу онъ имѣлъ крупное объясненіе съ кѣмъ-то, кто, желая его успокоить, сказалъ: „Вы по справедливости все-таки должны признать, что Ермоловъ не изобрѣлъ пороха“.— „Нѣтъ, онъ его не изобрѣлъ, — отвѣтилъ Чернышевъ, — но нельзя же его обвинять и въ томъ, что онъ утерялъ секретъ этого изобрѣтенія“.

Г-жа Сталь, которая не могла привыкнуть къ мысли, что ей запрещенъ въѣздъ въ Парижъ, казавшійся ей единственной достойной для нея сценой, обратилась къ своему старому пріятелю и сообщнику по революціи, Люсьену Бонапарту, чтобы снять съ нея этотъ запретъ. Это было не легко, и они рѣшили на первыхъ порахъ ограничиться разрѣшеніемъ явиться ко Двору въ Миланѣ. Когда они этого добились, было рѣшено, что Люсьенъ проводитъ г-жу Сталь ко Двору, что они останутся вмѣстѣ и что Наполеонъ подойдетъ къ нимъ. Г-жа Сталь провела два дня и двѣ ночи,—я эти подробности знаю

[1]) Царедворцы въ своихъ колкостяхъ обыкновенно прицѣливаются къ людямъ болѣе достойнымъ и серьезнымъ, чѣмъ они сами. Среди фаворитовъ Екатерины П Ермоловъ былъ единственный, старавшійся просвѣтитьсебя. Тальбигъ, несомнѣнно, очень строгій судья, въ своемъ сочиненіи: „Russische Günstlinge“ не перестаетъ хвалить его за его прекрасныя качества и, въ особенности выставляетъ его стремленіе къ умственному развитію. Долгоруковъ говоритъ, что „онъ поселился въ Австріи и умеръ въ 1836 г. 82-хъ лѣтъ отъ роду, въ своемъ помѣстьѣ Фросдорфѣ, ставшемъ впослѣдствіи извѣстнымъ какъ резиденція графа Шамбора.

отъ нея самой,—чтобы приготовить отвѣты на всѣ возможные случаи. Наконецъ, пробилъ часъ пріема, и она стала такимъ образомъ, чтобы обратить на себя взоры короля Италіи. Къ несчастью она, какъ всегда, была довольно смѣшно одѣта и то, что слѣдуетъ скрыть, выступало у нея еще больше, чѣмъ всегда.

Наполеонъ выходитъ, замѣчаетъ ее и медленно направляется къ ней, осматриваетъ ее долго съ ногъ до головы, какъ-будто для того, чтобы привести ее въ смущеніе и, дѣлая видъ, что онъ вдругъ замѣтилъ ея прелести, спросилъ ее: „Вы, вѣроятно, сами кормите своихъ дѣтей"? — пораженная,—какъ она мнѣ сама разсказывала,—непристойностью такого вопроса, обращеннаго къ ней въ присутствіи всего итальянскаго общества, она отыскивала подходящій отвѣтъ; но Наполеонъ, отходя отъ нея, очень громко сказалъ своему брату: „Вы видите, она даже не хочетъ мнѣ отвѣтить, ни да, ни нѣтъ".

Въ этомъ состоялъ весь результатъ этой столь желанной поѣздки. Г-жа Сталь очутилась отъ Парижа дальше, чѣмъ когда-либо [1]).

Королева Англійская цѣнила умъ и удачныя возраженія маркиза Караччоли, неаполитанскаго посланника, и часто съ

---

[1]) Графъ Федоръ, которому г-жа Сталь разсказала этотъ эпизодъ, вѣроятно, во время ихъ встрѣчи въ Веве, въ 1806 г., по ошибкѣ перенесъ мѣсто ея свиданіе съ Наполеономъ въ Миланъ, гдѣ ни г-жа Сталь, ни Люсьенъ Бонапартъ не встрѣчались съ Наполеономъ. Но въ общемъ подтверждаетъ этотъ „грубѣйшій въ свѣтѣ вопросъ", съ которымъ, какъ сознается сама г-жа Сталь (см. ея *„Dix années d'exil"* новое изданіе Поля Готье стр. 45—46), Наполеонъ обратился къ ней, въ 1800 г., въ Парижѣ, у генерала Бертье, гдѣ она въ послѣдній разъ видѣлась съ своимъ непримиримымъ врагомъ. (См. также статью *„Léonce Pingaud"* г-жа Сталь и герцогъ Ровиго въ *„Revue de Paris"* отъ 1 декабря 1903 г.).

нимъ разговаривала. Однажды она освѣдомилась о его образѣ жизни и о его развлеченіяхъ: „Навѣрно, вы занимаетесь также любовными дѣлами“?—„Простите, Ваше Величество—отвѣтилъ маркизъ — я любовью не занимаюсь, а покупаю ее въ готовомъ видѣ!“ [1]).

Послѣдній Майнцскій курфюрстъ имѣлъ подругу сердца, графиню Куденговъ, урожденную Гатцфельдъ, съ которой онъ проживалъ на прелестной дачѣ, недалеко отъ Майнца, названной имъ „Ля Фаворита“. Въ самый разгаръ эмиграціи г-жа Надальякъ, впослѣдствіи герцогиня д'Экаръ, въ числѣ многихъ другихъ, представилась курфюрсту, который, чтобы имѣть тему для разговора, спросилъ ее, видѣла ли она „Фавориту“. Г-жа Надальякъ поняла „фаворитку“ и отвѣтила: „Къ сожалѣнію нѣтъ, Ваше Высочество, я имѣла честь заѣхать къ ней, но не была принята“. Послѣ этого можно себѣ представить замѣшательство курфюрста-епископа и всего этого церковнаго Двора.

Придворныя дамы дореволюціоннаго времени разсказывали мнѣ про Революцію по своему. Талейранъ, присутствовавшій при этомъ, нетерпѣливо прервалъ ихъ: „Мы всѣ содѣйствовали паденію трона, и разница между нами состоитъ лишь въ томъ, что когда вы увидали его развалины, вы спрятались подъ ними, а я счелъ болѣе удобнымъ сѣсть на нихъ сверху“.

---

[1]) По-французски здѣсь непереводимая игра словъ: „Sans doute, vous faites l'amour? «—Votre Majesté me pardonnera, je l'achète tout fait“.

Прим. перев.

Когда, послѣ разводнаго процесса короля и королевы [1]) Англійскихъ, зашелъ вопросъ о короновании, архіепископъ Кентрберійскій сталъ изучать роль, которую ему при этомъ пришлось играть. Онъ былъ пораженъ, когда дошелъ до одного антифона, взятаго изъ Моисея и начинающагося словами: „Его рога возвысятся до солнца". Онъ обратился за совѣтомъ къ канцлеру, но послѣдній былъ не менѣе смущенъ и рѣшилъ испросить по этому поводу приказанія короля. Георгій IV улыбнулся, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сказалъ: „Въ нашъ вѣкъ передѣлали столько вещей, что придется передѣлать и эту"—и архіепископъ припряталъ рога [2]) въ свой карманъ.

При французскомъ Дворѣ былъ старый офицеръ королевской охоты по фамиліи Лансматтъ, который, благодаря долголѣтней службѣ, пользовался большими вольностями. Людовикъ XV какъ-то пожелалъ узнать его возрастъ, а Лансматтъ не хотѣлъ этого сказать. Наконецъ, королю надоѣли всѣ эти тщетныя попытки и онъ, зная, что Лансматтъ происходитъ изъ Санской епархіи, приказалъ епископу просмотрѣть метрическія книги прихода, гдѣ онъ родился, и донести ему о результатахъ. Когда былъ полученъ отвѣтъ, король восторжествовалъ и не преминулъ выказать это Лансматту. „Должно быть у васъ много лишняго времени,—отвѣтилъ ему старикъ,—чтобы заниматься такими пустяками!"

Неккеръ, насадивъ какъ слѣдуетъ революцію во Франціи, вернулся къ себѣ въ Швейцарію, чтобы отдохнуть въ своемъ замкѣ Коппе. Онъ встрѣтилъ тамъ примѣненіе тѣхъ принци-

---

[1]) Каролины, урожденной принцессы Брауншвейгской.

[2]) Въ данномъ случаѣ „рога" были бы намекомъ на невѣрность бывшей супруги короля.

Прим. перев.

повъ, которые онъ такъ старался распространять. Вооруженные крестьяне явились къ нему на домъ, какъ къ другимъ дворянамъ, и сожгли во дворѣ его документы и бумаги. На другой день кто-то пришелъ къ нему, чтобы засвидѣтельствовать ему свое сочувствіе по поводу этого разгрома, и спросилъ его, какъ эти разъяренные люди съ нимъ обошлись? „Не слишкомъ плохо, если вообще можно допустить этотъ способъ обхожденія“—отвѣтилъ Неккере.

Около 1818 г. на міровой сценѣ появляются евреи, братья Ротшильды, которые, благодаря своимъ деньгамъ, входили въ сношенія съ правительствами. Одинъ изъ нихъ былъ возведенъ въ бароны императоромъ Австрійскимъ, а другой въ маркизы королемъ Неаполитанскимъ и все это безъ крещенія. Не знаю, кто именно изъ нихъ поселился въ Парижѣ, гдѣ онъ нанялъ большой дворецъ и сталъ устраивать празднества. Его тщеславіе возрастало съ низкопоклонничествомъ публики, и онъ, вздумавъ пригласить даму изъ общества, которая могла бы принимать у него на дому, не могъ найти ничего лучшаго, какъ обратиться къ герцогинѣ д'Экаръ, женѣ оберъ-гофмейстера короля, которая жила въ Тюльерійскомъ дворцѣ и принимала тамъ отъ имени Его Величества иностранныхъ принцевъ и посланниковъ. „Что вамъ вздумалось, почтеннѣйшій господинъ Ротшильдъ,—отвѣтила она ему,—вѣдь я стара и некрасива и только обезображу ваши блестящія залы.“—„О, не безпокойтесь на этотъ счетъ—воскликнулъ Ротшильдъ—тамъ будутъ дамы еще постарше и некрасивѣе васъ!“.

На островѣ Бурбонъ проживалъ одинъ крупный негоціантъ, по фамиліи Мервэнъ, очень хорошій человѣкъ, знатный, благодаря своему состоянію, но не обладающій умомъ, соотвѣтствующимъ его положенію. Увидѣвъ на книгахъ латинскія

слова: „Ex libris“, онъ спросилъ, что это значитъ и, узнавъ, что это обозначаетъ принадлежность книги, онъ велѣлъ на своихъ ружьяхъ и пистолетахъ изобразить „Ex libris—Мервэнъ“. Въ это время на островъ Бурбонъ прибылъ графъ Малярси [1]), и Мервэну было поручено его привѣтствовать и принять, а такъ какъ бѣдняга былъ очень застѣнчивъ, то было заранѣе обусловлено, что на голову графа опустится корона, и что въ этотъ моментъ Мервэнъ выступитъ, чтобы изложить въ краткой рѣчи насколько графъ заслужилъ эту корону. Къ несчастью, блокъ, съ котораго должна была опуститься корона, испортился, и она упала, а веревка запуталась вокругъ шеи графа Малярси. Ораторъ, смущенный еще больше, чѣмъ всегда, все же выступилъ впередъ, сдѣлалъ красивый реверансъ и произнесъ: „Ваше Сіятельство, вы ее вполнѣ заслужили!“.

Когда Бонапартъ вздумалъ сдѣлаться императоромъ, ему понадобился Дворъ, и онъ его создалъ. Это было не трудно сдѣлать, но что оказалось труднѣе—это придать новому Двору этикетъ и манеры. Ему пришло въ голову спросить по этому поводу совѣта у княгини Шимэ, бывшей статсъ-дамы королевы Маріи Антуанеты, которая жила въ Парижѣ въ совершенномъ уединеніи. Посланному къ ней Дюрону она отвѣтила коротко и благородно: „Скажите вашему господину, что я помню однѣ только милости королевы“. Тогда пришлось обратиться къ бывшей камерфрау королевы, г-жѣ Кампанъ. Послѣдняя, которой хотѣлось обратить вниманіе императора на себя и на своихъ племянницъ (супругу маршала Ней и гра-

---

[1]) Анна—Жозефъ—Ипполитъ графъ Моресъ де-Малярси (1730—1800) пробылъ всю свою жизнь въ колоніяхъ и, послѣ того какъ онъ сражался рядомъ съ Монкальмомъ въ Канадѣ, защищалъ съ успѣхомъ, во время Революціи, островъ Иль-де-Франсъ противъ нападеній англичанъ.

финю Бронъ) отвѣтила очень осторожно: „Мѣсто, которое я занимала при королевѣ, не давало мнѣ возможности видѣть близко Дворъ и судить о немъ; единственная вещь, которая меня поражала, было спокойствіе, соблюдаемое придворными дамами. Онѣ никогда не говорили громко и мало жестикулировали“. Эти слова произвели такое впечатлѣніе, что во время коронованія новоиспеченныя принцессы и ихъ придворныя дамы не рѣшались отдѣлить своихъ локтей отъ таліи и еле шевелили губами, когда имъ приходилось отвѣчать на вопросы.

Кведлинбургская игуменья, принцесса Альбертина Шведская, сестра королей Густава III и Карла XIII, такъ мало стѣснялась въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ, что безъ всякаго зазрѣнія совѣсти пріѣзжала въ свое аббатство, чтобы разрѣшиться тамъ отъ бремени. Такъ какъ оба короля не имѣли потомства, а герцогъ Остроготскій, третій братъ, и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ, то они рѣшили воспользоваться необычайною плодовитостью сестры. По рѣшенію фамильнаго совѣта, когда оказалось, что игуменья опять была беременна, герцогиню Сюдерманландскую, невѣстку короля, уговорили притвориться беременной и для этого обложить себѣ животъ подушками. Затѣмъ о ея беременности было торжественно объявлено, и черезъ четыре съ половиною мѣсяцевъ начались публичныя молебствія по этому поводу. Подъ предлогомъ, что въ королевскомъ замкѣ надо произвести ремонтъ, игуменья была помѣщена рядомъ съ герцогиней, и когда для одной настала пора, въ ея кровать положили другую, въ то время какъ въ аванзалѣ собралась въ ожиданіи родовъ вся шведская знать. Но Господь смѣшалъ эту неправедную затѣю. Игуменья родила маленькаго негра, самаго чернаго и подлиннаго, какого только можно родить. Густавъ чуть не умеръ отъ злости и никогда не простилъ своей сестрѣ этого срама, а герцогиню заставили пролежать извѣстное время въ

кровати и не выходить изъ комнаты. Но это такъ надоѣло тѣмъ, кому было поручено за нею ухаживать, что они не сохранили тайны. Этотъ анекдотъ заслуживаетъ вѣры, такъ какъ я его нѣсколько разъ слышалъ отъ императрицы Екатерины II [1]).

Я забылъ фамилію того, кто сказалъ про Талейрана: „Онъ продалъ всѣхъ тѣхъ, кто его купилъ“. Эта острота достойна Тацита!

Генералъ графъ Ферзенъ [2]), тотъ который взялъ въ плѣнъ Костюшко [3]), послѣ продолжительной военной карьеры противъ своей воли былъ назначенъ директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса. Онъ безпрекословно повиновался. Но спустя нѣкоторое время ему посадили на шею, въ качествѣ главнаго начальника, великаго князя Константина. Тогда онъ разсердился и подалъ въ отставку, выставивъ причиной что не умѣетъ ни командовать дѣтьми, ни слушаться ихъ. Его преклонныя лѣта спасли его отъ строгостей Павла I, и онъ умеръ въ провинціи. Это былъ бравый солдатъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный, несмотря на нѣкоторыя особенности своего характера.

Въ Петербургѣ долго подвизались два брата, бароны фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ. Одинъ изъ нихъ былъ саксонскимъ по-

---

[1]) Этотъ же самый анекдотъ былъ разсказанъ полковнику Фридриху фонъ Гагерну во время его пребыванія при дворѣ Николая I (1839 г.) (см. *Дневникъ* его поѣздки въ Россію въ 1839 г. въ его „Посмертныхъ Сочиненіяхъ“).

[2]) Графъ Иванъ Евстафьевичъ Ферзенъ.

[3]) Въ сраженіи при Мацѣевицахъ.

сланникомъ въ Россіи[1]), другой—вторымъ гувернеромъ великаго князя Александра Павловича, потомъ русскимъ посланникомъ въ Даніи, снова вторымъ гувернеромъ великаго князя Константина и, въ награду за прекрасное воспитаніе, которое онъ ему далъ, былъ возведенъ въ графское достоинство [2]). Оба брата отличались общепризнанной глупостью. Но одинъ изъ нихъ былъ серьезенъ и молчаливъ, а другой очень подвиженъ и болтливъ и такъ жестикулировалъ, что, какъ сказалъ про него лордъ Мальмсбери, онъ представляетъ изъ себя глупость его брата, приведенную въ дѣйствіе.

Первый разъ, когда я встрѣтился съ кардиналомъ Буска, шевалье д'Азара, представляя меня, произнесъ: „Я васъ представляю высокопреосвященнѣйшему Буска, который вѣритъ въ Бога только тогда, когда у него разстройство желудка".

Княгиня Дашкова [3]) до нѣкоторой степени обворожила двухъ главныхъ участниковъ конспираціи, Орлова и Панина, воспитателя великаго князя Павла Петровича, и поэтому одна считала себя въ правѣ быть посвященной во всѣ дѣла и принимать участіе въ распредѣленіи милостей. Существуетъ прелестная и мало извѣстная острота, которая, хотя и не соотвѣтствуетъ величію исторіи, но не должна затеряться. Эту остроту князь Орловъ сказалъ Екатеринѣ, потерявшей терпѣніе отъ постояннаго попрошайничества своей статсъ-дамы: „Берегитесь этой дамы; она ненасытна и никогда не перестанетъ васъ безпокоить. Въ одинъ прекрасный день она у васъ выпроситъ корону, и вы ее, пожалуй, отдадите; она потребуетъ моей жизни, и я, пожалуй, буду готовъ принести себя

[1]) Іоганъ Густавъ, родился въ 1725 г., умеръ генералъ-лейтенантомъ на саксонской службѣ.

[2]) Карлъ Ивановичъ 1733—1808 г.

[3]) Урожденная Воронцова, авторъ „*Мемуаровъ*".

въ жертву ей; но она можетъ потребовать отъ меня еще что-нибудь, и это я уже не буду въ силахъ ей дать!“.

Когда дѣти княгини Дашковой оказались достаточно обученными знаніямъ и манерамъ, она предприняла съ ними путешествіе по главнымъ столичнымъ городамъ Европы. Въ Парижѣ имъ пришлось испытать первый урокъ, не принесшій имъ, однако, пользы. Княгиня находилась въ Пале-Роялѣ, гдѣ подкупленные историки ее прославляли, но она хотѣла показать, что любопытство парижанъ ей надоѣдаетъ и, замѣтивъ въ толпѣ одного высокаго кавалера ордена св. Людовика, который смотрѣлъ на нее въ лорнетъ, сказала: „Милостивый государь, вы достаточно полюбовались мною?“ [1])—„Я вовсе не любуюсь вами, милостивая государыня, а только смотрю на васъ“. Всѣ разсмѣялись, и ротозѣи сдѣлались до того назойливыми, что княгинѣ пришлось обратиться къ помощи гвардейскаго караула, чтобы скорѣе выбраться вонъ и сѣсть на перваго встрѣчнаго извозчика.

Княгиня Дашкова не разставалась съ лентою св. Екатерины, которая ей, однако, вовсе не была пожалована, а присвоена ею по собственному усмотрѣнію. Въ день переворота, когда императрица въ Казанскомъ соборѣ сняла эту ленту, чтобы надѣть на себя цѣпь ордена св. Андрея первозваннаго, она, не видя по близости никого изъ придворныхъ дамъ, кому она могла бы дать подержать ленту, передала ее Дашковой, которая, не теряя присутствія духа, тотчасъ же надѣла ее себѣ на шею. „Что мнѣ оставалось дѣлать въ этотъ моментъ?—говорила Екатерина впослѣдствіи,—у меня были болѣе важ-

---

[1]) Тутъ на французскомъ языкѣ непередаваемая по-русски игра словъ: „J'avez vous assez considérée“—„je ne vous considére nullement, je vous regarde“. „*Considérer*“ по-французски значитъ „смотрѣть“ и въ то же время „увѣрить“.

Прим. перев.

Ио8

Графъ Иванъ Евстафіевичъ Ферзенъ.

(1739—1800).

Пис. *Андр. Ждановъ*. 1795.

ныя заботы, чѣмъ ссориться изъ-за локтя шелковой ленты“. Этотъ анекдотъ мнѣ разсказала сама Екатерина.

У принцессы Нассау-Зигенской [1]) бывали иногда забавные отвѣты. Когда король Густавъ III встрѣтилъ ее въ Спа, онъ, хотя и сознавалъ, что дамы его не могутъ любить [2]), но сталъ разыгрывать въ отношеніи къ ней самую пылкую страсть. Однажды онъ бросился къ ея ногамъ, восклицая, что онъ умретъ, если она не отвѣтитъ ему взаимностью. „Какъ, Ваше Величество,—отвѣтила принцесса,—и вы можете думать, что я васъ не люблю! Вѣдь вы имѣете самое убѣдительное доказательство моей любви: я не отдалась вамъ, чтобы не поставить васъ въ неловкое положеніе!“

Сраженіе подъ Іеной начиналось; раздавался грохотъ орудій. Стали обсуждать вопросъ, не слѣдуетъ ли удалить королеву Прусскую, которая пріѣхала къ этому мѣсту въ сопровожденіи своей старой оберъ-гофмейстерины, графини Фоссъ... Генералъ Кеккеритцъ, адьютантъ короля, уже потерялъ голову, и г-жа Фоссъ, отвѣтственность которой была очень велика, тщетно старалась его урезонить, онъ ничего не слышалъ и гарцовалъ вокругъ кареты, не отвѣчая ей на ея вопросы и не зная на что рѣшиться. Выведенная изъ терпѣнія и думая, что онъ покидаетъ ихъ, чтобы ускакать въ строй, она крикнула ему: „Королева приказываетъ вамъ остаться здѣсь, генералъ! Старымъ развалинамъ, какъ вы и я, нечего тамъ дѣлать!“

---

[1]) По первому браку княгиня Сангушко, урожденная Шарлотта Гозьдска, была вторымъ бракомъ замужемъ за принцемъ Карломъ Отономъ Нассау-Зигенскимъ, извѣстнымъ „Кондоттьери“, скончавшимся въ 1809 г.

[2]) Намекъ на распространенный о немъ современниками слухъ и на мнѣніе, приписывающее права отца на его сына и наслѣдника, Густава IV, офицеру Мунху.

Корреспонденты Головкина.

I.

ГОСПОЖА ДЕ-СТАЛЬ.

1.

Коппе, 15 сентября 1805 г.

Вы не заслужили той радости, которую я ощущаю при мысли, что вы близъ меня. Вы непремѣнно должны тотчасъ же пріѣхать ко мнѣ, ибо я здѣсь остаюсь еще только мѣсяцъ и желала бы, чтобы вы его всецѣло посвятили меня. Я страшно люблю Италію; во Франціи я ничего не покупаю по той простой причинѣ, что мнѣ тамъ еще не заплатили ни гроша: хотя въ газетахъ нашли нужнымъ писать совсѣмъ другое. Я думаю, что мы другъ друга поймемъ лучше, чѣмъ когда-либо, но отсюда невозможно разговаривать съ Веве; поэтому пріѣзжайте сюда на продолжительное время. Я расчитываю провести зиму въ Женевѣ; это очень скучно, но надо ждать и страдать. Прощайте, я кончаю тѣмъ же, чѣмъ я начала, пріѣзжайте поскорѣй...

2.

22 октября 1805 г.

Дорогой графъ, Ваше отсутствіе—большое горе не для сердца, а для ума. Гдѣ вы—тамъ движеніе и жизнь, которыя исчезаютъ вмѣстѣ съ вами. Отчего бы вамъ не пріѣхать сюда

на будущей недѣлѣ, т.-е. въ слѣдующій понедѣльникъ? Монти, знаменитый Монти, пріѣхалъ ко мнѣ изъ Милана, и вы будете довольны услышать итальянскій языкъ. Вы здѣсь увидите также Бенжамена и Проспера [1]). Прежде чѣмъ уединиться въ Женевѣ, я хотѣла бы немного порадоваться, увидя васъ. Что вы думаете по этому поводу? Но вамъ слѣдуетъ пріѣхать сюда безъ всякаго промедленія. Маленькая отлучка сдѣлаетъ васъ болѣе интереснымъ и въ *ихъ* глазахъ. Сообщите мнѣ о вашемъ здоровьѣ и о томъ, что слышно на свѣтѣ. Мнѣ кажется, что арміи обступаютъ другъ друга, но я держу пари за французовъ.

Прощайте, дорогой графъ; я васъ люблю такъ, какъ вы заслуживаете быть любимымъ, т.-е. вы мнѣ очень нравитесь.

3.

Коппе, 5 ноября 1085 г.

Вотъ письмо отъ Эльзеара для васъ. Я въ пятницу ѣду въ Женеву и мнѣ, такимъ образомъ, придется уѣхать отсюда, не увидѣвъ васъ. Я чувствую себя немного униженной, что Веве меня побѣдило. Я думаю, какъ вы, что можно чувствовать рѣдко, но глубоко, а, впрочемъ, можно выбирать; въ наше время большіе и малые коты одинаково дѣлаютъ больно. Говорятъ, что генералу Мону поручено передать условія мира, но если онъ заключитъ миръ, послѣдній будетъ походить на войну. Не знаете ли Вы что-нибудь про Пруссію? въ ней заключается весь вопросъ. Я не понимаю, почему вы не хотите пріѣхать въ Женеву, чтобы посовѣтоваться съ Бретиньи. Если бы вы пожелали, я заблаговременно предупредила бы объ этомъ префекта, и это было бы вѣрнѣе. Сюда пріѣхали шведы и австрійскіе офицеры, которыхъ не взяли въ плѣнъ. Бенжаменъ благодаритъ васъ за память. Онъ каждый день по-

---

[1]) Бенжаменъ Констанъ и Просперъ-де-Борантъ.

вторяетъ, и онъ вѣрно судитъ о людяхъ, что вы одинъ изъ очаровательнѣйшихъ мужчинъ, которыхъ онъ когда-либо встрѣтилъ.

4.

18-го февраля, Женева (1806 г.)

Я, право, удивлена, съ какою легкостью вы сочиняете французскіе стихи. Я начала переводъ той же самой пьесы и встрѣтила въ ней огромныя трудности. Правда, что я хотѣла перевести слово въ слово; это придаетъ переводу истинный смыслъ и казалось мнѣ необходимымъ, чтобы вызвать новыя ощущенія. Вѣрно то, что вамъ слѣдовало пріѣхать въ Сенъ-Жанъ [1]). Хотя мира еще нѣтъ, но нѣтъ и войны, и Женева издали сохранила подобіе Швейцаріи. Между Веве и Женевой я не вижу разницы. Вы здѣсь съ моей стороны встрѣтите радушный и внимательный пріемъ [2]). Я вчера съ большимъ успѣхомъ играла роль Альзиры, и если бы вы пріѣхали раньше 15 марта, я бы вамъ сыграла Федру. Г-жа де-Фрисъ [3]) пред-

---

[1]) Сенъ-Жанъ называется прибрежная часть холма, господствующаго надъ Женевой съ сѣверо-востока, гдѣ Бонапартъ рѣшилъ соорудить укрѣпленія. Находящійся на этомъ холмѣ болѣе на виду домъ, которому Вольтеръ присвоилъ ничѣмъ неоправдываемое названіе „Les Délicese (отрада) перешелъ въ собственность семейства Перроншенъ. Другой домъ, поближе къ Женевѣ, принадлежащій семейству Констанъ называется, какъ и весь холмъ, Сенъ-Жанъ и пользуется извѣстностью другого рода, привлекающей иностранцевъ, а именно прелестнымъ видомъ. Третій домъ, находящійся въ глубинѣ, на берегу Роны, тоже имѣетъ свою прелесть и называется „Сенъ-Жанъ подъ горой“ (Saint Jean sous Terre) (Примѣчаніе графа Федора къ „*письмамъ собраннымъ въ Швейцаріи*“).

[2]) Эти симпатіи не были взаимны. „Коппеская комедіантка“—эпитетъ, встрѣчающійся часто въ интимныхъ письмахъ графа Федора. Въ „собранныхъ письмахъ“ онъ ее характеризуетъ какъ женщину, блестящая репутація которой обходилась безъ старинныхъ обычаевъ и строгихъ принциповъ.

[3]) Графъ Фрисъ былъ банкиръ изъ Вѣны. Ему принадлежалъ красивый домъ „Ля-Шабліеръ“, расположенный въ полу-милѣ отъ Лозанны, близъ дороги въ Эшапанъ.

ставляетъ изъ себя, какъ говоритъ Бенжаменъ, настоящую Андромаху, сохраненную въ спиртѣ. У нея есть талантъ... но... возрастъ! возрастъ! То, что онъ отнимаетъ и что онъ даетъ—останется навсегда источникомъ размышленій.

Пріѣзжайте сюда до конца мѣсяца. Я для васъ сыграю Федру. Вы внесете веселость въ разговоры и переведете мнѣ оду Мюллера, которую я люблю больше другихъ, а именно „Пѣснь Кассандры во время свадьбы Поликсены". Перваго апрѣля я на двѣ недѣли уѣзжаю въ Коппе, а затѣмъ ѣду, чтобы повидаться съ моимъ сыномъ, въ сорока миляхъ отъ Парижа. И такъ, подумайте, что я Васъ почти-что не увижу, если Вы не пріѣдете сюда. Вы, какъ Орестъ, когда онъ прибылъ изъ Тавриды. Но знайте, что для того, чтобы играть трагедію, надо самому перенести страданія?

5.

22-го іюля, Коппе (1808 г.)

Я расчитывала застать Васъ здѣсь и черезъ Васъ лишилась радостей этого лѣта. Вовсе нѣтъ! Я только нахожу, что Вы промѣняли тихій уголокъ на шумную жизнь Парижа и что Вы столько же думаете обо мнѣ, сколько о г-жѣ Наталіи [1]). А впрочемъ, я это ждала отъ Васъ. Вы не зависите отъ Вашихъ душевныхъ настроеній и не нуждаетесь ни въ комъ; если бы я стала перечислять всѣ Ваши недостатки, я никогда не кончила бы, но я чувствую эти недостатки потому, что я Васъ люблю, или, по крайней мѣрѣ, потому, что Вы мнѣ нравитесь, ибо сказать, что *я Васъ люблю*—это почти клятва и черезчуръ много для Вашего великаго легкомыслія. Говорятъ, что весь Парижъ находитъ Васъ такимъ любезнымъ, что Васъ принимаютъ за француза добраго стараго времени, возвратившагося во Францію въ обликѣ русскаго, чтобы повеселиться.

---

[1]) Супруга графа Наталія Петровна Головкина, урожденная Измайлова.

Г-жа СТАЛЬ.

418

Но не думайте, что Васъ шесть лѣтъ не будутъ трогать въ Парижѣ; почему Вамъ въ этомъ отношеніи быть счастливѣе насъ всѣхъ? Но если Вы хотите заслужить счастье добрымъ дѣломъ, то напишите мнѣ черезъ моего повѣреннаго, который пріѣдетъ въ будущемъ мѣсяцѣ, длинное, длинное письмо, гдѣ будетъ сказано все, что Вы думаете, все что Вы знаете, словомъ, письмо, которое могло бы замѣнить мнѣ шестимѣсячное пребываніе въ Парижѣ и одинъ день бесѣды съ Вами. Если въ Вѣнѣ будетъ спокойно, я вернусь эту зиму туда; я тамъ чувствовала себя лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ другой ссылкѣ. Женщины тамъ любезны, страна спокойна и люди честны, однимъ словомъ, этотъ городъ напоминаетъ добродушную толстую матушку, нѣсколько неуклюжій видъ которой усыпляетъ мое горе. Васъ тамъ очень любятъ, потому что это ихъ манера хвалить людей. Если бы Вы мнѣ написали, это придало бы мнѣ нѣкоторое значеніе. Вашему брату я дала много порученій для Васъ. Исполнилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, ихъ? Издали Вашъ братъ немного напоминаетъ Васъ, въ достаточной степени, чтобы заставить думать о Васъ. Можно бы сознаться, что никто Васъ не можетъ замѣтить, если бы не мысль, что Вы ни въ комъ серьезно не нуждаетесь. Несмотря на Ваше ворчанье, я все же желаю имѣть подробности о Вашей жизни, о Вашихъ занятіяхъ. Кончаете ли Вы Вашу исторію? Когда Вы увидите г-жу де-Суза, то скажите ей, что я читала ея „Евгенія Ротлена“ съ необычайнымъ удовольствіемъ. Насколько она превосходитъ г-жу де-Жанлисъ! Прощайте, дорогой графъ, когда я Васъ увижу? Мнѣ нечего Вамъ говорить, что я очень хотѣла бы сама съѣздить за Вами.

6.

Ліонъ, 11 іюня 1809 г.

Недавно я Вамъ написала длинное письмо, но путешественникъ, который долженъ былъ передать его Вамъ, не сдѣлалъ

этого и отдалъ мнѣ его обратно. Я не хотѣла его послать вторично, хотя и не заготовила новыхъ; мнѣ кажется, что наши мысли мѣняются каждый мѣсяцъ и что съ часу на часъ чувствуешь себя устарѣвшимъ. Но что не мѣняется, такъ это представленіе, которое я имѣю о Васъ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе любезныхъ и умныхъ свѣтскихъ людей, и что Вы пріѣхали въ Парижъ для того, чтобы показать Парижу, какъ тамъ бывали любезны,—не въ очень давнее, но и не въ послѣднее время, а въ неопредѣленное, „идеальное“ время—чтобы воспользоваться нѣмецкимъ выраженіемъ, ибо я вѣдь пишу о Германіи! Я пріѣхала въ Ліонъ, чтобы увидѣть Тальму[1])—это удовольствіе, доступное ссыльнымъ, но не думаю, чтобы цари этого міра могли имѣть большее удовольствіе, ибо это совершенство искусства въ страсти и страсти въ искусствѣ. Человѣческое лицо не можетъ идти дальше этого. Выраженія, жесты, взгляды,—все находится въ гармоніи съ душевнымъ настроеніемъ, и слова мало значатъ на ряду съ этими таинственными откровеніями. Итакъ, Вы ни за что не хотите вернуться въ Швейцарію этотъ годъ? У меня на умѣ — и я говорю про умъ, когда не позволяю себѣ имъ пользоваться, — помирить Васъ съ Вашей тетей и нахожу тысячу прелестей въ томъ, что доставило бы мнѣ такое удовольствіе—повидаться съ Вами. Я прочла „Альфонса де-Лодэвъ“ [2]) и нашла въ немъ чувствительность, а иногда и живость. Женщинамъ приходится столько страдать, что онѣ всегда понимаютъ горе и рисуютъ его правдиво.

Прощайте, я хотѣла бы Вамъ писать изъ такого мѣста, откуда я могла бы сообщить Вамъ что-нибудь новое, и желаю только, чтобы Вы знали, что я о Васъ скучаю и что письмо отъ Васъ—для меня праздникъ.

---

[1]) Знаменитый французскій трагикъ, умеръ въ 1826 г.

Прим. перев.

[2]) Романъ, написанный графиней Головкиной.

7.

Шомонъ на Луарѣ, 31 мая 1810 г.

Вы совершенно правы во всемъ, что Вы мнѣ пишете. Но если бы я даже погрузилась въ мракъ неизвѣстности и принесла бы въ жертву талантъ, данный мнѣ Богомъ и моимъ отцомъ — я этимъ еще не пріобрѣла бы блаженства. Поэтому я предпочитаю дать волю моей натурѣ, которая, послѣ Провидѣнія, располагаетъ мною. Если бы Вы не были олицетворенною осторожностью, я сказала бы Вамъ: пріѣзжайте ко мнѣ; но я даже не рѣшаюсь Вамъ писать по почтѣ и посылаю эту записку черезъ Матвѣя. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что изъ всѣхъ огорченій, испытываемыхъ мною въ изгнаніи, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ невозможность съ Вами бесѣдовать. А такъ какъ я это удовольствіе цѣню, какъ счастье, то Вы мнѣ не достаете такъ, какъ-будто бы я Вамъ была нужна, и Вы мнѣ такъ нравитесь, что мнѣ кажется, что я Васъ очень люблю. Тысячу поклоновъ.

P. S. Но отчего бы Вамъ не пріѣхать въ Турэну. Труворы происходятъ отсюда, и всѣ образованные иностранцы посѣщаютъ эту страну.

8.

Клиши, 10 декабря 1814 г.?

Мнѣ говорятъ, что Вы сердитесь на меня,—это несправедливо. Я согласна не видѣться съ Вами раньше 1-го января; но въ этотъ день всѣ мои друзья меня здѣсь посѣщаютъ. Я безропотно отказываюсь отъ Вашего общества, которое мнѣ такъ нравится, а Вы меня еще вводите въ заблужденіе! Не потому ли, что я позволила себѣ посмѣяться надъ Вашей рекомендаціей въ пользу одной барышни сомнительной добродѣтели? Вамъ это нипочемъ, а мнѣ это могло бы повредить, и до тѣхъ поръ, пока моя дочь не выйдетъ замужъ, я не могу до-

пустить никакого сомнительнаго общества, ни вблизи, ни издали. Другое дѣло — Вы, ибо, несмотря на Ваши наставленія, Вы еще не мать семейства. Учитесь изъ этихъ наставленій, что слѣдуетъ любить тѣхъ, которые умѣютъ насъ цѣнить. Не знаю, говорится ли объ этомъ въ Евангеліи, но это сказано въ его духѣ.

Прощайте, прощайте, до перваго января, но тогда Вамъ надо будетъ приходить ко мнѣ каждый день.

II.

Графъ Іосифъ де-Мэстръ.

1.

С.-Петербургъ, 6/18 апрѣля 1807 г.

Какъ Вы любезны, графъ, и какъ Вы все умѣете дѣлать кстати! Съ 22-го октября я не получалъ ни одной строки отъ жены, поэтому Вы можете себѣ представить, какъ Ваше письмо попало во время! Но повѣрьте, что оно не нуждалось въ этомъ предлогѣ, чтобы встрѣтить радушный пріемъ, ибо я всегда придаю большое значеніе всякому доказательству Вашей доброй памяти обо мнѣ. Но такъ какъ въ человѣческой натурѣ всегда есть извѣстная лѣность, въ силу которой мы не любимъ писать безъ особенной надобности, я долженъ Васъ благодарить, графъ, что Вы мнѣ столь любезно предоставили къ тому поводъ; я Вамъ также очень благодаренъ за то, что Вы мнѣ сообщаете новости о нашей достойной знакомой, г-жѣ Юберъ. Нѣсколько дней тому назадъ я принялъ мѣры, чтобы извѣстить ее, что я еще живъ, такъ какъ я ее попрежнему очень люблю. Но эта „неловкость", какъ Вы забавно выражаетесь, можетъ мнѣ стоить то, что я получу отвѣтъ въ 1810 г. Я расчитываю въ одно прекрасное утро получить сразу пятнадцать или двадцать писемъ; тогда я распрощусь со своими друзьями и запрусь на нѣсколько дней въ комнату, чтобы читать и отвѣчать. Тѣмъ временемъ, я очень радъ, что пакетъ, доставленіе котораго Вы такъ любезно приняли на себя, попалъ туда, куда надо. Изъ одной строки Вашего письма я вывожу заклю-

ченіе, что Вы сдѣлали нѣкоторыя попытки, чтобы доставить мнѣ письмо отъ г-жи де-М. (де-Мэстръ); Вамъ это не удалось, но моя благодарность остается та же. Впрочемъ, Вы мнѣ доставили громадное удовольствіе, сообщивъ, что мои письма дошли до назначенія. Я только что отправилъ двѣнадцатое—и все не получая отвѣта. Согласитесь, что я безпристрастный мужъ! . . . .

Я хотѣлъ бы съ Вами потолковать объ исторіи. Я думаю, что она не приноситъ никакой пользы. Никогда еще исторія не предупредила ни одной глупости, ни одного преступленія. Эта тема помогла бы намъ пріятно провести, по крайней мѣрѣ, одинъ вечеръ въ Женевѣ—но вѣдь мы такъ далеки отъ Женевы!

Вы хорошо дѣлаете, графъ, что живете больше въ обществѣ покойниковъ; но меня очень огорчаетъ причина, заставляющая Васъ это дѣлать: подагра и пузырный песокъ! Боже мой, какія это внушительныя названія и какъ я Васъ жалѣю! Подагра не особенно пріятна, но ее еще можно перенести. Она появляется съ перерывами и не притѣсняетъ Васъ такъ, какъ песокъ. Но соединеніе обоихъ золъ—ужасно. Впрочемъ, хотя я и не очень вѣрю въ медицину, мнѣ все-таки кажется, что этотъ песокъ, который Васъ мучитъ, не принадлежитъ къ разряду неизлѣчимыхъ, и что если бы Вы были вполнѣ благоразумны, спокойны и послушны, Вы могли бы съ нимъ справиться. Если Вамъ удастся избавиться отъ него, Вы, надѣюсь, не оставите меня въ невѣдѣніи о столь пріятной для меня новости.

Я передалъ Ваши поклоны шведскому посланнику, а также почтенному герцогу и г-ну де-Тарси, которые Вамъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Что же касается моего сына, то онъ, къ сожалѣнію, далеко отъ благодарности. Онъ находится за Нѣманомъ, состоя на службѣ кавалергардскимъ офицеромъ, и воз- [illegible], что онъ въ то время, какъ я Вамъ это пишу, участвуетъ въ какомъ-нибудь сраженіи. Вотъ гдѣ мой „песокъ“ си-

дить, дорогой графъ! Все это произошло вполнѣ правильно и съ общаго согласія. Но, тѣмъ не менѣе, это мой „песокъ“. Прощайте, графъ, я Васъ много разъ благодарю за Ваше деликатное вниманіе. Расчитывайте на постоянную мою благодарность и неизмѣнную привязанность и пр.

2.

С.-Петербургъ, 16/28 іюля, 1807 г.

Я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ прочелъ Ваше длинное и пріятное письмо отъ 4/17 с. м. Благодарю Васъ за все, что оно содержитъ учтиваго и утѣшительнаго, но чтобы начать съ моего личнаго положенія, все мнѣ говоритъ, что оно непоправимо. Когда французы заняли Савойю, въ 1792 г., и я, слѣдуя за королемъ, перешелъ черезъ Альпы, я сказалъ моей вѣрной компаньонкѣ во всѣхъ превратностяхъ жизни: „Дорогой другъ, шагъ, который мы дѣлаемъ сегодня,—непоправимъ; онъ имѣетъ рѣшающее значеніе для всей нашей жизни“. Будучи потомъ, вслѣдствіе приключенія романическаго характера, вынужденъ вернуться въ Савойю, я увидѣлъ близко французскую революцію и возненавидѣлъ ее еще больше. Я снова навсегда покинулъ Францію. Находясь по ту сторону границы, въ Лозаннѣ, на Женевскомъ озерѣ, я долженъ былъ допустить, что мое имущество конфисковали, не чувствуя при этомъ ни малѣйшаго желанія вернуться во Францію. Съ тѣхъ поръ мнѣ, правда, иногда улыбалась надежда, но это былъ лишь проблескъ молніи во мракѣ ночи, и мое положеніе все ухудшалось. Постепенно мнѣ наносились удары въ Савойѣ, въ Швейцаріи, въ Піемонтѣ, въ Венеціи и, наконецъ, въ Россіи. День сраженія подъ Фридландомъ мнѣ ничего болѣе не оставилъ: отечество, состояніе, семья и самый монархъ, если вѣрить предсказаніямъ,—все погибло.

Теперь, дорогой графъ, что же Вы хотите, чтобы изъ меня вышло? Вѣдь фортуна—женщина, — она любитъ только

молодыхъ людей. Она знаетъ, что мнѣ пятьдесятъ три года, и какіе у меня могутъ быть шансы, чтобы она захотѣла выйти за меня замужъ? Она не такъ глупа. И не думаете ли Вы, что я повергнутъ на земь? Я могу Вамъ сказать приблизительно то же, что сказалъ нашъ старый Мальэрбъ:

Какъ часто, уже искалѣченный,
Низвергнутъ я молніей былъ,
Но волей разумной излѣченный,
Объ этомъ я скоро забылъ!

Нельзя, конечно, сказать, чтобы я это совсѣмъ забылъ, но я думаю объ этомъ не такъ много, чтобы терять бодрость духа. На свѣтѣ существуютъ только два истинныхъ несчастья, это—угрызеніе совѣсти и болѣзнь,—все остальное—воображеніе. Я же чувствую себя здоровымъ и ни въ чемъ не раскаяваюсь, а поэтому я могу устоять на ногахъ; если бы мнѣ пришлось начать снова, я ни въ чемъ не измѣнилъ бы своего поведенія.

То, что для меня всего грустнѣе, это—что я разъединенъ съ столь дорогою для меня семьей, не имѣя никакой возможности приблизить ее къ себѣ, или самому присоединиться къ ней. Въ этомъ ужасномъ положеніи занятія для меня то же самое, что опій для восточныхъ народовъ; они меня одуряютъ съ такимъ же успѣхомъ, но съ меньшею опасностью. Я былъ бы еще храбрѣе, если бы я могъ получить утѣшительныя письма отъ нашего бѣднаго друга, г-жи Юберъ-Аллеонъ; но ея нѣтъ, и вы меня наводите опять на этотъ меланхолическій сюжетъ.

Судя по тому, что Вы мнѣ пишете про „женевца“ и про „римлянина“, я подозрѣваю, что Вы не вполнѣ въ курсѣ приключеній послѣдняго. Когда онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ въ Римѣ, онъ влюбился въ одну красавицу, уроженку этой страны, и, для того чтобы жениться на ней, перешелъ въ католичество. Воображаю, какое впечатлѣніе этотъ посту-

покъ произвелъ въ Женевѣ! Впрочемъ, мнѣніе Женевы тутъ непричемъ. Если г. Г. дѣйствовалъ по убѣжденію, я его одобряю и уважаю; если его соблазнила любовь, я, хотя и считаю это вреднымъ, все же склоненъ его извинить, но если онъ дѣйствовалъ изъ легкомыслія или безпечности, я его глубоко презираю. Какъ бы то ни было, дорогой графъ, пришлось, въ концѣ концовъ, много лѣтъ спустя, привезти съ собою римлянку и маленькаго римлянина, который, какъ мнѣ часто твердила его бабушка, обѣщалъ все, что только можно обѣщать; она пристрастилась къ этому ребенку, какъ Вы только можете себѣ представить, и овладѣла имъ всецѣло. Этого было достаточно, чтобы надосадить матери, но были еще и другія причины неудовольствія. Г-жа Юберъ была протестанткой и принадлежала къ старой школѣ Вольтера, близкимъ другомъ котораго былъ ея мужъ, блаженной памяти. Съ другой стороны, у нея были друзья — католики, которые часто заставляли ее призадуматься. Изъ всего этого вышло, какъ мнѣ кажется, большое равнодушіе къ величайшему изъ всѣхъ вопросовъ или, вѣрнѣе сказать, къ единственному вопросу, ибо всякій вопросъ, прекращающійся вмѣстѣ со смертью человѣка, еле стоитъ, чтобы о немъ говорили. Разсудите сами, какъ такая наставница могла понравиться матери римлянки! Надо полагать, что между ними произошли ужасныя сцены; а по моему мнѣнію, никто не напоминаетъ такъ покойнаго г. Даміена [1]), растерзаннаго лошадьми во всѣ четыре стороны, какъ этотъ бѣдный человѣкъ, поставленный между матерью и женою, тянущими его, каждая въ свою сторону. Растерзанный такимъ образомъ на двѣ части, онъ, по смерти матери, возстановилъ опять свою цѣлость, и можетъ быть далъ слишкомъ почувствовать свое удовольствіе по поводу обрѣтеннаго

[1]) Даміенъ совершилъ въ 1757 г. покушеніе на жизнь короля Людовика XV и былъ за это подвергнутъ казни: растерзанію лошадьми.

Прим. перев.

вновь спокойствія и освобожденія изъ-подъ опеки. Я Вамъ пишу все это въ его оправданіе, не стараясь его вполнѣ обѣлить, такъ какъ я вообще считаю его немного слабымъ въ отношеніи морали.

Я съ большимъ удовольствіемъ принимаю Ваше любезное предложеніе. Условимся насчетъ числа и рѣшимъ это окончательно. Мнѣ было бы очень пріятно поболтать съ Вами о всѣхъ событіяхъ, случившихся въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, но это, по моему мнѣнію, можетъ быть только предметомъ разговора, и чернила здѣсь непричемъ. Къ сожалѣнію, я не знаю, когда мнѣ придется съ Вами встрѣтиться, ибо, повидимому, каждый изъ насъ тяжелъ на подъемъ. Но пока что, дорогой графъ, я съ величайшей благодарностью принимаю Ваше любезное предложеніе переслать по адресу мое письмо къ женѣ. Я уже испробовалъ Вашихъ корреспондентовъ и нашелъ вполнѣ благонадежными; поэтому прошу Васъ посодѣйствовать отправкѣ прилагаемаго при семъ письма г-жѣ Валленъ; это фамилія, которую приняла моя жена, а меня зовутъ г-мъ де-Вилльнёвомъ. Всѣ инспектора, какіе только попадаются до самаго Турина, имѣли достаточно времени, за послѣдніе десять лѣтъ, выучить эти двѣ фамиліи наизусть.

Съ такою же благодарностью и безъ всякой оговорки я принимаю Ваше поздравленіе по поводу того что мой сынъ остался невредимымъ. Я предоставляю спартанскимъ матерямъ сохранять невозмутимость при видѣ останковъ ихъ сыновей, приносимыхъ домой на щитахъ, и не могу достичь такого величія. Конечно, лучше смерть, тысячу разъ лучше, чѣмъ малѣйшее проявленіе трусости или даже малѣйшая антимилитаристская гримаса; но все же лучше жизнь, чѣмъ даже наиболѣе почетная смерть! Мой сынъ въ этомъ со мною не согласенъ, что и должно быть. Онъ хотѣлъ участвовать въ этомъ походѣ, не будучи вынужденнымъ къ тому; я могъ тому воспротивиться, но не сдѣлалъ этого; однако, мой героизмъ дальше не идетъ, и я теперь доволенъ и сыномъ и собою. Онъ, впрочемъ, еще не

пріѣхалъ; когда онъ порывался навстрѣчу французскимъ пушкамъ, мнѣ казалось, что онъ летитъ, какъ стрѣла; а теперь, когда онъ возвращается домой, онъ ползетъ, какъ черепаха.

Я Васъ еще благодарю, графъ, за Ваше предложеніе, подъ которымъ я отъ всего сердца подписываюсь, а такъ какъ всякій договоръ пріобрѣтаетъ цѣнность своею древностью, то я надѣюсь, что онъ до моей смерти успѣетъ обрасти тѣмъ почтеннымъ мхомъ, который такъ цѣнится.

Весь Вашъ, дорогой графъ.

3.

С.-Петербургъ, 1 ноября, 1807 г.

Вернулись ли Вы въ Вашъ замокъ, графъ? Я хотѣлъ бы это услышать отъ Васъ лично, а также узнать, какъ Вы себя чувствуете послѣ дороги въ новомъ климатѣ. Вы, вѣроятно, побывали въ Женевѣ, этомъ городѣ, отличавшемся всегда своими великими эскулапами; не посовѣтовались ли Вы съ ними мимоходомъ? Жаль, что наше знакомство съ Вами и нашъ договоръ были такъ скоро прерваны разлукой. Письма—хорошая и полезная вещь, но для нѣкоторыхъ сообщеній они недостаточны. Я много размышлялъ надъ тѣмъ, что Вы мнѣ сказали въ Вашемъ предпослѣднемъ письмѣ о способахъ быть мнѣ полезнымъ. Но я не вижу какимъ образомъ. Для меня было бы, можетъ-быть, полезно сдѣлаться извѣстнымъ съ хорошей стороны „*тамъ*“. Но это „*тамъ*“ хорошо противъ зла, а для блага—сомнительно. Когда чувствуешь за собою пятьдесятъ лѣтъ,—теряешь всякую гибкость, и все о чемъ можно просить, это—чтобы заранѣе озаботились объ упокоѣ души, который насъ всѣхъ ожидаетъ. Вы можете себѣ представить, дорогой графъ, что съ іюня мѣсяца я кружусь вокругъ самого себя, чтобы выяснить, что я и гдѣ я. Чѣмъ больше я изучаю этотъ вопросъ, тѣмъ менѣе я нахожу возможности помочь своему положенію. Итакъ, разъ это все кон-

чено, остается только терпѣть, и хотя говорятъ, что терпѣніе—добродѣтель дураковъ, но въ данномъ случаѣ, если бы я даже обладалъ всѣмъ тѣмъ умомъ, котораго мнѣ недостаетъ, я сомнѣваюсь, чтобы мнѣ удалось отыскать другое убѣжище; я даже не способенъ чувствовать себя лучше.

Я Васъ не прошу о какомъ-либо порученіи для г-жи де-Ф... такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ заключенъ миръ, письма получаются исправно. Мы здѣсь удручены паденіемъ курса. Самые старые банкиры не видали ничего подобнаго. Когда я пріѣхалъ, рубль равнялся 66 турскимъ ливрамъ, а въ моментъ, когда я Вамъ пишу, онъ равняется 45 [1]). Вы можете себѣ представить, какъ пріятно тѣмъ, у кого есть деньги для размѣна!

Ахъ, сколько хорошихъ вещей я разсказалъ бы Вамъ, графъ, если бы я имѣлъ сегодня удовольствіе Васъ видѣть! Какая перемѣна! Какая неслыханная метаморфоза! Все, что было черно—теперь бѣло, а все, что было бѣло—теперь черно. Легко утверждать, что все прекрасно. Но существуетъ одинъ ужасный пессимистъ, доказывающій противное, это—докторъ „Курсъ“. Мнѣ кажется, что я слышу Мартена, противорѣчащаго Панглоссу [2]). Будущность мнѣ представляется какъ бездонный колодезь, въ которомъ самый проницательный глазъ не видитъ ни капли,—и если бы даже въ немъ можно было что-нибудь увидѣть—мнѣ, я думаю, не захотѣлось бы туда заглядывать. Наконецъ, дорогой графъ, мысль моя достигла крайнихъ предѣловъ.

Если вы останавливались въ Женевѣ, я надѣюсь, что Вы въ первомъ же письмѣ сообщите мнѣ кое-что о нашихъ друзьяхъ. Вы скажете мнѣ еще нѣсколько грустныхъ словъ

---

[1]) Здѣсь, должно быть, ошибка въ подлинникѣ. Одинъ турскій ливръ почти равняется теперешнему франку, и поэтому рубль никогда не могъ равняться ни 66, ни 45 ливрамъ (можетъ быть 6,6 и 4,5?).

Прим. перев.

[2]) Лица изъ романа Вольтера „Кандидъ“.

Прим. перев.

о нашей бѣдной пріятельницѣ и причините мнѣ этимъ скорбную радость. Десять разъ я хватался за перо, чтобы написать этому семейству, и десять разъ бросалъ перо. Мое выжатое сердце не могло сказать того, что хотѣло. Видите ли Вы ихъ? Пишете ли Вы имъ? Разскажите имъ объ ихъ истинномъ другѣ, который ихъ не забываетъ, хотя онъ съ 1798 г. для нихъ умеръ. Если бы они меня когда-нибудь увидѣли, они могли бы повѣрить въ привидѣнія.

Здравствуйте и прощайте, дорогой графъ, вотъ глупое письмо, но Вы меня извините, надѣюсь, и вмѣсто того, чтобы меня бранить, будете меня любить. Я на это расчитываю.

III.

Шевалье де-Буффлеръ [1]).

25 октября, 1810 г.

Я надѣялся въ прошлый вторникъ быть у Васъ, въ Монталлегрѣ [2]), чтобы поблагодарить Васъ, Ваше Сіятельство, за тѣ прекрасные совѣты, которые Вамъ внушилъ столь лестный для меня интересъ; но мы узнали, что Васъ задержали, какъ и слѣдовало ожидать, Ваши друзья, столь достойные Вашей любви и того счастья, которое Вы имъ доставляете.

Впрочемъ, я Вамъ благодаренъ не за Вашу похвалу, а за Вашу критику. Я нахожу въ этомъ ту же разницу, какъ между вѣжливостью и дружбою, и считаю себя болѣе способнымъ отвѣчать Вамъ первою, чѣмъ второю.

Я съ наслажденіемъ воспользуюсь большею частью Вашихъ совѣтовъ и собираюсь даже Васъ обезпокоить на счетъ новыхъ; я ихъ буду цѣнить, какъ брилліанты, взятые изъ ларчика прелестной принцессы Амальфи [3]), и если между ними оказались бы такіе, которыми нельзя украсить ни ожерелья

---

[1]) Маркизъ Станиславъ де-Буффлеръ (1737—1815).

[2]) Дача графа Федора близъ Парижа.

Прим. перев.

[3]) Намекъ на романъ графа Федора „Принцесса Амальфи“.

Ожива, ни шляпы Гулистана—я сдѣлаю, какъ многіе ювелиры, и оставлю ихъ для себя. Нѣтъ надобности увѣрять Васъ, графъ, въ тѣхъ чувствахъ, которые Вы внушаете создаваемымъ Вами же счастливцамъ. Для насъ важнѣе увѣрить Васъ въ нашихъ собственныхъ чувствахъ и просить Васъ дать намъ почаще возможность поддерживать столь драгоцѣнную для насъ дружбу.

Б.

IV.

Г-жа де-Суза [1]).

Я не могу удовольствоваться тѣмъ, что Вы мнѣ написали такое любезное письмо, которое я помѣщу въ своемъ архивѣ,— я должна Вамъ еще выразить мою благодарность. Мнѣ было очень лестно прочесть Ваши похвалы. Онѣ не касаются того, что могло бы поразить другихъ, и затрагиваютъ то, чего Вы сами не знаете, а потому я перечитаю ихъ, когда мнѣ придется отвѣчать какому-нибудь критику. Я ихъ прочту также моему сыну, когда я, на старости лѣтъ, пожелаю придать себѣ въ его глазахъ авторитетъ или значеніе. Вы знаете, что когда рѣчь заходитъ о материнской любви — я склонна бредить, и что Карлъ [2]) всегда останется для меня „маленькимъ", даже когда онъ достигнетъ возраста, стоящаго ближе къ второму ребячеству, чѣмъ къ первому.

---

[1]) Это письмо написано послѣ публикаціи ея романа „Евгенія и Матильда" въ 1811 г.

[2]) Графъ Карлъ Флао (Flahaut) 1785—1870 г.

V.

Буасси д'Англо.

Буживаль, 22-го іюня 1813.

Я поздравляю Васъ, графъ, по поводу всѣхъ почестей, выпадающихъ на Вашу долю. Императрица Жозефина два дня тому назадъ пріѣхала въ сопровожденіи г-жи Линьерё [1]), чтобы полюбоваться Вашимъ прелестнымъ домомъ, и говорятъ, что во всемъ паркѣ Монталлегра нѣтъ угла, который не заслужилъ бы ея вниманія и ея похвалъ. Если бы Вы меня предупредили о ея пріѣздѣ, я сталъ бы во главѣ ея вассаловъ, чтобы поднести ей розы и куплеты; но все это случилось такъ неожиданно, что я узналъ объ этомъ событіи лишь гораздо позднѣе. Вы знаете, что Ея Величество купила замокъ [2]) у г-жи де-Мэйнъ, но что она можетъ его занять лишь по смерти послѣдней. Тѣмъ временемъ она хочетъ увеличить свое владѣніе по сосѣдству, и я очень боюсь, какъ бы ей не удалось сдѣлаться покровительницей нашего союза. У нея, повидимому, есть связи въ сторонѣ, и въ частности г-жа Линьерё намъ не очень-то предана. Я очень боюсь, какъ бы насъ не попросили, какъ это сдѣлали съ Европой, подчиниться закону побѣдителя.

---

[1]) Вдова одного разбогатѣвшаго торговца рѣдкостями.

[2]) Въ 1812 г. императрица Жозефина купила за 300,000 франковъ выстроенный изъ кирпича и камня замокъ, расположенный по шоссе въ Марли и названный „Шоссейнымъ замкомъ“, но оставила пожизненное пользованіе имъ владѣлицѣ; по ея смерти, однако, ничего еще не было уплачено (*Frédéric Masson. Josèhhine rèpudièe*“ стр. 388).

Въ ожиданіи этой возможности, позвольте мнѣ поговорить съ Вами серьезно, но съ полною откровенностью. Ходятъ слухи, что императрица хочетъ купить Вашъ домъ для себя или для кого-нибудь изъ ея Двора.

Если это Васъ устраиваетъ—я очень радъ, но все же мнѣ будетъ тяжело лишиться такого пріятнаго сосѣдства, какъ Ваше. Я надѣюсь, что Вамъ извѣстно все значеніе, которое я этому придаю. Я желалъ предоставить Вамъ всѣ возможныя средства, чтобы лучше использовать это, и былъ счастливъ, когда встрѣчалъ Васъ на своихъ прогулкахъ. То, что мнѣ было очень пріятно, когда это касалось Васъ, можетъ быть тягостнымъ и неудобнымъ по отношенію къ другимъ, и Васъ могли бы замѣнить лица, которыя будутъ считать себя въ правѣ требовать отъ меня того, что мнѣ было такъ пріятно дѣлать для Васъ.

Вы, вѣроятно, уже предчувствуете, что рѣчь идетъ о мостикѣ, соединяющемъ Вашу дачу и мое владѣніе. Конечно, я могу его снять, когда захочу, и Ваши преемники не могутъ предъявить на это права, но Вашими преемниками могутъ быть люди, передъ которыми мое право покажется слишкомъ слабымъ и которыя почтутъ мои возраженія за обиду. Герцогъ Бурбонскій имѣлъ привычку охотиться въ Эрменонвильскомъ паркѣ и въ окрестныхъ лѣсахъ; это не особенно нравилось г-ну Жирардену, который съ горечью видѣлъ, какъ лошади и собаки герцога разрушали его прелестныя лужайки и портили его рощи. Онъ придумалъ устроить землянку для угольщиковъ у воротъ, черезъ которыя герцогъ обыкновенно проѣзжалъ, и сдѣлалъ надъ ней большими буквами надпись: „Всякій угольщикъ долженъ быть господиномъ въ своей хатѣ". Говорятъ, что герцогъ былъ немного обиженъ, но все же запомнилъ эти слова и больше не возвращался. Я не хотѣлъ бы быть вынужденнымъ къ подобной же аллегоріи и поэтому прошу Васъ, если бы Вы продали Вашъ домъ, при первыхъ же предложеніяхъ и раньше чѣмъ подписать купчую, приказать Вашему

садовнику упразднить этотъ мостикъ, дабы новый владѣлецъ уже не засталъ его въ Монталлегрѣ. Я расчитываю на эту любезность съ Вашей стороны, какъ я вообще привыкъ встрѣчать съ Вашей стороны содѣйствіе во всемъ, что справедливо и законно.

Я сейчасъ же отправляюсь въ Лангедокъ, гдѣ я пробуду нѣсколько мѣсяцевъ съ моимъ семействомъ, и очень желалъ бы застать Васъ по возвращеніи на мѣстѣ.

Примите, дорогой графъ и сосѣдъ, увѣренія въ моей преданности и моемъ совершенномъ почтеніи.

VI.

Графъ Каподистрія.

1.

Цюрихъ, 11 апрѣля 1814 г.[1]).

Ваше Сіятельство,

Если бы не медленность типографа, которому я поручилъ умноженіе бюллетеней, полученныхъ мною третьяго дня изъ главной квартиры, Вы уже раньше получили бы приложенный при семъ экземпляръ, а также декларацію въ такомъ видѣ, какъ я ее получилъ изъ нашей главной квартиры, и поэтому имѣющій для меня значеніе подлинника. Ваше Сіятельство, можетъ быть, уже замѣтили существенныя различія между разными изданіями этого важнаго документа, распространенными среди публики. Кавалеръ фонъ-Лебзельтернъ[2]) получилъ письма отъ князя Меттерниха. Они содержатъ тѣ же новости и въ то же время извѣщаютъ, что наша армія покинула Парижъ 1-го апрѣля и двинулась на Фонтенебло, гдѣ остатки французской арміи старались укрыться. Письма изъ Базеля утверждаютъ, что Наполеонъ въ Метцѣ. Другія, не французскаго происхожденія, сообщаютъ, что онъ идетъ на Орлеанъ. Несомнѣнно то, что 28-го онъ еще былъ въ Труа и

---

[1]) Въ этотъ критическій моментъ графъ Каподистрія находился, въ качествѣ полномочнаго посланника Россіи, при Швейцарскомъ сеймѣ въ Цюрихѣ.

[2]) Впослѣдствіи австрійскій посолъ въ Петербургѣ.

что съ этого момента мы не знаемъ навѣрно, куда онъ направился. Это не удивительно. Какъ вы хотите, чтобы у нашихъ кабинетовъ хватило времени сообщить намъ подробности событій? Удовольствуемся тѣмъ, что мы узнаемъ ихъ результаты, которые даютъ намъ поводъ къ самымъ лучшимъ надеждамъ. Какъ русскіе, мы можемъ этому радоваться отъ глубины нашей души. Мы блестящимъ образомъ восторжествовали надъ нашимъ врагомъ и надъ всѣми большими и малыми кознями. Хотя и сами событія отчасти этому способствовали, но терпѣніе и умѣренность, съ которыми сумѣли ихъ выждать, а также мудрость, съ которою ихъ вызвали, несомнѣнно усугубляютъ славу нашего государя.

Благодарю Васъ, графъ, за все, что Вы были такъ добры высказать мнѣ по поводу собранія сейма. Если въ этомъ и есть доля моей заслуги, то она состоитъ лишь въ томъ, что я взялъ на себя трудъ углубиться въ настоящія причины раскола, который могъ погубить Швейцарію. Послѣ того, какъ мнѣ удалось ихъ выяснить, цѣлебное средство указывалось самой природой болѣзни, и его благотворное дѣйствіе не могло подлежать сомнѣнію съ того момента, какъ намъ предоставили на мѣстѣ выбрать способъ его примѣненія. Мы предпочли самый мягкій способъ, благодаря которому посредничество великихъ державъ являлось для Швейцаріи почетнымъ и благодѣтельнымъ. Какая слава могла заключаться для союзниковъ устроить Швейцарію на манеръ Наполеона? А съ другой стороны, если спокойствіе Швейцаріи за это время нарушалось, то спрашивается, оттого ли, что ея конституція была плоха, или же оттого, что она была дана Наполеономъ? Зачѣмъ еще противорѣчить нашимъ принципамъ и упразднить одно посредничество, чтобы на его мѣстѣ установить другое, сходное по своимъ внѣшнимъ формамъ съ первымъ? Мнѣ на это отвѣтятъ: „Потому, что швейцарцы не могутъ сговориться между собою безъ содѣйствія посредника“. Можетъ быть. Но принять на себя дружественное посредничество, воздѣйство-

вать разумомъ и пользоваться его безкорыстнымъ вліяніемъ на умы—это еще не значитъ собирать „Консульту“ [1]), диктовать ей законъ и проводить этотъ законъ съ палкой въ рукахъ. Впрочемъ, наша истинная политика въ Швейцаріи не позволила бы примѣненія подобныхъ средствъ. Мы желаемъ, чтобы эта страна была самостоятельна, свободна и независима и не носила бы на себѣ ига сосѣднихъ странъ [2]), или одной изъ нихъ, которая въ будущемъ пріобрѣтетъ преимущественное вліяніе въ южной Европѣ. Если великія державы теперь соединены общностью интересовъ и намѣреній, то можно ли сказать, что это всегда такъ будетъ? Но, навязывая Швейцаріи конституцію, онѣ будутъ по необходимости вынуждены ее защищать и заставлять другихъ ее уважать, а это значитъ держать Швейцарію постоянно подъ опекой. Развѣ въ этомъ состоитъ желаніе дать ей независимость и способствовать ей въ этомъ? Развѣ впослѣдствіи Россія будетъ въ состояніи имѣть такое же наблюденіе за Швейцаріей, какъ Австрія? И будетъ ли это наблюденіе всегда благотворнымъ? Мы можемъ отвѣчать за наши собственныя намѣренія; но можемъ ли мы также отвѣчать за намѣренія нашихъ союзниковъ? Эти соображенія, а также тѣ, которыя были вызваны миссіей графа Зенффта, предначертали, такъ сказать, планъ моихъ дѣйствій. Государь, удѣливъ ему особенное вниманіе, соизволилъ его одобрить, и, слѣдя за ходомъ, который мнѣ какъ-будто указываютъ событія, я все-таки преслѣдую свой путь и стараюсь направить на него также и моихъ коллегъ. Мы уже добились перваго результата и теперь остается только имъ воспользоваться. Декларація государя при въѣздѣ его въ Парижъ имѣетъ также непосредственное воздѣйствіе на публику и болѣе ясно опредѣляетъ точку зрѣнія, которой

---

[1]) Намекъ на такъ называемую „Консульту въ Ліонѣ“ въ 1802 г.

[2]) Эти чувства нашли себѣ оцѣнку въ Швейцаріи, и городъ Лозанна поднесъ графу Каподистрія почетное гражданство.

намъ нужно придерживаться въ нашихъ дѣйствіяхъ. Она все та же: поставить Швейцарію въ такое положеніе, чтобы ей не было надобности обращаться къ кому бы то ни было. Чтобы достичь эту цѣль, надо согласовать интересы, и чтобы провести это согласованіе, надо не приказывать, а предлагать. Чтобы убѣдить, надо быть справедливымъ. Этимъ именно мы заняты въ настоящій моментъ.

Мысль, которую Ваше Сіятельство высказали по поводу главнаго пункта, можетъ также войти въ категорію предметовъ компенсаціи. Мы еще не затронули этого чрезвычайно деликатнаго вопроса. Мнѣ кажется, что онъ возникнетъ самъ собою изъ сути переговоровъ. Намъ тогда будетъ легче рѣшить этотъ вопросъ съ меньшими жертвами и съ такимъ видомъ, что мы отнюдь не предписываемъ закона этой странѣ, а предоставляемъ ей выбрать тотъ, который ей наиболѣе подходитъ. Этотъ способъ посредничества долженъ быть очень тяжелъ для людей, привыкшихъ къ большимъ дѣламъ. Но къ своей чести, я долженъ сказать, что если у меня въ этомъ есть немного умѣнья, то я пріобрѣлъ его, управляя дѣлами моего народа, когда онъ въ политическомъ отношеніи находился подъ покровительствомъ нашего государя. Я теперь говорю о Іонической республикѣ, а поэтому чувствую себя въ своей стихіи и, во многихъ отношеніяхъ, не могу скрыть, что основанія моей небольшой прозорливости я почерпнулъ въ опытѣ, стоившемъ моему несчастному отечеству не мало жертвъ. Я былъ назначенъ министромъ въ возрастѣ двадцати четырехъ лѣтъ, и до тѣхъ поръ пока эта республика существовала, служилъ ей усердно и охотно. Но мнѣ, все же, тогда недоставало опытности, и я смотрѣлъ на людей, не такъ какъ они представляются намъ въ дѣйствительности, а какъ мое воображеніе и мое сердце желали, чтобы они были, и часто увлекалъ мое правительство на путь ложныхъ и опрометчивыхъ или же преувеличенныхъ мѣръ. Теперь я едва ли опять впаду въ такія заблужденія и мнѣ только тяжело, что я не

могу покаяться въ тѣхъ, которыя я совершилъ въ ущербъ моему отечеству. Увы, оно кажется долго не предоставитъ мнѣ къ тому удобнаго случая!..

Вотъ то длинное письмо, которое я уже давно собирался Вамъ писать, графъ; въ немъ говорится о моемъ возрастѣ, о моихъ принципахъ, о моемъ навыкѣ въ дѣлахъ республики и о планѣ, который я начерталъ себѣ по поводу настоящаго порученія. Оно Вамъ, надѣюсь, докажетъ, что я не недостоинъ Вашихъ добрыхъ чувствъ и Вашей дружбы, которыми Вы меня удостоиваете.

Я Вамъ пришлю паспортъ, который Вы желаете. Я не дѣлаю этого сегодня, чтобы на будущей недѣлѣ еще разъ имѣть случай напомнить Вамъ о себѣ. Что Вы скажете про Парижскія новости? Вы, должно быть, получили ихъ раньше меня, такъ что я не считаю нужнымъ сообщить Вамъ о низложеніи великаго человѣка и о печальномъ концѣ его политической роли. Мнѣ пишутъ, что онъ закончилъ жалкимъ образомъ, пославъ Коленкура въ Парижъ съ порученіемъ просить мира во что бы то ни стало, и что этотъ посланникъ, видя, что дѣла его государя непоправимы, занялся своими собственными дѣлами и заключаетъ свой особенный миръ. Говорятъ, что уже одиннадцать маршаловъ и генераловъ покинули Бонапарта.

Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ моей истинной преданности и моемъ совершенномъ почтеніи, съ коими я имѣю честь быть и пр....

2.

Санктъ-Петербургъ, 2/14 іюня, 1816 г.

Ваше Сіятельство,

Приступая опять къ давно прерванной перепискѣ, я желалъ бы имѣть другой мотивъ, чтобы писать Вамъ, чѣмъ тотъ, который мнѣ внушаетъ мой долгъ.

Одинъ нѣмецкій журналъ, подъ названіемъ „Europaeische Annalen", приписываетъ Вамъ сочиненіе [1]) о нравственномъ состояніи Франціи, напечатанное у Пашу въ Женевѣ въ 1815 г., которое содержитъ разсужденія, могущія непосредственно затронуть уваженіе, подобающее шведскому Двору. Они не приминули привлечь вниманіе послѣдняго и мотивировать жалобы, представленныя посланникомъ Его Величества короля Шведскаго Государю Императору. Ваше положеніе подданнаго и бывшаго слуги Его Императорскаго Величества, Ваше имя, графъ, и уваженіе, коимъ оно окружено, являются достаточными мотивами, чтобы ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе насчетъ отношеній, существующихъ между Россіей и Швеціей. Вслѣдствіе сего было бы желательно, чтобы Вы въ будущемъ, въ Вашихъ слѣдующихъ сочиненіяхъ, воздержа-

---

[1]) *„Frankreich und die Bourbons, im Iahre 1814"* Aus des in Lausanne privatisirenden russischen Grafen von Golovkin: *Considérations sur la constitution morale de la Franse* Genève chez Pachoud 1815, von *Posselt* (Europaeische Annalen). (*Франція и Бурбоны въ 1814 г.*—изъ сочиненія проживающаго въ Лозаннѣ русскаго графа Головкина: „Разсужденія по поводу нравственнаго состоянія Франціи", Женева, у Пашу 1815, статья Поссельта въ европейскихъ Анналахъ).

Вотъ мѣсто, которое, по всей вѣроятности, вмѣнили въ вину Головкину:

„Первымъ результатомъ побѣдоноснаго союза было установленіе публичнаго права, которое даже самое взвинченное воображеніе могло лишь съ трудомъ понять, которое должно было окончательно уничтожить нравственность и религію и которымъ восхищались всего только нѣсколько дней наиболѣе заинтересованныя въ немъ лица... Побѣдоносные государи захотѣли посовѣтоваться съ побѣжденными народами по поводу образа правленія, который имъ больше всего подошелъ бы... Они не предвидѣли, что подобною санкціею мятежа и преступленія въ лонѣ иностраннаго народа они выдавали вольную революціи въ собственной странѣ... Казалось еще менѣе правдоподобнымъ, чтобы они могли унизить себя до такого безнравственнаго поступка, какъ предложеніе трона генералу или счастливому авантюристу, какъ Бернадоттъ, существованіе котораго есть не что иное, какъ прискорбный памятникъ ихъ прежней снисходительности.

лись отъ оглашенія Вашего письма, которое могло бы вызвать неосновательныя и совершенно неумѣстныя предположенія. Если же Ваше Сіятельство сочли бы необходимымъ и въ будущемъ дать огласку Вашимъ политическимъ мнѣніямъ путемъ печати, то соблаговолите, по крайней мѣрѣ, не терять изъ виду необходимую осторожность, или смягченіемъ выраженій или же оставленіемъ публики въ невѣдѣніи насчетъ ихъ автора.

Я вынужденъ обратиться къ Вашему Сіятельству съ этими замѣчаніями по причинамъ высшаго порядка и дѣлаю это съ тѣмъ большимъ усердіемъ и вниманіемъ, что я напередъ увѣренъ въ пользѣ, которую Вамъ угодно будетъ извлечь изъ нихъ для будущности.

Пользуясь случаемъ, прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи, съ коимъ я имѣю честь быть и т. д.

Графъ Каподистрія [1]).

---

[1]) Въ бумагахъ графа Федора нашелся черновикъ его отвѣта графу Каподистрія, состоящій въ слѣдующемъ:

Ваше Сіятельство,

„Такъ какъ я вызвалъ неодобреніе Его Величества Государя Императора, я сожалѣю, что причинилъ непріятность тому, котораго Вы называете Шведскимъ королевскимъ принцемъ. Но на что онъ жалуется? Развѣ мое имя связано съ сочиненіемъ, которое составило бы мою гордость, въ виду защищаемыхъ имъ принциповъ и смѣлости, съ которой авторъ ихъ защищаетъ? И если онъ такъ интересуется тѣмъ, что я говорю и дѣлаю, то какъ же онъ не знаетъ сколько времени я уже отстраненъ отъ дѣлъ и какое разстояніе меня отъ нихъ отдѣляетъ? Пусть онъ успокоится. Когда представится случай вступиться за интереснаго молодого человѣка, племянника моего всемилостивѣйшаго Государя, то защита его интересовъ навѣрно не будетъ поручена мнѣ.

Я остаюсь и пр.

Повидимому это то же самое письмо, варіантъ котораго графъ Федоръ приводитъ въ своемъ письмѣ отъ 24 ноября 1816 г. къ своей кузинѣ г-жѣ Местраль д'Аррюфанъ. (См. выше).

3.

Санктъ-Петербургъ, 31 января, 1817 г.

Ваше Сіятельство,

Я нашелъ, что предметъ письма, которое Ваше Сіятельство сдѣлали мнѣ честь написать отъ 2/14 числа минувшаго декабря мѣсяца, настолько интересенъ по существу, а также по своимъ послѣдствіямъ, которыя можно отъ него ожидать, что прежде всего считаю своимъ долгомъ представить Вамъ выраженіе моей благодарности за выборъ, который Вы соблаговолили сдѣлать, поручивъ мнѣ столь почетную комиссію [1].

Я постарался исполнить Ваши намѣренія.

Государь Императоръ, по докладѣ Его Величеству рѣшеній, принятыхъ княгинею Суворовой [2]) въ смыслѣ обезпеченія ея двумъ сыновьямъ благъ воспитанія, соотвѣтствующаго обязанностямъ, возлагаемымъ на нихъ наслѣдіемъ славнаго имени, а также надеждамъ, которыя они внушаютъ своему государю и своей родинѣ,—соизволилъ оцѣнить ея материнскую заботливость. Удѣляя Гофвильскому воспитательному заведенію особый интересъ и осчастливливая г-на Фелленберга своимъ благоволеніемъ, Государь Императоръ съ удовольствіемъ усмотритъ предоставленіе молодымъ князьямъ преимуществъ этого воспитательнаго заведенія.

---

[1]) Въ этомъ письмѣ идетъ рѣчь о двухъ маленькихъ князьяхъ Суворовыхъ, Александрѣ и Константинѣ Аркадьевичахъ, внукахъ фельдмаршала, которыхъ графъ Федоръ засталъ во Флоренціи предоставленныхъ попеченію ихъ матери, особѣ слишкомъ легкомысленной, чтобы наблюдать за развитіемъ внуковъ героя. „Я испросилъ разрѣшенія императора Александра и получилъ его имѣть за ними наблюденіе въ самый рѣшительный моментъ ихъ жизни"—пишетъ графъ Федоръ. Прибавимъ, съ своей стороны, что Александръ Аркадьевичъ сдѣлалъ честь своему покровителю и своимъ учителямъ.

[2]) Елена Александровна урожденная Нарышкина (1785—1855), вышедшая вторично замужъ за князя Василія Сергѣевича Голицына (1792—1856).

Переговоры, которые по этому поводу пришлось вести съ другими опекунами, закончены, и я спѣшу приложить при семъ письмо, которое мнѣ написалъ г-нъ сенаторъ въ отвѣтъ на мое письмо, во исполненіе повелѣній Его Императорскаго Величества.

Теперь остается только заручиться согласіемъ г-на Фелленберга и мнѣ кажется, что въ немъ нечего сомнѣваться. Не зная всѣхъ подробностей распоряженій княгини Суворовой по поводу помѣщенія ея сыновей въ Гофвилѣ, я пока долженъ воздержаться отъ сообщеній директору означеннаго заведенія. Но я воспользуюсь отправкою курьера, чтобы передать ему предварительное извѣщеніе, и буду выжидать второго письма отъ Васъ, графъ, чтобы дѣйствовать надлежащимъ образомъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности, съ коими я имѣю честь быть и пр. и пр.

VII.

Графъ де-Коаньи [1]).

1.

ОТЕЛЬ БОВО, УЛИЦА СЕНТЪ-ОНОРЕ.

16-го февраля 1816 г.

Судьба государствъ, дорогой графъ, и разныя случайности какъ-будто встрѣчаются, чтобы воспрепятствовать нашему сближенію. „Корсиканецъ“ появляется, а Вы удаляетесь; Вы пишете (съ Вашихъ же словъ) моей дочери [2]), а она не получаетъ Вашего посланія. Нашъ пріятель, Крюссольскій судья, заболѣваетъ и умираетъ, а немного спустя его душеприказчикъ находитъ въ его бумагахъ письмо, адресованное мнѣ, и присылаетъ мнѣ его—это было Ваше письмо; но подагра до такой степени овладѣла моею рукою, что я не могъ даже распечатать это письмо, и лишь сегодня я могу приняться за отвѣтъ и то лишь приняться, потому что мое перо такъ дрожитъ, что Богъ знаетъ, когда я его закончу. Богъ знаетъ тоже, какое удовольствіе мнѣ доставило получить отъ Васъ извѣстіе. Вы очень добры интересоваться новостями обо мнѣ и моей дочери; онѣ всегда были хороши. Мы не выѣзжали изъ Па-

[1]) Огюстъ Габріель-де-Франкто, графъ де-Коаньи (1740—1817).

[2]) Герцогиня Флёри, извѣстная подъ именемъ Эмэ де-Коаньи, которую Андре Шенье обезсмертилъ знаменитыми стихами „La Jeune Captive“ (Молодая Невольница), см. о ней вышедшую недавно книгу Этьена Лами.

рижа ни на минуту и, сказать Вамъ правду, пребываніе здѣсь мнѣ никогда такъ не нравилось, какъ когда здѣсь былъ Бонапартъ. Мы спрашивали, мы узнавали, мы составляли даже маленькіе заговоры, и я каталъ свое кресло, какъ Діогенъ каталъ свою бочку, когда въ Греціи становилось неспокойно; ко всему этому примѣшивалось немного риска, что дѣлало нашу жизнь весьма пикантной. Я чувствовалъ, что живу!

А теперь я ощущаю только тоску и однообразіе покоя. Какія это, дорогой графъ, печальныя, чтобы не сказать постыдныя, вещи: старость и безполезность, взятыя вмѣстѣ. Какъ я это чувствую! Для меня существуютъ только одни животные инстинкты: сонъ и пища, и въ нихъ состоитъ мое времяпрепровожденіе, такъ что я буду, какъ Титъ, когда въ одинъ прекрасный день у меня исчезнетъ аппетитъ. Старайтесь предупредить, я Васъ умоляю, эту прискорбную развязку. Вы еще молоды, но время крылато: у Васъ столько средствъ, столько талантовъ! Не дайте имъ заржавѣть. Встряхните мантію лѣности, въ которую Вы слишкомъ плотно облеклись, устраивайте себѣ самому ложе, не предоставляя заботу объ этомъ другимъ, и приготовьте средства, чтобы воспользоваться большимъ положеніемъ, которое Вамъ предлагаютъ.

Я желалъ бы, чтобы имя Ришелье и честность того, кто его носитъ, дали бы нашему первому министру возможность сыграть большую и полезную роль. Но достаточна ли опытность, пріобрѣтенная въ Одессѣ для Франціи? Бросивъ взглядъ на карту, можно убѣдиться въ томъ, что отъ береговъ Чернаго моря до береговъ Сены—разстояніе большое. Я, правда, устроился на нихъ хорошо, хотя мнѣ это дорого стоило, но зато я чувствую себя превосходно. Мнѣ надоѣло слушать, какъ они горланятъ, (а вѣдь они только это и дѣлаютъ) и самому надоѣло горланить, не обращая никого въ свою вѣру, но, слава Богу, и самъ не поддаваясь соблазну; я поэтому рѣшилъ снова эмигрировать, не трогаясь съ моего мѣста за каминомъ, въ отелѣ Бово, гдѣ я живу. Я только налагаю на

себя запретъ говоить о томъ, что происходитъ или что еще произойдетъ, и прочитываю въ газетахъ статьи о Франціи и о Парижѣ такъ, какъ я читаю статьи о Константинополѣ. Такимъ образомъ, я для Васъ, дорогой графъ, являюсь корреспондентомъ наименѣе свѣдущимъ и интереснымъ, какой только можетъ найтись въ современномъ Вавилонѣ. Моя дочь живетъ со мною и составляетъ мое счастье. Мы съ ней не совсѣмъ сходимся во мнѣніяхъ, но, съ обоюднаго согласія, рѣшили не затрагивать этихъ вопросовъ, и я поэтому вполнѣ наслаждаюсь ея заботливымъ уходомъ, ея умомъ и—главное—ея золотымъ сердцемъ. Оно проявилось, когда она изъ Вашего письма узнала, что Вы ее помните.

Бѣдная г-жа де Вопальеръ скончалась, г-жа Брюнуа выказываетъ много бодрости духа, но возбуждаетъ состраданіе. Что съ ней будетъ? Будьте ко мнѣ снисходительны за то, что я маралъ это письмо дольше, чѣмъ я думалъ. Это мнѣ стоило нѣкоторыхъ усилій, но они смягчены удовольствіемъ Вамъ писать. А для меня это большое удовольствіе, хотя бы письменно бесѣдовать съ Вами, дорогой графъ.

2.

Отель Бово, 21 марта 1816.

Ахъ, дорогой графъ, когда негодяй нашелъ возможность забраться къ Вамъ, ничто не въ состояніи его оттуда выжить. Мой ревматизмъ доказываетъ мнѣ вѣрность этой печальной истины. Какъ только я успѣлъ отвѣтить на Ваше письмо, которое такъ долго медлило дойти до меня, мой врагъ, отсутствовавшій нѣсколько дней, вѣроятно, для того чтобы заострить свои когти, снова появился, чтобы вонзить ихъ въ мое старое тѣло... Наконецъ, боли прошли, но осталась общая оцѣпенѣлость, физическая и нравственная, лишающая меня всякой способности дѣйствовать и мыслить; итакъ, это не болѣе, какъ толстое животное, которое теперь старается намарать Вамъ

свою благодарность за Вашу добрую память. Въ виду столь хорошаго намѣренія, я прошу извинить пошлость моего посланія.

Какъ Вы счастливы, что я не чувствую въ себѣ силъ описать Вамъ тотъ новый хаосъ, который насъ теперь заставляютъ переживать! Насъ тревожатъ не преступники, какъ прежде, а болтуны съ претензіями, которые тормозятъ насъ, когда у насъ является настоятельная надобность двинуться впередъ. Неужели у этихъ господъ, кромѣ языковъ, нѣтъ рукъ, чтобы дать намъ толчекъ и заставить насъ тронуться съ мѣста. Вы думаете, что у насъ только двѣ палаты, дорогой графъ, но знайте, что у насъ ихъ три: палата перовъ, палата депутатовъ и палата недовольныхъ [1]). Послѣдняя находится повсюду, отъ передней до будуара. Она изобилуетъ тревожными слухами и кишитъ еще больше, чѣмъ первыя двѣ, чиновниками, финансовыми прожектерами и будущими министрами. Всѣ эти группы производятъ оглушительный шумъ, но дѣла у нихъ не видать. Министерство, не оглядываясь назадъ, попало въ осиное гнѣздо, гдѣ вмѣсто меда оно наткнулось на жальные уколы, которыхъ для него не щадятъ. Потѣшно, что въ нашъ вѣкъ просвѣщенія всѣ, даже самые хитрые люди играютъ въ жмурки. И мнѣ тоже пришлось бы принять участіе въ этой партіи, если бы я захотѣлъ просвѣтить Васъ насчетъ нашего положенія. Что, собственно, касается моего, то оно было бы очень пріятно при отсутствіи ревматизма и нѣкоторомъ обиліи червонцевъ. Вы знаете мою дочь,—а этимъ сказано все; такъ вотъ, живя съ ней подъ одной крышей, въ хорошей квартирѣ, съ видомъ на поля и хорошимъ воздухомъ, что можно больше желать въ моемъ положеніи и въ моемъ возрастѣ? Мнѣ недостаетъ такого состоянія, которое поменьше напоминало бы бѣдность. У меня лишь сердце твердо и спокойно, и доказательствомъ тому служатъ мои чувства къ любезнѣйшему и дражайшему графу Головкину.

---

[1]) Непередаваемая по-русски игра словъ: „chambre des députés“ и „chambre des dépités“. *Прим. перев.*

Моя дочь постоянно говоритъ мнѣ о Васъ и поручила мнѣ Вамъ сказать, что все, что она желаетъ—это, чтобы Вы скорѣе вернулись сюда. Вы можете быть увѣрены, что мои желанія на этотъ счетъ не менѣе искренни.

3.

ОТЕЛЬ БОВО, УЛИЦА ПРЕДМѢСТЬЯ СЕНТЪ-ОНОРЕ.

21 іюня 1816 г.

Съ Вашей стороны, дорогой графъ, очень коварно, что Вы предупредили мое желаніе высказать Вамъ мое мнѣніе лишь тогда, когда можно будетъ болѣе или менѣе точно установить черты и качества новой принцессы [1]). Пока она была въ дорогѣ, письма мало согласовывались насчетъ ея красоты, съ момента же ея пріѣзда разногласія остаются тѣ же. Придворные профессіоналы утверждаютъ, что она хорошенькая, неблагонамѣренные люди осмѣливаются говорить, что она безобразна, а правдивые—хотя не доходятъ до того, но приближаются къ тому же утвержденію; у нея во взглядѣ есть нѣчто напоминающее косоглазіе и придающее ея глазамъ движеніе вверхъ, не соотвѣтствующее остальнымъ ея чертамъ, въ особенности нижней губѣ, которая въ то же время производитъ движеніе въ противоположную сторону, что ей очень не къ лицу; у нея вообще очень замѣтна отвислая нижняя губа, свойственная австрійскому царствующему дому. Лицо у нея безцвѣтное, но ослѣпительной свѣжести. Она небольшого роста, но хорошо сложена; ноги у нея маленькія, но слегка вогнутыя во внутрь. Въ общемъ она нехороша собой, даже для принцессы, какъ выразился вчера одинъ изъ моихъ дру-

[1]) Герцогиня Барри (урожденная принцесса Бурбонская обѣихъ Сицилій), свадьба которой съ герцогомъ Барри (вторымъ сыномъ графа Артуа, впослѣдствіи короля Карла X) была отпразднована 17 іюня 1816 г.

Прим. перев.

зей. А впрочемъ, дорогой графъ, не обращайте большого вниманіе на мое описаніе; можетъ быть, во всемъ, что я пишу, нѣтъ и слова правды, ибо я повторяю только слухи, а Вы знаете, что слухи чаще отдаляются отъ истины, чѣмъ приближаются къ ней. Что же касается ея характера, то о немъ еще нельзя судить. Она кажется доброй, нѣжной, веселой, но это еще ребенокъ.

Покончивъ съ статьей „принцесса", спрашивается, слѣдуетъ ли мнѣ перейти къ другимъ статьямъ?

Со времени закрытія палатъ и Гренобльскаго происшествія, мы живемъ такъ спокойно, что напоминаемъ застывшее масло. Свободныя празднества прошли при общемъ ликованіи, но спокойно, какъ само счастье. Если и существуетъ подпольное броженіе, оно такъ запрятано, что его даже нельзя подозрѣвать. Въ настоящее время король не болѣе какъ членъ федераціи, онъ такъ сроднился съ предмѣстьемъ Сентъ-Антуанъ [1]) и такъ завоевалъ его симпатіи, что онъ командуетъ тамъ больше, чѣмъ это когда-либо дѣлалъ Сантерръ. Теперь благословляютъ Людовика XVIII и его семейство, а всего три недѣли тому назадъ только и говорили о томъ, какъ бы его задушить. Эта перемѣнчивость больше тревожитъ, чѣмъ успокаиваетъ! Но общественное мнѣніе все же начинаетъ довольно ясно выражаться повсюду въ провинціяхъ, при почетномъ и лестномъ пріемѣ роялистскихъ депутатовъ, возвратившихся туда по окончаніи сессіи. Это, я думаю, заставитъ министровъ снять повязку съ своихъ глазъ и убѣдиться, въ чемъ именно состоитъ общественное мнѣніе. Ахъ, г. де-Ришелье, Вы покинули Черное море для того, чтобы погрузиться въ другое море, по которому труднѣе плавать!

---

[1]) Здѣсь намекъ на демократическія тенденціи Людовика XVIII, который вначалѣ искалъ сближенія съ рабочимъ классомъ. Предмѣстье Сентъ-Антуанъ—рабочій кварталъ въ Парижѣ.

Прим. перев.

Мнѣ незачѣмъ присоединяться къ Вашему мнѣнію относительно представительнаго строя, ибо я всегда былъ того же мнѣнія. Онъ не годится для великой державы нашего материка. Это экзотическое растеніе, которое на этой почвѣ можетъ лишь зацвѣсти ненадолго, но никогда не принесетъ плодовъ. Армія всегда нарушитъ равновѣсіе власти, а защита границъ требуетъ содержанія очень сильной арміи. Конституціонное правленіе, конечно, соединяетъ въ себѣ большія преимущества, но оно подходитъ только къ островному государству и, какъ Вы правильно выражаетесь, къ небольшому народу.

Но, дорогой графъ, что я читаю, Ваше письмо или волшебную сказку? Вырываніе каналовъ и прудовъ; высушиваніе болотъ; устройство шлюзъ; вырубка лѣсовъ; нивелировка земель; постройка маленькаго дворца; руку на сердце—это сонъ, о которомъ Вы мнѣ разсказываете, ибо если это дѣйствительность, то гдѣ же Вы находите время и деньги, чтобы совершать такія чудеса? Ахъ, Вы должны обладать жезломъ Армида, чтобы перенести въ Швейцарію, въ одинъ мигъ, англійскій паркъ, азіатскій дворецъ и пр. и пр., или такимъ волшебнымъ жезломъ, который открываетъ сокровища, спрятанныя въ глубинѣ земли [1]). Волшебникъ въ Вюлльеранѣ, чародѣй въ Парижѣ, Вы распространяете очарованіе вездѣ, гдѣ Вы останавливаетесь. Я надѣюсь, что Пломбьеръ, который я всегда такъ любилъ, тоже воспользуется Вашей сверхъестественною силою, и что Вы эту лощину превратите въ долину Темпе. Но что я желаю прежде всего—это, чтобы купанье и воды въ Бюссонѣ оказались для Васъ цѣлебными и сдѣлали бы для Вашего здоровья то же, что природа сдѣлала для Вашей любезности. Какую Вы тогда пріобрѣли бы крѣпость!

Моя дочь посылаетъ Вамъ тысячу поклоновъ; она была больна, но теперь вполнѣ поправилась и въ концѣ этой недѣли ѣдетъ въ деревню. Какъ мнѣ будетъ недоставать ея! Ибо я

[1]) Это намекъ на пребываніе графа Федора въ замкѣ Вюлльеранъ, близъ Лозанны, владѣніи его родственниковъ де-Местраль.

тогда буду одинъ, совсѣмъ одинъ. Сжальтесь же надъ старикомъ-отшельникомъ и утѣшьте его Вашей любезной и пикантной перепиской. Вы обязаны, дорогой графъ, дать это доказательство интереса человѣку, который Васъ больше всѣхъ почитаетъ и любитъ.

4.

9 іюля 1816 г.

Не знаю, дорогой графъ, живы ли Вы еще или умерли. Вѣрно только то, что одно изъ посланій Вашей Милости не дошло до Елисейскихъ Полей, что вызвало во мнѣ опасеніе, не отправился ли его авторъ на тотъ свѣтъ.

Но, къ удовольствію и радости Вашего покорнѣйшаго слуги, онъ третьяго дня получилъ Ваше второе письмо...

Я Вамъ много благодаренъ за Вашу любезную переписку. Вы такъ часто мѣняете Ваше мѣстопребываніе и Ваши проекты, что мнѣ еще долго придется выражать Вамъ свою благодарность письменно, между тѣмъ какъ я надѣялся принести ее Вамъ лично. Я, конечно, очень люблю читать Ваши письма, но все же предпочитаю слушать Васъ и при этомъ глядѣть на Васъ. Съ Вами предметы для разговоровъ неисчерпаемы, начиная съ политики кабинетовъ и кончая клубной болтовней; Вы владѣете всѣми этими предметами и, увеличивая интересъ однихъ, изощряете пикантность другихъ...

Когда еще никому не приходило въ голову думать о женитьбѣ Людовика XV на Лещинской, она жила въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ съ своимъ отцомъ въ Вейссенбургѣ. Послѣдній каждый вечеръ ужиналъ и напивался съ герцогомъ Буттвилемъ, командовавшимъ полкомъ въ этомъ городѣ. Его польское Величество регулярно заканчивалъ эти ужины разсказомъ о своихъ неудачахъ. Однажды герцогъ, сильно опьянѣвшій, съ осовѣлымъ взглядомъ самымъ трогательнымъ голосомъ крикнулъ: „Замолчи, бѣдный мой король, ты мнѣ надоѣлъ съ своими несчастіями!“

И вотъ я вполнѣ хладнокровно хотѣлъ бы имъ сказать: „Замолчите, Вы мнѣ надоѣли съ Вашей конституціей!“... И приверженцы, и враги ея мнѣ одинаково несносны; какъ бы ни былъ интересенъ и важенъ предметъ, но говорить о немъ безпрестанно—становится пустословіемъ. Поэтому не ожидайте отъ меня никакихъ разсужденій по этому поводу. Я ограничусь слѣдующими словами: утверждаютъ, что необходима хартія—хорошо, но позвольте же ее пересмотрѣть, измѣнить и выяснить, гдѣ нужно. Одна Минерва вышла изъ головы Юпитера во всеоружіи. Какъ бы хороша ни была голова моего короля, ее все же нельзя сравнить съ головой бога. Подумайте, что Его Величество удѣлилъ только два дня на то, чтобы сочинить и изложить этотъ законъ, который я называю поэтому Компьенньскимъ экспромптомъ. Не оставляйте же его въ сыромъ видѣ, какъ тепличный плодъ; въ этихъ скороспѣлыхъ и искусственныхъ растительныхъ образованіяхъ содержится больше воздуха, чѣмъ вещества. Я желалъ бы, чтобы они дозрѣли на лонѣ природы, и я боюсь, что этого именно не достаетъ нашей хартіи. А добродушная природа смѣется надъ этими препятствіями и не допускаетъ нарушенія своихъ правъ.

Наши поля въ этотъ моментъ представляютъ тому лучшее доказательство; они обѣщаютъ самый обильный урожай, несмотря на проливные дожди, затоплявшіе землю. Если они и не потопили мою дочь, я все же думаю, что она была забрызгана грязью до самыхъ ушей. Вотъ уже три недѣли, какъ она не выходитъ изъ этой грязи, превратившей всю нашу провинцію Бри въ одну лужу. Но моя дочь при этомъ цвѣтетъ и полнѣетъ, судя по ея письмамъ, и я этому радуюсь, ибо здоровье—все, что ей осталось на свѣтѣ, а мнѣ осталось только это бѣдное дитя. Благодаря ей одной и ради ея я переношу бремя этой жизни. При семидесятишестилѣтнемъ возрастѣ, да къ тому же при ревматизмѣ—какой смыслъ имѣетъ это существованіе? Но моя дочь, моя дочь!—я убѣждаю, себя что

мои дни тебѣ нужны... Итакъ, надо жить, жить и для того, чтобы цѣнить Вашу дружбу и пользоваться ею; и если Вы мнѣ удѣлите частичку этой дружбы—это будетъ лишь уплаченный по справедливости долгъ за тѣ чувства, которыя Вы мнѣ внушаете.

5.

ОТЕЛЬ БОВО, ПЛОЩАДЬ БОВО.

27 іюля 1816 г.

Я Васъ люблю, дорогой графъ, и по этой причинѣ я чуть было не отвѣтилъ Вамъ, потому что никогда не надо надоѣдать своимъ друзьямъ; а на той мертвой точкѣ, на которой мы теперь остановились, переписка даже самого Вольтера заставила бы зѣвать арлекина. Говорить ли о погодѣ—она отвратительна; объ урожаѣ—онъ вселяетъ безпокойство; о виноградникахъ—они затоплены; о финансахъ—на ихъ счетъ пожимаютъ плечами; о министрахъ, о политикѣ—все это самымъ возмутительнымъ образомъ смѣшиваютъ съ грязью. Нѣтъ даже ни одного маленькаго домашняго скандала... Все неинтересно, повсюду недостатокъ движенія и даже злословія. Какъ же Вы хотите, чтобы я съ своей удочкой отшельника ловилъ въ этой застывшей водѣ рыбу—будь это хотя бы пикантный пискарь? Я полагаю, что Вы находитесь въ такомъ же затрудненіи въ этой дырѣ—Пломбьерѣ. Ахъ, какъ я когда-то тамъ веселился—но я тогда былъ молодъ, и удовольствія украшали для меня эту пустыню, какъ Вашъ вкусъ сумѣлъ украсить пустыню, недавно покинутую Вами въ Швейцаріи. А въ Ваши лѣта, дорогой графъ, какъ бы ни была любезна г-жа Рекамье, ей пришлось бы превратиться въ Армиду Стерлингъ для того, чтобы ея чары заставили забыть однообразіе

мѣстности и растительности минеральныхъ водъ. Я не имѣю чести знать этой дамы, но я ей обязанъ благодарностью, ибо мой старый рысакъ доживаетъ свои дни на ея хлѣбахъ. Но она еще усугубляетъ мою благодарность, украшая Ваши дни своею любезностью. Мои дни болѣе одиноки, чѣмъ они могли бы быть въ Ѳиваидѣ. Дочь уѣхала въ деревню, по крайней мѣрѣ, на три недѣли. Это очень долго. Но ея здоровье требовало свѣжаго воздуха, и если я такъ послушенъ моему королю и его хартіи, то разсудите сами, какъ я долженъ прислушиваться къ нуждамъ моей любезнѣйшей дочери. Увы! у нея есть крайне неотложныя... но которыхъ я не могу удовлетворить! Это мученіе моей жизни, и я это слишкомъ хорошо сознаю. Больной и бѣдный старикъ не только составляетъ бремя для другихъ, но и для самого себя. Когда же, наконецъ, Провидѣніе отзоветъ меня съ моего поста. Только бы это не случилось раньше, чѣмъ Вы, дорогой графъ, вернетесь къ намъ, къ Вашимъ друзьямъ. Я льщу себя быть въ числѣ тѣхъ, которые желаютъ это наиболѣе пламенно. Мои чувства интереса и почтенія могутъ служить Вамъ въ этомъ гарантіей.

КОНЕЦЪ.

Содержаніе.

ГЛАВА III.

Заграничная вѣтвь Головкиныхъ.

ГЛАВА IV.

Графъ Александръ Александровичъ.

ГЛАВА V.

Послѣдній своего рода.

ГЛАВА VI.

Графъ Федоръ.

Стр.

Дворъ и царствованіе Павла I.

Портреты и воспоминанія.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Александра I

Корреспонденты Головкина.

Каталогъ изданій „Сфинкса".

Историческая Библіотека „Сфинкса".

Томъ I. **Мемуары графини Головиной, урожденной княжны Голицыной.** Переводъ съ предисловіемъ К. Валишевскаго. Цѣна 2 р.
Томъ II. Д. Вандаль. **Императрица Елисавета и Людовикъ XV.** Перев. съ франц. Д. Гретманъ. Вступит. статья И. Н. Бороздина. Цѣна 2 р. 25 к.
Томъ III. Д. Глейхенъ фонъ-Руссвурмъ. **Блестящая Европа.** Свѣтское общество XVI и XVII вѣковъ. Ц. 4 р. 25 к.
Томъ VIII. Левъ Ждановъ. **Послѣдній фаворитъ.** (Екатерина I и Зубовъ). Истор. романъ-хроника. Цѣна 1 р. 75 к.

„Смутное Время и Отечественная Война".

(КЪ ЮБИЛЕЯМЪ 1613 и 1812 г.).

Подъ общей редакц. И. Н. Бороздина.

Томъ I. Пирлингъ. **Димитрій Самозванецъ.** Перев. В. П. Потемкина. Цѣна 2 р. 75 к.
Томъ II. Роосъ. **Съ Наполеономъ въ Россіи.** Мемуары врача Великой Арміи. Роскошное изданіе. Болѣе 100 иллюстрацій въ текстѣ. Цѣна 2 р. 25 к.

К. Валишевскій.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. **Вокругъ трона.** Екатерина Великая. (Ея друзья.—Фавориты.—Интимная жизнь). Единственно полный перев. Д. Гретманъ, снабженный дополненіями и подлинными письмами изъ архивныхъ документовъ. Цѣна 3 р.
Томъ II. **Царство женщинъ.** Екатерина I.—Анна.—Елисавета Единств. полн. перев. Д. Гретманъ. Цѣна 3 р.

Томъ III. **Петръ Великій**. Воспитаніе. — Личность. — Дѣло.— Единств. полн. перев. А. Гретманъ. Большой, роскошно издан. томъ съ многочислен. иллюстрац. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Томъ IV. **Дочь Петра.** (Елисавета I, Императрица Всероссійская). По новымъ, частью неизданнымъ документамъ, хранящимся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ во Франціи, въ тайныхъ архивахъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, въ разныхъ другихъ хранилищахъ и по новѣйшимъ русскимъ и иностраннымъ изданіямъ. Съ 4 портретами на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Томъ V. **Марысенька**. Марія де-Лагранжъ д'Аркіенъ. Королева Польши. (Жена Собѣсскаго. 1614—1716).

СОДЕРЖАНІЕ: Глава I. **Въ дорогѣ.** Глава II. **Французскій дворъ въ Варшавѣ.** Глава III. **Первый бракъ Марысеньки.** Глава IV. **Варшава и Шантильи.** Глава V. **Романъ госпожи Замойской.** Глава VI. **Тайный бракъ.** Глава VII. **Любовная ссора.** Глава VIII. **Дипломатія Марысеньки.** Глава IX. **Королева.** Глава X. **Апогей.** Глава XI. **Паденіе.** Глава XII. **Послѣднее брачное ложе.**

Роскошно изданный томъ. Цѣна 2 р. 50 к.

Эдмондъ и Жюль Гонкуры.

Полное роскошно иллюстрированное собраніе сочиненій, съ портретомъ автора, съ предисловіемъ и критикобіографическимъ очеркомъ доктора Гофмана.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Томъ I. **Проститутка Элиза**. Критико-біографическій очеркъ и предисловіе **Виктора Гофмана**. Перев. М. Бередниковой. Роскошно изданный томъ съ портретомъ автора и иллюстраціями художн. Жанніо. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ II. **Жермини Ласертэ**. (Исторія служанки). Романъ. Перев. С. Венгеровой. Цѣна 1 руб. 50 к.

Томъ III. **Братья Земганно.** Романъ. Перев. Зин. Журавской. Иллюстраціи А. Местро. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ IV. **Фостэнъ**. Романъ. Перев. Нины Петровской. Иллюстраціи Мих. Соломонова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ V. **Мадамъ Жервезе**. Ром. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ VI. **Шери**. Перев. М. Бередниковой. Романъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Остальные томы печатаются.

Сочиненія Ив. Наживина.

Томъ I. **Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ**, съ приложеніемъ нигдѣ не опубликованныхъ писемъ. Роскошно изданный томъ большого формата, отпечатанный на лучшей александрійской бумагѣ и украшенный портретами. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ II. **Разсказы** (книга 1-ая).

СОДЕРЖАНІЕ: На голодѣ.—Въ степи.—На нивѣ народной.—Рабъ Хеопса.—Въ курьерскомъ поѣздѣ.—На волѣ.—Авангардъ цивилизаціи.—Въ царствѣ красоты.—Въ стѣнахъ.—О чемъ говорятъ звѣзды.—Волосъ Мадонны.—На паперти.—Съ нами Богъ.—Большая дорога.

Большой томъ въ 470 стр. Цѣна 1 руб. 60 к.

Эдуардъ Родъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. **Мечъ и повязка.** Ром. Цѣна 1 р. 50 к.

„Драматическія произведенія“.

Томъ I. Гергартъ Гауптманъ. **Крысы.** Трагикомедія. Переводъ Ю. Спасскаго. Цѣна 70 коп.

Давно уже не заносилъ Гауптманъ надъ публикой съ такой силой своей руки драматурга, давно уже не выходило изъ мастерской его такого цѣльнаго и совершеннаго творенія.

Томъ II. Пьеръ Луисъ. **Женщина и паяцъ.** Пьеса въ 4 дѣйств. и 5 карт. Перев. **Ю. Спасскаго.** Цѣна 75 к.

Ю. Александровичъ.

Исторія новѣйшей русской литературы.

(1800—1910 гг.).

ЧАСТЬ I.

Чеховъ и его время.

СОДЕРЖАНІЕ: Гл. I. **Наканунѣ 80-хъ гг.** I. Періодъ великаго тріединаго синтеза. 2. Кризисъ народничества. 3. Послѣд-

ніе могикане.—Гл. II. **80-е годы и ихъ лозунги. Предтечи Чехова**. 1. Побѣдоносцевщина и ея идеалы. 2. Послѣднія вспышки народничества. 3. Новыя настроенія. 4. Толстовство и его вліяніе. Другіе лозунги 80-хъ годовъ. 5. Новая теорія искусства и отщепенецъ въ литературѣ.—Гл. III. **Первые шаги Антона Чехова.**—Гл. IV. **Девяностые годы и творчество Чехова.** 1. Сущность міровоззрѣнія „молодого поколѣнія". Антонъ Чеховъ и «Недѣля». 2. Оживленіе въ общественной жизни. Возрожденіе народничества. 3. Недѣля, какъ колыбель марксизма. 4. Новая волна беллетристовъ-девятидесятниковъ. 5. Отношеніе Чехова къ общественному пробужденію.—Гл. V. **Послѣдніе годы въ жизни и творчествѣ Чехова. Общіе итоги. Шуйца и десница Чехова.** Соціальныя воззрѣнія Чехова. Философско-моральныя воззрѣнія Чехова. Демократиченъ ли Чеховъ? Національный ли писатель Чеховъ? Толстовство, ибсенизмъ и ницшеанство Чехова. Чеховъ, какъ совершенно новый типъ русскаго писателя. Чеховъ, какъ урокъ будущимъ поколѣніямъ.

300 страницъ. Цѣна 1 руб.

Сочиненія Н. Брешко-Брешковскаго.

Томъ I. **Романъ Тореадора**. Цѣна 1 р.
Томъ II. **Тайна доктора Альберта**. Цѣна 1 р.

Библіотека романовъ „Сфинкса".

Томъ I. Камиль Перъ. **Дитя Парижа.** Ром. Перев. съ франц. Е. Гуревичъ. Цѣна 1 р. 50 к.
Томъ II. Борисъ Черный. **У грани счастья.** Повѣсть. Цѣна 1 руб.
Томъ III. Луи Перго. **Отъ Гупиля до Марго**. Перев. съ франц. А. Гретманъ. Цѣна 70 к.

...Авторъ—молодой сельскій учитель, получившій за эту книгу гонкуровскую премію. Въ книжкѣ, удостоенной преміи, на заглавіи значится: „Исторія животныхъ". Да, дѣйствительно, это не болѣе какъ сборникъ любопытныхъ и ироническихъ исторій изъ жизни лѣсныхъ обитателей. Но какъ написаны эти исторіи. Сколько наблюдательности, какая психологія, какое тонкое чутье природы. Читая исторію какого-нибудь зайца, лягушки, сороки, читателю кажется, что онъ читаетъ не только переживанія животнаго, но что все это въ одинаковой мѣрѣ касается человѣка, этого врага, на первый взглядъ, остальныхъ существъ. И эта особенность придаетъ книгѣ оригинальный интересъ, заставляющій прочесть ее съ неослабѣвающимъ вниманіемъ съ начала до конца.

Томъ IV. П. Өедосѣевъ. **Непонятная.** (Психологія женщины). Романъ. Цѣна 1 р.

Томъ V. Андрэ Лихтенбержэ. **Маленькій король.** Перев. А. Бердяева. Цѣна 1 р.

Томъ VI. Эдмондъ Фрежакъ. **Альвіана и Цезарь.** (Времена Борджіа). Романъ. Перев. съ франц. Н. Кутукова.

СОДЕРЖАНІЕ: Гл. I. Астрологъ.—Гл. II. Предсказаніе.—Гл. III. Проповѣдь пророка.—Гл. IV. Домашній судъ. Книга вторая. Флоренція и ея пророкъ. Гл. I. Танцы вокругъ костра.—Гл. II. Первая встрѣча Альвіаны съ Цезаремъ.—Гл. III. Вторая встрѣча Альвіаны съ Цезаремъ. Книга третья. По скорбному пути. Гл. I. Конецъ осады.—Гл. II. Діаманта и Цезарь.—Гл. III. Покушеніе.—Гл. IV. Оскорбленіе.—Книга четвертая: Римъ и папа. Гл. I. Женщина въ фіолетовой маскѣ.—Гл. II. Цезарь и незнакомка.—Гл. III. Въ Ватиканѣ: начало празднества. Гл. IV. Въ Ватиканѣ: въ честь Лукреціи.—Гл. V. Обѣдъ у Цезаря.—Гл. VI. Месть Альвіаны.—Гл. VII. Примиреніе.—Гл. VIII. Казнь мятежниковъ.—Гл. IX. Возвращеніе въ Римъ.—Гл. X. Диктатура. Гл. XI. Катастрофа.—Гл. XII. Послѣ катастрофы.—Эпилогъ.

Большой томъ 488 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

„Иллюстрированная библіотека романовъ"

Томъ I. Даніэль Ришъ. **Сказка любви.** Ром. Перев. съ франц. К. Жихаревой. Роскошно изданный томъ съ портретомъ автора и многочисленными иллюстраціями. Цѣна 2 руб.

Томъ II. Э. Зола. **Тереза Ракенъ.** Ром. Перев. съ франц. К. Папудогло. Роскошно изданный томъ съ портретомъ автора и многочисл. иллюстрац. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ III. Миріамъ Гарри. **Островъ наслажденій.** Романъ. Перев. съ франц. В. Лачинова. Роскошно издан. томъ. Болѣе 100 иллюстрацій въ текстѣ съ акварелей худ. Г. Конрада. Цѣна 1 р. 50 к.

„Античная библіотека".

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе томы:

Томъ I. Жанъ Ломбаръ. **Агонія.** Романъ изъ эпохи паденія Римской Имперіи. Предисловіе Октава Мирбо. Полн. перев. подъ редакц. А. Воротникова. Роскошно-изданный томъ. Весь текстъ отпечатанъ въ оригинальной, стильной рамкѣ. Цѣна 3 руб.

Томъ III. Эдуардъ Шюрэ. **Жрица Изиды.** Помпейская легенда. Перев. К. Жихаревой. Цѣна 1 р. 25 к.
Томъ IV. Теофиль Готье. **Романъ Муміи.** Перев. А. Воротикова. Роскошно изданный томъ большого формата. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ V. Шарль Шабо. **Тріумфъ Афродиты.** Романъ изъ античной греческой жизни. Перев. съ франц. К. Жихаревой. Роскошно изданный томъ большого формата. 20 иллюстрацій въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

(Томы II и VI готовятся къ печати).

Изъ отзывовъ о вышедшихъ томахъ „Античной библіотеки".

„**Агонія**" переноситъ насъ въ Римъ, захваченный и оскверненный сладострастнымъ и жестокимъ культомъ Азіи. Мы присутствуемъ при непристойномъ тріумфальномъ въѣздѣ красавца Геліогабала, нарумяненнаго, въ золотой митрѣ, окруженнаго сирійскими жрецами, евнухами и голыми женщинами; видимъ поклоненіе Черному Камню—однополому идолу, гигантскому священному фаллосу, воздвигнутому во дворцахъ и храмахъ, гдѣ императрица и принцессы предаются неслыханному разврату. Передъ нами проходитъ народъ, охваченный бѣшенымъ чувственнымъ опьяненіемъ, колоссальнымъ, всесокрушающимъ безуміемъ, относящійся съ ироніей ко всему, поглощенный кровавыми зрѣлищами цирковъ, пожаровъ и избіенія христіанъ.

Октавъ Мирбо.

Все интересно въ „**Агоніи**", этой замѣчательной книгѣ: личность автора, эпоха, которую онъ возсоздаетъ, наконецъ, сочетаніе громадной эрудиціи писателя съ блестящимъ талантомъ. „**Агонія**"—историческій романъ временъ Эліогабала, когда Востокъ, въ лицѣ знатнаго Цезаря, окончательно опуталъ желѣзный Римъ сѣтями безпримѣрнаго разврата и весь бытъ римлянъ превратилъ въ сплошную пьяную оргію. Въ смыслѣ возсозданія эпохи, „**Агонія**" является образцомъ историческаго романа: словно видишь передъ собою грандіозную фреску, написанную широкими, смѣлыми мазками...

(„**Журналъ для Всѣхъ**". Январь 1911).

„**Агонію**" можно назвать одной изъ лучшихъ переводныхъ вещей, выпущенныхъ к-вомъ „Сфинксъ" въ истекшемъ литературномъ году. Это—одна изъ тѣхъ книгъ, въ основѣ которой лежитъ долгій трудъ научно-документальнаго изслѣдованія. И, можетъ-быть, цѣлые годы самаго разносторонняго изученія исторіи, быта и религіи Рима и особенностей изображаемой эпохи предшествовали тому моменту, когда, овладѣвъ цѣлыми воро-

хами чернового матеріала, писатель далъ, наконецъ, свободу своей широкой и пламенной фантазіи.

(**„Утро Россіи“**. 14-го мая 1911 г.).

Читая **„Агонію“**, мы дышимъ воздухомъ Рима, и не того лубочнаго и опернаго Рима плохихъ историческихъ романовъ, гдѣ нѣтъ никого, кромѣ развратныхъ патриціевъ да Нерона, распинающаго христіанъ, а подлиннаго, прекраснаго Рима, воскресающаго для Ж. Ломбара въ каждомъ маленькомъ предметѣ его быта, въ каждой едва уловимой, но характерной черточкѣ его многообразной жизни. Великолѣпно выписанный образъ юноши—Эліогабала, этого андрогина съ сладострастно божественнымъ лицомъ, шествующаго къ катастрофѣ и гибели въ апоѳеозѣ своей дерзкой и упрямой мечты, какъ золотой идолъ стоитъ надъ Римомъ, подчиняя себѣ жизнь всего дворца, гдѣ оргія жестокаго сладострастія длится каждый день отъ восхода до новой зари, волнами разливается по Риму жажда извращенныхъ, чувственныхъ радостей,—и Вѣчный городъ въ дни Эліогабала превращается въ одинъ сплошной безсонный лупанаръ. Въ картинахъ буйныхъ, мрачныхъ, ослѣпительно-роскошныхъ въ своемъ дикомъ эротизмѣ описываетъ Ж. Ломбаръ эти недолгіе дни владычества безумнаго юноши.

Нина Петровская. („Утро Россіи“. 14-го мая 1911 г.).

Томъ III. Эдуардъ Шюрэ. **Жрица Изиды**. (Помпейск. легенда). Перев. К. Жихаревой. Цѣна 1 р. 25 к.

Изъ отзывовъ печати:

...„Романъ **Жрица Изиды**“ относится ко времени Веспасіана и рисуетъ упадокъ, развратъ правителей и общую разнузданность жизни. Яркой представительницей упадка и разложенія здѣсь является важная патриціанка съ кровью нумидійской принцессы—Гедонія Метелла, разнузданная и эксцентричная красавица, близкая къ трону, которая протежируетъ своимъ любовникамъ, ведетъ утонченную, странную жизнь, и отъ одной оргіи тотчасъ переходитъ къ другой. Культъ Изиды, пробравшійся въ это время въ Римъ, авторъ изображаетъ, какъ явленіе положительное, какъ красивое, чистое вѣрованіе, способное вдохнуть жизнь въ прошлое, даетъ яркія и исторически-правдивыя картины“. (**„Южный Край“**. Харьковъ).

Томъ IV. Теофиль Готье. **Романъ Муміи**. Романъ изъ античной жизни. Перев. А. Воротникова. Цѣна 1 р. к.

Изъ отзывовъ печати:

...**«Романъ Муміи»**.—очень характерное произведеніе французскаго классика съ его страстью къ фантастическому, экзотическому и интересомъ къ давно прошедшимъ эпохамъ жизни.

(**„Русскія Вѣдомости“**. 1911 г.).

Интимный кабинетъ исторіи,

составленный по новымъ, нигдѣ не опубликованнымъ документамъ, неизданнымъ письмамъ, королевскимъ и революціоннымъ памфлетамъ, тайнымъ донесеніямъ полиціи и секретнымъ сочиненіямъ, извлеченнымъ изъ Національнаго Архива.

Эта рѣдкая, интересная и роскошно иллюстрированная библіотека издается въ настоящее время въ Парижѣ.

Книгоиздательство „Сфинксъ", желая познакомить съ ней русскихъ читателей, предприняло ея изданіе на русскомъ языкѣ въ полныхъ и лучшихъ переводахъ.

Вышли въ свѣтъ слѣдующіе томы:

Томъ I. М. Витракъ и А. Галопэнъ. **Графиня Дюбарри, любовница Людовика XV** (Французская Мессалина). Перев. Д. Леви. Цѣна 1 р. 25 к.

Томъ II. Альмерасъ и Флейшманъ. **Королева Марія-Антуанетта** (Интимная жизнь и любовныя похожденія). Перев. съ франц. А. Гретманъ.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Изящная и распутная Франція въ концѣ XVIII вѣка.—II. Людовикъ XVI—мужъ.—III. Дофина.—Любовныя наслажденія Шарло и Туанетты.—IV. Забавы супруги дофина и развлеченія королевы.—V. Пасквили и шансонетки 1776—1779.—Ночныя прогулки.—VI. Памфлетистъ королевской крови.—VII. Исторія брошюръ и пасквилей. VIII. Французская Мессалина.—IX. Вокругъ ожерелья.—Марія-Антуанетта и кардиналъ де-Роганъ.—X. Наслажденіе жизнью и приглашеніе къ прелюбодѣянію.—XI. 1789 годъ.—Австріячка веселится.—XII. Фаворитка де-Ламбаль.—Прибытіе въ Лесбосъ.—XIII. Герцогиня Полиньякъ—глава и устроительница тайныхъ развлеченій.—XIV. Игорный домъ любовниковъ.—XV. Положеніе королевы въ началѣ революціи.—XVI. Пятое октября.—XVII. Въ клѣткѣ.—XVIII. Процессъ королевы.—XIX. Подъ топоромъ палача.—Добавленіе I: Письма Маріи-Терезіи къ дочери, Маріи-Антуанеттѣ.—Добавленіе II: Списокъ памфлетовъ и пасквилей въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія.—Полный переводъ съ французскаго А. Гретманъ. Роскошно изданный томъ большого формата, 500 стр. текста. Свыше 80 иллюстрацій и 92-хъ отдѣльныхъ приложеній, снимковъ съ рѣдкихъ гравюръ, эстамповъ, факсимилэ, автографовъ и т. п. Цѣна 4 р. 25 к. Въ роскошномъ переплетѣ 5 р.

Томъ 3-й печатается.

ГАНСЪ ФРЕЙМАРКЪ.

Оккультизмъ и Сексуальность.

Изслѣдованіе по исторіи культуры и психологіи настоящаго и прошлаго.

Перев. съ нѣмецкаго С. Пресса.

СОДЕРЖАНІЕ. Введеніе. Натурализмъ и нео-омантизмъ.— Область оккультныхъ явленій.—Гипнотическое состояніе.—Роль внушенія въ современной медицинѣ.—Сила Божеская и сатанинская.—Античный міръ и культъ мистерій.—Черныя мессы.— Экстазъ неба и экстазъ ада. Научныя изслѣдованія оккультизма. Первая часть. Сексуальность священнослужителей и волхвовъ. Идеалъ жречества.—Половыя оргіи.—Сфера сверхчувственнаго.— Тайна нашего существованія.—Ясновидѣніе.—Культъ Астарты.— Боги пола.—Роль эротики въ религіозномъ культѣ.—Сомнамбулизмъ.—Бѣшенство.—Раздвоеніе личности.—Пластическое завершеніе фантастическихъ образовъ. Вторая часть. Культъ пола. Первый изъ всѣхъ культовъ.—Фетишизмъ.—Рай индѣйцевъ.— „Святые въ Турціи".—Жертва дѣвственности въ Индіи.—Тайныя оргіи секты „Сакта".—Культъ пола въ Японіи.—Китайскій Миносъ.—Фаллическія мистеріи въ Египтѣ.—Культъ Діониса.—Мистеріи культа Венеры.—Римскіе боги пола.—Вакханаліи.—Адонисъ и Финикійская Венера.—Культъ Фаллуса въ Мексикѣ.—„Древо жизни".—„Роландовъ мечъ". Третья часть. Половая мистика. Религіозный и половой экстазъ.—Жестокость.—Отношеніе мистиковъ къ аскетизму.—Половая жизнь святыхъ.—Беллетристическая литература у монаховъ.—Нравственная пытка у анахоретовъ.— Видѣнія св. Іеронима.—Галлюцинація.—Характеръ св. Терезы.— Марія Магдалина da Pazzi.—Матерь Міра.—Сотвореніе человѣка по Магомету.—Половое общеніе съ точки зрѣнія Ислама.—Мистическія секты.—Огненное крещеніе.—Современная Мессіада. Четвертая часть. Половая магія. Чары любви.—Цвѣты—вдохновители любви.—Заклинанія у русскихъ.—Любовный талисманъ астрологовъ.—Attropa belladona.—Phallus impudicus.—Травы, возбуждающія страсть къ женщинамъ.—Половое колдовство въ средніе вѣка.—Сивилла.—Обвиненіе въ убійствѣ Іоанна-Георга III и Іоанна-Георга IV съ помощью колдовства.—Менструальная кровь.—Мужское сѣмя.—Яйцо счастья у магіаровъ.—Оцѣнка половой магіи. Пятая часть. Колдовство. Колдовство—заблужденіе не одного только христіанскаго средневѣковья.—Уголовные процессы противъ вѣдьмъ въ Греціи.—Ѳессалійскія вѣдьмы.—Реальныя основы вѣдьмина шабаша.—Майскія празднества въ Германіи.—Бракосочетаніе съ дьяволомъ.—Благородная женщина—первая вѣдьма.—Танцы.—Флагеланство.—Опыты Кизеветтера съ маслами и напитками вѣдьмъ.—Опіумъ и гашишъ.—Вампиръ.—

Гюисмансъ и Пшибышевскій. Шестая часть. Инкубатъ и Суккубатъ. Демоны любви.—Русскій лѣшій.—Черти любви въ преданіяхъ Талмуда.—Божьи сыны.—Литература монаховъ.—Любовныя письма къ сатанѣ. Половое бѣшенство.—Переписка съ духами.—Спиритическій трансъ.—Талантъ и спиритизмъ.—Обмѣнъ душъ.—Сведенбергъ относительно общенія своего съ „ангелами" и „духами".—Концентрація мыслей. Седьмая часть. Сексуально-оккультные народные обычаи. Свадьба па лугу.—Плодовитость.—Счастье.—Духъ дерева.—Бичъ жизни.—Свадебная жертва у эстовъ.—Славянскія свадебныя церемоніи.—Мораль народныхъ обычаевъ.—Права души, и проч.

Цѣна книги 2 рубля.

Отто Вейнингеръ.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА,

посмертное произведеніе съ предисловіемъ докт.

М. Раппопорта.

Полный переводъ Л. Гренъ и Б. Ц.

Изъ отзывовъ печати.

„...Большая часть этого сочиненія написана покойнымъ мыслителемъ въ послѣдній годъ его жизни и представляетъ интересъ съ двоякой точки зрѣнія. Трагическій конецъ Вейнингера долженъ заинтересовать всякаго, кто прочиталъ его книгу „Полъ и Характеръ". Въ какой-то безвыходный узелъ сплелись постепенно его мысли и настроенія. Побѣдное, повышенное самочувствіе смѣнилось, повидимому, въ себѣ и своихъ предѣлахъ, и наступило состояніе угнетенности, приблизившее конецъ. Быть-можетъ, никогда, не удастся освѣтить пережитое философомъ передъ смертью; но психологическая сторона промблемы имѣетъ у Вейнингера философское освѣщеніе, и сборникъ „Послѣднія слова" даетъ возможность установить его до извѣстной степени. Логическая судьба этого необычайно одареннаго мыслителя сплетается съ постановкой и рѣшеніемъ проблемъ по существу своему общечеловѣческихъ, проблемъ индивидуальной морали и космологической физики. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи ученый отодвигается на задній планъ мыслителемъ-интуитивистомъ и и философствующимъ мистикомъ. Чуткая до болѣзненности и отверстая для всего,—для звуковъ и для линій, для красокъ и идей,—страдальческая душа Вейнингера погибаетъ въ этихъ послѣднихъ прозрѣніяхъ, всегда утонченныхъ и подчасъ непонят-

ныхъ и неистовыхъ, всегда субъективныхъ и подчасъ глубокихъ какой-то смутной глубиной откровенія, влекущаго и недоговореннаго намека. Здравому разсудку здѣсь можетъ многое показаться безумнымъ.

(„Русскія Вѣдомости", 26 мая 1909 г.).

...Посмертная книга Вейнингера „Послѣднія Слова"—сборникъ разнообразныхъ статей, отрывковъ задуманныхъ работъ, афоризмовъ. Здѣсь болѣе послѣдовательно и рѣшительно, чѣмъ въ „Полѣ и Характерѣ", высказаны основныя положенія міросозерцанія юноши-философа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь онъ уже не занятъ частнымъ, въ сущности, вопросомъ о женщинѣ, и это придаетъ большую цѣнность этой книгѣ.

Особенно ярко выражено въ этой книгѣ этическое ученіе Вейнингера, непосредственно связанное съ извѣстнымъ индивидуализмомъ, съ своего рода мистическимъ индивидуализмомъ.

(„Рѣчь" 2-го іюля 1909 г.).

Цѣна книги 1 р. 25 к.

Научно-популярная библіотека.

Приступая къ изданію **популярно-научной библіотеки**, книгоиздательство „Сфинксъ" имѣетъ въ виду дать рядъ произведеній наиболѣе извѣстныхъ иностранныхъ авторовъ по главнѣйшимъ вопросамъ **естествознанія, экономики, исторіи и философіи.**

Томъ I. Д-ръ Бушанъ. **Наука о человѣкѣ.** (Нѣсколько главъ изъ антропологіи или естественной исторіи человѣка).

Перев. съ нѣм. прив.-доц. А. И. Колмогорова.

Редакція, предисловіе и дополненія проф. Д. Н. Анучина.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе Д. Н. Анучина.—Историческій очеркъ.—Подраздѣленіе антропологіи.—Общая антропологія.—Ученіе Дарвина и его дальнѣйшая разработка.—Оплодотвореніе.—Наслѣдственность.—Методы антропологическаго изслѣдованія.—Внѣшняя форма человѣка.—Внѣшній видъ.—Длина тѣла (ростъ).—Вѣсъ тѣла.—Ростъ и его законы.—Внѣшніе покровы тѣла.—Цвѣтъ кожи.—Свойства и цвѣтъ волосъ.—Глаза.—Мужской и женскій полъ.—Спеціальная антропологія: Костякъ головы.—Скелетъ головы.—Мягкія части головы.—Антропологія туловища.—Внутренности.—Конечности.—Антропологія половой жизни.—Происхожденіе половъ.—Вліяніе кастраціи.—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ и его происхожденіе.

Роскошно изданный томъ съ 3 таблиц. и 80 рис. въ текстѣ.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

...ваются благодаря самкамъ, а не для самокъ и предназначены для воздѣйствія не на ихъ половую сферу, а на психику конкурирующихъ самцовъ.

Книга Гюнтера представляетъ крупный интересъ, какъ написанная талантливымъ ученымъ, прекраснымъ языкомъ и снабженная рѣдкимъ въ популярной литературѣ спискомъ цитируемой литературы.

(„Русская Мысль", іюнь 1911 г.).

Роскошно изданный томъ съ 3 таблицами и 50 рисунк. въ текстѣ.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 10 к.

Томъ III. Сванте Арреніусъ. **Представленіе о мірозданіи на протяженіи вѣковъ.**

Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. прив.-доц. А. И. Колмогорова.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ:

„Послѣ появленія моей книги Образованіе міровъ, принятой публикой съ такимъ исключительнымъ вниманіемъ, я получилъ массу запросовъ и, главнымъ образомъ, о правильности прежнихъ представленій о мірозданіи. Отвѣтить на это можно только путемъ историческаго обзора этихъ представленій Я лично занимался исторіей косметическихъ идей до Ньютона и нахожу возможнымъ подѣлиться своими знаніями съ читателями. Въ предлагаемой книгѣ я постарался изобразить міросозерцаніе различныхъ эпохъ. Смѣю думать, что читатели получатъ ясное представленіе о томъ, какъ изъ хаотическаго, почти дѣтскаго міровоззрѣнія первобытныхъ народовъ развилось величественное зданіе современнаго знанія...

Цѣна книги въ изящной папкѣ 1 р. 25 к.

Томъ II. Конрадъ Гюнтеръ. **Борьба за самку въ царствѣ животныхъ и человѣка.**

Перев. съ нѣм. подъ редакц. прив.-доц. А. И. Колмогорова.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе: Введеніе: Сила полового влеченія. Постановка проблемы. I. Происхожденіе половъ. II. Вторичные половые признаки. III. Борьба за существованіе у различныхъ половъ. IV. Выборъ самки. V. Украшеніе тѣла, какъ характеристика вида. VI. «Половое запугиваніе».

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ:

Едва ли существуетъ другой вопросъ, который представлялъ бы такой же высокій интересъ, какъ проблема существованія среди животныхъ двухъ половъ, такъ различныхъ и въ то же время такъ близкихъ другъ другу. И немудрено, что, какъ только этотъ вопросъ возникъ, пытливый духъ человѣчества не переставалъ работать надъ его разъясненіемъ. Философы и натуралисты, каждая наука по-своему, старались распутать этотъ клубокъ, выдвигая все новые вопросы. И матеріалъ накопился огромный.

Наша задача—отвѣтить по возможности, насколько же наукѣ удалось въ настоящее время разрѣшить вопросъ о вліяніи полового влеченія на эволюцію животнаго міра.

Книга эта посвящается массовому читателю.

Рисунки въ книгѣ сдѣланы частью съ натуры, съ экземпляровъ Штутгардскаго кабинета естественной исторіи, частью съ фотографій изъ книги Маршаля „Животныя Земли“.

Конрадъ Гюнтеръ.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Книга К. Гюнтера посвящена проблемѣ существованія среди животныхъ двухъ половъ; отправной точкой зрѣнія автора служатъ при этомъ взгляды Дарвина, высказанные имъ въ сочиненіи „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“. Но Гюнтеръ не только излагаетъ взгляды Дарвина и затѣмъ Уоллеса, построившаго свою особую теорію происхожденія такъ-называемыхъ вторичныхъ половыхъ признаковъ, но и критикуетъ ихъ, пытаясь на мѣсто ихъ поставить свою, объясняющую появленіе наиболѣе характерныхъ признаковъ самцовъ „половымъ запугиваніемъ“. Онъ выясняетъ свою точку зрѣнія, по которой яркая окраска, могучіе рога, грива или борода самцовъ должны уже издали бросаться въ глаза, указывать, что около самки есть уже мужественный представитель сильнаго пола, и отпугивать конкурента на сердце его дамы. Вторичные половые признаки раз-

3c

10275